АРИСТЕИ

ARISTEAS • VOL. IV • MMXI • MOSQVAE

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ

ΛΟΓΟΣ

Университет Дмитрия Пожарского

4

VOL. IV

PHILOLOGIA CLASSICA ET HISTORIA ANTIQVA

ARISTEAS

ΛΟΓΟΣ

Universitas studiorum Dmitrij Požarskij

MOSQVAE

MMXI

ТОМ IV

ВЕСТНИК КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

АРИСТЕЙ

ΛΟΓΟΣ

Университет Дмитрия Пожарского
МОСКВА
2011

ISSN: 2220-9050

Журнал издается Университетом Дмитрия Пожарского

Редакционный совет:

Н.В. Брагинская (Москва), А.Ю. Виноградов (Москва), А.В. Коптев (Хельсинки), А.Е. Кузнецов (Москва), К.Г. Красухин (Москва), В.Ф. Новодранова (Москва), С.Ю. Сапрыкин (Москва), О.В. Сидорович (Москва), И.Е. Суриков (Москва), Г.Р. Цецхладзе (Мельбурн), Ю.А. Шичалин (Москва), Михаэль фон Альбрехт (Гейдельберг), Дженнифер Беренсон (Салем)

Editorial council:

Nina Braginskaya (Moscow), Andrey Vinogradov (Moscow), Alexander Koptev (Helsinki), Alexander Kuznetsov (Moscow), Konstantin Krasukhin (Moscow), Valentina Novodranova (Moscow), Sergey Saprykin (Moscow), Olga Sidorovitch (Moscow), Igor Surikov (Moscow), Gocha Tsetskhladze (Melbourne), Yuri Shichalin (Moscow), Michael von Albrecht (Heidelberg), Jennifer Berenson (Salem)

Редакционная коллегия:

А.В. Подосинов (главный редактор), А.С. Егоров (заместитель главного редактора), С.А. Степанцов (заместитель главного редактора), И.А. Макаров, А.В. Мосолкин, В.В. Файер, Д.О. Торшилов, А.В. Белоусов (ответственный секретарь)

Editorial Board:

Alexander Podossinov (Editor-in-Chief), Alexander Yegorov (assistant Editor-in-Chief), Sergey Stepantsov (assistant Editor-in-Chief), Igor Makarov, Alexander Mosolkin, Vladimir Fayer, Dmitry Torshilov, Alexey Belousov (executive secretary)

На первой странице обложки – *Дионис в ладье. Чернофигурный аттический килик. Государственное античное собрание. Мюнхен*

Сайт: www.s-end-e.ru/aristeas
E-mail: aristeas.classics@gmail.com
Информационная поддержка: www.librarius.narod.ru

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

LECTORI BENEVOLO SALVTEM!

Очередной номер «Аристея» представляет, как это было и в предыдущих номерах, пеструю смесь различных жанров научного дискурса, различных областей антиковедения, географии авторов статей и, очевидно, различного уровня научной разработки проблем.

В этот раз мы получили статьи от авторов Москвы, Калуги, Мельбурна, Риги, Мюнхена. Публикуемые работы посвящены проблемам эпической поэзии Гомера (Х. Туманс) и греческой колонизации Восточного Причерноморья (Г.Р. Цецхладзе), Великим Панафинеям, как они отразились на фризе Парфенона и в комедиях Аристофана, (Т.Б. Гвоздева) и проблемам эпиграфики и истории Боспорского царства (С.Ю. Сапрыкин и Н.Ф. Федосеев), изображению на вазе Диониса работы знаменитого греческого вазописца Эксекия (Н.М. Никулина) и сложным взаимоотношениям Суллы и Цезаря (А.В. Короленков).

Как всегда, первая статья журнала в разделе «Латынь сегодня» представляет собой латиноязычную работу; в этот раз она была написана специально для нашего журнала профессором латинского языка и римской литературы Мюнхенского университета, выдающимся латинистом нашего времени Вильфридом Штро. В. Штро – автор многочисленных работ по римской литературе, его перу принадлежит также несколько статей, написанных на латинском языке; он один из немногих в мире, превосходно владеющий живой (письменной и разговорной) латынью и делающий многое для пропаганды изучения древних языков в Германии и во всем мире. Сложные взаимоотношения риторики и философии в Древней Греции и Риме – предмет статьи В.Штро.

В настоящем номере публикуется также перевод с немецкого классической книги Пауля Мааса «Критика текста», вышедшей в 1927 году, но до сих пор являющейся основой любой работы с рукописным наследием античных текстов. Думается, что ее опубликование на русском языке привлечет внимание молодых исследователей к работе с рукописями, которая почти совсем сошла на нет в отечественном антиковедении.

«Хроника» включает рассказы о работе общества «Сова Минервы», занимающегося собиранием мемуаров антиковедов старших поколений (В.В. Файер), о Третьей летней школе по изучению древних языков и античной культуры для школьников, прошедшей летом 2011 года (Н.Е. Самохвалова),

и об опыте преподавания начальной латыни в Летней школе для одаренных детей в Калуге (Е.А. Савина).

Традиционный раздел «Классические языки в России» содержит статью И.В. Кувшинской о латинской школе в Немецкой слободе в конце XVII – начале XVIII в., приоткрывающую еще одну – и весьма любопытную – страницу истории классического образования в нашей стране.

В разделе «Критика и библиография» читатель найдет две рецензии – одна на 2-й том фундаментального трехтомного труда о Великой греческой колонизации, издаваемого в издательстве Брилль под руководством Г.Р. Цецхладзе (А.В. Подосинов), другая – на коллективную монографию «Проблемы античной демократии», вышедшую в прошлом году в Санкт-Петербурге под редакцией Э.Д. Фролова (И.Е. Суриков).

Следующая в этом разделе публикация формально не относится к жанру рецензии или библиографии, поскольку представляет собой частное, изначально не предназначавшееся для публикации, письмо одного ученого другому, в котором первый делится своими мыслями по поводу публикаций второго. Это письмо было написано летом 2011 года выдающимся российским антиковедом Георгием Степановичем Кнабе не менее выдающемуся немецкому ученому Михаэлю фон Альбрехту; обоих связывала многолетняя дружба. Повод для написания письма – публикация М. фон Альбрехта в предыдущем номере «Аристея», посвященная книге Я.Э. Голосовкера «Антология античной лирики в русских переводах». На самом деле Г.С. Кнабе высказывает здесь свои самые заветные мысли о рецепции античности в современной жизни и делает это глубоко и интересно. Поэтому как автор письма, так и его получатель не возражали против его публикации в нашем журнале. 30 ноября 2011 года пришла печальная весть – Георгий Степанович скончался на 92 году жизни. Выражая свою скорбь в связи с этой тяжелой утратой и соболезнования родным, редколлегия рассматривает публикацию письма как дань памяти замечательному человеку, настоящему русскому интеллигенту и выдающемуся ученому (историку, филологу, философу, культурологу, переводчику), много лет находившемуся в авангарде нашей науки.

Москва, декабрь 2011 года
А.В. Подосинов
Главный редактор журнала

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 5

Contents 9

Латынь сегодня

Walahfridus Stroh (Monacensis)
De philosophis rhetoribusque antiquis inter se aemulantibus 11

Статьи

Харийс Туманс
«Львы» и «волки» у Гомера: заметки к эпической «табели о рангах» 27

Н.М. Никулина
Эксекий. Чернофигурный аттический килик с изображением Диониса 52

Г.Р. Цецхладзе
Греческая колонизация Восточного Причерноморья: новый взгляд 68

С.Ю. Сапрыкин, Н.Ф. Федосеев
Особенности проксенической деятельности Боспора 89

А.В. Короленков
Сулла и Цезарь 115

Научный архив

Пауль Маас
Критика текста 136

Цветаевские Чтения

Т.Б. Гвоздева
Процессия Великих Панафиней на фризе Парфенона и в комедиях Аристофана 174

Критика и библиография

А.В. Подосинов. **Рецензия на книгу: Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 2 / Ed. by Gocha R. Tsetskhladze. Leiden – Boston: Brill, 2008 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193) XVIII, 566 стр., илл.** 186

И.Е. Суриков. **Рецензия на книгу: Проблемы античной демократии / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2010 (ПРОВΛНМАТА: Вопросы античной истории и культуры.) Вып. 1** 195

Г.С. Кнабе
Письмо Георгия Степановича Кнабе Михаэлю фон Альбрехту 213

Хроника

В.В. Файер
«Сова Минервы»: рассказы о прошлом как средство конструирования корпоративного будущего 218

Н.Е. Самохвалова
О Третьей школе по изучению древних языков и античной культуры 226

Е.А. Савина
Об опыте преподавания краткого курса введения в латынь в Летней школе для одаренных детей в г. Калуге 231

Приложение: Классические языки в России

И.В. Кувшинская
«Сад императорских миссионеров». Материалы по истории латинской школы в Немецкой слободе 234

Сокращения 252

Наши авторы 253

Правила оформления присылаемых статей 255

CONTENTS

Foreword of Editor-in-Chief 5

CONTENTS 9

LATIN TODAY

Walahfridus Stroh (Monacensis)
De philosophis rhetoribusque antiquis inter se aemulantibus 11

PAPERS

Harijs Tumans
The Lions and Wolves in Homer: Notes to Epic "Table of Ranks" 27

N.M. Nikulina
Exekias. Black-figure cup with the image of Dionysos 52

Gocha R. Tsetskhladze
Greek Colonisation of the Eastern Black Sea Littoral: Some New Observations 68

S.Yu. Saprykin, N.F. Fedoseev
To the proxenic activity of Bosporos 89

Anton V. Korolenkov
Sulla and Caesar 115

SCIENTIFIC ARCHIVE

Paul Maas
Textkritik 136

TSVETAYEVIANA

T.B. Gvozdeva
Panathenian procession depicted on the frieze of the Parthenon and in Aristophanes' comedies 174

Reviews

A.V. Podossinov. **Review: Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 2 / Ed. by Gocha R. Tsetskhladze. Leiden – Boston: Brill, 2008 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193) XVIII, 566 стр., илл.** 186

I.E. Surikov. **Review: Problems of the ancient democracy / Ed. by E.D. Frolov. Saint-Petersburg, 2010 (ΠΡΟΒΛΗΜΑΤΑ: Questions of the ancient history and culture Vol. 1)** 195

G.S. Knabe
The Letter of Georgij Stepanovich Knabe to Michael von Albrecht 213

Chronicle

V.V. Faier
"Minerva's owl": tales about past as a means of the constructing of the corporate future 218

N.E. Samokhvalova
Third Summer School on Classics (August 2011) 226

E.A. Savina
Some experiences of the teaching a shot course of Latin in the Sommer school for talented children in Kaluga 231

Supplement. Classic Languages in Russia

I.V. Kuvshinskaya
«A Garden of Imperial Missionaries» On the History of Latin School in Nemetskaya Sloboda 234

Abbreviations 252

Our authors 253

Information 255

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 11–26

ЛАТЫНЬ СЕГОДНЯ

Walahfridus Stroh (Monacensis)

DE PHILOSOPHIS RHETORIBUSQUE ANTIQUIS INTER SE AEMULANTIBUS

Philosophia uerum quaerit, rhetorica ueri simile. Illa ambigua distinguit, naturam rerum explicat, uiam ad beate uiuendum ministrat. Haec, ut persuadeat, argumentis docet, periodis delectat, affectibus permouet. Quae tamen disciplinae in tanta propositorum diuersitate unum olim commune habebant quod utraque se aptissimam credebat qua iuuentus educaretur. Vnde plus secentos annos primum apud Graecos, deinde etiam apud Romanos magnum certamen extititit, utrum philosophiae an rhetoricae, cognitioni rerum an persuasioni mentium, adulescentibus potius studendum esset[1]. Grauis sane quaestio et quae nos nunc quoque tangat – nisi nos philosophiam et rhetoricam aeque in scholis contemneremus. De Germania mea loquor, nam Russia uestra est fortasse felicior.

De Isocrate et Platone riualibus

Quisnam illas igitur diuum haec ad proelia misit?

Sic fere Homerus olim initio Iliadis, item nos: Quis erat auctor huius proelii? An Gorgiam rhetorem oratoremque[2], quem sophistis adnumerant, primum eam

[1] De hoc certamine (ab Isocrate usque ad Ciceronem) olim fusius egit ab Arnim (1898), qui inter philosophos, rhetores, sophistas subtilius fortasse quam utilius distinguit; breuiter Kasulke (2005) 20–48 (49 sqq.: de sophistica secunda q.d.), cui uestigia Arnimiana nimium prementi multis locis non adsentior. Nuperrime ipse quid sentirem dixi (Stroh 2011). Multa utilia habent Karadimas (1996) et Reinhardt / Winterbottom (2006) – quorum libros in catalogo scriptorum inuenies.

[2] In his uerbis adhibendis Romanos, non Graecos sequor: *orator* sit qui dicit, *rhetor* qui docet.

litem suscitauisse dicamus, cum contra philosophos quosdam neque esse quicquam nec cognosci nec dici posse audacissime comprobabat?[3] Per iocum, credite mihi, hoc fecit nec serio philosophiam oppugnauit[4]. Maior auctoritas tribuenda uidetur Platoni, qui Socratem suum philosophiae moralis patrem contra Gorgiam illum eiusque asseclas disputantem facit. Ibi enim primum ei qui *in philosophia* sunt eis opponuntur, qui *rhetoricam* colentes res publicas tractant[5]. At si temporum seriem diligentius excutimus, Isocratem, qui Gorgiae discipulus erat, priorem fuisse ueri simile est[6], qui institutionem suam oratoriam a scholis quorundam philosophorum aperte segregauit. Iam enim in ea oratione iuuenili quam *Contra sophistas* inscripsit (cui multis annis post *De antidosi* oratio amplior secuta est) sese abhorrere dicit ab inutili cauillatione eorum doctorum, qui certam stabilemque ueritatem quaerant, quod homini contingere non possit, et discipulis uirtutem atque adeo felicitatem uitae promittant[7]. Quo loco uix dubium est quin ad Socraticos quosdam aut ipsum Platonem spectauerit. Ceterum philosophiam non omnino abiecit. Nam et ipse suam disciplinam *philosophiae* nomine, magis modeste puto quam gloriose, appellauit; et esse eam tam bene sentiendi quam bene dicendi scientiam dixit[8]. Quin etiam putauit prodesse eam non solum ad linguas acuendas, sed etiam ad mores corrigendos (etsi uirtus ipsa disci non posset)[9]. Magnum hercle promissum! Quis igitur miretur optimum quemque ad Isocratis scholam confluxisse[10], ut a tali magistro cum ad eloquentiam tum fortasse ad honestatem institueretur.

Neque haec omnia displicere poterant Platoni[11]. Qui tamen fundamenta eruditionis non tam in arte dicendi quam in seuerioribus disciplinis nempe geometriae arithmeticae dialecticae posuit. Quod maxime e libris quos *De re publica* scrip-

[3] Hermann Diels / Walther Kranz (edd.), *Die Fragmente der Vorsokratiker*, uol. 2, Stuttgart [6]1952, nr. 82 B 1–3 (p. 279–281).

[4] Cf. Heinrich Gomperz: *Sophistik und Rhetorik. Das Bildungsideal des EU LEGEIN in seinem Verhältnis zur Philosophie des 5. Jahrhunderts*, Leipzig / Berlin 1912 (it. 1965), 1–35.

[5] Plat. Gorg. 500 C.: *Quaerimus enim* [...] *quomodo sit uiuendum, utrum eo more ad quem tu me prouocas,* [...] *ut ad populum dicam, rhetoricam exerceam inque re publica ita uerser ut uos uersamini* [...], *an hoc genere uitae quod est in philosophia positum* [...].

[6] Sic certe nunc plurimi iudicant; cf. praesertim Christoph Eucken: *Isokrates: Seine Positionen in der Auseinandersetzung mit den zeitgenössischen Philosophen*, Berlin/New York 1983, 36 sqq.

[7] Or. 13, 1–8.

[8] De qua re optime Wolf Steidle: „Redekunst und Bildung bei Isokrates", *Hermes* 80,1952, 257–296 (nunc in: W. Steidle, *Ausgewählte Aufsätze*, Amsterdam 1987, 65–104), imprimis 272 sqq. Cf. Stroh (2009) 129–137.

[9] Or. 3, 21; 15, 275–280.

[10] Cf. Cic. de or. 2, 94: [...] *Isocrates, cuius e ludo tamquam ex equo Troiano meri principes exierunt.*

[11] De omni Platone quid uiri docti scripserint, nunc copiose docet Erler (2007).

sit cognoscitur[12]. In *Gorgia*[13] autem, in quo Socratem inducit, minus in Isocratem inuehitur tum riualem suum – nam eodem fere tempore Platon ipse Academiam suam condidit – quam in oratores sui et anteacti temporis omnemque reprehendit artem rhetoricam qualis tum docebatur. Quam artem esse omnino negat, primum quod rationem reddere eorum quae agat non queat, deinde quod iucundum pro bono atque utili quaerat: aduletur hominibus, non prosit[14]. Quod Platoni grauissimum uitium uidebatur. Nec quisquam umquam acerbius illo rhetoricam uituperauit!

Multis autem annis post autem sententiam suam si non mutauit at paululum correxit aut suppleuit. In *Phaedro*[15] enim fieri posse ut rhetorica ars sit concedit, dummodo quodam philosophiae siue dialecticae auxilio instruatur[16]. Nam etiam ei qui oratorie fallere uelit ueritatis scientiam necessariam esse contendit, quae sine dialectica contingere non possit, deinde audientium animos commoueri posse negat nisi ab eo qui omne genus tam animorum quam orationum perspectum et quasi in partes diuisum habeat. Quae proposita magna Aristoteles Platonis discipulus postea in *Rhetorica* sua aliquatenus persecutus est, ubi et artem esse rhetoricam et utilem, modo ne quis abutatur, strenue defendit[17] omnemque fere disciplinam oratoriam suo more i.e. uia ac ratione tribus libris accuratissime explicat. Quae studia a philosophiae seueritate paulum discrepantia sic trimetro Euripideo leuiter mutato iocose excusabat: *Turpe est tacere sinere et Isocratem loqui*[18].

De philosophorum et rhetorum scholis quae inde ab Aristotele fuerunt

Eiusne igitur in disciplina siue secta, quae postea Peripati nomen accepit, iam quasi in unum confluxerant illi duo riuuli philosophiae et rhetoricae, cum summum uideamus philosophum utrique arti studere? Nolite id credere. Nam rhetorica, ut iam Isocrates uidit, non tam in doctrina et praeceptis quam in usu atque exercitatione constat[19]. Nec quisquam putet se in foro ut oratorem excellere posse, si tantum Aristotelis aut rhetoris alicuius praecepta fideliter edidicerit. Aristoteles autem quique

[12] Vide Plat. rep. 7, 521 C – 541 B.
[13] Cf. nunc Erler (2007) 138–140; 596–598.
[14] Plat. Gorg. 462 B – 466 A.
[15] Cf. nunc Erler (2007) 215–223, 628–633 et Rapp (2002) 218–223.
[16] Plat. Phaedr. 259 E sqq.; 270 B sqq. Multi inter *Gorgiam* Platonis et *Phaedrum* parum distinguunt.
[17] Aristot. rhet. 1, 1 (1354 A 1 sqq., 1355 A 21 sqq.). De ratione quae inter Platonis et Aristotelis de rhetorica sententias intercederet post alios optime egerunt Antje Hellwig: *Untersuchungen zur Theorie der Rhetorik bei Platon und Aristoteles*, Göttingen 1973 et Christof Rapp (2002).
[18] Philodemus II 50 Sudh.; Cic. de or. 3, 141; cf. Rapp (2002) 224 sq.
[19] Or. 13, 16 sq.

ei successerunt, inter quos praecipue Theophrastus[20] habendus est, non nihil sane operae studiis rhetoricis dederunt[21]; nec tamen discipulos suos exercitationibus siue declamationibus ad ueram eloquentiam forensem erudiuerunt. Nam quod Aristoteles instituit de omnibus rebus in utramque partem disserere[22], est is quidem mos tam ad ueri simile inueniendum quam ad bene dicendum utilissimus (quod Cicero non semel dixit), sed ad oratorem perficiendum certe non sufficit. Contra ei qui post Isocratem fuerunt rhetores non dubito quin admodum paucis praeceptis[23] multum tamen exercitationis adiecerint. Sed eorum nomina non tenemus uno Anaximene excepto, cuius quae extat *Ars rhetorica* fuit illa quidem ualde utilis oratoribus, a subtilitate Aristotelis tamen non nihil remota[24]. Quibus rebus bene perspectis Ioannes ab Arnim, qui plus quam centum abhinc annos primus (ac paene ultimus) de philosophia et rhetorica inter se aemulantibus acute scripsit, tum Platonem eiusque rationem in scholis ubique praeualuisse, rhetores quasi in obscuro iacuisse adseuerauit. „Neque umquam in hominum memoria, ait, philosophia in educatione adulescentiae tam sine riuali obtenuit principatum“[25].

Sed hoc si uerum esset, si philosophi tam superiores fuissent, cur tum quoque non paucos eorum studiose contra rhetores scribebant deque dominatu in educatione rixabantur. Nam et Alexinus philosophus Megaricus in libro, cui *De educatione* titulus erat, detrectauit rhetoribus qui non in ueritate, sed in coniecturis uersarentur[26], et Nausiphanes Epicuri magister philosophiam naturalem satis ualere ad eloquentiam

[20] William W. Fortenbaugh et al. (ed.), *Theophrastus of Eresus: Sources for his life, writings, thought, and influence*, Bd. 2, Leiden et al. 1992. Nr. 666–713.

[21] Notum est hoc Quintiliani inst. 3,1,15: *Theophrastus* [...] *de rhetorice diligenter scripsit, atque hinc uel studiosius philosophi quam rhetores praecipueque Stoicorum ac Peripateticorum principes* (dicit autem de temporibus quae ante Hermagoram fuerunt). De Peripateticis plurima inuenies apud Flashar (²2004).

[22] Cic. de or. 3, 80 (cf. 3,107); fin. 5,10; Tusc. 2, 9; cf. ipsum Aristotelem, rhet. 1355 A 29 sqq.

[23] Testatur id ipsum Quintilianus (u. adn. 21).

[24] Quo tamen usus esse uidetur, cf. Stroh (2009) 185 sq.

[25] ab Arnim (1898) 80 sq., quem plurimi secuti sunt. Quae ab Arnim olim magis ingeniose iudicauerat quam acute probauerat, nuper titulorum (siue inscriptionum) testimoniis confirmare studuit Petrus Scholz disputatione grauisima: „Zur Bedeutung von Rede und Rhetorik in der hellenistischen Paideia und Politik“, in: Christoff Neumeister / Wulf Raeck (edd.): *Rede und Redner: Bewertung und Darstellung in den antiken Kulturen*, Bibliopolis, Möhnesee 2000, 95–118. Qui tamen meo iudicio non plus probare potuit quam illo tempore multos rhetoricis studiis etiam philosophica addidisse. Cf. Stroh (2011) 41 sq. Aperte contra Ioannem ab Arnim sensit uir harum rerum doctissimus Henri-Irénée Marrou: *Histoire de l'éducation dans l'antiquité* (1948), Paris ³1955, 269: „Victus est Plato [...]; nam Isocrates [...] praeceptor exstitit primum Graeciae, deinde omnis orbis terrarum“.

[26] Philodemus I 80 Sudh.; sensus tamen obscuriusculus, cf. Klaus Döring, in: Hellmut Flashar (ed.): *Die Philosophie der Antike*, uol. 2/1: *Sophistik – Sokrates – Sokratik – Mathematik – Medizin*, Basel 1998, 219 sq.

affirmauit[27]. Ipse uero Epicurus rhetoricam ut omnes fere bonas artes despexit; solum epidicticam partem eius uoluit artem esse, eam autem inutilem oratoribus dixit[28]. Contra Stoici rhetorum discipulos eo ad se conuertere conabantur, quod unum sapientem, Stoicum scilicet, recte dicere posse et rhetoricam unam esse e uirtutibus praedicabant[29]. E Peripateticis autem et Phaeniam Eresium *Aduersus sophistas*[30] et Aristonem Ceum *Aduersus rhetores*[31] scripsisse accepimus. Quae omnia indicare uidentur tum quoque rhetorum scholas floruisse et a philosophis tamquam riuales impugnatas fuisse.

Idque eo magis ut credamus adducimur, quod philosophos quidem nonnullos scripsisse contra rhetores uidemus, rhetores uero nusquam respondisse uel defendisse sese traduntur. Dicunt sane nunc multi uiri docti – cum uiros dico, mulieres non excludo – de rixa illa que inter philosophiam rhetoricamque perpetua fuerit, tacent id quod tamen uerum est, nempe in eo certamine philosophiam eloquentissimam, rhetoricam diu quasi mutam fuisse. Nam primus qui, post Isocratem uidelicet, contra philosophos dicere ausus est, is fuit – quis credat? – Molo rhetor Rhodius[32], Ciceronis magister, fere initio primi saeculi (nisi nos testimoniorum paucitas fallit). Nonne hoc uobis quoque graue indicium uidetur principatus cuiusdam rhetorum in educanda iuuentute? Nam ut exemplum e nostris rebus sumam: An quisquam eorum qui hac aetate scientiam Anglici sermonis ut utilem profitentur, impugnare nos dignatur, qui Latinis Graecisue litteris imbuimus iuuentutem? Nemo. Ad se enim ut commodissimum magistrum uel sua sponte discipulos confluere uidet: Nos, nos, inquam, pro bonis artibus pugnare debemus. Item rhetorum scholas tum puto refertas fuisse iis qui de earum utilitate non dubitarent; philosophorum erat aduersus rhetores suae disciplinae non tam aperta commoda laudare et augere.

Sed utcumque haec fuerunt, certe inde ab Aristotele, si ipsam institutionem oratoriam spectamus, extitit illud, quod Cicero iam a Socrate coepisse uoluit, *discidium quasi linguae atque cordis, ut alii nos sapere, alii dicere docerent*[33]. Vbi

[27] Cf. Kurt von Fritz, „Nausiphanes", *RE* XVI 2 (1935) 2021–2027, praesertim 2024–2026.

[28] Sic certe Philodemus Epicureus scholarchae sententiam explicat; cf. nunc praecipue Clive Chandler: *Philodemus ,On rhetoric' books 1 and 2: Translation and exegetical essays*, New York / London 2006.

[29] Stoicorum, praesertim Diogenis Babylonii, studia rhetorica nemo adhuc diligentius explicauit; partem solum tractauit Karl Barwick, *Probleme der stoischen Sprachlehre und Rhetorik*, Berlin 1957. Cf. tamen ab Arnim (1898) 77–80 et Stroh (2011) 37 sq. (ubi libri recentiores indicantur).

[30] Cf. Fritz Wehrli et al., in: Flashar (²2004) 588–590.

[31] Cf. Fritz Wehrli et al., in: Flashar (²2004) 616–618.

[32] Scripsit *In philosophos*: Schol. Aristoph. nub. 144; Diog. Laert. 3, 34.

[33] Cic. de or. 3, 60.

tamen unum excipiamus necesse est, qui in rhetoricae historiis commemorari uix solet: Demetrium Phalereum, uirum singularem[34]. Nam cum Theophrasti auditor fuisset et ipse nonnulla de philosophia scripsisset, Atheniensium ciuitatem decem annos feliciter gubernauit, orationum autem suarum suauitate et aequalium et posterorum admiratione dignissimus uisus est[35]. (Nec quisquam ante Ciceronem tam prope accessit ad illum regem philosophum quem Plato sibi finxerat[36].) Quin etiam ipse rhetoricam docebat repertorque dicitur fuisse eius generis declamationum, quod postea ubique in scholis ut commodissimum colebatur, diuisum in controuersias et suasorias[37]. Quam dolemus huius tanti uiri tam pauca restare monumenta!

De Critolao Peripatetico rhetoricae inimico

Secundo saeculo a.Chr., aiunt, post longum philosophiae regnum denuo acerrima pugna exarsit inter philosophos rhetoresque[38]. Iam scitis, quid respondendum putem. Non uerissima potuit esse ea pugna, in qua solum philosophi armis strepebant inimicis quiescentibus. Propugnator autem eorum erat Critolaus Peripateticus[39], qui contra Aristotelis scholarchae sui auctoritatem quasi Platone duce denuo nullam esse rhetoricae artem affirmabat idque copiose comprobabat, adiutus ex parte a Diogene Babylonio Stoico[40], postea a Charmada[41] Clitomachoque Academicis acutissimis. Quorum scripta non tenemus, argumenta tamen e Cicerone, Philodemo, Quintiliano, Sexto Empirico[42] satis nota habemus[43]. Quorum grauissimum erat quod rhetoricam ut non inutilem solum, sed etiam perniciosam rebus publicis accusabant eamque ob

[34] Cf. Fritz Wehrli et al. in: Flashar (²2004) 594–599.

[35] Cic. Brut. 37 f.; off. 1,3 et saepius; cf. Stroh (2009) 250 (contra Eduardum Norden).

[36] Cf. Cic. leg. 3,14.

[37] Quint. inst. 2,4,41 f. (dubitante tamen Quintiliano ipso).

[38] De qua post ab Arnim (1898) aliosque nuper egerunt Brittain (2001), Kasulke (2005), Liebersohn (2010).

[39] Cf. Fritz Wehrli (ed.), „Kritolaos und seine Schüler", in: *Die Schule des Aristoteles*, uol. 10, Basel ²1969, 45–91, ibi fr. 25–39 (cum commentario); cf. etiam Wehrli et al. in: Flashar (²2004), 627 sq., 663.

[40] Ludouicus Radermacher olim uoluerat demonstrare Critolaum tam rhetores quam Stoicos, imprimis Diogenem, impugnauisse, quod ei quoque rhetoricam ut artem agnoscerent („Critolaus und die Rhetorik", in: Siegfried Sudhaus [ed.], *Philodemi uolumina rhetorica. Supplementum*, Leipzig 1885, p. IX–XXVI). Quam opinionem paucissimi secuti sunt (cf. Reinhardt / Winterbottom [2006] 304 sq.); nuper tamen eam uehementer defendit Liebersohn qui quasi duo genera disputationum dinosci posse statuit, unam inter philosophos et rhetores, alteram inter philosophos ipsos, quarum illam exteriorem, hanc interiorem disputationem („external / internal debate") uocat, cf. praesertim 54 sq. Aduersatur tamen Stroh (2011) 51 sq.

[41] De quo sagacissime egit Brittain (2001) 312–328.

[42] De his testibus cf. Liebersohn (2010) 17–23; Stroh (2011) 47–51.

[43] De quibus nimis acute nunc agit Liebersohn (2010) 58–209; minus acute Stroh (2011) 51–56.

hanc causam e Cretensium Lacedaemoniorumque ciuitatibus optimis expulsam esse dicebant. Nam quid prodesse rei publicae, si quis modo pro uerbis legis, modo contra uerba pro sententia dicere didicisset? Cetera erant paulo sagaciora. Negabant enim eam esse artem quae etiam falsis assentiretur, quae non haberet definitam materiam aut certum finem propositum. Ceterum fuisse ante rhetoricae inuentores multos oratores bonos et postea quoque nonnullos sine ulla artis institutione ad aliquam famam eloquentiae euasisse dicebant.

Quis neget in hac argumentatione non nihil ueri fuisse? Sed mirum est ea potissimum aetate, dico saeculo secundo medio, tanto studio philosophos nouum impetum fecisse in rhetorum disciplinam. Qua de causa? Ioannes ab Arnim quique eum secuti sunt suspicabantur eam aemulationem inde subito acriorem extitisse quod tum Graeci magistri ad Romanos respicere coepissent, unde sibi quisque discipulos quam plurimos captare uoluissent[44]. Sed id nec per se satis probabile est – cur enim illi magistri Romanos adulescentes magis curarent quam suos? – nec testimoniis comprobatur. Alia causa grauior uidetur. Eo tempore Hermagoras Temnites quidam ediderat *Artes rhetoricas* subtiliter elaboratas, in quibus singulis statibus siue constitutionibus causarum iudicialium in plurimas partes diuisis amplissima copia locorum i.e. argumentorum assignata erat[45]. Opus sane erat et utilissimum oratoribus[46] et paene philosophorum diligentia et acumine institutum[47]. Iam non facile erat philosophis contemnere rhetoricam ut quae nil artis simile haberet. Quo magis eam impugnabant[48].

De Romanorum et Ciceronis studiis rhetoricis

Quid tamen Romani, simulac litteras Graecas cognoscere et discere coeperunt, de philosophis rhetoribusque sentiebant? Ac primum eos parum distinctos habuisse

[44] ab Arnim (1898) 88 sqq.; cf. e. g. Kroll (1940) 1083 f., 1086; Kasulke (2005) 39 sq.; Liebersohn (2010) 26 sq. Minus assentitur tamen Brittain (2001) 302 sq.

[45] Operis nobis perditi fragmenta post alios diligentissime collegit et explicauit Dieter Matthes: „Hermagoras von Temnos 1904–1955", *Lustrum* 1958/3, Göttingen 1959, 58–278. Breuissime nunc Beth S. Bennett, „Hermagoras of Temnos", in: Michelle Ballif / Michael G. Moran (ed.), *Classical rhetorics and rhetoricians*, Westport 2005,187–193.

[46] Cf. Cic. Brut. 263; 271; Stroh (2009) 264 sq.; Stroh (2011) 60 sq.

[47] Quintilianus (inst. 3, 1, 16) nouam propriamque uiam rhetoricae Hermagoram instituisse testatur: Nemo e rhetoribus antea aliquid quod Aristotelis operi par esset confecerat.

[48] Multi (ab Arnim [1898] 92 et alii) id in Hermagorae artibus philosophis displicuisse ut molestissimum putant quod Hermagoras *theses* i. e. quaestiones uniuersas rhetoribus adscripserit, quasi eripuerit philosophis, credere uix possum. Nam in institutione oratoria Hermagorae illarum *thesium* pars erat minima, ut Cicero (de or. 2, 78 et alibi) docet; regnabant, ut par erat, *hypotheses*. Cf. Stroh (2011) 58–60.

БИБЛИОТЕКА
РГГУ
Миусская пл., 6
Москва, ГСП-3, 125993

uidentur. Nam anno 161 a.Chr. utrique simul senatus consulto[49] ex urbe expulsi sunt[50]. Exstiterant tum igitur Romae et qui philosophiam et qui rhetoricam docerent. Sed expulsionis illius uis neque in longum tempus ualere nec priuatae institutioni (qualem in Aemilii Paulli domo fuisse nouimus[51]) obesse potuit. Vt Tiberius Gracchus semper secum habuisse et Blossium Stoicum et Diophanem rhetorem traditur[52]. Ciceronis autem aetate fere omnes nobiliores qui in re publica uersabantur praeceptis rhetorum a Graecis doctoribus instructi erant[53], nonnulli etiam philosophiae tantopere studuerunt, ut se aut Academicos aut Stoicos aut etiam Epicureos profiterentur. Cicero ipse autem, ut testatur, et a philosophis sapere et a rhetoribus dicere didicit – Graece scilicet (nam declamationes Latinae serius inductae sunt)[54]. Quem autem praecipuum magistrum suum dicit, Philo philosophus Academicus tam amicus arti oratoriae uidetur fuisse, ut dies institutionis in binas partes diduceret, alteram philosophicis, alteram rhetoricis scholis attributam[55]. Quin etiam causas definitas, quas *hypotheses* uocabant, quae antea semper propriae rhetorum fuerant, ad suam institutionem admittebat[56], ut paene perfectus rhetor esset. Hunc igitur Cicero secutus est, qui semper aliquo modo et orator et philosophus esse studuit, nonnulla etiam de rhetorica scripsit.

---

[49] Quantis uerborum ambagibus neque ulla ratione addita! Legite ipsa uerba Suet. gramm. 25,1: [...] *quod uerba facta sunt de philosophis et de rhetoribus, de ea re ita censuerunt, ut M. Pomponius praetor animaduerteret curaretque uti ei e re publica fideque sua uideretur uti Romae ne essent.* Cf. Suerbaum (2002) 531; 550. Qui cur eosdem philosophos et rhetores fuisse suspicetur (550 „wohl in Personalunion"), non uideo.

[50] Cato, cui Graecae litterae omnes diu suspectae erant (cf. libros apud Suerbaum [2002] 384 sq. laudatos), tam Isocratem rhetorem quam Socratem philosophum irridebat (Plut. Cat. mai. 23,1 sq.).

[51] Plut. Aem. Paul. 6, 8 sq.

[52] Plut. Tib. 8, 6; cf. Suerbaum (2002) 498.

[53] Id cognoscitur uel ex eis quae initio saeculi primi Crassus et Antonius in Ciceronis *De oratore* libris disputant: Cicero enim tempora diligenter distinguit, ne in anachronismos q. d. cadat.

[54] Rhetoricam Latinam, si Catonis Antonique libellos excipias (Suerbaum [2002] 409–411; 509 sq.), primum incohauisse puto Ciceronem in libris *De inuentione*, magis exornauisse quam perfecisse in libris *De oratore*; quem tunc denique Auctor ad Herennium q. d. secutus est (Stroh [2009] 360 sq.). Tamen diu Romani apud Graecos magistros Graece declamare, Latine non nisi priuatim inter amicos solebant (Cic. Brut. 310); anno 92 a.Chr. censores Plotium Gallum siue Latinos rhetores, qui exercitationes Latinas instituerant, edicto improbauerunt (Suet. gramm. 25, 1). Tandem inde ab a. 50 a.Chr. certius aliquid de Latinae declamationis institutione audimus (cf. Wilfried Stroh, „declamatio", in: Bianca-Jeanette / Jens-Peter Schröder (ed.), *Studium declamatorium: Untersuchungen zu Schulübungen und Prunkreden von der Antike bis zur Neuzeit*, München / Leipzig 2003, 5–34, ibi 31–33).

[55] Cf. imprimis Cic. Tusc. 2, 9; plura apud Brittain (2001). Iniuria dubitat Barwick (1963) 80, cf. Stroh (2011) 61–63.

[56] Cic. de or. 3, 110; inepte hoc quidem loco Barwick (1963) 39.

Eum uirum multi nunc laudant, quod has artes diuersas feliciter coniunxerit, Ioannes ab Arnim autem, qui rem acutius perpendit, potius uituperauit, quod Philoni suo adsensus[57] rationem Isocrateam aut, ut ipse dicit, sophisticam renouauerit, Platonicam deseruerit. Quid igitur credamus? Ac primum quidem inter tempora iuuenilis et adultae aetatis distinguendum est (quod Ioannes ille non fecit). Nam Cicero cum adulescens in Rhetoricis suis – e quibus duo libros nunc *De inuentione* inscriptos absoluit – omnia omnium rhetorum praecepta nouo more in unum cogere conaretur[58], philosophiae aut, ut ipse dicit, sapientiae primas partes detulit: eloquentiam enim ait sine sapientia ciuitatibus non prodesse, sed plerumque obesse[59]. Quare pessime factum esse existimat quod olim sapientes, qui diu regnauissent (de Septem sapientibus illis uidelicet cogitat) a disertis quibusdam minime sapientibus de ciuitatum deiecti sint gubernaculis[60]. Ergo Cicero quicumque sua aetate sapientiae uirtutique studeant hortatur, ut amplectantur eloquentiam, capessant rem publicam, peiores regnare prohibeant. (Quae sententia in ipsa rhetoricae commendatione tamen maxime Platonica est, cum Plato, quem Cicero semper quasi Homerum philosophorum coluit, si ciuitates aliquando adquiescere uellent, aut regnandum esse philosophis aut philosophandum regibus dixerit[61].) Quam Cicero tum sibi quasi supremam legem in totam uitam statuisse uidetur eum in modum, ut interdum amicis diceret se oratorem uocari nolle, malle philosophum; nam philosophiam esse opus suum uerum, arte oratoria sese ut instrumento uti[62].

Sed haec adulescens, inquam. Paulum aliter postea iudicauisse eum uidemus. Nam in libris *De oratore* scriptis de ciuitatum commodis parum cogitat, tantum de perfecto oratore quaerit, quem sine philosophia fieri posse negat. Oportere enim illum et in utramque partem disputare posse[63] et e philosophiae quasi thesauro haurire omnes illos de religione, de moribus, de legibus deque republica constituenda locos, quos oratorem in promptu habere necesse sit[64]. Quare Crassus, qui in hoc dialogo primas partes agit, optimos magistros illos olim fuisse sophistas putat qui, ut postea Iscocrates, et sapere et dicere docuerint seque philosophos nominarint. Socratem autem illud nomen commune eripuisse illis sibique uni arrogauisse, ut inde illud absurdum ac deplorabile *discidium quasi linguae atque cordis*, de quo

[57] ab Arnim (1898) 97–113.
[58] Cic. inu. 2, 4 sq.; cf. Stroh (2009) 358–361.
[59] Cic. inu. 1, 1.
[60] Cic. inu. 1, 4.
[61] Plat. rep. 5, 473 C – E.
[62] Plut. Cic. 33, 6; cf. Wilfried Stroh, *Cicero: Redner, Statsmann, Philosoph*, München 2008, 9 sqq., imprimis 12 sq.
[63] Cic. de or. 3, 71; 80; 107.
[64] Cic. de or. 1, 55 sqq.; 3, 121–125.

diximus, extiterit, ut alii sapienter sentiendi alii ornate dicendi magistri essent[65]. Ergo ut Cicero olim sapientiae studiosos ad eloquentiam uocauit, sic nunc rhetoricae deditos ad philosophiam hortatur. Quod sane aliquantum abhorrere uidetur ab illo uitae proposito, de quo antea dixi. Nam hic certe Cicero eloquentiam ut opus suum tractat, philosophiam autem ut aliquis sophistes instrumenti loco habet[66]. Atque hoc quidem recte Ioannes ab Arnim.

Qui tamen minime mihi audiendus uidetur, cum omnem hanc doctrinam non ipsi Ciceroni, sed Philoni magistro eius adscribit. Nam nec philosophi erat ita humiliare sapientiam ut quasi ancilla esset eloquentiae, neque hominis Academici, immo antistitis Academiae, tam morose iudicare de Socrate, quem et Plato et omnes qui nunc dicuntur sceptici unice uenerabantur[67]. Quid quod ne Cicero ipse quidem tales sententias, tam audaces, ne dicam procaces, suo ore proprio proferre ausus est, sed personam Crassi ut philosophiae minus quam eloquentiae dediti sibi praetendit? Nec postea Cicero plane a Platone suo desciuit. Nam et in prooemio primi libri *De re publica* scripti Platone duce sapientissimum quemque ad rem publicam capessendam hortatur[68], et in *Hortensio* argumentis plerisque e Platone sumptis oratori celeberrimo suadet, ut philosophiae studeat quae omni eloquentia potior menti humanae sit aptissima[69].

Attamen, si quidem libros *De oratore* unos spectamus, Cicero primus omnium quos quidem e scriptis nouerimus eis aduersari ausus est quae post Platonem philosophi Graeci rhetoribus obiecerant, non ille quidem ut rhetoricam artem esse comprobaret – nam eam quaestionem minus curabat[70] – sed ut philosophos reprehenderet, qui cogitandi rationem a dicendi arte separauissent. Ecce rhetorica, quae tam diu rea fuit, subito accusatrix facta est! Nec tamen aut Cicero ipse aut alius tollere illud *discidium quasi linguae atque cordis* potuit (de quo etiam in *Oratore*

[65] Cic. de or. 3, 56–61.

[66] Cf. Christoff Neumeister: *Grundsätze der forensischen Rhetorik gezeigt an Gerichtsreden Ciceros*, München 1964, 25 sq.: „Cicero philosophiam non, ut studium sapientiae, per se appetendam putat, sed eam persuasioni quasi ancillam seruire uult. Quodsi ipse credit se discidium illud philosophiae et rhetoricae, cuius auctor Socrates fuerit, sustulisse et utramque disciplinam inter se coniunxisse, uehementer errat." Vera sunt haec, sed ad solum hunc unum dialogum pertinent, qui mihi uerissimam Ciceronis de philosophia sententiam aperire non uidetur. Legite libros de philosophia posteriores.

[67] Si mireris Ciceronem in his libris numquam aut semel (3, 110) Philonis mentionem facere, qui artes rhetoricas philosophicis adiunxit, cogita illum anno 92 a.Chr. n., quo Crassus Antoniusque inter se disputauisse dicuntur, nondum uenisse Romam, anno 55 autem, quo Cicero scripsit, iam mortuum fuisse.

[68] Cic. rep. 1, 1–12.

[69] Augustin. trin. 14,12 = Hortensius fr. 101 Straume-Zimmermann.

[70] Crassus hanc *uerbi controuersiam* inutilem putat (ap. Cic. de or. 1, 47; cf. 1, 108 f.; 2, 30).

postea queritur[71]). Nam si quis dicat aetate Caesarea subsecuta quosdam fuisse quos tam oratores quam philosophos appellare possis[72], dicit de personis aliquid, non de disciplinis, quae seiunctae restiterunt. Nec quisquam Philonis philosophiae simul et rhetoricae doctoris philosophi et rhetorici exemplum renouare dignatus est.

De temporibus Caesareis

Occiso autem Cicerone, exstincta libera re publica eloquentiae olim latissimus campus in angustius contractus est, quae tamen et in rhetorum scholis (e Seneca maiore satis notis) et in iudiciis tam publicis quam priuatis etiam tum uigebat. Accessit quod color quidam oratorius tum e scholis quasi ad omne genus litterarum exundabat. Comparate, si uultis, Lucanum cum Vergilio, Senecam cum Cicerone! Nec tamen mirandum est tum plures fuisse qui, si optio daretur, philosophiae quam rhetoricae operam nauare uellent, etiam ab illa ad hanc quasi transfugerent. Vt Vergilius adulescens extrema et iam quasi animam agente re publica rhetoribus, quibus adhaeserat, ualedixit seque in philosophorum ordinem transscripsit[73]:

> *Ite hinc, inanes, ite, rhetorum ampullae* [...]
> *Nos ad beatos uela mittimus portus*
> *magni petentes docta dicta Sironis*
> *uitamque ab omni uindicauimus cura.*

Quintilianus autem rhetorum omnium optimus conqueritur de eis qui, dum se labori eloquentiae impares sentiant, in philosophorum fugiant auditoria[74], cum tamen notum sit plurimos eorum philosophiae nomine tantum ad uitia sua occultanda abuti[75]. (Videtis quanto acrius tunc conualescente philosophia rhetores in eam inuecti sint.) Atque is, Quintilianum dico, longe accuratius quam quisquam antea, quem nouerimus, omnia argumenta quae philosophi contra rhetores inuenerunt refutare conatur[76].

---

[71] Orator 17. Errauit igitur Gulielmus Kroll (1940) 1089 (cf. eius comm. ad Cic. Or., Berolini 1913 ad locum!), qui inde a Philone, Antiocho, Cicerone rhetoricae philosophiaeque discidium sepultum credidit. Similiter iudicauerat iam ab Arnim (1898) 112 sq., nunc praesertim Kasulke (2005) 45–48.

[72] Vt Maximus Tyrius, de quo cf. Johannes Hahn, *Der Philosoph und die Gesellschaft*, Stuttgart 1989, 92 sqq.

[73] Catal. 5: Num genuinum hoc sit carmen disputatur, quod nil refert ad nostram quaestionem.

[74] Quint. inst. 12, 3, 12.

[75] Inst. 1, pr. 15, cf. 12, 2, 9. Accusat etiam philosophos quod per ignauiam officia ciuilia deserant (inst. 12, 2, 6 sq).

[76] Inst. 2, 15–17; cf. nunc commentarium copiosissimum Reinhardt / Winterbottom 2006 et Stroh (2011) 79–84.

Ac fere eodem tempore Dio Chrysostomus Graecus e rhetore factus est philosophus[77]; paulo post etiam Lucianus simile quid de se narrat[78]; denique Marcus Aurelius imperator ipse gratias agit Rustico cuidam, quod se a rhetorica ad Epictetae Stoici libros duxerit[79]. Seuerissime autem et argutissime Sextus Empiricus philosophus Critolai aliorumque argumentis usus rhetoricam accusat[80]. Quam defendit saeculo p. Chr.n. secundo Aristides rhetor Graecus nobilissimus, qui primus omnium – quis credat? – Platonis argumenta in *Gorgia* prolata singula reprehendere et confutare ausus est[81]. Sescentos fere annos nemo id operae pretium aut necessarium duxerat. Tanta fuerat rhetorum siue inertia siue securitas. Nec tamen philosophi eloquentiam Aristidis disertissimi neglegebant. Nam Porphyrius Platonicus uno saeculo post septem libros contra illum rhetorem scripsit[82]. Vnde uidemus hoc certamen philosophorum rhetorumque, etsi tunc paene superiores erant philosophi, minime extinctum fuisse.

De aetate Christiana

Quod durauit quodammodo etiam usque ad eam aetatem qua Christiana religio paene omnes res nouauit. Nam ut olim Dio Chrysostomus e rhetore philosophus, ita tum multi e rhetoribus profanis contionatores sacri fiebant: Lactantius, Basilius, Gregorius Nyssenus, Augustinus. Quorum tamen conuersiones non tantae erant, ut ei artem oratoriam, quam simplicitati Sacrae scripturae dissimilem sentiebant, omnino spernerent, sed magis ut ea ad ueritatem Christianam illustrandam uterentur. Vt Lactantius, qui nunc quoque haud immerito *Cicero Christianus* dicitur, aperte fatetur sibi multum profuisse illam declamationum siue litium fictarum exercitationem ut maiore ui atque copia defendere possit causam Christianam[83]; et Augustinus, cuius ingenium fere nemo illis saeculis adaequauit, in quarto libro *De doctrina Christiana*

[77] Credulus est Karadimas (1996), 9–12 et ego; contra disputat Kasulke (2005) 80–106; cf. Stroh (2009) 459–463, 562 (ubi libri indicantur).

[78] Iterum credit Karadimas (1996) 18–25; dissentit Kasulke (2005) 107–132.

[79] Ad se ipsum 1,7; cf. „Epist. ad Caesarem 4,13" (p. 68 sq. v.d. Hout). De ea Herwig Görgemanns, „Der Bekehrungsbrief Marc Aurels", *Rheinisches Museum für Philologie* 134 (1991), 96–109, etiam Karadimas (1996) 13–18; longe aliter Kasulke (2005), 188–382.

[80] Cf. Karadimas (1996) et Kasulke (2005), impr. 162–187, quorum opiniones (ut fere ubique) contrariae sunt. Desideratur commentarius; paucissima praebet Fritz Jürß: *Sextus Empiricus: Gegen die Wissenschaftler Buch 1–6* [...], Würzburg 2001, plura tamen Liebersohn (2010).

[81] *Pro rhetorica* = or. 2. Dispositionem orationis explicant Kasulke (2005) 145–148 et David Sohlberg, „Aelius Aristides und Diogenes von Babylon", *Museum Helveticum* 29, 1972, 177–200, ibi 256–277. Accuratissime de toto opere disputat Karadimas (1996).

[82] Schmid, Wilhelm / Otto Stählin: *Geschichte der griechischen Litteratur*, 2. Teil, 2. Hälfte, München [6]1924, 705, adn. 3 et 4.

[83] Lact. inst. 1, 1, 10.

composito ueram artem rhetoricam Christianam elaborauit, quam ad Ciceronis leges disposuit, cum tamen exempla oratoria e Paulo apostolo sumeret.

Sic factum est ut Medio aeuo quod dicitur rhetorica semper aliquatenus culta sit, etsi numquam ad dignitatem philosophiae quae a theologia uix distinguebatur escenderit. Pars erat illa et quasi fundamentum artium liberalium, omnium studiorum fastigium autem philosophia tenebat[84]. Quam longe autem tum summi doctores ab eloquentia olim in scholis exculta, ne a philosophis quidem tota neglecta, afuerint, quiuis uidet qui uel unius Thomae Aquinatis summi theologi scripta tam exilia et ieiuna degustet. Denique una cum litteris renascentibus etiam rhetorica ad pristinum honorem euecta est. Scitis quam Petrarca nouae aetatis signifer Ciceronem suum amauerit, quam eloquentiae studuerit! Cuius admirator Laurentius Valla philosophiam uelut communem militem aut tribunum *sub imperatrice oratione* i.e rhetorica mereri uoluit[85]. Apud nos Germanos autem Philippus Melanchthon inter omnes maxime scriptis orationibus exemplis rhetoricae cantauit encomium[86]. (Is tamen sine detrimento philosophiae, quam aeque aestimabat.) Vnde usque ad saeculum duodeuicesimum[87] rhetorica in scholis, tam in euangelicis quam in catholicis, principem locum tenebat; quare philologiae classicae professores quos nunc dicimus tunc eloquentiae professores uocabantur.

Tempora recentia[88] autem non nihil damni rhetoricae attulerunt, si quidem ad publicas scholas attendimus. Nam in Germania quidem nunc certe paucissimi magistri huic arti operam dare solent, nedum scholares suos declamationibus exerceant. Cuius mutationis causae admodum in obscuro uidentur. Nam alii id factum credunt quod Latina institutio defecerit, alii quod magnae auctoritatis philosophi ut Kantius rhetoricam despexerint, alii quod praesertim in Germania condicione rerum publicarum libertas siue licentia oratoribus necessaria diu exstincta iacuerit. De quo longum est disputare. (Quantum autem nunc quoque extra scholarum muros in uita publica eloquentia possit, etiam recentibus exemplis uidemus. Quam saepe eheu pessimi homines oratores tamen boni exstiterunt, ut noster Adolphus Hitler, quam raro saeui tyranni oratores mali, ut uester Iosephus Stalin!) Nec tamen philosophia rhetoricae uetus aemula ex huius damno ipsa creuit. Nam nunc in scholis etiam

[84] Cf. Hanna-Barbara Gerl, „Rhetorik und Philosophie im Mittelalter", in: Schanze / Kopperschmidt (1989) 99–119.

[85] Sic citatur ab Ernesto Grassi, in: Schanze / Kopperschmidt (1989) 166.

[86] Cf. nunc Olaf Berwald, *Philipp Melanchthons Sicht der Rhetorik*, Wiesbaden 1994.

[87] Notissimus liber est Wilfried Barner, *Barockrhetorik: Untersuchungen zu ihren geschichtlichen Grundlagen*, Tubingae 1970 (it. 2002).

[88] Quantum etiam saeculo undeuicesimo ualuerint studia rhetorica in scholis Germanicis, docet Dieter Breuer, „Schulrhetorik im 19. Jahrhundert", in: Helmut Schanze (Hg.), *Rhetorik: Beiträge zu ihrer Geschichte in Deutschland vom 16.–20. Jahrhundert*, Frankfurt a. M. 1974, 145–179.

illa misere iacet, quod mihi aeque dolendum uidetur. Nam ut homines simus humanitatemque colamus, et animi uires exerceamus oportet et linguae.

De philosophis rhetoribusque antiquis inter se aemulantibus

Walahfridus Stroh

Inde ab eo tempore, quo Isocrates rhetor primum philosophos quosdam, quod iuuentuti minus inutiles essent, uituperauit, Plato contra in Gorgia oratores derisit, rhetoricam artem esse negauit, usque ad ultimam antiquitatis aetatem durauit certamen quoddam inter harum disciplinarum magistros. Cuius historiam primus adumbrare conatus est Ioannes ab Arnim uir doctissimus (1898), qui tamen non ubique uerum uidit. Putauit enim in adulescentium educatione rationem Platonicam siue Aristotelicam usque ad saec. II a.Chr.n. ita primas egisse, ut omnibus persuasum esset scientia rerumque cognitione animos acuendos esse, rhetoricae institutioni minimus locus concederetur. Videmus autem post Isocratem et Platonem in hac aemulatione rhetores semper fere a philosophis impugnatos esse, ipsos contra quasi mutos restitisse. Quod certe non fecissent, nisi se superiores credidissent, quod de rhetoricae utilitate nemo dubitaret.

Cum uero Hermagoras Temnites Artibus suis eloquentiam ad ueram artem redegisset (quod antea unus Aristoteles fecerat) etiam ardentius philosophi Critolao duce rhetores uexabant. Quorum argumenta nobis e Cicerone Philodemo Quintiliano Sexto Empirico satis nota sunt. Quibus primus, quantum nouimus, Molo rhetor Rhodius respondit, quem Cicero secutus est. Nam is cum et Molonis et Philonis philosophi Academici discipulus esset, utramque disciplinam, quam pridem unam atque eandem fuisse putabat, inter se coniungere studuit, id tamen more diuerso. Nam adulescens cum De inuentione scriberet, Platonem aliquatenus secutus eloquentiam sapientiae inferiorem esse uoluit, disertos quosdam rabulas ut discidii illius auctores accusauit. Sed postea in libris De oratore scriptis Socrati philosophiae paene parenti illam culpam adscripsit, qui dicendi sentiendique artes segregauisset, oratoresque monuit ut e philosophorum scholis quae sibi utilia uiderentur arriperent, non ut sapientiores essent, sed ut melius persuaderent.

Sic tamen rhetorica defendere sese coepit nec sane id facere desiit aetate Caesarea, cum in rerum publicarum conuersione philosophia conualescente artis oratoriae dignitas minueretur. Inter quos rhetoricae patronos eminent Quintilianus et Aelius Aristides, qui primus Platonem refutare ausus est. Tunc etiam primum exstiterunt qui a rhetorica ad philosophiam desciscerent: quorum princeps fuise uidetur Vergilius adulescens, tum Dio Chrysostomus, Marcus Aurelius alii; etiam doctores ecclesiae multi antequam sacras contiones habuerunt, rhetoricam docebant. Sic medium aeuum q.d. philosophiae siue theologiae primas detulit; pristinus autem honos rhetoricae tempore renascentium litterarum restitutus est. De recenti aetate, quod quidem ad scholas Germanicas attinet, potius querendum quam dicendum est: nam utraque ars iacet.

Verba principalia: philosophia et rhetorica, eloquentia, Isocrates, Plato, Cicero, Hermagoras Temnites, Molo Rhodius, Quintilianus, Aelius Aristides

О соперничестве философов и риторов
Вильфрид Штро

Начиная с того времени, когда Исократ впервые стал укорять некоторых философов в том, что их учения совершенно бесполезны для юношества, а Платон, напротив, смеялся над ораторами в *Горгии*, утверждая, что риторика – это не наука, и вплоть до конца античной эпохи между учителями этих наук продолжалось своего рода состязание. Изобразить историю этого спора попытался один из ученейших людей своего времени Иоганн фон Арним в 1898 году, однако ему это не удалось в полной мере, потому что он полагал, будто в сфере образования молодежи платоновское или аристотелевское учения, убедив всех в том, что души следует совершенствовать наукой и умозрением, получили такое преимущество, что риторическому воспитанию досталось лишь самое ничтожное место. Однако мы знаем, что в эпоху после Исократа и Платона риторы, почти все время подвергаясь нападкам философов, сами, тем не менее, как бы молча, продолжали существовать. Им бы это, конечно, не удалось, если бы они не считали себя выше философов, а также потому, что в ценности риторики никто в то время не сомневался.

Когда же Гермагор из Темны своими *Искусствами* (τέχναι ῥητορικαί) вновь вернул красноречию статус полинной науки (что ранее сделал еще Аристотель), философы под предводительством Критолая стали нападать на риторов еще более ожесточенно. Их аргументы нам довольно хорошо известны из сочинений Цицерона, Филодема, Квинтилиана и Секста Эмпирика. Первым, насколько мы знаем, кто ответил этим философам, был родосский ритор Молон, к которому присоединился и Цицерон. Ведь он, будучи учеником как Молона, так и философа-академика Филона и считая, что в древности они были единой наукой, стремился объединить риторику и философию, хотя и на особый манер. Когда Цицерон в юношестве писал *О нахождении <материала>*, следуя в известной мере за Платоном, он утверждал, что красноречие стоит ниже философии, и в этом разделении наук он обвиняет неких красноречивых пустозвонов. Но позже в сочинении *Об ораторе* он объявляет виновником этого Сократа как отца философии, который, мол, разделил науку слова и науку мышления. Здесь же он учит ораторов, чтобы они брали из занятий философией то, что им покажется полезным не для того, чтобы стать мудрее, а для того, чтобы уметь лучше убеждать.

Так, наконец, риторика начала защищаться и уже не переставала этого делать в императорскую эпоху, поскольку во время государственных нестроений и буйного расцвета философии достоинство ораторского искусства постоянно находилось под угрозой. Среди наиболее выдающихся защитников риторики выделяются Квинтилиан и Элий Аристид, который первым осмелился возражать Платону. Тогда же впервые появляются и те, кто пришел к философии из риторики: первым среди них, кажется, был Вергилий Младший, затем Дион Хризостом, Марк Аврелий и другие; даже многие учителя Церкви, прежде чем прийти в Церковь, преподавали красноречие. Вследствие этого так называемое средневековье отдавало предпочтение философии или богословию, однако в эпоху Возрождения прежнее достоинство риторики было восстановлено

в своих правах. В наше время скорее следует стремиться к философии и красноречию, чем говорить о них, – по крайней мере, это относится к Германии – ведь обе науки лежат в руинах.

Ключевые слова: философия и риторика, красноречие, Исократ, Платон, Цицерон, Гермагор из Темны, Молох Розосский, Квинтилиан, Элий Аристид, Дион Хризостом

Catalogus scriptorum saepius laudatorum

Arnim, Hans von 1898: Leben und Werke des Dion von Prusa. Mit einer Einleitung; Sophistik, Rhetorik, Philosophie in ihrem Kampf um die Jugendbildung. Berlin.

Barwick, Karl 1963: Das rednerische Bildungsideal Ciceros. Berlin.

Brittain, Charles 2001: Philo of Larissa: The last of the Academic sceptics. Oxford.

Erler, Michael: 2007: Platon, in: Hellmut Flashar (ed.): Die Philosophie der Antike, Bd. 2/2. Basel.

Flashar, Hellmut (ed.) ²2004: Die Philosophie der Antike, uol. 3: Ältere Akademie – Aristoteles – Peripatos. Basel.

Karadimas, Dimitrios 1996: Sextus Empiricus against Aelius Aristides: The conflict between philosophy and rhetoric in the second century A.D. Lund.

Kasulke, Christoph Tobias 2005: Fronto, Marc Aurel und kein Konflikt zwischen Rhetorik und Philosophie im 2. Jh. n. Chr. München.

Kroll, Wilhelm: „Rhetorik" (zuerst als Sonderdruck 1937), RE Suppl. VII 1039–1138.

Liebersohn, Yosef Z. 2010: The dispute concerning rhetoric in Hellenistic thought. Göttingen.

Rapp, Christof (Hg.) 2002: Aristoteles, Rhetorik, übersetzt und erläutert. Berlin (Darmstadt).

Reinhardt, Tobias / Michael Winterbottom (ed., comm.) 2006: Quintilian: Institutio Oratoria Book 2. Oxford.

Schanze, Helmut / Josef Kopperschmidt (Hg.) 1989: Rhetorik und Philosophie. München.

Stroh, Wilfried: Die Macht der Rede 2009 (²2010): Eine kleine Geschichte der Rhetorik im alten Griechenland und Rom. Berlin.

Idem 2011: *„Philosophie und Rhetorik in der antiken Bildungsgeschichte"*, in: Rolf Kussl (ed.), Antike im Dialog. Dialog Schule-Wissenschaft, Klassische Sprachen und Literaturen uol. 45, Speyer, 11–105.

Suerbaum, Werner (ed.) 2002: Handbuch der lateinischen Literatur der Antike, Bd. 1: Die archaische Literatur: Von den Anfängen bis Sullas Tod [...]. München.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 27–51

СТАТЬИ

Харийс Туманс

«ЛЬВЫ» И «ВОЛКИ» У ГОМЕРА: ЗАМЕТКИ К ЭПИЧЕСКОЙ «ТАБЕЛИ О РАНГАХ»

Поэтический язык Гомера, как известно, уже давно и основательно изучен, и в том числе, давно разобраны по косточкам все художественные приемы эпического поэта, включая эпитеты, метафоры, сравнения и т. д.[1] Правда, в подавляющем большинстве случаев ученых интересует лишь литературная сторона вопроса. Поэтому с давних пор в науке укоренилось мнение, что сравнения у Гомера, хотя и выполняют множество различных функций, но все же основной смысл их употребления состоит в достижении художественно-поэтических, а не смысловых задач; соответственно, они описываются и изучаются, как правило, именно с этой точки зрения[2]. Обычно нам и в голову не приходит видеть в гомеровских сравнениях какие-либо социальные смыслы. Однако эпос, как уже не раз доказывалось, представляет собой слишком сложную и многогранную реальность, чтобы любой его существенный аспект можно было целиком и без остатка втиснуть в какую-либо простую формулу. В этом легко можно убедиться, если читать «Илиаду», думая при этом не о литературной стороне дела, а о социальных отношениях в мире гомеровских героев. Тогда уже довольно скоро можно заметить, что стандартные сравнения героев с живот-

[1] Например, лишь некоторые труды из обширного моря литературы на эту тему: Moog 1912: 206–302; Fränkel 1921; 1993: 44–48; Drerup 1921; Basset 1921: 132–147; Riezler 1936: 253–271; Snell 1946: 163–198; Hampe 1952; Vivante 1970; Bowra 1952; Parry 1971; Scott 1974; 2009; Шталь 1983; Гордезиани 1978; Лосев 1994: 128–142; Ярхо 2001: 103 слл.

[2] Moog 1912: 107 ff.; Basset 1921: 133 ff.; Ramsay 1925: 40 f.; Parry 1971: 152; Fränkel 1921: 3 ff.; 1993: 45 f.; Scott 2009: 14 f.; Vermeule 1979: 84 ff.; Schein 1984: 78 ff.; Шталь 1983: 183 сл., 233 слл.; Лосев 1994: 134 сл.; Гордезиани 1978: 283 слл. etc., etc.…

ными, а поединков – со сценками из жизни зверей, не только придают повествованию художественную выразительность, но зачастую несут на себе и социальную нагрузку. Основанием для такого суждения может служить определенная закономерность, проявляющаяся в подборе эпическим поэтом образов для сравнений.

Гомеровские сравнения, как это всегда непременно отмечается, выполняют прежде всего функцию художественной характеристики, т. е. поясняют действия и ситуации в мире людей через описание аналогичных явлений в мире природы.

Тем самым изображению придается больший вес[3], поскольку обладающие большей объективностью картины природы служат для обоснования и оценки вторичных по отношению к природе человеческих действий[4]. Благодаря сравнениям поэт описательно выражает внутреннюю, можно даже сказать, метафизическую сущность происходящего. Все это давно стало прописными истинами, которые обычно принимаются за данность, без дальнейших рассуждений о возможных последствиях для нашего понимания текста. Между тем, если учесть, что человеческая действительность неизбежно предполагает ту или иную форму социальности, то было бы странным, если бы гомеровские сравнения не учитывали этого обстоятельства. Эпический поэт создает картину достоверности, и поэтому используемые им художественные средства по необходимости должны соответствовать объективной реальности[5], как она представляется ему и его слушателям. Отсюда следует, что сравнения с животными, столь часто встречающиеся в эпосе, должны характеризовать не только героев и ситуации, в которых они находятся, но также и ту социальность, в рамках которой они действуют. Конечно, в жанровых условиях эпоса социальность эта может быть отображена в сравнениях лишь очень условно, чисто аллегорически, да и то не всегда. Но, поскольку мировой порядок представлялся в те времена в виде иерархической структуры, равно присущей как миру людей, так и миру всей живой природы, мы вправе надеяться увидеть поэтическое отображение этой иерархической структуры гомеровского общества в языке эпических сравнений. Во всяком случае, можно попытаться, насколько это в наших силах. Главный объект исследования – гомеровский эпос, но прежде всего «Илиада», ведь именно в ней наиболее ярко расцветает пестрый букет сравнений.

Итак, мир животных в сравнениях у Гомера должен в какой-то мере отображать эпические представления об иерархии в человеческом обществе. Начнем с самого верха природной лестницы, и это будет очень характерный для

[3] Fränkel 1993: 45.
[4] Лосев 1994: 135 слл.
[5] Шталь 1983: 233.

эпоса образ льва, весьма часто используемый поэтом для характеристики героев. Сейчас нет нужды подробно останавливаться на анализе данного образа как такового. Всем известно, что для древних греков, равно как и для многих других народов древности, лев являлся олицетворением царственной силы, власти, смелости и благородства[6]. В одном месте Гомер так и говорит, что у льва благородное и смелое сердце, он не боится опасности и сам себя губит бесстрашием (Il. XII. 45 sq.). В этих словах уже имплицитно заложено уподобление льва благородному герою и наоборот. О царственном же статусе льва однозначно свидетельствуют сказанные в сердцах слова Геры, которая в ссоре с Артемидой заявила, что Зевс поставил ту «львицей» только над смертными женами, а не над богами (Il. XXI. 479–486). Понятно, что среди богов «львицей» считалась сама Гера, супруга олимпийского громодержца. Тот факт, что она не преминула «поставить на место» противницу, говорит о том, насколько важное значение в эпическом космосе имел вопрос статуса. Таким образом, в этом эпизоде в очередной раз выясняется, что в мире богов царит такая же жесткая иерархия, как и в мире людей и животных.

Сказанное означает, что со львом Гомер может и должен сравнивать только самых лучших героев, самых бесстрашных воинов – басилеев. И действительно, львам уподобляются лишь сильнейшие, самые «статусные» воины – Агамемнон, Менелай, Диомед, Одиссей, оба Аякса и еще некоторые (Il. V. 135 sqq., 554; X. 297; XI. 129; XIII. 198; XVII. 61, 109, 133 etc.). Само собой, льву неоднократно уподобляется самый мощный из героев – могучий Ахиллес (Il. XI. 112, XVIII. 318 sqq.; XX. 164). Иногда Гомер дает нам понять, что лежит в основе сравнения человека со львом – для этого у него должна быть «львиная душа» (θυμολέων: Il. V. 639; VII. 228). Иными словами, чтобы удостоиться чести быть сравненным со львом, человек должен обладать выдающимися качествами воина. При этом характерно, что в некоторых случаях это уподобление осознают и сами герои, подчеркивая его внешними средствами. Так, например, Агамемнон и Диомед носят на своих плечах львиную шкуру, что, безусловно, следует воспринимать как публичную демонстрацию их «львиного» статуса (Il. X. 23 sq., 177). Семантика этого образа понятна без комментариев. Здесь можно только напомнить, что, согласно греческой мифологии, сам величайший из смертных – Геракл – облачался в львиную шкуру, и что именно так его обычно изображает греческая вазовая живопись (*рис. 1*). Затем этот образ был перенесен на иконографию Александра Великого, который совершенно в эпическом стиле преподносился как «лев среди царей» (*рис. 2*).

[6] См., например: Deichgräber 1981: 120 ff.; Fränkel 1993: 546 ff.; Vermeule 1979: 84–92; Scott 2009: 29 f., 55 ff.; Лосев 1994: 133 сл. etc.

Рис. 1

Рангом пониже, хотя и очень близко ко льву, идут леопард и барс, но эти образы встречаются у Гомера крайне редко и не представляют собой типической характеристики. Так, например, Менелай изображается с леопардовой, а не львиной шкурой на плечах (Il. X. 29 sq.), хотя в других случаях он также сравнивается со львом (Il. XVII. 61 sqq., 109). Возможно, таким образом поэт хотел показать, что Менелай – герой разрядом чуть поменьше, чем его брат Агамемнон, гордо красующийся в львиной шкуре. Изобразить рядом с ним Менелая тоже в качестве «льва» могло бы показаться натяжкой, и, видимо, поэтому в данной ситуации младший брат становится «леопардом». Зато в другом контексте, действуя самостоятельно на поле боя, он на фоне других выглядит уже настоящим «львом». Показательно, что леопардовую шкуру носит также и Парис – соперник Менелая в любви и противник по поединку (Il. III. 16 sq.). Очевидно, это означает потенциально равную силу обоих, их равенство по рангу «второго эшелона», что вполне соответствует и нашим ощущениям, возникающим при чтении текста. В ту же «силовую категорию» попадает и троянец Агенор – любимец Аполлона, один из немногих, кто посмел противостоять Ахиллесу на поле брани, – он сравнивается с барсом (Il. XXI. 573). Надо сказать, в контексте рассказа это очень подходящий для него образ.

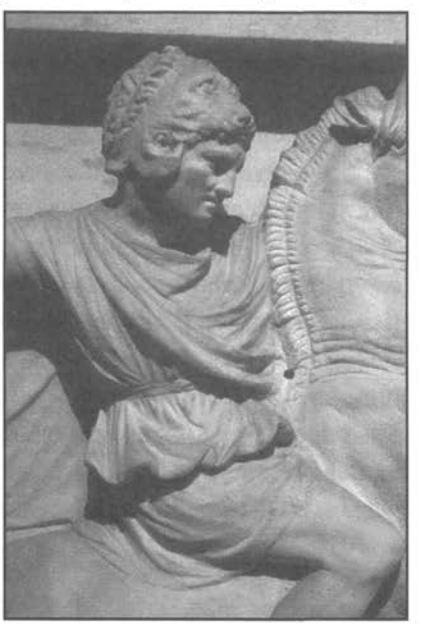

Рис. 2

Следующим в гомеровской «табели о рангах» идет вепрь – зверь чрезвычайно мощный, опасный хищник, но без царственной осанки и благородства. Этот образ применяется очень часто – как к отдельным героям, так и к целым их группам (Il. VII. 258; V. 783; XII. 141; XIII. 470 sq.; XVII. 725 etc.). Понятно, что семантика этого образа совсем иная – он представляет уже не царское достоинство, а могучую и неукротимую силу. Характерно, тем не менее, что по силе Гомер сближает львов и вепрей, и бывает, что, описывая ратные подвиги славных героев, он

применяет к ним сразу оба этих образа (Il. VII. 258; V. 783). Во всяком случае, ясно, что вепри в эпической иерархии – самые сильные бойцы после львов, а также и их достойнейшие противники. Это представление хорошо закрепилось в последующей греческой культуре. Уже в близком по времени «щите Геракла», который по сомнительной традиции был приписан Гесиоду[7], ярко описывается кровавое сражение между львами и вепрями как между равными по силе противниками (Scut. 168–177). Этот сюжет нередко встречается и в архаическом искусстве (*рис. 3, 4*). Особенно интересно одно изображение VII в., на стенках саркофага, на которых представлен точно гомеровский параллелизм людей и животных: в верхнем регистре лев сражается с вепрем, а в нижнем ряду противостоят друг другу два воина (*рис. 5*)[8]. Здесь, прямо как в эпосе, мир людей сопоставляется с миром живой природы.

За вепрями следуют волки – тоже хищники, но уже заметно ниже по статусу. Поэтому вполне естественно, что этот образ применяется, как правило, к простым бойцам. Именно они, сражающиеся в массе, вызывают у поэта ассоциации с волками (Il. XI. 72, 474 sqq.; XVI. 155–165, 352 etc.). Это воины заведомо более низкого ранга, и, скорее всего, именно к их среде принадлежат так называемые «малые воители», функции которых, как давно замечено, состоят лишь в том, чтобы служить «пушечным мясом» для великих героев[9]. Они упоминаются обычно только в момент смерти от руки какого-нибудь «льва» или «вепря». При этом показательно, что Гомер обычно не использует сравнение с волком по отношению к отдельным воинам, но, как правило, говорит о волках во множественном числе. И это вполне естественно, ведь именно так проявляет себя эпический символизм. Простых воинов всегда больше, чем героев, и они-то как раз и образуют обычную «серую массу». Образ волков в гомеровском мире символов идеально подходит для сравнения с ними. Волк значительно слабее льва или кабана, он не обладает ни статью, ни мощью, зато его популяция больше, он живет в стае и нападает тоже стаей.

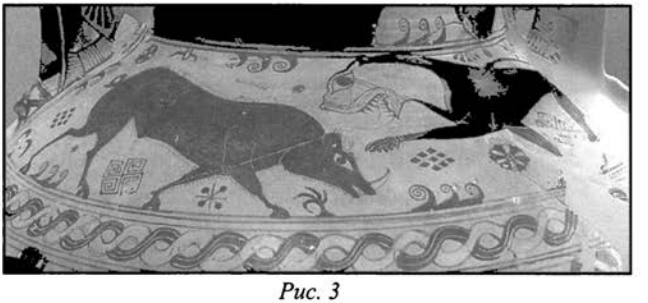

Рис. 3

В одном эпизоде (в 16 песни) социальный характер волчьего образа проявляется особенно рельефно. Когда возле ахейских кораблей в бой вступает

[7] Fränkel 1993: 124.

[8] Подробнее см.: Vermeule 1979: 90. Отсюда же приводится и само изображение.

[9] См.: Strassburger 1954; Андреев 2004: 266.

Рис. 4

Патрокл, Гомер сначала некоторое время описывает подвиги героев, привычно перечисляя, кто кого убил, а затем подводит промежуточный итог фразой: «так воеводы ахейские гордых врагов низлагали» (Il. XVI. 306–351). Следующее предложение с помощью сравнения переводит взгляд с воевод на простых воинов: «словно свирепые волки (ὡς δὲ λύκοι) на коз нападают иль агнцев .... так на троян нападали ахейцы» (ibid., 352–356). Эти завершающие строки, с одной стороны, дополняют общую картину, вводя панорамный обзор, а с другой стороны, очерчивают масштаб боя указанием на то, что помимо «львов» и «вепрей» в нем принимала участие и масса «волков». Причем, если верить Гомеру, его герои не только прекрасно осознавали разницу в силе и способностях «львов» и «волков», но и учитывали ее при выборе тактики боя. Так, например, в момент жесточайшего натиска троянцев Фоас предлагает ахейским вождям разделить силы таким образом: «народную массу» (πληθὺν μέν) отправить к кораблям, а «лучшим», сколько их ни есть (αὐτοὶ δ', ὅσσοι ἄριστοι), соединиться для отпора Гектору (Il. XV. 280–304). Здесь в прямой речи вещи называются своими именами: толпа – толпой, а лучшие – лучшими, но нет сомнения, что если бы в этом месте поэт говорил от себя на своем языке сравнений, то мы бы опять увидели здесь львов и волков.

Фактически волки замыкают природную иерархию животных образов, хотя за скобками, т. е. уже совсем за чертой, остается еще один образ – собака, вернее пес. Это самое распространенное бранное слово в устах гомеровских персонажей – как богов, так и людей. Так, Гера в том самом споре обозвала Артемиду «псицей» (Il. XXI. 481; еще раз: XXI. 481; ср.: VIII. 423). И точно так же герои иногда, по мере надобности, ругают своих противников «псами» (Il. XI. 362; XIII. 623; XX. 449). Во всех этих случаях «пес» уже не социальная, а моральная характеристика, одним словом, ругательство.

Собственно говоря, так и выглядит в эпосе социальная иерархия, преломленная сквозь призму поэтических сравнений[10]. Однако на деле все, конечно,

[10] Следует оговорить, что здесь я рассматриваю образы животных исключительно в аспекте их сравнений с людьми и заостряю внимание именно на социальном аспекте этих сравнений. Поэтому я не анализирую все вообще смыслы образов животных, в том числе, за кадром остается культовый аспект. Правда, могу сделать одно [illegible]

не так просто. Следует повторить: эпос представляет собой слишком сложное и многоплановое явление, чтобы искать в нем однозначные схемы. Это касается и сравнений, т. к. они обычно используются ситуативно, т. е. каждый раз применительно к конкретной ситуации. А это значит, что и образы животных в сравнениях с людьми могут свободно варьироваться, плавно перетекая из одного в другой, в зависимости от обстоятельств. Социальная же, а вместе с тем и ценностная, коннотация в сравнениях может, в зависимости от случая, как выступать на первый план, так и отступать в тень, хотя, кажется, никогда не исчезает совсем. В результате вся картина становится неоднозначной, но в то же время и весьма насыщенной, содержащей в себе многоплановую информацию.

Сказанное хорошо заметно на примере Ахилла. Когда он со страшной силой крушит троянские рати, то он устремляется на них как «лев – истребитель» (Il. XX. 164) или даже как «демон» (δαίμονι ἶσος – Il. XX. 447). Когда же он спешит к месту боя, то в своем порыве становится подобен орлу (Il. XXI. 252 sq.) или боевому коню (Il. XXII. 21 sqq.). А когда он, в отместку за гибель Патрокла, учиняет массовое побоище троянцев, для изображения его неодолимой силы все обычные сравнения оказываются недостаточными, и поэт уподобляет ее мощи пожара (Il. XX. 490 sqq.; XXI. 521 sqq.). Во всех этих случаях, с одной стороны, даются наиболее соответствующие ситуации поэтические образы, а с другой стороны, всякий раз соблюдается ценностная позиция статуса. Лев, орел и конь – благородные, царственные и священные животные, как нельзя лучше подходящие статусу Ахилла. Сравнение же с демоном или со священной стихией огня придает этому исключительному герою вполне соответствующий ему характер сакральной энергии. Подобной

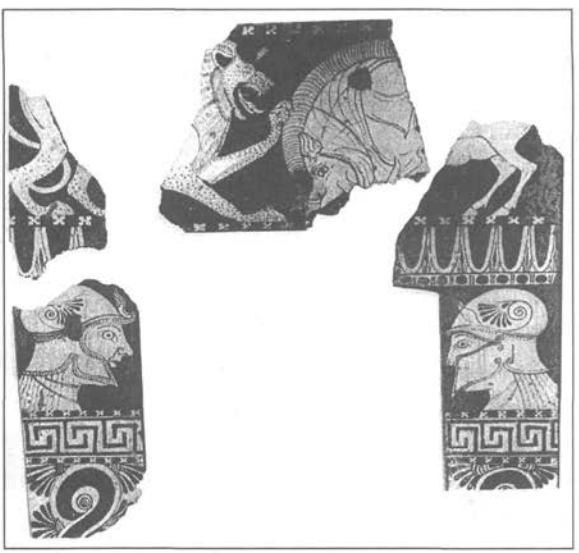

Рис. 5

ние: на мой взгляд, в гомеровских сравнениях культовые аспекты символики животных образов вообще не проявляются. Поэта интересует исключительно сама ситуация, которую он описывает, и поэтому он избегает посторонних смыслов. Как известно, образы волка и собаки в греческой культуре имеют серьезные культовые коннотации, но у Гомера, как кажется, это никак или почти никак не проявляется.

чести удостоился от поэта еще только Гектор – единственный достойный Ахилла противник, тоже царственной крови и тоже «лев». В минуты славы, когда он без удержу бил и гнал ахейцев, он был подобен то буре (Il. XII. 40), то «вихрю могучему» (Il. XI. 297), то, опять же, огненной стихии (Il. XVII. 88, 565; XVIII. 154). Здесь так же поэтические образы описывают ситуацию и одновременно соответствуют социальному статусу героя. Таким образом, с помощью сравнений поэт умудряется очень точно охарактеризовать как само действие, так и статус действующего героя, его физическую и метафизическую сущность.

При описании сражений, как уже многократно отмечалось[11], Гомер чаще всего использует стандартную формулу охоты: сильнейшей стороной выступает охотник, будь то зверь или человек, а слабейшей, побеждаемой стороной – добыча. Так, Агамемнон набрасывается на троянцев, как лев на коров (Il. XI. 173–180), и точно так же выглядит Гектор, когда он бьет ахейцев (Il. XV. 630 sq.). К Диомеду вообще «прилипла» стандартная формула, изображающая его как льва, нападающего на тельцов (Il. V. 137 sqq., 161 sq.; XI. 383). Но опять же, когда ахейские простолюдины бьют троянцев, то это волки нападают на коз или агнцев (Il. XVI. 351 sqq.). Одним словом, сцена охоты является базовой матрицей при описаниях сражений. Причем эту матрицу использует не только сам поэт, но и его герои. Когда перед решительной схваткой с Гектором Ахилл отвергает предложение противника договориться об уважении к телу побежденного, он для обоснования своего отказа пользуется именно этой эпической формулой и заявляет:

> Нет и не будет меж львов и людей никакого союза;
> Волки и агнцы не могут дружиться согласием сердца.
> (Il. XXII. 261–262; пер. Н. Гнедича)

Здесь в уста Ахилла поэт вложил двойное сравнение, что, видимо, должно подчеркнуть выразительность фразы[12], усилив ее универсальное звучание ссылкой на общий закон природы, одинаково действующий на всех уровнях бытия – как на «львином», так и на «волчьем».

Кстати, поединок Ахилла и Гектора с самого начала описывается Гомером как охота. Преследующий убегающего врага Ахилл сначала сравнивается с соколом, мчащимся вслед за голубкой, а позже – с псом, догоняющим оленя (Il. XXII. 133–143; 188–193). В этом опять же проявляется столь свойственная эпо-

[11] Например: Moog 1912: 127 ff.; Scott 2009: 30 ff.; Лосев 1994: 133 сл.

[12] На дополнительный, усиливающий характер этой фразы однозначно указывает вводное οὐδέ.

су «текучесть» образов, когда одно и то же событие может описываться с помощью разных аналогий, плавно перетекающих друг в друга. Это становится возможным благодаря семантической одинаковости используемых сравнений. И еще одна интересная деталь: Ахилл в сцене преследования сравнивается с собакой, но без какого-либо умаления его достоинства. Хотя при этом образ собаки не перестает быть ругательным, что и продемонстрировал Ахилл, спустя несколько мгновений обозвав Гектора псом (Il. XXII. 346). Таким образом, здесь проявляется многоплановость эпической поэзии, в которой смысловая окраска того или иного образа зачастую зависит от контекста. Образ пса используется не только как ругательство в устах гомеровских героев, но и как вполне нормальное сравнение, если речь идет об охоте. Ведь, с одной стороны, если брать чисто природную сторону дела, то охотничий пес, бросающийся на добычу, – тоже удачливый хищник, такой же, как и все остальные, и поэтому Гомер без тени смущения может сравнить с победоносным псом как Ахилла, так и любого другого героя, того же Гектора, например (Il. VIII. 339 sq.). Однако есть и другая сторона дела. Ведь для Гектора, как для троянца, быть «псом» естественно, чего нельзя сказать об Ахилле. Но в данном примере все как раз определяется ситуацией – погоня за убегающей добычей явно не вписывается в представления о настоящем героическом поединке. Это сама по себе недостойная, низкосортная ситуация, а потому и сравнение для нее подобрано соответствующее. Образ льва тут никак не подходит, ведь лев не гонится за добычей, как волк или собака, он просто нападает, а затяжное преследование убегающей дичи – не его амплуа. Получается, что и здесь Гомер подобрал наиболее адекватный образ из мира природы, хоть и отошел от своего привычного «стандарта».

Учитывая все это, мы не должны удивляться, что в решающий момент поединка, когда Гектор отчаянно бросается с мечом на Ахилла, он вдруг из загнанной голубки или затравленного оленя превращается в охотника и сравнивается с орлом, стремящимся похитить агнца или зайца (Il. XXII. 310 sqq.). Сравнение хоть и достойное героя, но явно мелкое в контексте всей сцены, ведь в самом начале боя Ахилл предстал перед ним грозному богу подобный (Il. XXII. 132). Тем самым лишний раз подчеркивается слабость и обреченность Гектора на фоне необоримого противника. Конечно же, его предсмертный выпад не изменил ситуации, и она осталась прежней – охотой Ахилла на своего заклятого врага. При этом мы еще раз можем оценить мастерство поэта: с самого начала изобразив сцену поединка как охоту, он ввел ощущение трагической заданности происходящего и создал представление о грядущем финале.

Другая типичная формула при описании сражений используется обычно при столкновении равных по рангу противников – это поединок между равными по силе хищниками. Так, например, бой Аякса Теламонида с Гектором

описывается как сражение двух львов или вепрей (Il. VII. 255 sq.). Аналогично и Патрокл с Сарпедоном сходятся в бою, как два коршуна (Il. XVI. 428 sq.). А когда Патрокл вступает в схватку с Гектором за тело возницы Кебриона, они оба подобны львам, сцепившимся из-за мертвой серны (Il. XVI. 755 sqq.). Правда, равенство сторон сохраняется только в начальный момент схватки, а затем, следуя принципу текучести образов, вслед за изменившейся ситуацией меняется и статус воинов. Как и следовало ожидать, в прежнем статусе остается только победивший герой, а его противник гибнет уже будучи понижен в ранге, что и естественно, ведь он теперь из охотника становится жертвой. Так Сарпедон, поверженный рукой Патрокла, из коршуна или льва, которым он был минуту назад (Il. XII. 293), превращается в быка, пораженного львом (Il. XVI. 487 sq.). Когда же настала очередь пасть самому Патроклу от руки Гектора, он из льва становится вепрем, гибнущим от львиной мощи (Il. XVI. 822 sqq.). Таким образом, во всех этих случаях поэт не просто описывает ситуацию, но всякий раз строжайше блюдет свою «табель о рангах», подбирая каждый раз соответствующие статусу сравнения.

Однако наиболее интересные наблюдения можно сделать, если проследить за оценочным употреблением звериных образов. Тут открывается одна интересная закономерность: оказывается, сравнения с волками зачастую, помимо всего прочего, выражают еще и разное отношение поэта к воюющим сторонам. Вообще, конечно, в центре внимания эпоса находится героизм как таковой и никакого специального деления «по национальному признаку» эпический поэт не проводит. Гомера даже иногда хвалят за равное отношение к ахейцам и троянцам[13]. Это соответствует коренному принципу эпического стиля, в соответствии с которым поэт описывает весь мир в приподнято-возвышенных тонах, облагораживая всякий предмет, к которому прикасается его взгляд[14], включая даже мух, роящихся над посудой с молоком (Il. XVI. 641 sqq.)[15]. Тем не менее, давно также подмечено, что, несмотря на формальное уравнивание ахейцев и троянцев, симпатии поэта все-таки на стороне первых, т. к. все время оказывается, что у них и доблестных богатырей больше, и успех им сопутствует чаще[16]. Это действительно так – каждый может подсчитать и убедиться. К этому можно добавить еще одно наблюдение: если проследить за тем, какие сравнения использует Гомер по отношению к обоим воинствам, то окажется, что волки и псы – это, в подавляющем большинстве случаев, именно троянцы.

Действительно, троянцы, как правило, толпами нападают на ахейцев и при

[13] Ярхо 2001: 94.
[14] Йегер 2001: 73.; см. также: Шталь 1983: 156.
[15] Этот пример удачно обыгрывается в кн.: Сапронов 1998: 199 сл.
[16] Шталь 1983: 225 сл.

этом сравниваются с волками или псами (Il. XI. 292 sq., 324 sq., 411–419; XII. 145 sqq.; XVII. 725 sqq.). При этом периодически возникает ситуация, когда тот или иной ахейский герой подвергается нападению целой стаи троянцев и в одиночку отбивается от них, уподобляясь какому-нибудь мощному хищнику, бьющемуся с волками или псами. Причем интересно, что волки и псы выступают в таких ситуациях синонимами, кажется, с той лишь раз разницей, что псы все-таки более слабые животные, и на иерархической лестнице эпической поэзии они стоят ниже волков. Так, например, Аякс один сражается с врагами, как лев со стаей псов (Il. XI. 544–557). Так же точно Идоменей бьется с троянцами, словно вепрь с псами (Il. XIII. 470–475). Одиссей с Диомедом противостоят троянцам, подобно вепрям, отбивающимся от волчьей стаи (Il. XI. 314–327). Как вепрь отражает псов, так Девкалид храбро стоит против наседающих троянцев во главе с Энеем (Il. XIII. 470–476). Словно кровожадные волки на раненую добычу, нападают толпою троянцы на оставшегося в одиночестве Одиссея (Il. XI. 473–479), которого спасает своевременно появившийся на поле брани «бурный Аякс», набросившийся на врагов, как лев на волков (ibid. 480–486). В соответствии с общей картиной Гектор гонит в бой троянцев, как гончих псов «на льва иль дикого вепря лесного» (Il. XI. 292 sq.). Да и сам он в пылу атаки сравнивается с псом, преследующим льва или вепря (Il. VIII. 338 sqq.).

Примеры можно еще множить, но сказанное уже хорошо отражает ведущую тенденцию. Конечно, это не значит, что троянцы бывают только «волками» и «псами», ведь, как сказано, эпический текст многогранен, и Гомер всегда свято блюдет социальную иерархию, в соответствии с которой всякий достойный герой сравнивается с достойным хищником. Поэтому заслуженные троянские воины, такие как Гектор, Сарпедон и Эней, тоже являются «львами» (Il. V. 299; XII. 292; XV. 630). Более того, однажды все вместе троянцы перестали быть «волками» и «псами», превратившись во «львов». Случилось это в кульминационный момент их победы, когда они ворвались в ахейский лагерь и прижали противника к кораблям (XV. 591). Впрочем, это чисто ситуативное сравнение, распространяющееся исключительно на этот единственный эпизод. Как только в схватку вступил Патрокл и погнал троянцев назад, все вернулось на круги своя и битва снова превратилась в охоту ахейских хищников на агнцев и прочий крупный и мелкий скот. Таким образом, троянцы по своей природной сути оказываются ниже ахейцев, и потому в момент атаки они обычно описываются как «волки» и «псы», а в момент поражения – как мирные животные, добыча хищников. Именно по причине этой их физической и метафизической природы почти всегда, когда в устах людей звучит ругательство «пес», оно адресуется троянцам. Естественно, это ругательство произносят обычно ахейские герои (Il. XI. 362; XIII. 623; XX. 449). Хотя, что интересно, даже и сами троянцы могут иногда ругать так друг друга. Например, Сарпедон, укоряя Гек-

тора тем, что его братья уклоняются от боя, сравнивает их с трусливыми псами (Il. V. 474 sqq.). Одним словом, напрашивается вывод, что столь частое сравнение троянцев с волками и псами носит не случайный и не социальный только характер. За этим явно скрывается оценочное отношение поэта. Похоже, он недолюбливает троянцев, хотя формально не питает к ним никакой вражды, и относится к ним, как и ко всему вообще, со сдержанной симпатией. Поэтому естественно возникает вопрос: откуда у него берутся негативные нотки в отношении троянцев?

Ответ не надо долго искать, он лежит на поверхности. Гомер не упускает случая подчеркнуть (кстати, устами ахейцев!), что троянцы – вероломные клятвопреступники (Il. XI. 279; XIII. 621). Он даже отдельно напоминает, что таким вероломным обманщиком был уже знаменитый предок нынешних троянцев – их царь Лаомедонт, отказавший в плате Посейдону и Аполлону, которые целый год работали на него по воле Зевса. Тем самым нечестивый царь нанес тяжкую обиду богам, из-за чего теперь вся Троя стала ненавистна бессмертным (Il. XXI. 441–460)[17]. Тот факт, что половина небожителей ратует за Трою, не меняет сути дела и только затушевывает истинное положение вещей. Ничего не меняет и заявление Зевса о том, что его сердцем «наиболее чтима священная Троя», т. к. на ее алтарях ему всегда оказывалась подобающая честь (Il. IV. 46–49). Ведь немного ниже оказывается, что боги не приняли жертв, приносимых троянцами, ибо «ненавистна была им священная Троя, и владыка Приам, и народ копьеносца Приама» (Il. VIII. 550–552). Да и все свежие для эпоса события подтверждают дурную славу троянцев, подпитывая ярую нелюбовь к ним ахейцев. Во-первых, это коварная кража Елены Парисом, поправшим святой закон гостеприимства, о чем прямо в лицо троянцам заявляет сам Менелай, призывая на их головы кары небесные (Il. XIII. 619–627). А во-вторых, именно по вине очередного коварного троянца сорвалась попытка закончить войну доблестным поединком между основными виновниками – Парисом и Менелаем (Il. IV. 86–168)[18]. Это дает все основания Агамемнону пророчить Трое неизбежную гибель в качестве возмездия за все их тяжкие преступления (ibid. 160–168). Одним словом, троянцы у Гомера являются носителями врожденного морального дефекта.

В результате воспринимается как должное, что в описаниях троянцев пери-

[17] Шталь 1983: 115 слл., 123 сл.

[18] Напомню: нарушив клятву, вероломный троянец выстрелил из лука в уже почти победившего было Менелая и легко ранил его. Конечно, тут можно сослаться на вмешательство божества (сама Афина склонила троянца к такому поступку), но это не отменяет моральной ответственности человека, и, в конечном итоге, вина троянцев этим поступком усугубляется, о чем совершенно ясно и говорит Агамемнон в своей гневной тираде по их адресу.

одически проскальзывают едва заметные негативные нотки, особенно по сравнению с ахейцами. Так, например, если ахейский воин хвалится своим успехом в бою, то он просто и достойно «величается победой» (Il. XIII. 445 sqq.), а если то же самое делает троянец, то у него это получается злобно или надменно (Il. XIII. 412; XIV. 478). Вроде мелочь, но она несет в себе ясную моральную характеристику. И вообще, замечено, что троянцы изображаются поэтом как люди, склонные к роскоши, бесшабашные, фривольные и «гламурные»[19]. Похожие тенденции можно обнаружить и в общих характеристиках воинств, противостоящих друг другу на троянской равнине. Когда в бой идет вся ахейская рать, то воины движутся молча и спокойно, они являют собой образ мощной силы, которая сравнивается с морским прибоем (Il. IV. 422–428). Встречное же войско троянцев производит совсем иное впечатление из-за хаотичного шума «разноземных народов союзных», который сравнивается с блеянием овец (ibid. 433–438). Такое описание работает явно не в пользу троянцев. Когда же троянцы в какой-то момент берут верх, Гомер сравнивает их с дикой необузданной стихией – то с бурей, то с водным потоком (Il. XIII. 39 sqq.; XVII. 263 sqq.), но противостоящие им ахейцы опять-таки имеют более достойный вид: они сравниваются со скалой, о которую разбиваются бушующие волны (Il. XV. 618 sqq.).

Итак, совершенно ясно, что, несмотря на принципиальную эпическую объективность, несмотря на внешнюю дистанцированность поэта от воюющих сторон, его отношение к противникам неодинаковое. Ахейцы ему заметно милее троянцев, которые явно несут на себе печать некоторой моральной ущербности. Причиной тому служит общая позиция поэта, его привычка смотреть на вещи сквозь призму моральных оценок. Отсюда следует, что и частые сравнения троянцев с волками выполняют не только роль социального маркера, но и несут на себе моральную нагрузку. Иными словами, образ волка, равно как и образ льва, содержит в себе сразу два смысловых слоя: социальный и моральный. Впрочем, это вполне естественно для эпоса, где социальные и моральные ценности, как правило, совпадают. Таким образом, сравнение со львом или волком содержит исчерпывающую для эпического восприятия характеристику, описывая физическую, духовную и социальную природу человека, а также его метафизическую сущность.

Природа «человека-волка» прекрасно раскрывается на одном конкретном примере. Примечательно, что здесь выступает опять-таки троянец. Это знаменитый Долон – воин, который по призыву Гектора вызвался идти в ночную разведку в греческий лагерь. Он описывается как человек богатый, внешне некрасивый («человек непригожий»), но «быстрый ногами» (Il. X. 314–317). Предложив свои услуги для разведки, он первым делом выговорил себе на-

[19] Griffin 1980: 4 ff.

граду и потребовал, ни много ни мало, колесницу Ахилла со всеми его божественными конями (ibid. 319–331). Иными словами, он вызвался совершить подвиг за плату, т. е., не в силу своей героической природы, а в силу своей алчности. Уже одно это характеризует его как человека низкой «породы», и это впечатление тут же подтверждается соответствующей внешней деталью: отправившись на задание, он покрылся «кожей косматого волка седого» (ibid. 334). Теперь про него все ясно: перед нами самый что ни на есть настоящий «человек-волк»! Как львиная шкура на плечах великих героев удостоверяет их царственный статус и благородную «породу», так и волчья шкура на плечах Долона красноречиво свидетельствует о его низкой природной сущности. Однако при этом Долона нельзя причислить к социальным низам, ведь он богат. Это означает, что его «дурная природа» определяется не столько социальными параметрами, сколько моральными. Хотя, конечно, и социальный фактор здесь имеет место, поскольку Долон происходит явно не из знатного рода, и богатство свое он заработал не мечом, а скорее всего, торговлей или ремеслом, что было недостойным занятием для настоящих воинов-аристократов[20]. Одним словом, волчий символизм в облике Долона олицетворяет именно дурную природу человека, которая выражается в его внешности, социальном статусе и в свойствах души. Тут как раз уместно вспомнить, что в фольклоре многих народов волк предстает в качестве не очень симпатичного персонажа…

Конец Долона оказался достойным его низкой природы и подтвердил то скверное впечатление, которое сложилось при первом знакомстве с ним. Хоть он и «волк», его участь вполне соответствует поговорке: «собаке – собачья смерть». Наткнувшись на ахейских разведчиков – Одиссея и Диомеда, – Долон в полной мере проявил свою «волчью сущность». Как только над его плечом пролетело копье Диомеда, он сразу превратился в ничтожнейшее существо: «губы его затряслися, и зубы во рту застучали; с ужаса бледный стоял он…» (Il. X. 375 sq.). Ради спасения жизни он сразу стал предателем, рассказал все, что желали знать ахейские герои о троянском войске, и предложил богатый выкуп за себя. Тем не менее, это его не спасло, и он был принесен в жертву Афине (ibid. 374–466).

На примере Долона хорошо видно, чем отличается герой-«лев» от человека-«волка». Здесь можно ясно увидеть естественную иерархию в мире людей, как она представлена в эпической системе ценностей. Если лев – это герой с большой буквы, герой по призванию и по сути, то «волк» – это псев-

[20] Достаточно вспомнить, как обиделся Одиссей, когда один молодой человек на острове феаков предположил в нем торговца (Od. VIII. 159–166). См. на эту тему: Busolt 19[illegible] 341; Андреев 2004: 275, 284.

догерой, человек низкой природной сущности, но заявивший необоснованную и дерзкую претензию на героизм, т. е. на несоответствующий ему по природе статус[21]. В случае Долона контраст между его природой и амбицией был столь велик, что Одиссей не смог сдержать улыбку, когда узнал, какую награду потребовал себе горе-разведчик (Il. X. 400).

Здесь необходимо сделать короткое пояснение. Как известно, в древнем мире царило совсем иное отношение к вещам, нежели то, к которому мы привыкли. Вещей тогда было относительно мало, ценились они гораздо выше, а главное, между вещью и ее владельцем постулировалась некая духовная связь, очень сильно влиявшая на восприятие людьми предметного мира[22]. Следы такого особого, духовного отношения к предметному миру зафиксированы и в гомеровском эпосе, где описания вещей обычно служат характеристике героев, выражая и воплощая их личные качества[23]. Именно в этом контексте следует воспринимать львиные, барсовые или волчьи шкуры на плечах воинов – они выражают не только социальный статус владельцев, но также их природную суть. Так вот, в соответствии с этим принципом, Ахилл, будучи превосходнейшим «львом», необоримым героем, а заодно и сыном богини, имел в собственности исключительных свойств вещи, служившие символами и носителями его необычного статуса. Доспехи ему изготовил Гефест (Il. XVIII. 462–616), и они так сверкали, что смотреть на них мог только сам Ахилл (Il. XXII. 134 sq.; XIX. 14–18); копье, доставшееся ему по наследству через отца от кентавра Хирона, было такой тяжести, что никто, кроме владельца, не мог с ним управиться (Il. XVI. 140 sqq.; XIX. 387 sqq.)[24]; ну а кони были вообще божественные – они умели говорить человеческим голосом и пророчить будущее, и, естественно, совладать с ними не мог ни один человек, кроме самого Ахилла (Il. XVII. 75 sqq.; XIX. 404–416). И вот на такое-то добро позарился ничтожнейший Долон! Человек-«волк» возжелал заполучить самую престижную и самую дорогую собственность «богоподобного» героя, несравненного человека-«льва»! Для гомеровской аудитории столь дерзкое желание столь ничтожного существа должно было выглядеть весьма комично, и потому вполне понятна скептическая улыбка Одиссея по этому поводу. Алчность и непомерное тщеславие – вот что составляет основную характеристику Долона как человека-«волка».

---

[21] Конечно, в полной мере это относится лишь к двум крайностям, ведь «волками», как сказано, могут быть и просто рядовые воины без лишних амбиций.

[22] Очень хорошо этот феномен описан в книге: Клочков 1989: 7, 48–53.

[23] Подробнее см.: Шталь 1983: 171.

[24] Еще и засов на воротах был такой мощный, что три мужа едва могли его сдвинуть, в то время как сам Ахилл управлялся с ним легко, как с пушинкой (Il. XXIV. 452 sqq.).

В этой связи естественно приходит на ум еще один похожий персонаж, на этот раз в ахейском войске. Это, конечно же, небезызвестный Терсит – воин, посмевший публично выступить с обвинениями против Агамемнона и вообще имевший дурную привычку оскорблять басилеев (Il. II. 212–277). Ученых всегда волновал социальный статус Терсита, и они пытались увидеть в нем то «представителя народа», то социального выродка[25], однако ясно, что все это – лишь плод социологических схем нового и новейшего времени. Гомер не мыслил нашими понятиями, и для него Терсит, представлял собой не социальную категорию[26], а просто дурного человека, сродни Долону[27]. Для поэта он прежде всего человек низкой «породы», и об этом красноречиво свидетельствует его уродливая внешность, вполне под стать его ничтожной душе – он был «муж безобразнейший», косоглаз, хромоног, горбат и т. д. (ibid. 216–219). Он представляет не «народную психологию», как кому-то могло показаться [28], а свою дурную природу[29]. Его образ зеркально подобен образу Долона, ведь Терсит, точно так же, как и его троянский «коллега», проявил неслыханную дерзость и амбицию «не по чину». И точно так же он понес за это заслуженное наказание, быв примерно побит Одиссеем (ibid. 245–265), причем эти побои в эпическом контексте означают восстановление порядка и справедливости. Поэтому народ полностью поддержал Одиссея (ibid. 271–275). Более того, ахейцы, наблюдавшие сцену наказания Терсита, «от сердца над ним рассмеялись» (ibid. 270). Действительно, для эпического взора вид посрамленного ничтожества представлял собой комическую ситуацию, точно как в истории с Долоном. Побиваемый Терсит и в самом деле был смешон: он сжался, сел, весь дрожа, и «из очей его брызнули крупные слезы» (ibid. 265–269). Одним словом, это такой же точно псевдогерой, слишком много о себе возомнивший[30].

---

[25] См. например: Calhoun 1934: 305; Rankin 1972: 32–60; Donlan 1973: 150 sq.; Ebert 1969: 159–175; Сахарный 1957: 97 сл.; Андреев 2003: 53; Андреев 2004: 270 слл.; Лосев 1994: 115.

[26] Можно согласиться с тем, что слова Терсита выражают антиаристократическую идеологию, но придавать его выступлению статус социального протеста является, по меньшей мере, сильным преувеличением. Ведь, во-первых, далеко не всех простых по социальному статусу людей Гомер считает «дурными» (см.: Od. XIV. 3 ff.; XIX. 424 etc.), а во-вторых, для оценки этого эпизода следует учитывать тот факт, что, согласно Гомеру, Терсита никто из народа не поддержал, он остался в полном одиночестве, и вообще «на него аргивяне гневались страшно» (Il. II. 222 sqq.). См. также: Шталь 1983: 98 сл.

[27] Кстати, принципиальное сходство Терсита и Долона уже давно отмечено: Андреев 2004: 266.

[28] Ebert 1969: 175.

[29] Как верно заметил Пол Картледж, Терсит – это воплощение морального и социального уродства (moral turpitude and social malformation): Cartlege 2009: 35.

[30] Именно так его воспринимала последующая античная традиция, как это видно, на-

Интересно, что по содержанию Терсит произнес в адрес Агамемнона в принципе те же самые обвинения, которые в самом начале «Илиады» высказал гневный Ахилл, упрекавший вождя всего ахейского воинства в алчности и бесстыдстве (Il. I. 148–171). В обоих случаях звучит однотипная критика, а результаты ее и реакция на нее диаметрально противоположны. Конфликт Ахилла с Агамемноном всех не на шутку взволновал и имел самые серьезные последствия, а выступление Терсита стало лишь комическим эпизодом, на который никто не обратил внимания. Воистину, «что позволено Юпитеру, то не позволено быку!». Вот еще один наглядный пример противоположной природы «львов» и «волков» в эпическом мире людей. Ахилл был сильнейшим «львом» в ахейском войске, и его выступление было справедливым и обоснованным, в то время как амбиция Терсита явилась в глазах общества наглой выходкой недостойного выскочки, забывшего свое место. Терсит явно «волк» по своей природе, хотя это не говорится открытым текстом. Может быть и потому, что Терсит все-таки ахеец, а значит, по своей природе он чуть выше своего троянского собрата. Да и вина его меньше, поскольку его амбиция была не столь чрезмерна, как амбиция Долона. Видимо, по этой же причине Долон был убит, а Терсит, получив заслуженные побои, остался жив.

Итак, образы Долона и Терсита выполняют в эпосе назидательную функцию: на их примере каждый должен был понять, кто он есть на самом деле и какое место в социальной иерархии должен занимать, имея в виду, что любая претензия на не соответствующий его природе статус закончится плачевно. «Волк» не должен претендовать на место «льва» – так можно сформулировать идею социальной справедливости в эпическом понимании. Таким образом, здесь вырисовывается актуальная для эпического сознания проблема – проблема соответствия или несоответствия человека своему статусу. Среди больших и малых воителей то и дело попадаются «ненастоящие» – воины только по виду или по статусу, но не по сути. Среди героев замешались и *долоны* с *терситами*, так что в любой момент может статься, что какой-нибудь «вепрь» или даже «лев» на поверку окажется обыкновенным «волком». Это прекрасно осознают сами герои, и потому типичный и, кажется, самый болезненный их упрек друг другу состоит в том, чтобы бросить подозрение в «ненастоящести». Прекрасный пример тому – упрек, адресованный Главком самому Гектору за попытку того уклониться от поединка с Аяксом Теламонидом:

> Гектор, герой по наружности! Как ты далек от геройства!
> Суетно добрая слава идет о тебе, малодушный!
> (Il. XVII. 142–143)

пример, у Эпиктета (*Epict.*, III. 22, 8).

Это самое серьезное обвинение, какое только может быть – подвергнуть сомнению геройский статус «льва», его истинную природу. Такой упрек означает для героя необходимость новыми подвигами доказать свою истинную «породу». Поэтому упрек в неистинности звучит всякий раз именно как побуждение к действию: «стыд, аргивяне, презренные, дивные только по виду!» (Il. V. 787; также: VIII. 228). Обычно те, к кому обращены эти слова, на деле оказываются настоящими героями, но встречаются и псевдогерои, даже и помимо ничтожных Долона с Терситом. Таков, например, Евримах – один из вожаков бесчинствующих в доме Одиссея женихов. По статусу он благородный герой, аристократ и воин. Поэтому по ходу действия Гомер называл его, как положено, то «богоподобным», то «благородным» мужем, на которого народ смотрит «как на бога» (Od. IV. 628 sq.; XV. 519 sqq.). Но, как только пришло время ему держать ответ за свои бесчинства перед Одиссеем, обнаружилась его настоящая, «волчья» природа. Вместо того, чтобы доблестно сражаться и умереть в бою, как подобает настоящему «льву», он начинает вилять, и, подобно Долону, чтобы спасти свою жизнь, предлагает за все заплатить, а кроме того, валит всю вину на своего ближайшего соратника Антиноя, который к тому моменту уже лежит бездыханный (Od. XXII. 44–59). Только поняв, что расплаты не избежать, Евримах хватается за свой меч, но уже поздно, и гибнет он совсем не геройской смертью, будучи как мишень пробит стрелой Одиссея. Кстати, начиная расправу, Одиссей, обращаясь к женихам, называет их псами (Od. XXII. 35), и это, по мысли поэта, должно точно соответствовать их истинной природе. Все они были «благородны» и «прекрасны», но лишь по виду, а на деле оказались даже не «волками», а настоящими «псами». Сам же Одиссей, совершив расправу, был подобен, конечно же, льву (Od. XXII. 402).

Вообще, проблема «львов» и «волков» заметно обостряется в «Одиссее», что вполне понятно – и сама поэма моложе, и тематика ее невоенная. В ней нет шума битв, а потому и сравнений там заметно меньше, а те, что имеются, носят иной характер. Можно даже сказать, что основной конфликт в «Одиссее» как раз и есть конфликт между «львом» и «волками» в мирное время. Главному герою постоянно приходится иметь дело с «волками» – как в своей команде, так и в своем доме. Правда, поскольку прежние сравнения утратили актуальность, о «волках» здесь можно говорить лишь условно, по существу дела, а не на основе словесных выражений, как в «Илиаде». Тем не менее суть проблемы просматривается весьма отчетливо. Что касается женихов, то с ними все ясно: в доме отсутствующего Одиссея завелись «псы», по виду подобные «львам», но вернувшийся хозяин, как и положено, предал их собачьей смерти.

Совсем другое дело – корабельная команда Одиссея. С ней у него были постоянные проблемы, т. к. похоже, что она была укомплектована одними

«волками». Вот, например, Эльпенор – «неотличный смелостью в битвах, нещедро умом от богов одаренный» (Od. X. 552 sq.). Такая характеристика сразу вызывает в памяти образы Терсита с Долоном. И смерть его постигла соответственно глупая: напившись, он залез спать на крышу, а проснувшись, упал наземь и разбился (ibid. 554 sqq.). Но он, во всяком случае, был безобиден, в отличие от Еврилоха, постоянно доставлявшего Одиссею головную боль. Этот был амбициозным и наглым трусом, в стиле тех двоих «братьев по разуму» из «Илиады». Он был единственный, кто благодаря своей трусости уцелел от колдовства Цирцеи. Затем, вернувшись к кораблю, он вел себя недостойно: рыдал, отказался идти на выручку своим друзьям и еще уговаривал Одиссея искать спасения в бегстве (Od. X. 232–269). Одиссей же проявил себя в этой ситуации как настоящий «лев», т. е. как достойный воин и царь – оставив труса у корабля, он в одиночку пошел спасать товарищей. Когда же он благополучно вернулся, избавив своих людей от чар волшебницы, и призвал оставшихся у корабля спутников пойти с ним вместе отдохнуть к Цирцее, Еврилох выступил с бунтовской речью, полной обвинений против своего предводителя. Одиссей едва сдержался, чтобы не снести голову дерзкого оратора и лишь угрозами «поставил его на место» (Od. X. 422–446). Так почти буквально в «Одиссее» повторилась ситуация с Терситом.

В этой истории на острове Цирцеи есть еще один интересный момент, а именно, тот факт, что околдованные спутники Одиссея были превращены в свиней[31]. Причем не просто в свиней, а сразу в кушающих свиней (Od. X. 238–243). Возле дома Цирцеи собрался уже целый зверинец: там обретались миролюбивые львы и волки – тоже жертвы колдовства, видимо, когда–то бывшие воинами (ibid. 212 sqq.; 433 sqq.). Однако товарищи Одиссея были превращены именно в свиней. Памятуя об эпическом символизме, следует думать, что это не случайно. И действительно, для того чтобы быть «волком», надо быть как минимум хищником, т. е. воином. Эти же люди в рамках поэмы никак не проявили себя на поле брани, а следовательно, они «не дотягивали» до статуса волков. Поэтому им как раз и следовало быть мирными животными. Правда,

[31] Данный сюжет, издавна волнующий умы ученых, является прекрасным примером все той же многослойности и сложности эпического текста. Как недавно убедительно показала О.Л. Левинская, ключ к пониманию эпизода с превращением спутников Одиссея в свиней следует искать не столько в ближневосточных религиозных параллелях, сколько в древней культовой традиции праздника Фесмофорий, уходящей корнями в микенскую эпоху: Левинская 2010: 157–183. Это очень интересный поворот дела, открывающий новые потаенные смыслы в известном тексте, но, естественно, этим не отменяется и буквальное, сюжетное понимание текста, согласно которому образ свиней несет свою, неэзотерическую нагрузку, доступную для любого античного и современного слушателя или читателя Гомера.

они могли бы стать и более благородными представителями фауны, например, «тучными волами» или теми же «агнцами», но стали все-таки свиньями, и кажется, в этом есть свой резон.

Конечно, здесь необходимо сделать скидку на то, что гомеровская аудитория воспринимала свинью не совсем так, как мы, ведь, во всяком случае, это слово еще не было ругательным. Тем не менее совершенно очевидно, что образ свиньи уже тогда вызывал отнюдь не благородные ассоциации. Он явно противоположен героическому идеалу эпоса, который питает уважение только к сильным и хищным зверям. Свинья – не хищное и совершенно не воинственное животное, это ходячий корм, занятый исключительно пропитанием. И кажется, именно этот аспект был главным в восприятии эпического поэта: описывая свиней, в которых превратились товарищи Одиссея, он упоминает сначала их внешность – щетинистую кожу, морды и хрюканье, – а затем отмечает, что они сразу занялись любимым свиным делом, т. е. принялись лакомиться едой, любезно предоставленной им коварной волшебницей (Od. X. 239–244). При чтении этого места возникает ощущение комичности и, надо думать, это вполне соответствует намерениям поэта. Похоже, он хотел таким образом представить людей, более всего на свете озабоченных насыщением. Спутники Одиссея как раз очень напоминают таких людей. Во время путешествия они зачастую проявляли отнюдь не воинские доблести, а прямо противоположные потребительские наклонности – стремление к еде, удовольствиям, богатству. Благодаря таким влечениям они сами накликали на себя бедствия. Короче говоря, образ свиней им очень подходит, а это значит, что в мирных условиях гомеровские «волки» эволюционировали в «свиней»...

«Волчья», а вернее, уже «свинячья» природа товарищей Одиссея наиболее ярко проявилась в двух ключевых эпизодах. Первый – это история с мешком ветров, подаренных Эолом Одиссею. Уже в виду родного берега, воспользовавшись сном Одиссея, его люди позарились на этот мешок и открыли его, полагая найти там несметные богатства. Однако, как известно, из мешка вырвались бурные ветры, умчавшие корабли далеко прочь от родины (Od. X. 1–54). Самое интересное здесь – это мотивация людей, открывших мешок. Ими двигала зависть: их возмутило, что все чтут только одного Одиссея и ему одному дарят подарки, хотя у него и так много военной добычи, в то время как они все претерпели одинаковые с ним труды (ibid. 37–45). Иначе говоря, они возжелали справедливости, понимая под этим общее равенство. Конечно, мы можем сегодня видеть здесь социальные противоречия, можем даже говорить о первом проявлении демократической тенденции и т. д., но для поэта и его слушателей это было лишь проявлением «волчьей», а точнее, «свинской» породы спутников Одиссея. Это такая же необоснованная амбиция, такая же претензия на незаслуженную «львиную» долю, как и в случае с Долоном. Движущей силой ее

было то же самое – зависть и алчность. А в результате, конечно, – заслуженная кара за дерзость.

Второй случай оказался смертельным. Одиссей не желал приставать к острову Гелиоса, предупреждал спутников о грозящей опасности, наконец, он взял с них клятву не трогать посвященных богу быков и баранов, пасущихся на острове, но все оказалось напрасно. Сначала возмутился тот самый беспокойный Еврилох, выступивший с дерзкой речью, в которой он обвинил Одиссея в жестокости и потребовал пристать к острову на отдых. Команда его поддержала, и Одиссей был вынужден уступить. Затем, спустя некоторое время, его люди, не довольствуясь охотой и рыбалкой, опять же по инициативе Еврилоха, все-таки покусились на священных животных и зажарили лучших быков из стада. Естественно, кара богов не заставила себя долго ждать, и сам Зевс собственноручно погубил их корабль, как только он вышел в море. Погибли все, кроме Одиссея, не принимавшего участия в святотатстве (Od. XII. 270–421). Это в высшей степени нравоучительная история, в которой максимально отчетливо проявилась пропасть, отделяющая героя-«льва» от его ничтожных спутников из породы «волков»-«свиней». Герой проявляет недюжинную силу духа и крепость тела, он не только сам способен выносить все тяготы пути, но и несет моральную ответственность за своих людей. Как и положено герою, прежде чем управлять другими людьми, он должен уметь управлять собой[32]. Тем самым выясняется, что к числу героических качеств относятся также ответственность, сдержанность, способность выносить испытания и совладать со своими страстями. В «Илиаде» эти качества были не актуальны, здесь же они вышли на первый план.

Напротив, простые люди возле героя оказываются слабы морально и физически, они подвластны своим инстинктам и потому готовы на клятвопреступление и святотатство. Одним словом, для эпического сознания они подобны свиньям. Смысл всего этого совершенно ясен: согласно эпической логике, именно благодаря своему огромному превосходству «львы» должны править «волками» и «свиньями». Причем показательно, что и сам дерзкий Еврилох признает абсолютное превосходство Одиссея: упрекая своего командира в жестокости, он так и говорит, что тот одарен «силой великой», не знает усталости и сделан из железа, в то время как они все изнурены, бессильны и желают отдохнуть на берегу (ibid. 279–281). Получается, что когда речь идет о качествах человека, о силе, выдержке и самообладании, то Еврилох готов признать превосходство своего басилея, а когда речь идет о разделе благ, он вдруг забывает об этом и начинает требовать равенства у котла. Чисто пролетарский тип мышления «по Шарикову». Хотя, конечно, это можно назвать и демократическим подходом…

[32] Сапронов 2005: 120 сл.

Напоследок можно сделать еще одно наблюдение – относительно роли Одиссея в гомеровском эпосе. Если присмотреться, то окажется, что у него странная функция полицейского, который периодически усмиряет зарвавшихся «волков», подавляет мятежи и восстанавливает гармонию и порядок в обществе. Сначала он в «Илиаде» успокоил народную толпу, разволновавшуюся «словно волны морские», восстановив порядок с помощью брани и скипетра, которым он колотил шумных людей «из народа» (Il. II. 144–211), затем он тем же скипетром побил Терсита (ibid. 265–277), и, наконец, вместе с Диомедом он принес в жертву Афине несчастного Долона (Il. X. 447–469). В «Одиссее» же он сначала укрощал Еврилоха (Od. X. 422–446), затем боролся со «свинскими» наклонностями своих спутников, готовых ради чревоугодия на святотатство (Od. XII. 270–324); достигнув же дома, он сначала, еще не открыв своего имени, побил дерзкого бродягу Ира, чей уродливый моральный облик[33], физическая немощь и непомерная амбиция опять заставляют вспомнить о Терсите (Od. XVIII. 1–117), и, наконец, он уничтожил в своем доме целое логово «волков», замаскированных под «львов» (Od. XXII. 1–407). Одним словом, Одиссей в обеих поэмах выступает этаким «волкодавом», отстаивающим принцип иерархии и усмиряющим дерзкие амбиции недостойных людей. Особенно сильно эта его функция выражена в «Одиссее», что видимо, является еще одним свидетельством обострения социальных противоречий и кризиса героического мира.

Итак, выясняется, что сравнения людей с животными в гомеровском эпосе выполняют не только эстетические и литературные функции, но и несут на себе определенную смысловую нагрузку, выражая социальную и моральную иерархию человеческого общества, как ее понимает эпическая аудитория. Тем самым разрешается т. н. «социологический парадокс» гомеровского эпоса, на который указывал Ю.В. Андреев и который заключается, по его мысли, в том, что, в представлении поэта, все общество оказывается состоящим лишь из «лучших» людей, за редкими исключениями, без народа и без «худших»[34]. Оказывается, это не совсем так, и, несмотря на идеализацию всего и вся, поэт видит общество иерархически структурированным, но описывает эту иерархию не с помощью привычных нам социальных категорий, а через поэтические образы животных. В этих образах отражается естественная иерархия людей по их моральным и физическим качествам, а также по занимаемому ими социаль-

[33] Кстати, интересно, что, давая характеристику Иру, поэт, в отличие от эпизода с Терситом, описывает его не внешнее, а внутреннее уродство – он говорит, что Ир «славен был жадным желудком своим, и нахальством, и пьянством» (Od. XVIII. 3 sq.). Это новые черты, свойственные «Одиссее», – здесь дурной человек уподобляется опять же не волку, а свинье.

[34] Андреев 2004: 268. См. также: Calhoun 1934: 308.

ному статусу. Тот факт, что эта иерархическая система в эпосе периодически проблематизируется и чем дальше, тем больше, говорит о том, что и сам мир эпических ценностей все больше подвергается эрозии.

Резюме

В статье рассматриваются социальные функции гомеровских сравнений, взятых из мира животных. Главный тезис состоит в том, что данные сравнения, помимо выполнения художественных и поэтических функций, несут на себе также социальную и моральную нагрузку, что способствует наиболее полной и всесторонней характеристике героев. На конкретных примерах показывается, что используемые в эпосе образы льва, вепря, волка и пса характеризуют как социальную, так и моральную природу людей. Эти образы сознательно используются поэтом с целью точного выявления иерархической структуры в мире людей. Благодаря этому оказывается возможным сделать интересные наблюдения относительно социальных взаимоотношений в гомеровском обществе. Само общество мыслилось поэтом в диапазоне противопоставления двух крайних социальных групп, представленных образами героев – «львов» и антигероев – «волков».

Ключевые слова: гомеровские сравнения, гомеровское общество, эпическая мораль, эпический герой

The Lions and Wolves in Homer: Notes to Epic Table of Ranks

Harijs Tumans

The article deals with the social functions of the Homeric comparisons taken from the animal world. The main thesis of the article is that the mentioned comparisons, in addition to artistic and poetic functions, include the social and moral aspects that contribute to more complete and more comprehensive description of the heroes. It is showed by the concrete examples that the images of a lion, boar, wolf and dog used in the epos characterize both social and moral nature of human beings. These images are used by the poet to demonstrate the hierarchical structure of human society. Because of this, it is possible to make interesting observations about social relationships in the society of Homeric time. The society itself was conceived by the poet in the scope of two contrasting social groups represented by the images of heroes – "lions" and anti-heroes – "wolves".

Keywords: Homeric comparisons, Homeric society, epic morality, epic hero

Литература

Андреев Ю.В. 2003: Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб.

Андреев Ю.В. 2004: Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб.

Гордезиани Р.В. 1978: Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси.

Йегер В. 2001: Пайдейя. Воспитание античного грека / Пер. М.Н. Ботвинника. Т. 1. М.

Клочков И.С. 1989: Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.

Левинская О.Л. 2010: Одиссей на празднике Фесмофорий // Вестник РГГУ. 10 (53).

Лосев А.Ф. 1994: История античной эстетики. Ранняя классика. М.

Сапронов П. 1998: Культурология. СПб.

Сапронов П. 2005: Феномен героизма. СПб.

Сахарный Н.Л. 1957: «Илиада»: разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы. Архангельск.

Шталь И.В. 1983: Художественный мир гомеровского эпоса. М.

Ярхо В.Н. 2001: Древнегреческая литература. Эпос, ранняя лирика. М.

Basset S.E. 1921: The Function of Homeric Simile // Transactions and Proceedings of the American Philological Association.

Bowra C.M. 1952: Heroic Poetry. London.

Busolt G. 1920: Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München.

Calhoun G.M. 1934: Classes and Masses in Homer // CPh. Vol. 29, 3.

Cartlege P. 2009: Ancient Greek Political Thought in Practice. Cambridge.

Deichgräber K. 1981: On the Compositional Use of Similies in the Odyssey // American Journal of Philology. Vol. 102.

Donlan W. 1973: The Tradition of Anti-Aristocratic Thought in Early Greek Poetry // Historia. 22.

Drerup E. 1921: Homerische Poetik. Würzburg.

Ebert J. 1969: Die Gestalt des Thersites in der Ilias // Philologus. 113.

Fränkel H. 1921: Die homerische Gleichnisse. Göttingen.

Fränkel H. 1993: Dichtung und Philosophie des frühen Griechentum. München.

Griffin J. 1980: Homer on Life and Death. Oxford.

Hampe R. 1952: Die Gleichnisse Homers und die Bildkunst seiner Zeit. Die Gestalt. Tübingen.

Moog W. 1912: Die homerische Gleichnisse // Zeitschrift für Aesthetik und allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. VII. Stuttgart.

Parry M. 1971: The Making of Homeric Verse. Oxford.

Ramsay W.M. 1925: The Simile of the Cultures in Odyssee // Classical Journal. XXI.

Rankin H.D. 1972: Thersites the Malcontent: A Discussion // Symbolae Osloenses. XLVII.

Riezler E. 1936: Die homerische Gleichnisse und die Anfänge der Philosophie // Die Antike. Bd. 12.

Schein S.L. 1984: The Mortal Hero. An Introduction to Homer's Iliad. Berkeley.

Scott W.C. 1974: The Oral Nature of hie Homeric Simile. Leiden.

Scott W.C. 2009: The Artistry of the Homeric Simile. Dartmouth.

Snell B. 1946: Gleichnis, Vergleich, Metapher, Analogie // Snell B. Die Entdeckung des Geistes. Hamburg.

Strassburger H. 1954: Die kleine Kämpfer in der Ilias. Frankfurt / Main.

Vermeule E. 1979: Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley.

Vivante P. 1970: The Homeric Imagination. A Study of Homer's Poetic Perception of Reality. London.

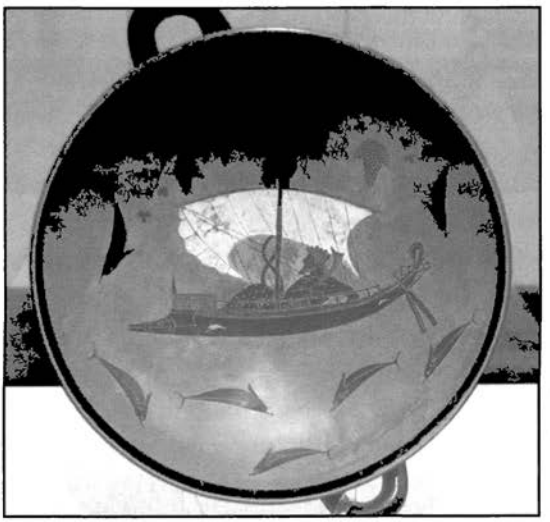

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 52–67

СТАТЬИ

Н.М. Никулина

ЭКСЕКИЙ. ЧЕРНОФИГУРНЫЙ АТТИЧЕСКИЙ КИЛИК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДИОНИСА

Дионис в ладье.
Государственное античное собрание. Мюнхен

Знаменитый мюнхенский килик с Дионисом и дельфинами – не только прославленное произведение Эксекия, одного из лучших древнегреческих вазописцев VI в. до н. э., не только шедевр греческой живописи и греческого искусства в целом, но и шедевр мировой графики. Блистательное мастерство рисунка и композиции, совершенство в согласовании изобразительного декора с формой вазы, функциональным ее назначением, богатство пластических и живописных нюансов, тонкое понимание и чувство тектоники, художественного синтеза ставит это произведение в ряд лучших творений в истории прикладного искусства. Эта чернофигурная ваза, сама являющаяся, по представлениям греков, живым, вполне активным божественным существом (известны десятки греческих надписей, сделанных от первого лица, от лица самой вазы), дает представление и о личности художника, и о времени ее создания. Через многогранную, яркую творческую индивидуальность мастера раскрывается специфика конкретного исторического этапа в греческом искус-

стве и аттической вазописи. Это было время наивысшего расцвета в культуре греческой архаики.

О том, что перед нами действительно произведение Эксекия, свидетельствует греческая надпись. Каллиграфически четко, с одинаковыми интервалами между буквами у основания ножки сосуда с обеих ее сторон черным лаком начертано: «ΕΧΣΕΚΙΑΣ ΕΠΟ<Ι>ΕΣΕ» – «Эксекий сделал».

К 540–535 гг. до н. э. – именно так датируют килик многие специалисты (Дж. Бизли, Дж. Рихтер, П. Ариас, Х. Блоеш, Э. Зимон, Дж. Бордман)[1]– Эксекий, по-видимому, был уже не только известным вазописцем, но и владельцем большой гончарной мастерской. В ней он создавал высококачественную керамическую продукцию определенного художественного характера, ориентируясь при этом на конкретный рынок. В основном, по тому, что нам известно, эта мастерская делала амфоры, кратеры и килики. Очевидно, Эксекий продолжал выступать в этот период и в роли ведущего художника. Непосредственное его участие в самом процессе живописного оформления готовой продукции объясняет многое, прежде всего, – единство стилевого направления в работе этой мастерской, художественные особенности и высокое качество выпускаемых изделий. Вкус и манера мастера всегда накладывали отпечаток на то, что создавала та или иная вазописная мастерская.

Надписи на более ранней по времени амфоре с Гераклом из Берлина и более поздней амфоре с Ахиллом и Аяксом из Ватиканской коллекции[2], полностью совпадающие с нашей в своем начертании, подчинены иной формуле, но это обусловлено, как справедливо отмечал Дж. Бизли, самой формой вазы. «ΕΧΣΕΚΙΑΣ ΕΥΡΑΦΣΕ ΚΑΠΟΙΕΣΕ ΜΕ» – «Эксекий расписал и сделал меня», – сказано в тех надписях. Это, как можно заметить, более развернутый вариант надписи. Любопытно, что самим порядком слов отражается ситуация в мастерской: меняющаяся роль Эксекия-художника, становящегося хозяином. «Расписал» стоит перед «сделал», что выделяет особое положение Эксекия как вазописца даже во время полного владения им всем производством. На килике, где такая длинная надпись уместиться на ножке не могла (а ее полагалось повторить дважды), естественно, отдали предпочтение краткому и емкому: «ΕΧΣΕΚΙΑΣ ΕΠΟΙΕΣΕ». Эпиграфический анализ не противоречит принятой специалистами датировке 40–30 гг. VI в. до н. э.

---

[1] Beazley 1951, ch. VI: 67, pl. 27, 2; Richter 1953, «Ранние килики с глазами»; Richter 1952; Arias, Hirmer, Shefton 1962: pl. XVI, 59; Bloesch 1940: Taf. I, 1; Boardman 1993: 57, abb. 104; Hoppin 1924; Simon , Hirmer 1981: 86, Taf. XXIV, 73; Cook 1960: 85; Siedentopf 1990: 319.

Датировка 525 г. до н. э., которую дает этому килику Эксекия Дж. Бордман в своем новом издании (Boardman 2001: pl. 309), кажется менее убедительной.

[2] Beazley 1956: 143 f. №№ 1, 13, 21; Technau 1936: Taf. 5, 6.

Мюнхенский килик Эксекия происходит из этрусского некрополя в Вульчи. С этрусскими центрами связана вообще большая часть известных ваз этого мастера и его мастерской, что представляется нам очень важным. Дж. Бизли приводит полный список работ Эксекия, изучая который и можно сделать этот вывод[3].

В настоящее время рассматриваемая ваза находится в собрании Мюнхенской Глиптотеки (№ 2044). Сохранность памятника может быть определена как хорошая. Проведенная недавно реставрация не внесла никаких значительных искажений. Внутри чаши, в изображении на дне аккуратно выполнена утраченная некогда средняя часть паруса корабля, нарисованного белилами по черному лаку, и только немного усилена стершаяся линия профиля головы Диониса. Все остальное, снаружи и внутри, не имеет повреждений и утрат.

Огромные глаза, дважды помещенные между ручками этой чаши на внешней стороне, имеют магическое действие, являются апотропейоном – оберегом от дурного глаза и влияния злых сил. Для архаического греческого искусства использование оберегов, как мы знаем, весьма характерно (их применяли в скульптурном декоре храмов, в вотивных рельефах и надгробиях, в произведениях глиптики, торевтики, нумизматики).

Описываемый килик – довольно большой по своим размерам (его диаметр – 30,5 см, высота – 13,5 см).[4] От распространенных в это время в Аттике киликов других разновидностей (прежде всего имеется в виду известная группа киликов с миниатюрной росписью – «Kleinmeisterschale»)[5] он значительно отличается по форме. Названные выше килики (в вариантах «Lip-schale» и «Band-schale») всегда имели более высокую ножку и отогнутый край, образовывавший своеобразное «устье» чаши. Килик Эксекия выделяется своей четкой сферической формой, он не имеет выделенного края. У него невысокая, приземистая, но очень устойчивая ножка, низкое крепкое тулово и слегка изогнутые, поднятые вверх округлые ручки. По очертаниям силуэта он ближе всего к группе «киликов с комастами» («Comastenschale»), которые датируются второй четвертью – серединой VI в. до н. э.[6] Эта группа имеет связь с древней ионийской и даже эгейской традицией. Если учесть, что по своему сюжету килик Эксекия так же, как и эти килики, связан с дионистическим кругом, такая зависимость окажется логичной.

В целом, как и все греческие вазы в период наивысшего развития искусства расписной керамики, мюнхенский килик отличается удивительным совер-

[3] Beazley 1959, ch. «Group E and Exekias»: 133–149.

[4] Simon , Hirmer 1981: 86, Taf. XXIV, 73. Указанные крупные размеры для килика второй половины VI в. до н. э. необычны, что заставляет думать об особом назначении вазы.

[5] Hoppin 1919; Pful 1923; Rumpf 1953; Robertson 1969; Kaeser 1990.

[6] Richter 1953; Bloesch 1940.

шенством пропорциональных отношений, свободным применением «золотого сечения», выразительностью очень собранного силуэта, компактностью скульптурных, почти монументальных форм. Килик (и в этом – достижение не только Эксекия как керамиста, но и всего греческого гончарства) воспринимается как произведение скульптуры, более того, – как живое существо. Наделенное магическими глазами, это существо производит сильнейшее воздействие. Сосуды «с глазами» были распространены в Греции и в ранний период архаики, преимущественно на восточных территориях, в Ионии (в связи с этим можно вспомнить керамические изделия с острова Самоса). Мода на такие вазы в Аттике утверждалась, в основном, в третью четверть VI в. до н. э. и продолжала существовать даже на рубеже VI–V вв. до н. э. Выделяют сосуды разных форм, пользующиеся таким декором: амфоры, кратеры, канфары, килики, киафы, лекифы[7]. По-видимому, создавались целые сервизы такого характера. В своих сюжетах эти вазы соотносятся исключительно с дионисийским культом, который распространился и получил ведущее место в религиозной жизни Аттики именно в эпоху зрелой и поздней архаики.

Традиции, связанные с изображением «всевидящего ока» – защищающих глаз (чаще всего, глаз всесильного божества), были известны на Востоке с очень глубокой древности, с III–II тыс. до н. э. «Око Хора» или «Око Ра» сопровождало в Египте многие памятники культового искусства (в том числе, и знаменитые пирамиды эпохи Древнего Царства, которые греки, кстати, хорошо знали). Нечто подобное было и в культурах Передней Азии, особенно в Финикии и Сирии, соединявших египетскую и месопотамскую традиции. Через них этот мотив и мог придти в Восточную Грецию. Предположение о том, что главным распространителем этой моды в Аттике был известный греческий вазописец Амасис, происходивший, судя по имени, непосредственно из греческих колоний в Египте, нисколько тому не противоречит. Колонии в Египте, как известно, были основаны по преимуществу выходцами из Ионии и имели с ней теснейшие связи.

Так или иначе, мода на сосуды «с глазами» была в Аттике очень устойчива и просуществовала в общей сложности лет 30–40. Эти сосуды выполнялись поначалу в чернофигурной, а затем – смешанной и краснофигурной технике. Рассматриваемый килик Эксекия – прекрасный, можно сказать, классический образец чернофигурных сосудов данного типа, закрепивший в Аттике данную традицию.

Поскольку в качестве оберега на дне многих киликов изображался отпугивающий образ Медузы Горгоны, можно предположить, что «защитные глаза»,

[7] Boardman 1993; Richter 1953; Auktion 40. 1969: №№ 67, 73–75. Архив Бизли показывает 618 ваз и фрагментов с изображением «магических глаз». Показательно, что 233 из них – именно килики типа А, 52 – neck-амфоры, 19 – гидрии.

находящиеся снаружи, принадлежат именно ей. Они – своего рода аббревиатура ее маски. Однако возможно и другое объяснение, связанное с маской самого Диониса (по крайней мере, для сосудов конца VI – начала V вв. до н. э. такое изображение встречается). На некоторых больших вазах этого типа маска Диониса представлена полностью и в центре композиции, что и дает основание для подобного предположения[8]. Кстати, на ряде киликов конца VI в. до н. э. в миниатюрных композициях между «глазами» также нередко встречается изображение самого Диониса (его фигуры или маски)[9].

Килик Эксекия выполнен из прекрасно приготовленной мелкоструктурной глины, хорошо формован с помощью гончарного круга (ножка и ручки, сделанные отдельно, прочно укреплены), он дополнительно подвергнут лощению, как это было принято, и покрыт тонким защитным слоем красного ангоба и разбавленного лака, который при обжиге дал глиняной поверхности приятный, оранжево-коралловый тон, усиливающий фактурный эффект. Вертикальная часть ножки килика и ручки сплошь покрыты густым черным лаком, имеющим характерный для Аттики золотисто-оливковый оттенок. Черным лаком покрыт бордюр по внутреннему краю килика, который как бы замыкает и обрамляет главное его изображение, находящееся на дне. Лаком нанесены снаружи широкие и узкие концентрические окружности у основания чаши и проведены так называемые лучи (традиционная «корзина из лучей» – неотъемлемый элемент декора многих греческих чернофигурных ваз). Густым лаком прорисованы круги у зрачков и сами зрачки в огромных глазах апотропейона. Поскольку эта ваза имела и заупокойное ритуальное использование (нахождение ее в некрополе неслучайно), действие апотропейона, по-видимому, сохраняло свою силу и в загробном мире. Этруски придавали этому большое значение.

Собственно изобразительная часть декора, выполненная в очень развитой чернофигурной технике, состоит из трех частей: центральная композиция внутри килика – Дионис, плывущий на корабле в окружении дельфинов, и две композиции снаружи, в зоне ручек, представляющие сцены сражения над телом павшего воина. Лежащие на земле фигуры размещены строго под ручкой на каждой из сторон, так что горизонталь самой ручки вторит горизонтали в пределах той и другой композиции.

Силуэтное чернофигурное изображение свободно прорисовано кистью. Оно прекрасно построено и в круге, внутри чаши, и на широком поле под ручками. Поблескивающий черный лак силуэтов контрастно выделяется на золотисто-розовом фоне лощеной и грунтованной разбавленным лаком глины. Все

[8] Примером может быть хорошо сохранившаяся амфора из Тарента, расписанная мастером Псиаксом. Arias, Hirmer, Shefton 1962: Psiax; Hamdorf 1990.

[9] Boardman 1993: №№ 177, 178.

части изображения (в любой из названных композиций) хорошо согласованы и уравновешены, подчинены свободной симметрии. Нет подчеркнуто строгих горизонталей и вертикалей, есть более сложные очертания и направления. Каждая из фигуративных групп поражает своей собранностью и внутренней подвижностью. Удивительна гармония целого, что всегда характерно для очень развитых этапов в истории стиля. Система бесконечных аналогий и подобий, которой пользуется этот художник, приводит его к замечательной ритмике, изысканной музыкальности образа. Очертания всех его изображений не только линейно согласованы между собой, но и увязаны с очертаниями формы, с силуэтом вазы. Отсюда такая законченность целого. Мастерски выполненный внутренний рисунок, легко процарапанный острием по черному лаку, позволяет выявить объем, передать на плоскости напряженную мускулатуру тел и направление их движения, а также – сложнейший орнамент богатых одежд Диониса. Ракурсность, уже характерная и для изображений в скульптурном рельефе этого времени (к последним десятилетиям VI в. до н. э. относится, как известно, и знаменитый фриз Сокровищницы Сифносцев в Дельфах, с его сложными, напряженными сценами гигантомахии), кажется у Эксекия совершенно естественной, непроизвольной. Такова фигура Диониса, переданная в сложном развороте с поднятым рогом-ритоном, фигуры движущихся друг на друга воинов под ручками. Свобода, с которой Эксекий строит фигуру и фигурную группу, позволяет понять и увидеть те реальные достижения, которые имело греческое архаическое искусство в момент самого высокого своего развития, к третьей четверти и концу VI в. до н. э. Этому искусству уже по силам сложнейшие задачи больших, разнообразных по своему содержанию сюжетных композиций, скульптурно-живописных и архитектурно-пластических ансамблей.

Эксекий выступает в этом произведении и как график (рисовальщик), и как живописец. Одно неотделимо от другого. Его процарапанный острием рисунок пластичен и эмоционален, как ни у кого в греческой вазописи этого времени. Меняющаяся толщина процарапанной линии и ее глубина позволяет мастеру достичь казалось бы недостижимого – передачи фактурных характеристик. Глубокие, энергичные штриховые линии выделяют налитые соком ягоды в тяжелых виноградных гроздьях, скользящими, чуть уловимыми становятся они в фигурках гладких, блестящих дельфинов, выпрыгивающих из воды, и напряженными круглящимися – в рисунке мускулатуры. Иными, ювелирно четкими, подобными тонкому шитью, кажутся линии рисунка в узорах тканых одежд и т. д.

Эксекий умеренно использует здесь обычные накладные краски – белила и пурпур. Они применяются им только там, где особенно необходимы цветовые акценты. В остальном, как это ни парадоксально, цвет ему дает само чернофигурное изображение, имеющее множество нюансов. Во внутренней композиции с Дионисом белый парус корабля не только выделяет централь-

ную ее часть, но и придает ей большую устойчивость. Пурпуром покрыт рог в руке Диониса – важнейший его культовый символ и атрибут (он также располагается почти по центру в основной зоне изображения). Снаружи белила применены в рисунке глаз с одной и с другой стороны чаши, хотя в большей своей части глаза выявлены только контуром. Кроме этого, белила и пурпур использованы в нижней, орнаментальной части декора, в чередующихся темных и светлых полосах, следующих за «корзиной лучей». Воины, представленные в зоне ручек, лишены каких бы то ни было цветовых добавлений, здесь все определяет внутренний, процарапанный рисунок, который выражает многое: пластичность, подвижность фигур, их связь с окружающим пространством. Изгиб поверхности сосуда только усиливает эти впечатления.

Мы слишком мало знаем о монументальной греческой живописи архаического периода, однако, глядя на эти небольшие композиции со сценами сражений в килике Эксекия, кажется, можно себе представить масштабность, красоту и силу эмоционального воздействия близких им красочных фресковых настенных изображений. Живопись в последние десятилетия VI в. до н. э., очевидно, была не менее развита, чем скульптура. Росписи этрусских гробниц, в какой-то мере зависимые от греческих образцов, и произведения греческой вазописи позволяют условно реконструировать общую картину живописного развития в этот период.

Некоторые исследователи отказываются идентифицировать две группы сражающихся на внешней стороне килика Эксекия с образами эпического цикла, т. е. с гомеровскими образами, как это сделал когда-то Дж. Бизли (в одной из них он увидел павшего Патрокла). На наш взгляд, предложение Дж. Бизли вполне правдоподобно. Популярность военных сюжетов из «Илиады» в середине и второй половине VI, а затем – в начале V в. до н. э., действительно была очень велика. Это становится понятным, если вспомнить, что ранняя редакция поэмы Гомера создавалась как раз во времена Писистрата и Писистратидов. Конечно, и здесь можно вспомнить имена Патрокла и Гектора, однако не это имеет принципиальное значение. Важно другое – тот монументальный живописный прототип, который мог быть, был перед глазами этого мастера и многих его современников.

Изображения Эксекия построены по всем правилам монументального живописного произведения. Они содержат в себе черты более сложного пространственного решения, чем те, что были характерны для вазописи. Пожалуй, они даже дают основание для предположений о самых первых опытах в использовании перспективных сокращений, т. е. «прямой, линейной» перспективы, пути к освоению которой продолжит в V в. до н. э., через 50 лет, знаменитый Полигнот. То, что Эксекий имел в данном случае дело с выпуклой поверхностью сосуда, неизбежно диктовавшей ему оптические поправки, – это только

частичное объяснение некоторых интересных, новаторских особенностей его изображений. Художники-монументалисты и художники-миниатюристы, которые всегда были теснейшим образом связаны между собой в Греции, ищут в этот завершающий период архаики новые выразительные средства и эффекты, пути значительного расширения своих изобразительных возможностей. Это делается во имя углубления, усложнения и приближения к зрителю того, что они представляют. Неслучайно и открытие в это время (в третьей четверти VI в. до н. э.) не только белофонной и six-техники, но и новой краснофигурной техники в росписи ваз, обращение к более монументализированным композициям и более широким изобразительным плоскостям. Вполне оправданно то разнообразие творческих индивидуальностей, которое мы наблюдаем в данный период, и факт зарождения различных жанров (драматическое, героическое, комическое, гротескное изображения). Иной становится роль картины в жизни греков (большой или малой – все равно). Всеми возможными средствами увеличивается сила ее духовного, эмоционального, дидактического воздействия на зрителя. Этого требовало само время. Эксекий – один из тех, кто добился в этом особенно ярких результатов. Сохранились погребальные расписные пинаки – керамические пластины с фигуративными изображениями, выполненные этим известным мастером[10]. Данные произведения, кажется, подтверждают его прямую связь с греческими художниками-монументалистами.

Эксекий отнюдь не случайно избирает именно такую форму килика, отдавая ей предпочтение перед обычными, более распространенными. В этом – не только дань древней ионийско-эгейской традиции, но и определенный расчет художника-оформителя. Данная форма чаши впервые используется двумя аттическими мастерами – Эксекием и Амасисом. Кто из них раньше ее внедряет, остается неясным. Во всяком случае, избранная форма вазы давала значительно большее поле деятельности живописцу, и это определяло решение мастера.

Со всей полнотой Эксекий раскрывает в этом произведении положительные особенности чернофигурной техники и одновременно демонстрирует свои поиски нового. В его образах (а мы видим это, рассматривая группы воинов) важны не только индивидуальные движения, поза, жест, но и выражение лица, глаз. Это было великим открытием изобразительного искусства. То же мы находим и в других произведениях Эксекия: в ватиканской его амфоре с Ахиллом, Аяксом и братьями Диоскурами, в булонской амфоре со сценой самоубийства Аякса. Потом это будет взято на вооружение и мастерами V в. до н. э.

Внутри мюнхенского килика – сцена чудесного плавания Диониса, который сам освободил себя из плена тирренских разбойников. Сюжет этот изве-

[10] Берлин, 1811-26 и Афины, 2414-17.

стен по VII Гомеровскому гимну (Hymni Hom. VII). Однако датируется сам гимн (в любом варианте его определения) временем более поздним, чем рассматриваемый килик Эксекия. Это свидетельствует о том, что к середине VI в. до н. э. миф о плавании Диониса уже вполне сложился. Тот же сюжет отражен и в известном фрагменте из Аполлодора[11].

По Аполлодору, во время плаванья с острова Икария на о. Наксос Дионис был похищен разбойниками-тирренцами, которых привлекла его красота. Они заковали Диониса в цепи, чтобы продать потом в рабство. Однако оковы упали с его рук сами, мачта корабля оплелась виноградными лозами и плющом. Дионис же, принявший облик льва, кинулся на разбойников. Они в страхе бросались в море, превращаясь в дельфинов.

По существу Эксекием представлена сцена триумфа Диониса. Такие сцены были излюбленными в греческом архаическом искусстве. В 40–20-е гг. VI в. до н. э. греки с величайшей охотой изображали сцены триумфа и богов, и героев (особенно Геракла). Мы находим их и в скульптурном рельефе, и в живописи.

Дионис Эксекия спокойно плывет на корабле, окруженный хороводом дельфинов. Они то выпрыгивают из морской глубины, то снова погружаются в нее. Нет морских волн, нет колышущейся поверхности, – но есть живое море, потому что есть этот ассоциативный ряд – гибкие фигурки плещущихся, сверкающих на солнце дельфинов. Реалистичность этой части изображения, так артистично вписанного в круг, исключительно велика. Следует сказать, кстати, что оно не является здесь так называемым клеймом, т. е. не имеет широкого орнаментального обрамления, как это бывало у других мастеров. У Эксекия изображение занимает всю внутреннюю поверхность килика, следуя меридиональному принципу, что соответствует ионийской традиции[12]. Помимо всего прочего, эта часть изобразительного декора вазы усилена самой вогнутой ее поверхностью, и это весьма существенно. Дельфины как бы подняты ею вверх, «подброшены» и приближены к плывущему кораблю и к тому, кто держит в руках этот килик. Очень точно рассчитано, – хотя мы и не замечаем этого, считая естественным, – место каждого из них в нижнем регистре изображения. По две фигурки фланкируют носовую и бортовую часть судна, а три находятся перед кораблем: итого – семь. Это, конечно, не случайно. 7 – особое, священное число. Хорошо заметно, что дельфины не совсем одинаковы по своему размеру, есть больше и – меньше. Видно, как они образуют подвижную цепь – двойную дугу, вторящую очертаниям окружности килика, и как эти большие дуги «разбиваются» малыми, потому что тело каждого дельфина – тоже дуга. В резуль-

[11] *Apollod.* III. 5,3.
[12] Grinten van der 1966.

тате – сложнейший ритм, своеобразный орнаментальный ряд – обращенность внутрь и наружу, открытость и замкнутость композиции.

Дельфин всегда был добрым символом для грека и более всего – для мореплавателя[13]. Истории о дельфинах, помогавших людям в бурю спасти корабль, уцелеть во время кораблекрушения, были бесчисленны и рассказывались повсеместно. Дельфинов часто изображали на корпусе кораблей, головы их могли быть завершением носовой части (даже тараном, если это был военный корабль).

Эксекий тоже изображает двух маленьких белых дельфинов на корпусе судна. Нарисованные и живые дельфины (кстати, они уже не воспринимаются как тирренские разбойники, и это было понятно зрителю) служат как бы залогом счастливого плаванья. Живые дельфины являются одновременно и частью триумфального кортежа, своеобразной «свитой» божества.

Дионис возлежит на палубе корабля, как знатный грек на клине во время пира. Фигура его (а именно это и подобает божеству) сохраняет невозмутимый покой. Она величественна в своей позе и превосходит человеческую, заполняет собой все пространство палубы: от полубака до сильно изогнутой кормы с двумя кормовыми веслами и трапом. Эксекий очень точен в деталях, это важно для него. Миф – это особая реальность в понимании греков, а реальность – нечто, близкое мифу. Так считали греки не только в это время, но и много, много позднее.

Дионис неторопливо пьет из рога (поза довольно сложная, но очень характерная) и как будто вглядывается в даль. Корабль, на котором он плывет, как всегда у греков, тоже – живое существо (часто имеющее даже свое имя). Его защищают не только маленькие дельфины у борта, но и символические фигурные изображения в носовой и кормовой части. Впереди – это голова тунца или гиппокампа (определить трудно), голова с широко раскрытым глазом (что имело явно особое значение, значение оберега), а сзади – высоко поднятая над кормой голова утки или селезня. Об устойчивости на воде этих птиц знали и помнили с глубокой древности все народы, кроме того, – утка воспринималась вообще как символ водной стихии.

Движение корабля обозначено самой его формой. Рассекающий волны острый нос, завершенный прямоугольным полубаком, защищающая от волн высоко поднятая корма и длинное, как у рыбы, тело-корпус[14]. И опять нет моря,

[13] Lexicon der Antike 1987 – Словарь античности 1989: 174 («Дельфин»). Изображения дельфинов были распространены в греческой вазописи архаического периода: и в произведениях ориентализирующего стиля (особенно в Коринфе), и в произведениях чернофигурного стиля (в Восточной Греции, в Аттике и Великой Греции).

[14] Casson 1971; Петерс 1982 (1988).

нет волн, но есть ощущение плывущего корабля, покачивающегося на волнах и уверенно двигающегося вперед.

Над спокойно возлежащим Дионисом, представленным в поистине царском узорном наряде, развернут надутый попутным ветром ярко-белый парус. Об его особой роли в этом изображении уже говорилось выше. Он не только показывает направление движения, усиливает ощущение глубины окружающего пространства, но и обеспечивает большую надежность, устойчивость корабля на воде. Есть парус – есть ветер, есть ветер – есть море. Мачта корабля, поднимающаяся за Дионисом, сплошь увита двумя виноградными лозами, стволы которых причудливо переплетаются огромными восьмерками, устремляясь все выше и выше. Кажется, они действительно растут у нас на глазах. Лозы широко раскинули свои ветви, образуя еще одну сдвоенную дугу, повторяющую очертания края килика.

Тяжелые виноградные гроздья имеют у Эксекия разную конфигурацию. Их тучность, грузность подчеркивается разреженным расположением и чередованием с изящными резными листьями, которые близки им по очертанию. Подчеркнуто это и самим процарапанным, ювелирно-тонким внутренним рисунком. Эффект вогнутой поверхности усиливает впечатление, производимое этой частью композиции. Лозы нависают над кораблем, оживают в своем движении, становятся и защитой, и ореолом божества, символом которого являются.

Не случайно было замечено, что в этой композиции нет ни четких горизонталей, ни четких вертикалей. Это и в самом деле так. Вертикаль мачты чуть отклонена назад, горизонталь же корпуса судна чуть приподнята с одной и другой стороны и потому приближена к дуге. Впрочем, эта дуга имеет совсем иное очертание и направление, чем прочие дуги в данной композиции. Нет четко фиксированного геометрического центра, хотя смысловой центр выявлен художником. В результате можно говорить об устойчивости и подвижности одновременно, потому что разные направления и силы полностью уравновешены, согласованы. Это и есть та самая гармония, к которой стремились многие художники той эпохи. По существу, рассматриваемая композиция синтезирует разные изобразительные принципы (здесь намечен переход от меридионального к многоугольному принципу построения), что тоже интересно[15].

Удивительно, но корабль Диониса (и в этом суть мифа) движется вперед без гребцов. Он плывет, направляемый только чудесной силой самого Диониса. Сам бог остается спокойным во всех своих изображениях, но приводит в возбужденное состояние тех, кто находится рядом с ним. Пивший из этого килика и видевший на дне изображение Диониса через прозрачное вино, сам, – что

[15] Grinten van der 1966.

естественно для представления греков, – вкушал силу этого божества, постигал его сущность и величие, проникаясь значимостью древнего культа.

Еще один аспект, важный для понимания центрального изображения. Согласованность его с направлением ручек килика, включение их в общую композицию. Ручки располагаются чуть вкось по отношению к вписанному в круг изображению с кораблем Диониса, это нетрудно заметить. Но как же в таком случае должно восприниматься и читаться представленное внутри чаши? Если килик держали за обе ручки, корабль Диониса плыл почти прямо на смотрящего, если его держали только за одну ручку (что греки любили делать), – направление корабля могло меняться, отчего ощущение движения становилось еще сильней. Ручки при взгляде сверху замыкали картину, имевшую очень тонкое линейное обрамление, вместе с тем они придавали изображению еще большую активность, направляя взгляд к самому центру.

Изобразительное искусство, более ограниченное в своем языке, на целое столетие отставшее от литературы, от греческой поэзии, на этом этапе архаики, наконец, приблизилось к ее достижениям, создав собственные поэтические шедевры. Эксекий говорит почти как Архилох или Алкей. Его изображение с Дионисом в мюнхенском килике удивительно музыкально, поэтично. Представленное воспринимается как изобразительная лирика, не иначе.

Выбор сюжета для данного килика, конечно, неслучаен. Он – полностью в духе времени и вкусов западных заказчиков. Дионисийская тематика была широко распространена не только в греческом, но и в этрусском искусстве второй половины VI в. до н. э. Возможно, это объясняется тем, что этрусский бог Фуфлунс почитался в древней Италии еще задолго до того, как был привнесен греческий культ. Важно и то, что выбранный Эксекием мифологический сюжет косвенно соотносился с историей Средиземноморья, в которой тесно переплетались роли, связи и влияния всего древнего населения (особенно – финикийцев, этрусков и греков, если говорить о I тыс. до н. э.). Миф о Дионисе и тирренских разбойниках, достаточно популярный в греческой литературе и изобразительном искусстве в разные периоды, связан своим происхождением с очень ранним временем, по-видимому, – еще с VIII в. до н. э. Возник он, как справедливо считают многие, не на Западе, а на Востоке, в бассейне Эгейского моря (хотя тиррены для греков и отождествлялись с самими этрусками)[16]. Тиррены (как и пеласги), может, и являвшиеся предками этрусков, как думают отдельные специалисты, в ранний период архаики еще действительно жили на целом ряде островов Эгейского моря (в частности, на Лесбосе и Лемносе, что известно от Гелланика и других античных авторов)[17]. То, что они могли вы-

[16] Немировский 1983: 34–35; Riemschneider 1953; Grawford 1958.

[17] FHG I Hell: frg. 121; Civiltá degli Etruschi 1985; Torelli 1981; Pallottino 1984; Немиров-

ступать в роли пиратов так же, как финикийцы, особых сомнений не вызывает. Сюжет о тирренских разбойниках, возможно, служил в образной форме не только напоминанием об историческом прошлом, но и отражением конкретной ситуации (известно, что пиратство снова стало явлением угрожающим по своим масштабам к концу VI в. до н. э.).

С крушением их талассократии влияние этрусков в Древнем мире постепенно ослабевало, усиливалось влияние греков и Карфагена. Понятно, что на торговые связи греков и этрусков это не могло не повлиять: контакты расширялись, и отчасти за счет греческого экспорта. То серийное керамическое производство, которое мы наблюдаем в Аттике во второй половине VI в. до н. э., – тому подтверждение. Предназначалась эта продукция по большей части именно для этрусков. Уже отмечалось, что в этрусских центрах обнаружено большое количество произведений греческой расписной керамики, в том числе, и вазы лучших мастеров этого времени, таких, как Лидос, Амасис, Эксекий, Никосфен, Андокид и др. То, что килик Эксекия, о котором идет речь, происходит из этрусского некрополя, – факт обычный, дополнительных объяснений не требующий[18].

Ориентация на этрусков, их верования и представления была вполне обоснованной. В килике Эксекия тоже есть не сразу уловимый подтекст, связанный с заупокойным культом и ритуалом, которым этруски придавали такое большое значение. Существует и хтонический аспект в интерпретации сюжета изображений на этом килике, и он вполне соотносится с самим культом Диониса, бога вечного плодородия и возрождения, отношение к которому заметно усложняется к концу архаического периода. Следует заметить, что изображения ныряющих дельфинов – посредников между миром Земным и миром Подземным, разделяемыми водной стихией, тоже имеют соответствующее символическое значение. В живописи этрусских гробниц они встречаются постоянно[19]. Контакты греческих керамистов с этрусками были разносторонними. Иногда ориентация на этрусский вкус выражалась не только в выборе сюжетов и образных решениях, но и в самих формах изготовлявшихся сосудов. Известно, например, что мастерская Никосфена в 20–30-е гг. VI в. до. н. э. использовала в качестве образца для себя этрусские вазы стиля «буккеро», широко распространенные на западных территориях. Возможно, в поисках новой формы Эксекий тоже имел в качестве прототипа не только греческие, но и этрусскую форму чаши.

ский 1983: 38–61.

[18] Alfieri, Arias, Hirmer 1958–1960.

[19] Примером такого памятника может служить знаменитая гробница Львиц в Тарквинии, росписи которой относятся к последним десятилетиям VI в. до н. э. Pallottino 1953: 43–48.

Творческий синтез, с которым мы имеем дело в килике с Дионисом, этого не исключает. Килики, подобные килику Эксекия, вполне могли иметь прототипом и распространенные во второй половине VI в. до н. э. этрусские сферические чаши на низкой ножке. Только отсутствие ручек по существу отличает их от греческих киликов нашего типа.

Если принимать во внимание все сказанное, становится понятным и то совмещение центрального сюжета с сюжетом наружных композиций в килике Эксекия, которое поначалу остается не вполне осознанным. Тема жизни и смерти, вечного возрождения в природе, прекрасный, связанный с этим образ самого бога – покровителя и защитника, справедливого и могущественного владыки природных сил – это то главное, что стремился воплотить в своем произведении мастер, виртуоз-рисовальщик и виртуоз-живописец.

Какому именно культу Диониса были посвящены изображения на килике Эксекия, наверное, так и останется загадкой. Можно однако предположить, что они могли быть связаны с культом Диониса, почитавшегося как Лиэй – освободитель, разрывающий всякие путы, снимающий любые оковы, сокрушающий стены и повергающий в страх коварных врагов[20]. Возможно, существовал и хтонический аспект этого культа[21].

Если это так, все представленные художником образы и все аспекты интерпретации хорошо соединяются, создавая органичное целое.

Резюме

Аттический чернофигурный килик с Дионисом мастера Эксекия, одного из лучших греческих вазописцев архаического периода, относится к числу шедевров мирового искусства графики. Разносторонний анализ этого произведения позволяет в полную меру осознать его художественное и культурно-историческое значение. Происхождение из этрусского некрополя, выбор определенного сюжета, связанного с дионисийским культом, необычная форма и крупные размеры вазы свидетельствуют о сакральной ее функции и ориентации на этрусские верования и представления. Во 2-й половине VI в. до н. э. многие аттические гончарные мастерские работали на западный рынок и этрусских заказчиков. Это подтверждает археологический материал, найденные памятники искусства и сама историческая ситуация в данный период.

Ключевые слова: Эксекий, килик, аттическая вазопись, чернофигурная вазопись, Дионис

[20] Nilsson 1955: 564 ff. – «Dionysos»; Мифы народов мира 1980–1982. Т. 1: 380 – 381 – «Дионис».

[21] Cristofani 1983: этрусские археологические вазы, № 32 – канфары и чаши.

Exekias. Black-figure cup with the image of Dionysos

N.M. Nikulina

Athenian black-figure Dionysian cup by Exekias, one of the best archaic greek vase-painters, pertains to the world graphic art chefs d'œuvre. Thorough analysis of this masterpiece allows to realize its artistic, cultural and historical significance in a full scale. Its provenance from the Etruscan necropolis, chois of the special Dionysian scene, uncommon form and large vase size witnessis to its sacred function and some relation to the Etruscan believes. In the second half of the VI BC a lot of attic ceramic workshops catered to the western market and the Etruscan customers, that has support in archaeological data, art masterpieces and historical context.

Keywords: Exekias, Dionysos, Athenian black-figure cup, attic ceramic art

Литература

Мифы народов мира. 1980–1982: Т. 1, 2. М. Т. 1: «Дионис». С. 380–381.

Немировский А.И. 1983: Этруски. От мифа к истории. М.

Петерс Б.Г. 1982 (1988): Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Alfieri N., Arias P.E., Hirmer M. 1958–1960: «Spina». Firenze.

Arias P. E., Hirmer M., Shefton B.B. 1962: A History of Greek Vase-Painting. London.

Auktion 40. 1969: Kunstwerke der Antike aus Privatbesitz. Basel.

Beazley J.D. 1951: The Development of Attic Black-figure. Berkeley and Los Angeles.

Beazley J.D. 1959: Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford.

Bloesch H. 1940: Formen attischer Schalen: von Exekias bis zum Ende des strengen Stils. Bern.

Boardman J. 1993: Athenian Black-Figure Vases. A Handbook. London.

Boardman J. 2001: The History of Greek Vases. Potters, Painters and Pictures. London.

Casson L. 1971: Ships and Seamanships in Ancient World. Princeton, New York.

Civiltá degli Etruschi / A cura di M. Cristofani. 1985: Milano.

Cook R.M. 1960: Greek Painted Pottery. London.

Cristofani M. 1983: Gli Etruschi del Mare // Archeologia. Vol. 6. Milano.

Fragmenta Historicum Graecorum. 1841–1870: I Hell.

Grawford O.G.S. 1958: The eye goddess. London.

Grinten E.F. van der. 1966: On the composition of the medallions in the interiors of Greek black- and red-figured kylixes. Amsterdam.

Hamdorf F.W. 1990: Augen und Masken / Kunst der Schale. Kultur des Trinkens, Austellung / K. Vierneisel, B. Kaeser (Hrsg.). München. S. 417–421.

Hoppin J.C. 1919: A Handbook of Greek red-figured vases, signed by or attributed to the various masters of the sixth and fifth centuries B.C. Cambridge (Mass.)

Hoppin J.C. 1924: A Handbook of Greek Black-figured Vases. Paris.

Kaeser B. 1990: Die große Zeit der Kleinmeisterschalen / Kunst der Schale. Kultur des Trinkens, Austellung / K. Vierneisel, B. Kaeser (Hrsg.). München. S. 55–60.

Lexikon der Antike. 1987: Bibliographisches Institut. Leipzig. – *Словарь античности.* 1989: M.

Nilsson M.P. 1955: Geschichte der griechischen Religion. München.

Pallottino M. 1953: Etruscan Painting. Bern.

Pallottino M. 1984: Etruscologia. Milano.

Pfuhl E. 1923: Malerei und Zeichnung der Griechen. München. Bd. 1–3.

Richter G.M.A. 1952: Greek Painting. New York.

Richter G.M.A. 1953: Attic Black-Figured Kylikes. CVA, USA: Metropolitan Museum of Art, New York. Fasc. 2. Cambridge (Mass.).

Riemschneider M. 1953: Augengott und heilige Hochzeit. Leipzig.

Robertson C.M. 1959: Greek Painting. Geneva.

Rumpf A. 1953: Malerei und Zeichnung der Griechen. München.

Siedentopf H.B. 1990: Der Wein und das Meer / Kunst der Schale. Kultur des Trinkens, Austellung / K. Vierneisel, B. Kaeser (Hrsg.). München. S. 319–324.

Simon E., Hirmer M. 1969: Götter der Griechen. München.

Simon E., Hirmer M. 1981: Die griechische Vasen. München.

Technau W. 1936: Exekias. Leipzig.

Torelli M. 1981: Storia degli Etruschi. Bari.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 68–88

СТАТЬИ

Г.Р. Цецхладзе

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Предлагаемые читателю замечания выражают итог моих последних размышлений о греческой колонизации Колхиды, поводом к которым послужили статьи М.Ф. Высокого о колонизации Восточного Причерноморья[1] и Е. Кахидзе о сходстве и различии колонизационных процессов в различных частях черноморского побережья[2].

Прибытие греков

О греках и греческих колониях в Колхиде написано много[3], и поэтому нет необходимости вдаваться в детали. Однако я обязан подчеркнуть, что выводы относительно основания трех греческих колоний – Фасиса, Гиеноса и Диоскуриады – в середине VI в. до н. э. основаны больше на поздних письменных свидетельствах, чем на каком-либо (несуществующем) современном их основанию источнике, а также на описании общей исторической ситуации, сложившейся к этому времени в Причерноморье и Малой Азии. Археология здесь мало чем может помочь: Фасис еще не локализован, территория Гиеноса – во-

[1] Высокий 2004.

[2] Kakhidze 2008. Следует заметить, что автор незнаком с новейшей литературой и, когда пишет о Западном, Северном и Южном Причерноморье, ссылается исключительно на советские работы 50–70-х гг. XX в.

[3] См., например: Lordkipanidze 2000; Tsetskhladze 1998; Hind 1999a: 77–84; 1999b: 25–34; Avram, Hind and Tsetskhladze 2004: 952–953. См. также: Цецхладзе 1997; 1994; 1998 (эти работы широко цитируются и обсуждаются в: Высокий 2004); Tsetskhladze 1998.

прос спорный, а Диоскуриада (ныне Сухум(и)) – частью под водой, частью под современным городом[4]. По этой причине доступны только вторичные археологические источники – с окружающей территории Сухума/Диоскуриады и Поти, предполагаемого Фасиса. Существуют археологические основания предполагать еще одно ионийское поселение на территории современного Цихисдзири (византийская Петра)[5] и, возможно, еще одно в Пичвнари.

Недавно на основании открытия в Батумис Цихе[6] небольшого количества восточно-греческой керамики (включая амфоры)[7] было вновь высказано мнение о том, что первые греки прибыли в этот регион еще в конце VII в. до н. э. В целом же, основание греческих поселений/колоний в Колхиде продолжает оставаться полем дискуссий, о причинах которых я сказал выше. Примера ради, можно указать хотя бы на то, что основание Фасиса Милетом относится разными исследователями то к концу VII – началу VI в. до н. э., то ко времени между 600 и 570 гг., то к первой половине VI в. до н. э., то к середине VI в. до н. э., то ко второй половине VI в. до н. э., то к концу VI в. до н. э., то к концу V – началу IV в. до н. э.[8]

Кроме Батумис Цихе, небольшое количество керамики первой половины VI в. до н. э. было найдено в местном поселении недалеко от предполагаемого греческого Фасиса; немного восточно-греческой керамики известно из хинтерланда по реке Фасис в Вани и Кутаиси; в Эшере, поселении, находящемся недалеко от Диоскуриады, была обнаружена восточно-греческая керамика также первой половины VI в. до н. э.[9], включающая три фрагмента в стиле «дикого козла»; кроме того, восемь фрагментов восточно-греческой керамики известны с Холма Верещагина, находящегося в непосредственном соседстве с Сухумом/Диоскуриадой[10]. И повсеместно, в то время как одни находки широко датированы первой половиной VI в. до н. э., другие описываются как относящиеся к середине VI в. до н. э., началу – первой трети VI в. до н. э. или ко времени между 600 и 540 гг. до н. э.

Сколько же фрагментов ранней греческой керамики известно на сегодняшний день? Я полагаю, что не более пятидесяти, возможно, и меньше. Проблема

---

[4] Другая сложность состоит в том, что даже если какая-то часть территории и не затронута современными постройками, грунтовые воды находятся всего лишь в двух метрах под поверхностью почвы. См.: Шамба 2000: 56–60, 171. См. также: Шамба 2005: 82–86.

[5] См.: Vashakidze and Inaishvili 2002.

[6] См.: Kakhidze 2008: 56.

[7] Kacharava 1995: 63–66.

[8] Общий очерк см.: Lordkipanidze 2000: 61, n. 325.

[9] Керамика опубликована или упомянута в: Kacharava 1995: 63–66; Kerschner 2006: 227–250.

[10] Tsetskhladze 2006a: 106–109.

заключается в том, что многие фрагменты до сих пор не опубликованы должным образом. В поселениях какого типа была обнаружена эта керамика? Во всех случаях, это – местные селения, которые, возможно, судя по археологическим данным, были резиденциями местных вождей и знати[11]. Та же ситуация наблюдается и в зоне хинтерланда Северного Причерноморья[12].

Мне уже приходилось писать об интерпретации этого вида керамики и специально отмечать, что присутствие в местном контексте древнейшей греческой керамики, которая опережает дату основания здесь греческих городов, не может считаться свидетельством того, что рядом с местными поселениями существовали греческие колонии[13]. Данная керамика могла появиться здесь в силу самых разных обстоятельств и через посредство многих промежуточных владельцев. Таким образом, нельзя использовать эти фрагменты греческой керамики для доказательства того, что ее привезли сюда сами греки: любой мог сделать это и по множеству причин.

Многие из указанных фрагментов датируются серединой VI в. до н. э., когда греки уже обосновались в этом регионе или же только прибывали сюда, и поэтому, как и в Северном Причерноморье, данные находки можно считать подарками местным вождям[14].

Г.К. Шамба высказал мнение, основанное на находках ранней греческой керамики, о том, что именно Эшера была первым местом, где высадились греки в этом регионе. Он даже подсчитал, что всё поселение занимало 4 га, а греки – всего1 га[15]. Я уже высказывался раньше относительно этой интерпретации[16], показывая, что такой небольшой объем керамики не может служить доказательством греческого присутствия на поселении, большая часть найденной керамики которого – местного происхождения, и где не обнаружено никаких следов построек или вообще какой-либо архитектуры, которую можно было бы связать с ранними образцами греческой керамики. Кроме того, Эшера – поселение, находящееся внутри материка, и вряд ли греческие колонисты поселились бы здесь, среди очень враждебного местного населения: это – северо-запад нынешней Грузии, населенный гениохами, ахеями и дзигами (*Diod. Sic.* 20. 25; *Strab.* 11. 2. 12; *Plin.* NH. 6. 15. 16).

[11] Tsetskhladze 2006a.

[12] Tsetskhladze 2007a: 37–70. О похожей ситуации в хинтерланде Южного Причерноморья см.: Summerer 2007: 27–36; 2005b: 125–139; 2004/2006: 186–202.

[13] Tsetskhladze 2007a: 43–54.

[14] М.Ф. Высокий (2004: 401) более осторожен в своей интерпретации ранней греческой керамики, которая опережает традиционные даты основания греческих колоний в Колхиде, и согласен с моими наблюдениями.

[15] Шамба 2000: 170.

[16] Tsetskhladze 2006a.

О.Д. Лордкипанидзе, интерпретируя раннюю греческую керамику с поселений по реке Фасис и недалеко от современного Поти в связи с датировкой основания Фасиса, правильно отмечает:

> Находки импортных греческих товаров на таких поселениях могут указывать на существование колоний, но не всегда: импортные изделия на варварских поселениях могут также быть следствием деятельности временных торговых факторий или даже отдельных заезжих торговцев. При нехватке иных данных для датировки любые заключения относительно времени основания Фасиса будут лишь гипотетичными[17].

Резюмируя сказанное, следует отметить следующее: Колхида расположена восточнее по причерноморскому побережью от того места, где появились первые греческие колонии во второй половине VII в. до н. э. Следовательно, не следует исключать возможности того, что ранняя греческая керамика появилась в Колхиде вследствие торговли или же каких-либо других причин. В будущем, если появится больше надежных свидетельств, мы, наверное, сможем поставить под вопрос признанную ныне датировку основания греческих колоний в Колхиде. Это и неудивительно: то, что мы имеем сейчас, – до сих пор лишь косвенные источники о греческих колониях, и ни одна из этих трех колоний (Фасис, Гиенос и Диоскуриада) не была должным образом исследована археологически или даже точно локализована[18].

Колхидское царство, колхидские монеты и Ахемениды

До сих пор продолжает озвучиваться мнение о существовании «сильного» Колхидского царства, созданного в конце VI – начале V в. до н. э. и мешавшего грекам в основании типичных эллинских полисов на Колхидском (грузинском) побережье Черного моря[19]. На какие же источники опирается это мнение? [20] Во-первых и главным образом, на труд Геродота:

> Выше персов к северу живут мидяне, над мидянами саспиры, выше саспиров – колхи, простирающиеся до северного моря, в которое

[17] Lordkipanidze 2000: 59. В другом месте той же работы он датирует основание Фасиса 600–570 гг. до н. э., что, кстати, совершенно противоположно утверждаемому им на стр. 59 той же работы (Ibidem: 61).
[18] Tsetskhladze 2006a: 108.
[19] Kakhidze 2008: 56.
[20] Ibidem.

изливается река Фасис. Эти четыре народа занимают пространство от моря до моря (*Hdt.* 4. 37)[21].

А также на «Анабасис» Ксенофонта:

… поскольку имеются корабли, лучше всего было бы плыть к Фазису и захватить страну фазиан. (37) Там царствовал тогда потомок Ээта (*Xen.* Anab. 5. 6. 36–37)[22].

Привлекается также информация, которую дает Страбон (*Strab.*11. 2. 15–17)[23]. Правда, сразу же следует сказать, что Страбон в этих пассажах не дает ничего, кроме географического описания, и ничего не говорит собственно о Колхидском царстве. Что до Геродота, то он не дает никакого намека, что считает Колхиду великим царством. Исследователи, желающие интерпретировать этот отрывок из «Истории» в данном ключе, особо подчеркивают тот факт, что колхи перечисляются в одном ряду с такими могущественными народами, как персы и мидяне, из чего и делают заключение, что колхи были столь же сильны, как и их соседи. Исходя из этой интерпретации, саспиры, упомянутые в том же отрывке, тоже должны считаться народом, основавшим сильное государство, однако, такого вывода не делается ни одним исследователем. Более вероятно, что Геродот просто перечисляет эти народы в географическом порядке, с юга (персы) на север (колхи), не подразумевая при этом какие-либо общие качественные характеристики.

Ксенофонт говорит о «стране фазиан». Древние авторы иногда называли колхов «фазианами», а их страну – «Фасис», скорее всего потому, что Фасис был в этой местности главным греческим городом.[24] На этом факте строятся некоторые аргументы сторонников теории «сильного Колхидского царства», однако даже если согласиться с синонимичностью понятий «страна фазиан» и «Колхида», Ксенофонт так или иначе описывает свое собственное время, то есть время почти столетие спустя после предполагаемой даты основания Колхидского царства. Без сомнения, в Колхиде с середины или конца V в. до н. э. существовало некое протогосударство, что подтверждают раскопки в Вани и

[21] Перевод Ф.Г. Мищенко. Ἐν μέσῃ Ἀσίῃ> Πέρσαι οἰκέουσι κατήκοντες ἐπὶ τὴν νοτίην θάλασσαν τὴν Ἐρυθρὴν καλεομένην· τούτων δ' ὑπεροικέουσι πρὸς βορέην ἄνεμον Μῆδοι, Μήδων δὲ Σάσπειρες, Σασπείρων δὲ Κόλχοι κατήκοντες ἐπὶ τὴν βορηίην θάλασσαν, ἐς τὴν Φᾶσις ποταμὸς ἐκδιδοῖ. Ταῦτα τέσσερα ἔθνεα οἰκέει ἐκ θαλάσσης ἐς θάλασσαν.

[22] Перевод М.И. Максимовой. Καὶ δοκοίη κράτιστον εἶναι πλεῖν εἰς Φᾶσιν, ἐπεὶ πλοῖα ἔστι, καὶ κατασχεῖν τὴν Φασιανῶν χώραν. Αἰήτου δὲ ὑιδοῦς ἐτύγχανε βασιλεύων αὐτῶν.

[23] Цитируется в: Kakhidze 2008: 56.

[24] Например, Hind 1996.

Сайрхе[25]: оба памятника, находящиеся далеко от побережья, демонстрируют существование стратифицированного общества. Но, опять же, следует отметить, что существование этого стратифицированного общества датируется на столетие позже, чем греческая колонизация. Даже если мы согласимся с тем, что Колхидское царство существовало уже с конца VI в. до н. э., остается непонятным, как оно могло помешать созданию греческих полисов, если они были основаны уже в середине VI в. Так или иначе, Колхидское царство не было ни сильным, ни централизованным. Это очевидно следует из свидетельства Страбона (11. 2. 18) о том, что «Последующие цари-преемники владели страной, разделенной на "скептухии", но благополучие их было невелико» (μετὰ δὲ ταῦτα διαδεξάμενοι βασιλεῖς εἰς σκηπτουχίας διῃρημένην ἔχοντες τὴν χώραν μέσως ἔπραττον). Археологические данные из Вани и Сайрхе, которые были резиденциями местной элиты и, скорее всего, «столицами» «σκηπτουχίαι», как кажется, подтверждают свидетельство Страбона[26].

Колхидские серебряные монеты тоже часто используются в качестве аргумента в пользу существования так называемого Колхидского царства[27]. Несмотря на существование обширной историографии, этот вопрос продолжает оставаться нерешенным, крайне запутанным и открытым для спекуляций[28]. Какова датировка этих монет и кто чеканил их?

Существует несколько номиналов и типов монет: тетрадрахмы, дидрахмы, драхмы, гемидрахмы/триоболы и гемитетратемории[29]. Известно лишь три образца тетрадрахм; места, где они были найдены, однако неизвестны. Исходя из стилистических и типологических соображений, монеты датированы концом VI в. до н. э. Считается, что изображение львиной головы на аверсе этих монет восходит к милетским традициям чеканки.

Среди дидрахм различают три типа. Известно девять экземпляров типа «А», пять из которых были найдены в Колхиде. Однако и в этом случае нет никаких признаков, по которым их можно было бы точно датировать, и опять приходится полагаться на анализ стиля, который позволяет отнести эти монеты к последней четверти VI в. до н. э. Тип «В», к которому относятся 19 экземпляров, два из которых оставались неопубликованными до 1993 г.[30], датируется, опять же без каких-либо веских на то оснований, первой половиной V в. до

[25] Lordkipanidze 2002: 153–183.

[26] Ibidem.

[27] Kakhidze 2008: 56.

[28] Про эти монеты см.: Dundua and Dundua 2006: 30–41; Дундуа 1987: 9–32; Doundoua 1982; Furtwängler 2002; Hind 1996; 2005; Vickers, Kakhidze and Varshalomidze 2010; Tsetskhladze 1993: 236–241.

[29] Литературу на эту тему см. в примеч. №. 28.

[30] Tsetskhladze 1993: 238.

н. э. Тип «С» был представлен одним экземпляром, ныне утерянным. Драхма представлена единственным экземпляром, который был датирован V в. до н. э. Где он был обнаружен, также неизвестно.

Среди монет-триоболов выделяют два типа. Первый известен на примере лишь четырех образцов, широко датированных VI–V вв. до н. э. Второй тип, напротив, представлен более чем 6000 образцов, которые отнесены к V–III вв. до н. э. и происходят, в основном, из погребений и кладов[31]. В погребениях обычно бывает одна или две таких монеты, но иногда встречаются группы из восьми или даже восьмидесяти[32]. Некоторые исследователи видят в этом большом количестве триоболов свидетельство высокоразвитого монетного обращения и рыночной экономики в классической и эллинистической Колхиде[33]. Однако тот факт, что монеты во внутренней территории Колхиды известны, в основном, из погребений и кладов, может с тем же успехом свидетельствовать и о том, что монеты ценились лишь из-за содержащегося в них серебра, то есть рассматривались прежде всего как объекты из драгоценного металла, а не как деньги.

Абсолютное большинство местных колхидских монет анэпиграфичны, но на 140 экземплярах, датирующихся эпохой с конца IV в. до н. э., есть греческие буквы[34]. Почему на монетах присутствуют буквы и что они обозначают, остается предметом дискуссий. Выдвигалось два основных мнения: либо это знаки печатного двора, либо сокращения имен магистратов[35]. Всего известно восемь букв, и сложно поверить, что в Колхиде было восемь разных монетных дворов, так что вторая гипотеза кажется более правдоподобной. М.Ф. Высокий предлагает третью возможную интерпретацию: каждая буква или их комбинация представляет собой обозначение года, как на монетах Сицилии и Самоса[36]. Уже в течение долгого времени некоторые исследователи, в том числе и автор этой статьи, считают, что колхидские монеты чеканились не Колхидским царством, но греческой колонией Фасис[37], и не в последнюю очередь для того, чтобы развивать торговые отношения с жителями удаленной от побережья части страны[38]. Этой точке зрения постепенно отдают предпочтение все больше и больше учёных. Она подразумевает существование в Колхиде достаточно развитых местных структур управления, например, монархического государства, а также понимание концепции использования денег как универсального эквивалента

[31] Шесть монет из Ашмолеанского музея опубликованы в: Tsetskhladze 1993: 239–240.
[32] Tsetskhladze 1993: 239 (с библиографией).
[33] Dundua and Dundua 2006: 40.
[34] Tsetskhladze 1993: 240; Dundua and Dundua 2006: 31.
[35] Tsetskhladze 1993: 240; Dundua and Dundua 2006: 31.
[36] Высокий 2004: 403.
[37] Tsetskhladze 1993: 249–250.
[38] Dundua and Dundua 2006: 35–41.

при обмене. Однако массовые находки оболов второго типа относятся к эпохе с конца V в. до н. э., когда на территории Колхиды, как было отмечено, с большой вероятностью уже существовало некое протогосударственное образование. Таким образом, все оказывается на своем месте, а источники поддерживают друг друга.

Но что же можно сказать о более раннем периоде и тетрадрахмах и дидрахмах? Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что хронологическая атрибуция вышеназванных монет не имеет достаточно прочных оснований и строится лишь на стилистическом и типологическом анализе. Количество образцов также невелико, а место происхождения в большинстве случаев неизвестно. Считать ли их, таким образом, вообще «колхидскими»? Возможны ли другие интерпретации? Прежде всего следует отметить, что, как уже было убедительно доказано[39], датировка монет архаического периода, основывающаяся лишь на стилистических и типологических соображениях, может оказаться ошибочной. Раньше считалось, что первые серебряные монеты Пантикапея относятся к середине VI в. до н. э., однако на самом деле чеканка началась лишь в самом начале V в.[40]. Существует множество других примеров такой передатировки архаических серебряных монет из разных областей древнего мира более поздним временем. Например, первые лидийские серебряные монеты были выпущены между 561 и 546 г. до н. э. при царе Крезе, а греческие ионийские города начали чеканку серебряных монет только после 547 г.[41]

Я уже писал[42] о том, что бычья голова на ранних колхидских монетах очень похожа на изображения на монетах Персидских царей середины – второй половины VI и V в. до н. э. Изображение львиной головы также сильно напоминает персидские образцы, а изображения головы Пегаса – изображения на монетах, чеканившихся персидскими сатрапами Мизии. И львиные, и бычьи головы изображались и на монетах сатрапов Лидии и Карии и очень сходны с колхидскими. Не следует исключать возможность того, что колхидская чеканка монет имела непосредственное отношение к монетным выпускам ахеменидских сатрапий, и, таким образом, Колхида была частью империи Ахеменидов. До настоящего времени считалось, что Колхида была не имперской сатрапией, а лишь зависимым царством или буферным государством[43]. Однако если с большим вниманием изучить некоторые свидетельства Геродота (3. 97; 3. 93; 7.

[39] Например, см.: Коваленко, Толстиков 2010a (с библиографией).
[40] Коваленко, Толстиков 2010a: 31–43, 59; 2010b.
[41] Коваленко, Толстиков 2010a: 47, 55 (с библиографией).
[42] Tsetskhladze 2008: 439–440 (с библиографией).
[43] Об Ахеменидах и Ахеменидской культуре в Колхиде (и Грузии) см.: Knauss 2005; Tsetskhladze 1993–1994; 1994a; 2001; 2003; 2006-07. См. также: Nieling and Rehm 2010.

79), можно прийти к заключению, что он считал Колхиду частью государства Ахеменидов, хоть и не упоминает, к какой сатрапии она принадлежала. Принадлежность Колхиды к Ахеменидской империи могла бы объяснить, почему в погребениях местной элиты в Вани и Сайрхе, относящихся к классической эпохе, так много золотых, серебряных и стеклянных предметов персидского происхождения или имитирующих Ахеменидские образцы. Без сомнения, эти предметы были дарами Ахеменидских правителей и происходят из разных ремесленных центров империи, в том числе и из Египта.[44] Влияние Ахеменидского стиля в архитектуре очевидно на примере некоторых зданий из внутренних регионов Колхиды. Таким образом, Колхиде присущ целый ряд черт, характерных для персидских сатрапий[45].

Со стороны ранних монет Колхиды, это предположение может быть подтверждено кладом из Сулори, спрятанным в V в. до н. э. и открытым недалеко от Вани в 1990 г. Из общего числа монет (их примерно 700) три имеют иностранное происхождение: две, относящиеся ко второй половине VI в. до н. э., скорее всего, происходят из Лидии, хотя некоторые исследователи приписывают им Ахеменидское происхождение, третья же, несомненно, персидская (V в.)[46]. Изображенные на иностранных и колхидских монетах этого клада головы львов и быков стилистически крайне близки друг другу.

Где же чеканились эти ранние колхидские монеты? Скорее всего, в Фасисе, ведь он был главным городом Колхиды, но, несомненно, только с разрешения Ахеменидских властей.[47] Вполне возможно, что этот город продолжал чеканить монету и в классический период, под властью персидской империи[48].

Все вышеизложенное подводит нас к вопросу о том, кто же помешал грекам укрепиться в Колхиде. Скорее всего, противостоять им могли именно Ахемениды, а не какое-либо местное государство. Однако в таком случае возникает два других вопроса: когда Ахемениды завладели Колхидой и нужно ли им было мешать греческому расселению в этом регионе?

На первый из этих вопросов крайне сложно ответить. Для этого было бы необходимо узнать точную датировку колхидских тетрадрахм и дидрахм, учитывая, что, как уже отмечалось выше, чеканка серебряных монет началась только с середины VI в. до н. э. Переломным моментом в истории Причерноморского региона можно считать так называемый «скифский поход» Дария. Совсем незадолго до этого Ахемениды подчинили своей власти вифиню и

[44] Tsetskhladze 1993–1994.
[45] Tsetskhladze 1993–1994; Tsetskhladze 2008: 439–440.
[46] Lébanidzé 1999; Lordkipanidze 2002: 206–207; Dundua and Dundua 2006: 42–43.
[47] См. также: Furtwängler 2002.
[48] Ср.: Furtwängler 2002.

мариандинов, а территории пафлагонов и каппадокийцев были отданы сатрапу Даскилия. Греческие города Южного Причерноморья также подчинялись Ахеменидским правителям.[49] Во время «скифского похода» им подчинилась и Фракия.[50] Логичным кажется предположить, что Колхида также была включена в империю Ахеменидов во время подготовки к «скифскому походу» или во время него. Точная дата этой кампании неизвестна, но принято считать, что она состоялась около 513 г. до н. э.[51]

Что же касается второго вопроса, то, если мое предположение насчёт датировки верно, то к тому моменту греческие колонии уже существовали. К тому же, согласно различным данным, происходящим из разных частей причерноморского региона, управление Ахеменидов не создавало никаких трудностей ни для коренного населения, ни для греков, ни для самих правителей[52]. До начала IV в. до н. э., например, Великий Царь даровал греческим городам Южного Причерноморья привилегии самоуправления и иммунитет от вмешательства в их внутренние дела сатрапов или других персидских чиновников[53]. Царя царей волновало лишь регулярное поступление налогов в казну, а также предоставление, в случае необходимости, войск и припасов[54]. Это как раз именно то, чем и занимались жители Колхиды (*Hdt.* 3. 97; 7. 79).

Некоторые общие наблюдения

Самый сложный вопрос из всех, связанных с проблемой греческой колонизации, состоит в том, как выявить причины, из-за которых греки отправились за море искать новый дом[55]. Последние исследования показали, что ситуация, создавшая феномен греческой колонизации, на самом деле совсем не так проста, как было принято считать раньше. Такие факторы, как потребность в природных ресурсах и продуктах питания, перенаселение и нехватка земли, которые долгое время считались главными двигателями колонизационного процесса, теперь уже не могут претендовать на роль его главных причин[56]. И

[49] Об Ахеменидском присутствии в Южном Причерноморье см.: Burstein 1976: 26–28, 41–42; Summerer 2003; Summerer 2005a и др.

[50] Об Ахеменидском присутствии в Западном Причерноморье см.: Stronk 1998–1999; Badian 2007; Alexandrescu 2008 и др.

[51] Например, см.: Briant 2002: 141–144.

[52] Tsetskhladze 2008. Истрия может быть исключением. Разрушение этого города и особенно его теменоса в конце VI в. до н. э. связано с проходом Ахеменидских войск. Новую интерпретацию Кургана 12 в Истрии см.: Alexandrescu 2008.

[53] Burstein 1976: 26–28, 41–42.

[54] Tsetskhladze 2010: 41–44, 53–55.

[55] Tsetskhladze 2006b: xxviii–xxx.

[56] См.: Descoeudres 2008.

действительно, материковая Греция не страдала от перенаселенности и вполне могла обеспечить своих жителей как едой, так и другими природными ресурсами (в том числе и металлами)[57]. Тем не менее, некоторые учёные все ещё придерживаются этой устаревшей интерпретации[58].

Что до ионийской колонизации, то она началась после середины VII в. до н. э., и была, как считает большинство исследователей, лишь вынужденным ответом на политические процессы в Анатолии и лишь усилилась после возникновения Ахеменидской империи, которое значительно ухудшило общую геополитическую ситуацию в регионе[59].

Каждый регион, подвергавшийся греческой колонизации, имел свои собственные уникальные черты, и сравнение этих зон колонизации помогает лучше понять их различия[60]. Одним из самых распространенных в историографии является сравнение Восточного Причерноморья со всем остальным Понтийским регионом, особенно с Фракийским побережьем Чёрного моря и Боспором Киммерийским[61]. Несложно найти сходные черты (а тем самым и базу для сравнения) между Западным и Восточным Причерноморьем, например, и там, и там существовали местные царства. Но не следует забывать, что между этими регионами существуют и фундаментальные отличия.

Установление Одрисского царства произошло примерно в то же время, что и формирование колхидского протогосударства[62]. Геродот (*Hdt.* 5. 3) говорит о фракийцах как о втором, после индийцев, по численности народе в мире. Однако территорию Фракии заселяли разнообразные фракийские племена, точное количество которых неизвестно, хотя Страбон, например, называет число 22 (*Strab.* 7. fr. 47 (48). Сложно судить, насколько централизованным являлось Одрисское государство. Фукидид утверждает, что оно было самым могущественным «из всех царств Европы, лежащих между Ионийским заливом и Евксинским Понтом по количеству доходов и вообще по благосостоянию» (*Thuc.* 2. 97). Его административная организация была схожа с организацией Ахеменидской державы, налоги собирались не только с местного населения, но и с греческих городов (*Thuc.* 2. 97). И все же Геродот отмечает, что фракийцы, объединись они вокруг одного вождя, стали бы непобедимыми, «самым сильным народом в мире», однако вероятность такого объединения ничтожна, и поэтому они навсегда останутся слабым народом (*Hdt.* 5. 3).

---

[57] Descoeudres 2008.; см. также: Tsetskhladze and Treister 1995.

[58] Kakhidze 2008: 54. Другие недавние примеры см. в: Tsetskhladze 2007a: 51–52.

[59] Tsetskhladze 1994b: 111–136; Descoeudres 2008: 295–296 и др.

[60] О ситуации в Южном Причерноморье см.: Burstein 1976; Avram, Hind and Tsetskhladze 2004: 954–964; Tsetskhladze 2007b: 160–195; 2009; Summerer 2007; Dan 2009; Barat 2009.

[61] Kakhidze 2008: 54–55.

[62] О Фракии см., например: Archibald 1998; Theodossiev 2011.

Выдвигались предположения о том, что фракийское Одрисское царство противостояло греческим колонистам[63], хотя ни один источник этого не упоминает. Там, где отмечаются случаи конфронтации, они происходят в совершенно другой ситуации, а именно в контексте похода Десяти Тысяч (см., например, *Xen.* Anab. 7. 2; 7. 7). Нет никаких сведений о вражде между Одрисским царством и греческими колонистами. Греки платили дань (и вряд ли это была плата за защиту) так же, как было принято и в государстве Ахеменидов, а в обмен были предоставлены сами себе в делах внутреннего управления. В то же время элита Одрисского царства пользовалась услугами греческих мастеров для создания и поддержания элитарного самосознания, для строительства резиденций и т. п. Представители фракийской элиты даже позволяли грекам селиться на хинтерланде и обеспечивали их своей защитой, как, например, в Пистиросе[64]. Эту ситуацию можно охарактеризовать как приносящую выгоду обеим сторонам, а отнюдь не как конфликтную. Подобное положение характерно не только для Фракии, оно существовало повсюду, где греческие колонии соседствовали с местными самостоятельными политическими образованиями[65].

Были ли у Одрисского и Колхидского царств какие-то сходные черты? «Колхида» также является скорее политическим, а не этническим термином, определяющим союз различных колхских племен (*Strab.* 11. 2. 12–18), находившихся на разных стадиях развития и имевших различные жизненные уклады. Колхидское царство было, безусловно, слабо централизованным (*Strab.* 11. 2. 18). О Восточном Причерноморье нам известно гораздо меньше, чем о Фракии, однако мы можем предположить, что между греческими колонистами и местной элитой существовали такие же взаимовыгодные отношения, тем более, оба этих царства были подчинены Ахеменидам. Как и во Фракии, в Колхиде нет каких-либо следов конфликтов между местным населением и греками, за исключением северо-западной территории Колхиды, где обитали крайне враждебные племена (хотя и это замечание относится к периоду более позднему, чем архаический и классический, см. ниже).

Если кратко описать ситуацию в Боспоре Киммерийском, то некоторые считают, что там, да и вообще во всем Северном Причерноморье, в отличие от Колхиды, не существовало местных государств, и поэтому греки смогли создать там сильную и развитую полисную структуру[66]. Общепринятая версия, подвергшаяся, однако, значительной критике в последние десять лет, гласит, что около 480 г. до н. э. греки создали греческое Боспорское царство на

[63] Kakhidze 2008: 55.
[64] Tsetskhladze 2010: 46–48. О дани/дарах см. также: Zournatzi 2000; Avram 2011.
[65] Tsetskhladze 2010: 50–54.
[66] Kakhidze 2008: 54–55.

обоих берегах Керченского пролива, объединившись под предводительством Пантикапея, который стал столицей нового государства, чтобы противостоять угрозе со стороны скифов[67]. Однако теперь представляется более вероятным, что 480 год был датой основания не самого Боспорского царства, а тирании Археанактидов в Пантикапее и его окрестностях. Никаких серьезных шагов к созданию настоящего царства не предпринималось до правления двух представителей новой династии Спартокидов: Сатира I (433/2–389/8) и Левкона I (389/8–349/8)[68]. Более того, нельзя утверждать, что Боспорское государство было создано для противостояния скифам потому, что в начале V в. до н. э. скифских племен поблизости не было.

Последнее утверждение основывалось на свидетельстве Геродота (4. 28), который говорит о сезонном перемещении скифов из Крыма на Таманский полуостров через Керченский пролив. Но Геродот писал о своем времени, а не о поздней архаической эпохе[69]. Следы разрушения Боспорских городов, произошедшего в эту эпоху, традиционно связываются со скифским нашествием[70], однако с тем же успехом их можно было бы объяснить и военным походом Ахеменидской армии. Ученые уже отмечали, что существует только один древний автор, описывающий основание Боспорского царства, – Диодор (12. 31. 1), а также, что он приводит различные даты и несогласованные описания событий, относящихся к этому процессу. При этом Диодор помещает Боспорское царство в Азии[71]. Не следует забывать и данные Ктесия (fr. 2) о том, что во время «скифского похода» Дария, длившегося 17 лет, персы завоевали земли к востоку от Танаиса до южного побережья Чёрного моря для того, чтобы захватить господство над всей Азией (то есть Танаис считался её границей на севере). Нам известно, что персидский царь не смог подчинить скифов, но он проходил через их территории. Итак, мы снова приходим к вопросу о присутствии Ахеменидов и их «скифской кампании».

Ситуация, сложившаяся в северо-западной Колхиде, существенно отличалась от той, что существовала во всех других землях Восточного Причерноморья. Эта местность, как уже говорилось, была заселена местными племенами, занимавшимися пиратством[72]. Мною уже выражалось сомнение в том, что городище Эшера, расположенное неподалеку от Диоскуриады, было первым греческим поселением в Колхиде. Здесь, скорее всего, жили местные вожди, назы-

[67] Обсуждение и историографию см.: Молев 2009.

[68] Я приведу лишь несколько самых недавних работ: Завойкин 2004: 62; 2001: 150–181; 2007.

[69] См., например: Масленников 2001; Паромов 2005.

[70] Молев 2009:158–159 (с библиографией).

[71] Кошеленко 1999: 130–141.

[72] См., например: Asheri 1998; Tsetskhladze 2002.

ваемые «σκηπτουχίαι» Страбоном (11. 2. 13), который также сообщает, что, когда Митридат Евпатор прибыл в эти земли, у гениохов было четыре царя.

В 1975 г. в руинах монументального здания Эшеры, разрушенного в конце II – начале I в. до н. э., были обнаружены 19 фрагментов одной надписи на бронзе, датируемой IV–III веками до н. э. Эта надпись настолько фрагментирована, что крайне сложно составить даже общее представление о её содержании. Анализ самого металла показал, что его состав и примеси типичны для Кавказа, в то время как текст указывает на высокий уровень владения автором греческим языком[73]. Существуют три варианта восстановления этой надписи, два из которых приводит Высокий[74] (третий вариант, предложенный Ю.Г. Виноградовым, был ему, к сожалению, неизвестен)[75]. Т.С. Каухчишвили предполагала, что надпись представляет собой официальный документ, содержащий сведения о каких-то военных событиях и последующем строительстве. М.П. Инадзе, в свою очередь, считала эту надпись текстом договора Диоскуриады с городами Южного Причерноморья, а также Понтийским царством, согласно которому Диоскуриада заручилась поддержкой своих союзников в борьбе с пиратами и укрепляла свои торговые связи с ними[76]. Виноградов, предварительно датируя надпись концом IV в. до н. э., или даже началом III в., не пытался воссоздать её содержание, указывая на то, что надпись слишком фрагментирована, чтобы строить какие-либо более или менее точные гипотезы относительно восстановления её текста[77].

Высокий предлагает четвертую интерпретацию, основанную на сохранившихся (или восстановленных) словах *romei*, *dunasthai auton*, *basileias*, *tazei*, *limen*, *ezoikeo*, *lambanon eis*. Согласно этой интерпретации, надпись представляет собой соглашение между греками и местными вождями, касающееся, прежде всего, военных дел[78]. Для сравнения он приводит надпись из Пистироса[79], утверждая, что между греческими поселенцами и местными жителями этой части Колхиды существовали такие же отношения, как между греками Пистироса и Фракийским царем. На мой взгляд, такое сравнение слишком натянуто. Если датировка, предлагаемая Виноградовым, верна, то между надписями из Эшеры и из Пистироса существует значительное различие во времени их создания. Кроме того, местные колхидские вожди также существенно отличались от могущественного Фракийского царя. Если согласиться с идентификацией

[73] Vinogradov 1997: 596–598 (Addendum: The Bronze Inscription from Eshera).

[74] Высокий 2004: 406 (с библиографией).

[75] Эта статья (см. примеч. 73) была впервые опубликована в ВДИ (№ 3, 1995, с. 48–71) на русском языке.

[76] Краткий очерк мнений Каухчишвили и Инадзе см. в: Высокий 2004: 406.

[77] Vinogradov 1997: 596–601.

[78] Высокий 2004: 406.

[79] Из последних публикаций надписи см.: Domaradzka 2002: 339–342.

Пистироса пистиросской надписи и поселения Ветрен во внутренней Фракии (которая, тем не менее, представляется очень сомнительной)[80], то Эшера относится к абсолютно другому типу памятников. В Ветрене с конца V в. до н. э. существовали и монументальные постройки, и фортификационные сооружения греческого типа, очевидно, сооруженные греческими мастерами, которые, скорее всего, и составили план самого поселения[81], в то время как на городище Эшера не существовало никаких монументальных и фортификационных построек, да и вообще каких бы то ни было каменных сооружений, до времени Митридата Евпатора[82]. Учитывая все вышесказанное, представляется более разумным датировать надпись из Эшеры именно эпохой Митридата, точнее, временем, которое он провел в Колхиде, ведь именно тогда Эшера была полностью перестроена: Диоскуриада стала одной из его резиденцией, и надпись может представлять собой договор, заключенный между Митридатом и местным вождём (*скептухом*) гениохов из Эшеры после военного столкновения, произошедшего между ними.

Основной целью этой статьи было бросить свежий взгляд на проблему, о которой уже не раз писали, но которая, тем не менее, по-прежнему остается дискуссионной. Неудивительно, что раньше исследователи придавали особое значение вопросу об отношениях между греческими колонистами и коренным населением. Вследствие этого недостаточно внимания уделялось исследованию проблемы Ахеменидского влияния в регионе, а если она и упоминалась, то в основном контексте событий на южном и западном побережье Чёрного моря. Однако теперь становится очевидным, что мы не можем исследовать взаимоотношения греков и коренных жителей без более детального изучения Ахеменидского фактора, которое помогает прояснить многие ранее непонятные аспекты проблемы. Однако предстоит ещё долгий путь для того, чтобы воссоздать полную картину взаимодействия этих трех групп – коренного населения, греков и персов.

---

[80] См., например: Tsetskhladze 2000; 2011 (обе с библиографией).

[81] О раскопках поселения Ветрен см.: Bouzek, Domaradzk(a)i and Archibald 1996; 2002; 2007. У поселения Лабрис гораздо больше сходных черт с Ветреном в общем характере, причине появления, архитектуре и т. п., чем у Эшеры – см.: Горончаровский 2009.

[82] Шамба 1980; 2000: 171.

Резюме

В статье предлагается новый взгляд по вопросу о греческой колонизации Колхиды. Затрагиваются проблемы датировки прибытия греков, существования сильного Колхидского царства, ранней греческой керамики, найденной в этом регионе, и колхидской нумизматики. Большое внимание уделяется вопросу об Ахеменидском присутствии на этой территории, что помогает прояснить ряд неопределенностей в интерпретации источников. В последнем разделе автор касается отношений между местным населением, греками и Ахеменидами в Причерноморье.

Ключевые слова: Черное море, Колхида, Фракия, Боспор Киммерийский, греки, Ахемениды, местные царства, нумизматика

Greek Colonisation of the Eastern Black Sea Littoral: Some New Observations

Gocha R. Tsetskhladze

The article offers recent thoughts on the Greek colonisation of Colchis. It discusses the arrival of the Greeks, the existence of a supposedly strong local Colchian kingdom, the problem of the earliest Greek pottery to be found in this area of the Black Sea, and Colchian coins. Much attention is devoted to the Achaemenid presence here, which helps to clarify many uncertainties in interpretation of the evidence. The last section examines relations between locals, Greeks and Achaemenids in the Pontic region.

Key words: Black Sea, Colchis, Thrace, Cimmerian Bosporus, Greeks, Achaemenids, local kingdoms, coinage

Литература

Высокий М.Ф. 2004: Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. XIV. С. 398–424.

Горончаровский В.А. 2009: Лабрис (Семибратнее городище): синдский город или греческий эмпорий? // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время / Под ред. В.П. Копылова. Ростов-на-Дону. С. 99–106.

Дундуа Г.Ф. 1987: Нумизматика античной Грузии. Тбилиси.

Завойкин А.А. 2001: «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // Древности Боспора. 4. С. 150–181.

Завойкин А.А. 2004: Краткий очерк истории Боспора VI –первой четверти III вв. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. XIV. С. 58–94.

Завойкин А.А. 2007: Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор / Под ред. А.А. Масленникова и Н.А. Гаврилюка. Москва; Киев; Запорожье. С. 219–243.

Коваленко С.А., В.П. Толстиков. 2010a: 1. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 3. С. 43–59.

Коваленко С.А., В.П. Толстиков. 2010b: 2. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 4. С. 23–50.

Кошеленко Г.А. 1999: Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // ДГ. 1996–1997. Москва. С. 130–141.

Масленников А.А. 2001: Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // Древности Боспора. 4. С. 291–323.

Молев Е.А. 2009: Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н. э. // ВДИ. 3. С. 155–165.

Паромов Я.М. 2005: Ледовые походы скифов // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции / Под ред. В.Ю. Зуева и др. СПб. С. 247–250.

Цецхладзе Г.Р. 1994: Археологические раскопки в Грузии за последнее десятилетие и некоторые проблемы древней истории Восточного Причерноморья // ВДИ. 3. С. 188–209.

Цецхладзе Г.Р. 1997: Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. 1. VI – нач. V в. до н. э. // ВДИ. 2. С. 100–116.

Цецхладзе Г.Р. 1998: Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы. 2. Середина V–II в. до н. э. // ВДИ. 3. С. 87–97.

Шамба Г.К. 1980: Эшерское городище. Тбилиси.

Шамба Г.К. 2000: Абхазия в I тыс. до н. э. Сухум.

Шамба Г.К. 2005: Древний Сухум. Сухум.

Alexandrescu P. 2008: Insemnari arheologice histriene. Ornamente de capastru achemenide la Istros. Persi, sciti si saci // Pontica. 41. P. 119–143.

Archibald Z.H. 1998: The Odrysian Kingdom of Thrace: Orpheus Unmasked. Oxford.

Asheri D. 1998: The Achaeans and the Heniochi. Reflections on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // G.R. Tsetskhladze (ed.). The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart. P. 265–285.

Avram A. 2011: The Getae: Selected Questions // G.R. Tsetskhladze (ed.). The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC. Leuven. P. 61–75.

Avram A., Hind J. and Tsetskhladze G. 2004: The Black Sea Area // M.H. Hansen and T.H. Nielsen (eds.). An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation. Oxford. P. 924–973.

Badian E. 2007: Persians and Milesians in Thrace at the End of the 6th Century BC // A. Iakovidou (ed.). Thrace in the Graeco–Roman World: Proceedings of the 10th International Congress of Thracology, Komotini – Alexandroupolis, 18–23 October 2005. Athens. P. 36–43.

Barat C. 2009: Sinope et ses relations avec la péninsule anatolienne: réseaux, échanges des

biens et des hommes // H. Bru, F. Kirbihler and S. Lebreton (eds.). L'Asie Mineure dans l'Antiquité: échanges, populations et territoires. Rennes. P. 351–375.

Bouzek J., L. Domaradzka and Z.H. Archibald (eds.) 2002: Pistiros II: Excavations and Studies. Prague.

Bouzek J., L. Domaradzka and Z.H. Archibald (eds.) 2007: Pistiros III: Excavations and Studies. Prague.

Bouzek J., M. Domaradzki and Z.H. Archibald (eds.) 1996: Pistiros I: Excavations and Studies. Prague.

Briant P. 2002: From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. Winona Lake.

Burstein S.M. 1976: Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley.

Dan A. 2009: Sinope, "capitale" pontique, dans la géographie antique // H. Bru, F. Kirbihler and S. Lebreton (eds.). L'Asie Mineure dans l'Antiquité: échanges, populations et territoires. Rennes. P. 67–131.

Descoeudres J.-P. 2008: Central Greece on the Eve of the Colonisation Movement // G.R. Tsetskhladze (ed.). Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 2. Leiden. P. 289–382.

Domaradzka L. 2002: Addenda ad Pistiros I: The Pistiros – Vetren Inscription // J. Bouzek, L. Domaradzka and Z.H. Archibald (eds.). Pistiros II: Excavations and Studies. Prague. P. 339–342.

Doundoua G. 1982: Les Kolkhidki // Dialogues d'histoire ancienne. 8. P. 53–60.

Dundua G. and Dundua T. 2006: Kartuli numizmatika (Грузинская нумизматика) I. Тбилиси (на грузинском языке).

Furtwängler A.E. 2002: Zum Prägeanlaß der frühen kolchischen Silbersprägung // D. Kacharava, M. Faudot and É. Geny (eds.). Autour de la Mer Noire. Hommage à Otar Lordkipanidzé. Besançon. P. 71–81.

Hind J. 1996: The Types on the Earliest Silver Coins of the Phasian's 'Kolkhidki' // O. Lordkipanidzé and P. Lévêque (eds.). Sur les traces des Argonautes: Actes du 6e symposium de Vani (Colchide) 22–29 septembre 1990. Besançon. P. 203–213.

Hind J. 1999a: Pomponius Mela on Colonies in West and East // G.R. Tsetskhladze (ed.). Ancient Greeks West & East. Leiden. P. 77–84.

Hind J. 1999b: The Dates and Mother Cities of the Black Sea Colonies (Pseudo–Scymnus and the Pontic Contact Zone) // O. Lordkipanidzé and P. Lévêque (eds.). La Mer Noire: Zone de Contacts: Actes du VIIe Symposium de Vani (Colchide) – 26–30 IX 1994. Besançon. P. 25–34.

Hind J. 2005: The Types on the Phasian Silver Coins of the Fifth–Fourth Centuries BC (The 'Kolkhidki' of Western Georgia) // Numismatic Chronicle. 164. P. 1–14.

Kacharava D. 1995: Greek Imports of Archaic and Classical Times in Colchis // Archäologischer Anzeiger. 1. P. 63–73.

Kakhidze E. 2008: Shavizgvispiretis berdznuli kolonizatsiis saerto da ganmaskhvavebeli nishnebi (Сходства и различия в греческой колонизации Черного моря) // Iberia–Kolkheti. 4. P. 54–60 (на груз. яз.).

Kerschner M. 2006: Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // Eurasia Antiqua. 12. P. 227–250.

Knauss F.S. 2005: Caucasus // P. Briant and R. Boucharlat (eds.). L'archéologie de l'empire achéménide: nouvelles recherches. Paris. P. 197–220.

Lébanidzé L. 1999: Le trésor monétaire de Sulori // O. Lordkipanidzé and P. Lévêque (eds.). La Mer Noire: Zone de Contacts: Actes du VIIe Symposium de Vani (Colchide) – 26–30 IX 1994. Besançon. P. 155–158.

Lordkipanidze O.D. 2000: Phasis: The River and City in Colchis. Stuttgart.

Lordkipanidze O.D. 2002: Dzveli kartuli tsivilizatsiis sataveebtan (У истоков древне–грузинской цивилизации). Тбилиси (на грузинском языке).

Nieling J. and Rehm E. (eds.) 2010: Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers. Aarhus.

Stronk J.P. 1998–1999: Crossing the Straits: The Persians in Thrace // Talanta. XXX–XXXI. P. 55–72.

Summerer L. 2003: Achämenidische Silberfunde aus der Umgebung von Sinope // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 9. 1–2. P. 17–42.

Summerer L. 2004/2006: Influence of the Greek Pottery on the Late Archaic Archeitectural Terracottas from North Anatolia // Il Mar Nero. VI (2009). P. 186–202.

Summerer L. 2005a: Achämeniden am Schwarzen Meer: Bemerkungen zum spätarchaischen Marmorkopf aus Herakleia Pontike // Ancient Near Eastern Studies. 42. P. 231–252.

Summerer L. 2005b: Griechische Tondächer im kappadokischen Kontext: Die Architekturterrakotten aus Akalan // F. Flesse and M. Treister (eds.). Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Rahden. P. 125–139.

Summerer L. 2007: Greeks and Natives on the Southern Black Sea Coast in Antiquity // G. Erkut and S. Mitchell (eds.). The Black Sea: Past, Present and Future. London; Istanbul. P. 27–36.

Theodossiev N. 2011: Ancient Thrace during the 1st Millennium BC // G.R. Tsetskhladze (ed.). The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC. Leuven. P. 1–60.

Tsetskhladze G.R. 1993: On the Numismatics of Colchis: the Classical Archaeologist's Perspective // Dialogues d'histoire ancienne. 19.1. P. 233–256.

Tsetskhladze G.R. 1993–1994: Colchis and the Persian Empire: The Problems of Their Relationship // Silk Road Art and Archaeology. 3. P. 11–49.

Tsetskhladze G.R. 1994a: Colchians, Greeks and Achaemenids in the 7th–5th cc BC: a Critical Look // Klio. 76. P. 78–102.

Tsetskhladze G.R. 1994b: Greek Penetration of the Black Sea // G.R. Tsetskhladze and F. De Angelis (eds.). The Archaeology of Greek Colonisation. Oxford. P. 111–136.

Tsetskhladze G.R. 1998: Die Griechen in der Kolchis (Historisch–archäologischer Abriß). Amsterdam.

Tsetskhladze G.R. 2000: Pistiros in the System of Pontic Emporia (Greek Trading and Craft Settlements in the Hinterland of the Northern and Eastern Black Sea and Elsewhere) // M. Domardzki (ed.). Pistiros et Thasos: structures économiques dans la péninsule Balkanique aux VIIe–IIe siècles avant J.–C. Opole. P. 233–246.

Tsetskhladze G.R. 2001: Georgia III. Iranian Elements in Georgian Art and Archaeology // Encyclopaedia Iranica. Vol. X. 5. P. 470–480.

Tsetskhladze G.R. 2002: Black Sea Piracy // G.R. Tsetskhladze and J.G. de Boer (eds.). The Black Sea Region in the Greek, Roman and Byzantine Periods (= Talanta XXXII–XXXIII, 2000–2001). Amsterdam. P. 11–15.

Tsetskhladze G.R. 2003: The Culture of Ancient Georgia in the First Millennium BC and Greater Anatolia: Diffusion or Migration? // K. Rubinson and A. Smith (eds.). Archaeology in the Borderlands: Investigations in Caucasia and Beyond. Los Angeles. P. 224–240.

Tsetskhladze G.R. 2006a: More Finds of Early Greek Pottery in the Pontic Hinterland // E. Herring, I. Lemos, F. Lo Schiavo, L. Vagnetti, R. Whitehouse and J. Wilkins (eds.). Across Frontiers: Etruscans, Greeks, Phoenicians and Cypriots. Studies in Honour of David Ridgway and Francesca Romana Serra Ridgway. London. P. 103–109.

Tsetskhladze G.R. 2006b: Revisiting Ancient Greek Colonisation // G.R. Tsetskhladze (ed.). Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1. Leiden. P. xxiii–lxxxiii.

Tsetskhladze G.R. 2006-07 (2008): Ancient West and East: Mtskheta, Capital of Caucasian Iberia // Mediterranean Archaeology. 19/20. P. 75–107.

Tsetskhladze G.R. 2007a: Pots and Pandemonium: The Earliest East Greek Pottery from North Pontic Native Settlements // Pontica. XL. P. 37–70.

Tsetskhladze G.R. 2007b: Greeks and Locals in the Southern Black Sea Littoral: A Re–Examination // G. Herman and I. Shatzman (eds.). Greeks between East and West. Essays in Greek Literature and History in Memory of David Asheri. Jerusalem. P. 160–195.

Tsetskhladze G.R. 2008: The Pontic poleis and the Achaemenid empire: Some thoughts on their experiences // M. Lombardo with the collaboration of F. Frisone (eds.). Forme Sovrapoleiche e Interpoleiche di Organizzazione nel Mondo Greco Antico. Lecce; Taranto. P. 438–446.

Tsetskhladze G.R. 2009: Secondary Colonisers in the Black Sea: Sinope and Panticapaeum // M. Lombardo and F. Frisone (eds.). Colonie di colonie: le fondazioni sub–coloniali greche tra colonizzazione e colonialismo. Lecce/Taranto. P. 229–254.

Tsetskhladze G.R. 2010: 'Beware of Greeks Bearing Gifts': Gifts, Tribute, Bribery and Cultural Contacts in the Greek Colonial World // R. Rollinger, B. Gufler, M. Lang and I. Madreiter (eds.). Interkulturalität in der Alten Welt: Vorderasien, Hellas, Ägypten und die vielfältigen Ebenen des Kontakts. Wiesbaden. P. 41–61.

Tsetskhladze G.R. 2011: Pistiros Revisited // Eirene. XLVII. P. 15–24.

Tsetskhladze G.R. and Treister M.Y. 1995: The Metallurgy and Production of Precious Metals in Colchis Before and After the Arrival of the Ionians (Towards the Problem of the Reason for Greek Colonisation) // Bulletin of the Metals Museum. 24. P. 1–32.

Vashakidze N. and Inaishvili N. 2002: Greek Import of the Late Archaic and Classical Period in Tsikhisdziri // M. Faudot, A. Fraysse and É. Geny (eds.). Pont–Euxin et Commerce: La genèse de la "Route de la Soie". Actes du IXe Symposium de Vani (Colchide) 1999. Besançon. P. 235–250.

Vickers M., Kakhidze A. and Varshalomidze I. 2010: Kolkhidki: a Footnote // Numismatic Chronicle. 170. P. 1–2.

Vinogradov Ju.G. 1997: The Inscribed Bronze from Vani // J.G. Vinogradov. Pontische Studien: Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes / Hrsg. von H. Heinen. Mainz. S. 577–601.

Zournatzi A. 2000: Inscribed Silver Vessels of the Odrysian Kings: Gifts, Tribute, and the Diffusion of the Forms of "Achaemenid" Metalware in Thrace // American Journal of Archaeology. 104.4. P. 683–706.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 89–114

СТАТЬИ

С.Ю. Сапрыкин, Н.Ф. Федосеев

ОСОБЕННОСТИ ПРОКСЕНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОСПОРА

В довоенные годы Ю.Ю. Марти обнаружил на горе Митридат в Керчи (древний акрополь Пантикапея) небольшой обломок плиты из светлого крупнозернистого мрамора с легким желтоватым оттенком, на котором сохранились остатки трех строк греческой надписи (точная дата находки 5.04.1936 г.). Камень хранился в личной коллекции Ю.Ю. Марти, но почему-то не был им опубликован. Затем его передали в Керченский музей, и в настоящее время он находится в его лапидарии (инв. № КЛ 974). Надпись в свое время не попала в поле зрения составителей «Корпуса боспорских надписей», поэтому его публикация должна восполнить этот пробел.

Размер плиты 10 х 12 х 3,5 см, левый и верхний ее края представляют линии скола, правый и нижний края ровные, хорошо обработаны и представляют собой нижний правый угол плиты. Лицевая поверхность камня тщательно заглажена, но имеются незначительные повреждения, тыльная сторона обработана достаточно грубо. Надпись вырезана аккуратными четкими буквами, между правым краем плиты и окончаниями строчек оставлено свободное пространство. Буквы в строчках расположены почти друг под другом, стк. 3 заканчивается на расстоянии двух букв от конца, поэтому она являлась завершающей во всем документе (*рис. 1–2*). По расположению букв в каждой строчке могло быть от 18 до 20 букв. Надпись выглядит следующим образом:

[.....καὶ]
[εἴσπλουν καὶ ἔκπλο]υν
[καὶ πολέμου καὶ εἰρ]ήνης
[ἀσυλεὶ καὶ ἀσπο]υδεί.

Рис. 1.
Фрагмент проксении. Пантикапей (из находок Ю.Ю. Марти)

Это окончание проксенического декрета со стандартным текстом, тем не менее любой памятник этого типа, даже крайне фрагментированный, имеет научное значение. По характеру шрифта он относится к середине – второй половине IV в. до н. э. На эту дату указывают незначительное апицирование, *сигма* со слегка расставленными гастами, достаточно широкая *эта* с расставленными вертикальными гастами, *эпсилон* с укороченной средней гастой, *ню* со слегка укороченной правой вертикальной гастой под углом с поперечной гастой, широкая *дельта*[1]. Проксенический декрет, о котором идет речь, появился в последние годы правления Левкона I или при его сыновьях Спартоке II и Перисаде I, после смерти отца самостоятельных правителях.

К этому времени (вторая половина IV – начало III в. до н. э.) относятся едва ли не все известные боспорские проксении, дошедшие, к сожалению, по большей части во фрагментах. К настоящему времени опубликовано шестнадцать проксений с Боспора – тринадцать обнаружены в Пантикапее, две в Фанагории, одна в Горгиппии. Появление проксенических декретов в этот период неслучайно: в 360-х гг. до н. э. в результате победы в войне с Гераклеей Понтийской и присоединения Феодосии боспорские правители получили в руки крупнейшую приспособленную для вывоза зерна гавань. После этой войны, а также покорения Синдики, расширился объем плодородной пахотной земли в Восточном Крыму и на азиатской стороне Боспора, что дало возможность выращивать богатые урожаи зерновых и заняться выгодным экспортом пшеницы. На это время приходится наибольший экономический подъем Боспорского государства, расцвет его политики и культуры, что во многом было следствием активных отношений с Афинами и другими центрами Восточного Средизем-

[1] Болтунова, Книпович 1962: 9. По палеографии публикуемая надпись близка посвящению богине Деметре IV в. до н. э. из Пантикапея времени правления Левкона I (IosPE II. 7 = КБН, 8).

номорья. Об этом убедительно говорится в декрете афинян 347/346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона I – Спартока II, Перисада I и Аполлония, где отмечается их обещание продолжать поставки хлеба в Афины и сохранить привилегии афинских торговцев, которые были даны предыдущими правителями Боспора (IG III. 212)[2]. Левкон I посылал в Афины от 400 000 до 2 100 000 медимнов хлеба (*Demosth.* Adv. Lept., 33; *Strabo* VII. 4. 6), а отдельные граждане, как, например, Демосфен, получали от боспорских правителей до 1000 медимнов пшеницы. Левкон освободил афинян от пошлин, что по цене соответствовало 13 000 медимнов хлеба в год, при этом беспошлинность гарантировалась афинянам в Пантикапее и других городах по берегам Керченского пролива, что по боспорской традиции подпадало под понятие «Боспор», а также в Феодосии. Демосфен указывает, что Левкон и его предки, очевидно, Спарток I, Селевк I и Сатир I, дали торговцам и другие привилегии. Ателия предоставлялась и прочим купцам, плывущим с хлебом в Афины (*Demosth.* Adv. Lept., 29–36). В качестве ответного благодеяния Афины даровали Сатиру и Левкону с сыновьями беспошлинность в торговле и права афинского гражданства (IG III. 212; *Demosth.* Adv. Lept., 29). Перисад I сохранил за афинянами право беспошлинности (ателии) в торговле, ввел беспошлинность и для торговцев-неафинян, вывозивших хлеб в Афины (*Demosth.* Adv. Phorm., 36). За это ему вместе с сыном Сатиром II и зятем Горгиппом воздвигли на агоре три медные статуи (*Din.* Adv. Dem., 43). В Афинах и, очевидно, в других государствах, контрагентах Боспора, Спартокиды действовали через доверенных лиц, следивших за выполнением взаимных договоренностей. А афинские и прочие торговцы имели на Боспоре собственных представителей (*Demosth.* Adv. Phorm., XXXIV. 2; 34; *Lys.* XVI. 4)[3], из коих многие выступали посредниками в сбыте товаров. Из речей Демосфена мы узнаем

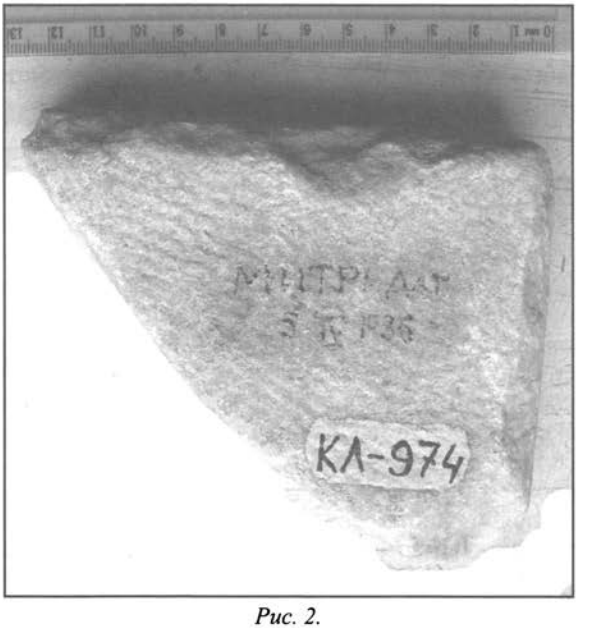

Рис. 2.
Оборотная сторона плиты с текстом проксении

[2] Tuplin 1982: 121–128.

[3] Брашинский 1963: 131; Burstein 1978: 428–436; Heinen 1996: 361–363; Braund 2003: 202–205.

о деятельности таких посредников в боспорских городах: при плавании в Понт торговцы грузились в различных портах, при этом по пути следования высаживали взятых на борт эмпоров и брали на борт других. В порту назначения компаньоны-посредники и сотоварищи торговца, прибывшего с крупной партией груза, следили, чтобы купец распоряжался товаром и доходами с его продажи в соответствии с контрактом (*Demosth.* Adv. Phorm., 24; Adv. Lacr., 25; Adv. Zen., 32)[4]. Естественно, что правящая династия, выступавшая как бы посредником в торговых операциях между Боспором и Эгеидой (ибо считалась «хозяином хлеба», т. е. главным распорядителем доходов от продажи зерна)[5], получала прибыли от взимания пошлин и от привлечения крупными купцами других эмпоров для ведения дел на Боспоре. Поэтому Спартокиды были заинтересованы в прибытии на Боспор для пребывания там как можно большего количества торговых людей и моряков из различных мест греческого мира, особенно если они занимались вывозом зерна в Афины. Ведь чем больше хлеба и прочих товаров шло на продажу на внешние рынки, тем выше становились прибыли казны и правящей династии. В этих условиях институт проксении способствовал развитию торговой и посреднической деятельности. Проксенами становились люди, которые могли обеспечить пребывание боспорских купцов за границей и вовлекали иноземцев в торговые дела на Боспоре. Всплеск проксенической деятельности боспорских правителей был инспирирован привилегиями, которые Сатир, Левкон и сыновья, Перисад и сыновья, а также Эвмел и Спарток II, получали от Афин в IV – начале III в. до н. э.[6] Это объясняет, почему большая часть проксений на Боспоре от-

[4] Bresson 2007: 57.

[5] *Demosth.* Adv. Lept., XX. 31: ἀλλὰ διὰ τὸ κύριον ὄντα τὸν Λεύκων αὐτοῦ. Мимо внимания исследователей не прошел тот факт, что на спартокидовском Боспоре, имевшем тесные взаимоотношения с Афинами, до сих пор не обнаружено ни одной проксении, данной афинянам – купцам или навклерам (Velissaropoulos 1980: 182). Предполагается, что это вызвано сосредоточением всей хлебной торговли в руках пантикапейских правителей (Кузнецов 2000: 115). Следует иметь в виду, что большая часть боспорских проксений дошла лишь во фрагментах, поэтому мы крайне скупо осведомлены об именах проксенов и их этниконах. Причина отсутствия декретов в честь афинских проксенов объясняется существованием между Боспором и Афинами соглашения о беспошлинности, которое относилось ко *всем афинским торговцам и гражданам*, кто занимался вывозом хлеба с Боспора, так как оно действовало в отношении всего гражданского коллектива афинского полиса. Копии этого соглашения были выставлены в Пантикапее, афинском Пирее и святилище Зевса Урия на берегу пролива Босфор Фракийский (*Demosth.* Adv. Lept., XX. 31; 36). На этом основании не было никакой нужды выносить специальные декреты в честь отдельных афинских граждан. О взаимном боспоро-афинском договоре, по которому боспорские правители получали ателию и права афинских граждан, см.: Жебелев 1953: 130; Блаватская 1959: 127; Брашинский 1963: 122, 123.

[6] Heinen 2005: 109–125; Cojocaru 2009: 362.

носится ко времени расцвета торговой деятельности Афин и связанных с ними полисов Эгеиды и Причерноморья. В торговле с Боспором вместе с афинянами принимали участие и представители других городов, например, митиленцы, которые почтили Левкона I и сыновей за снижение пошлины при вывозе ими хлеба с Боспора[7]. Наиболее удачливые, предприимчивые и смекалистые из эмпоров стремились подольше задержаться на берегах Боспора Киммерийского, закрепить свое пребывание в правовом отношении, для чего проксении становились им надежной опорой[8]. Ведь проксения – это двусторонний договор о гостеприимстве, заключавшийся ко взаимной выгоде тех, кто ее выдал, и тех, кто ее получил, так как это была гарантия, позволявшая расширять свое дело с разрешения и под защитой принимающей стороны.

В боспорских декретах о проксении набор привилегий обычно варьировался – в каких-то декретах давались права, которые в других постановлениях даже не упоминались. Но в целом такие документы составлялись по единой формуле и содержали одинаковый перечень привилегий и прав проксенов, правда, подчас в разной последовательности. Перечислим имеющиеся в нашем распоряжении проксении с Боспора:

1) Пантикапей, IosPE II. 1 = КБН, 1: [— —]ωι Διον[υσίου] Πειρα[εῖ] / Παιρισάδης καὶ παῖδε[ς . . . . ωι] / Διονυσίου Πειραεῖ καὶ [παισὶν] / ἔδοσαν προξενίαν κ[αὶ ἀτέλει]/αν πάντων χρημάτω[ν ἐν παν] / τὶ Βοσπόρωι, αὐτοῖς κα[ὶ θεράπου/σι]ν τοῖς τούτων καὶ ε[ἴσπλουν / καὶ ἔ]κπλουν καὶ / πολέ[μου καὶ εἰ/ρήνης] ἀσυλεὶ κα[ὶ ἀσπονδεί][9].

2) Пантикапей, КБН, 2: [Παιρισάδης καὶ πα]ῖδες / [ἔδοσαν τοῖς Χαλκ]ηδονίοις / [τῶι δεῖνι καὶ Μεν]υλλίωνι? / [καὶ ἐκγόνοις προξενί]αν καὶ [ἀτέλειαν....].

3) Пантикапей, КБН, 3: [..... ἔδοσαν τῶι δεῖνι] / Χ[ίωι? προξενίαν καὶ ἀτέλειαν] / πά[ντων χρημάτων καὶ εἴσπλουν] / καὶ ἔκ[πλουν ἐν πολέμωι καὶ ἐν] / εἰρήν[νι ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεὶ] / καὶ [αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις ..].

4) Пантикапей, КБН, 4: [....]λη̣ι[..... καὶ εἴσπλουν / καὶ ἔκ]πλουν [ἐν πολέμωι καὶ ἐν εἰρήνηι ἀσυλεὶ καὶ / ἀσπο]ν̣δε<ὶ> α[ὐτῶι καὶ ἐκγόνοις .....].

5) Пантикапей, КБН, 5: [Παιρισάδης κ]αὶ παῖδες / [.....]λέως / [..... ἔ]δ̣ωκαν / [προξενίαν] κ̣α̣ὶ χρη̣ / [μάτων πάντων ἀτέ / λειαν .....].

6) Пантикапей: [....ἀτέλειαν πάντων] / χρ[ημάτων αὐτῶι καὶ ἐκ]/γόνοι[ς πᾶσι(ν) τοῖς τού]/του [καὶ εἴσπλουν καὶ ἔκ]/π[λουν (καὶ) πολέμου καὶ εἰρήνη]/ς [ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεί] [10].

---

[7] Об участии митиленцев в хлеботорговле с Боспором свидетельствует их декрет в честь Левкона I (Syll², 212; ср. Граков 1939: 263).

[8] Мы не склонны считать проксенами Боспора поголовно всех выходцев из различных полисов, похороненных на берегах Керченского пролива и оставивших там надгробия и надгробные эпитафии (Vinogradov 1997: 31, 32; Яйленко 2001: 478, примеч. 10).

[9] Текст приводим с поправками В.П. Яйленко (см.: Яйленко 2001: 476, примеч. 2).

[10] Шелов-Коведяев 1985: 62. В стк. 3 возможна конъектура ... ἐκ]/γόνοι[ς πᾶσι(ν)

7) Пантикапей: [...]ΦΑ[....]/[...]Ἐπιχά[ρμου...] / [...πο]λιτεία̣[ν καὶ ἀτέ]/[λειαν πά]γ̣τ̣[ων χρημάτων] [11]. В стк. 1 стоит не слог ΦΑ, а ΡΑ, в котором Ρ имеет небольшую окружность ушка, поэтому в этой строке, по всей вероятности, могли стоять имя проксена или его этникон. Тогда возможно примерно такое восстановление:

[Παιρισάδης? καὶ παῖδες]
[ἔδοσαν τῶι Ἡ]ρα[κλεώτηι]
[.....Ἐπιχά[ρμου]
[προξενίαν πο]λιτεία[ν καὶ]
[ἀτέλειαν πά]γ̣τ̣[ων χρημά-]
5 [των.....]

Этникон проксена в позиции, предшествующей его имени и патронимику, засвидетельствован в боспорской проксении КБН, 2 (№ 2 нашего списка).

8) Пантикапей: [προξενίαν καὶ ἀτέλει] / [αν πάντων χρημάτων ἐν(?)] / [παντὶ Βοσπόρωι αὐτῶ]ι(?) / [καὶ ἐκγόνοις καὶ] ε̣ἴσ/[πλουν καὶ ἔκπλουν] καὶ / [πολέμου καὶ εἰρήν]ης / [ἀσυλεὶ καὶ ἀσπον]δεί[12].

9) Пантикапей: фрагмент крышки круглого стола-трапедзы из слоя разрушения дворцового комплекса на акрополе последней четверти IV–II вв. до н. э. с надписью [....Λ]εύκωνος κ[αὶ παῖδες] / [.....]Βοσπορίχου Ἰ[στρανῶι?] / [ἔδοσαν.....] (*рис. 3*). По палеографии и на основании того, что дворцовый комплекс и храм были якобы воздвигнуты не ранее правления Эвмела, Ю.Г. Виноградов датировал памятник временем Спартока V или Перисада III, сыновей Левкона II, т. е. последней четвертью III или даже началом II в. до н. э. По его мнению, после выхода из строя мраморного столика, его крышка использовалась вторично для нанесения на нее текста декрета одного из Спартокидов и его сыновей и была выставлена в храме[13]. Однако такая датировка и интерпретация проксении вызывают большие сомнения.

Во-первых, ее палеография тождественна шрифту надписи, которая публикуется на этих страницах (см. выше *рис. 1–2*), а также проксении из Пантикапея из раскопок 1985 (№ 8 нашего списка). Для III–II вв. до н. э. характерна чрезвычайно маленькая окружность *омикрон*, тогда как в означенной надписи она имеет форму, свойственную написанию в конце IV – начале III в. до н. э. – приподнятый правый уголок *ню*, *сигма* с расставленными чуть выгну-

---

αὐ]/τοῦ. Предложенный автором вариант реконструкции сткк. 3–5 [...τού]/του [καὶ προξένους καὶ] / π[ολίτας αὐτοὺς ἐποιή]/σ[αντο...] – «и сделали их проксенами и гражданами» менее вероятна (см.: Яйленко 2001: 481).

[11] Шелов-Коведяев 1985: 67-69; ср.: Яйленко 2001: 477, примеч. 7.

[12] Шелов-Коведяев 1988: 81–83 = SEG XXXVIII. 756.

[13] Толстиков, Виноградов 1999: 291–299; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 72.

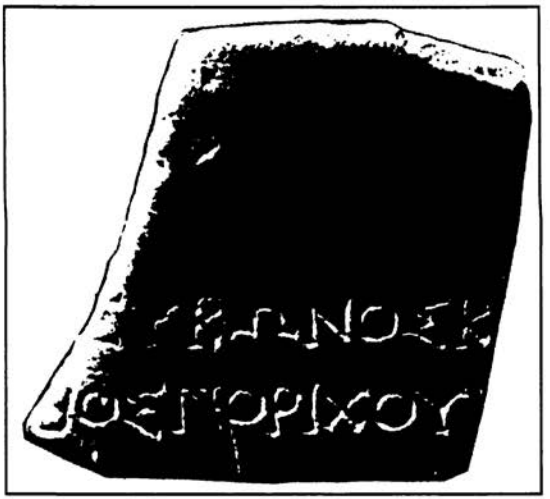

Рис. 3.
Фрагмент проксении из раскопок дворца в Пантикапее

тыми гастами, *пи* с приподнятой вертикалью, *омега* со слегка опущенными ниже вертикальных гаст концами окружности не фиксируются в надписях Боспора III–II вв. до н. э., они больше свойственны второй половине IV – началу III в. до н. э.[14] Во-вторых, дворцовый комплекс и храм, если верить датировкам В.П. Толстикова, в том числе и в статье, где представлена публикация данной проксении, появились еще в последней четверти IV в. до н. э. при Перисаде I[15], а не в правление Эвмела, как указывает Ю.Г. Виноградов. В-третьих, отвергая возможность отнести декрет ко времени Перисада I, исследователь отмечает, что этот правитель не указывал свой патронимик – сын Левкона. Однако в посвящении КБН 1014 с азиатского Боспора, где упоминается «архонт Перисад, сын Левкона», имя его отца, как видим, присутствует. Сам Левкон I в одной из своих проксений (№ 10 нашего списка) и в надписи из Семибратнего городища называет себя сыном Сатира[16] (поименное указание предков в преамбуле проксений позднее реанимировали его правнуки Селевк и Спарток III, упомянувшие в анапской проксении своего отца Эвмела). В первые годы правления Перисад I следовал устоявшейся традиции называть в официальных надписях имя отца, а позднее ограничивался упоминанием своего имени и сыновей без их имен. Учитывая сказанное, мы не видим причин отвергать датировку надписи временем Перисада I и предлагаем читать ее как [Παιρισάδης Λ]εύκωνος κ[αὶ παῖδες] / [.....]Βοσπορίχου Ἰ[στρανῶι?] / [ἔδοσαν.....]. При таком чтении получается, что мраморный стол использовался в IV в. до н. э. (если верить Г. Рихтер и опирающемуся на ее точку зрения В.П. Толстикову, то стол относится к III типу классификации американской исследовательницы, а столы IV типа, согласно ее же классифи-

[14] Болтунова, Книпович 1962: 9.

[15] Толстиков, Виноградов 1999:290–291. См. также: Толстиков 2000: 315; Толстиков 2007: 255.

[16] SEG XLIII. 515; Блаватская 1993: 34–48; Виноградов 2002: 3–22; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 69. Ср. ольвийские надписи, предположительно в честь Сатира, сына Спартока, и Левкона, сына Сатира (Виноградов, Крапивина 1995: 69 сл.

кации, появляются уже в IV в. до н. э.). При Перисаде I он вышел из строя и его крышку приспособили для написания декрета.

10) Пантикапей: [Λεύκων (ὁ)] Σατύρ[ō] / [καὶ παῖδε]ς Ἀπολ/[.....]γομέ/[νεος e.g. Ἀπολλ]ων[ι]ά/[τηι ἀτέλει]αν ἐ[δ]ω/[καν πάντ]ων [χρ]η/[μάτων (καὶ)] αὐτ[ῶι κ]α[ὶ] / [ἐκ]γόνοις κ[αὶ συν]έ[μ/π]αsι τοῖς [τούτ]ω[ν] / [ἐν] πα̣ντὶ Βο[σπόρ]ω̣[ι], / [καὶ εἶναι] αὐτ[οῖς ἐ]γ/[γαίων ἔγκ]τησ[ιν] / [καὶ εἴσπλουν] κα[ὶ ἔ]κ/[πλουν καὶ π] ολέ/[μου καὶ εἰρή]νης / [ἀσυλεὶ καὶ ἄσπον]/[δεί] (*рис. 4*)[17] .

Первоиздатели не совсем точно реконструировали текст: сткк. 2–4 дают нам имя проксена Ἀπολ/[λωνίωι?] Νōμη[νίου] с передачей ΟΥ через ō в популярном греческом личном имени Νουμήνιος (LGPN IV, p. 257, ср. Νομήνιος, Фракия, Маронея, II–I вв. до н. э. – LGPN IV, p. 257), что характерно для боспорских надписей IV в. до н. э. (см. КБН, с. 801, § 4, 1: Διοσκορίδης < Διοσκουρίδου)[18]. На Боспоре в Парфении встречается имя Νυμήνιος (SEG XLV. 983 = LGPN IV, p. 257), очевидно, тот же Νουμήνιος с выпадением О. Заслуживает внимания надгробие из Пантикапея середины – второй половины IV в. до н. э. КБН, 163: Ἀπολλώνι/ος Νεομην/ίο. Очень заманчиво видеть в этом Аполлонии, сыне Нумения, боспорского проксена Левкона I, уроженца западнопонтийской Аполлонии, упоминаемого в разбираемой здесь проксении. Правда, в самой Аполлонии Понтийской такой антропоним и патронимик пока не засвидетельствованы, хотя оба имени в западнопонтийском регионе распространены (см. IGB II. 46, Одесс). В окончаниях сткк. 8–9 просматриваются ...ΟΞΕ/..... ΑΝ/...., в конце в стк. 11 ....Ε[.], в стк. 12 читается Ṛ̣ΗΣ, поэтому надпись может быть прочитана так:

1 [Λεύκων (ὁ)] Σατύρ̣[ō]
[καὶ παῖδε]ς Ἀπολ -
[λωνίωι ?] Νōμη -
[νίō Ἀπολλ]ων[ι]ά -
5 [τηι ἀτέλει]αν ἔ̣[δ]ω̣ -
[καν πάντ]ω̣ν̣ [χρ]η̣ -
[μάτων] α̣ὐτ[ῶι κ]α̣[ὶ]
[ἐκ]γόνοις κ[αὶ πρ]οξε-
[νίαν πᾶ]σι τοῖς [ἥν] ἄ̣]ν̣
10 [ἐν] πα̣ντὶ Βο[σπόρ]ω̣[ι]
[ὑπάρχηι α]ὐτ[οῖς], ἔ̣[γ-]
[κτησιν] γῆς [καὶ οἰκί-]

[17] Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 62–71.

[18] Ср. δōλον = δοῦλον, αὐτōς = αὐτούς в березанском письме Ахиллодора (Виноградов 1971: 80).

[ας, εἴσπλουν] κα[ὶ ἔ]κ -
[πλουν καὶ π]ολέ-
15 [μου καὶ εἰρή]νης ἀ-
[συλεὶ καὶ ἀσπονδεί].

Перевод: «Левкон, сын Сатира, и сыновья дали Аполлонию, сыну Нумения, аполлониату, право беспошлинности на все товары ему самому и потомкам и проксению, которая могла бы быть всем им в помощь по всему Боспору, право владеть землей и домом, входить и выходить из гавани и во время войны и во время мира без конфискации и договора».

Это одна из самых ранних боспорских проксений с подробным перечнем привилегий, о значении которой ниже. Дополнение в стк. 11 глагола ὑπάρχω вполне допустимо, он употребляется в проксенических декретах, в частности, в проксении из Горгиппии при преемниках Эвмела (см. № 14 в нашем списке) и в приенской надписи (OGIS, 215; SEG XXX. 1360).

11) Пантикапей: ...../[αὐτ]ῶι κα[ὶ ἐκγόνοις] / [πᾶσι] τοῖς [τούτου][19]. Здесь можно восстанавливать и текст по типу сткк. 6–11 предыдущего проксенического декрета: [... αὐτ]ῷι κα[ὶ] / [ἐκγόνοις καὶ προξενίαν πᾶσι] τοῖς / [ἥν ἄν ἐν παντὶ Βοσπόρωι ὑπάρχηι αὐ/τοῖς...]. Скорее всего, время Левкона I, как и предыдущий декрет.

12) Пантикапей: [Εὔμηλος καὶ παῖ]δες / [.....]κράτους / [.....ἔδωκ]-αν πολι/[τείαν καὶ προξε]νίαν καὶ / [ἀτέλειαν πάντω]ν χρη/[μάτων.....][20]. Имя Эвмела в этом декрете восстанавливается предположительно, не исключено, что декрет был принят при Перисаде I и сыновьях.

Рис. 4.
Проксения аполлониата Аполлония, сына Нумения. Пантикапей

[19] Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 72, 73, рис. 4.
[20] Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 60–62.

13) Пантикапей: [П]аιρισάδης καὶ παῖ/[δ]ες Ἡφαιστίωι Ἱππο/[κρ]άτους Κρωμνίτηι / [πρ]οξενίαν ἔδωκαν / [καὶ] πολιτείαν καὶ / [ἀτ]έλειαν πάντων / [χρημάτων] ἐν [παντὶ] / [Βοσπόρωι ...][21].

14) Горгиппия, КБН, Add. 4: [Σέλε]υκος Εὐμήλο[υ καὶ Σπάρτοκος?] / [Ἐπικ]-ράτηι, Χαιρίππ[ου ... / ...]ι ἔδωκαν αὐ[τῶι καὶ ἐκγό]/[νοις π]ᾶσι τοῖς τούτ[ου προξενίαν, ἀτέ/λειαν], γῆς καὶ οἰκίας ἔ[γκτησιν ὅσα / ὑπά]ρχει καὶ ὧν οἱ ἄ[λλοι πρόξενοι] / [μετέχουσιν ἐν παντὶ Βοσπόρωι κατὰ] / [γῆν καὶ κατὰ θάλατ̣[αν, καὶ εἰσαγω]/[γὴ]ν̣ καὶ ἐξαγωγὴν π̣[άντων χρη]/[μά]τ̣ων καὶ εἴσπλουν [καὶ ἔκπλο/υν κα]ὶ πολέμου καὶ εἰρή[νης, / [ἀσυλ]εὶ καὶ ἀσπονδεί[22].

15) Фанагория: [Παιρισάδης καὶ παῖδες?..../.... καὶ / παισὶν ἔδοσαν ἀτέλειαν καὶ ἀσυλίαν αὐ/τοῖς καὶ χρήμασιν ἐν π]αντὶ Βοσπόρω(ι) / [ἐν πολέμωι καὶ ἐν εἰρήν]- ηι καὶ προξένους / [αὐτοὺς καὶ τοὺς παῖδ]ας ἐποιήσαντο / [καὶ γῆς καὶ οἰκίας ἔ]γκτησιν ἔδοσαν[23].

16) Фанагория: [Λεύκων] καὶ παῖ[δες ἔδοσαν ....] / ...Σ....I NON.....] / ....Λ.ΩΣ..ΤΕΣ..... / ...../ .....Ο.[καὶ προξενίαν αὐτοῖς] / [κα]ὶ ἐκγόνοι[ς] κ[αὶ ἀτέλειαν πάντων] / [χρ]ημάτων ἐ[ν παντὶ Βοσπόρωι καὶ] / [εἴ]σπλουν κα[ὶ ἔκπλ]-ο[υν καὶ πολέμου] / [καὶ εἰρήνης ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεί] (*рис. 5*)[24].

Первоиздатель этой так называемой «второй фанагорийской проксении» не совсем точен в восстановлении текста. Он не обратил внимания, что в стк. 2

---

[21] Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 58–60.

[22] Текст А.И. Болтуновой (Болтунова 1964: 136) и В.П. Яйленко (Яйленко 1985: 154; Яйленко 2001: 476) с некоторыми поправками Ю.Г. Виноградова (Виноградов 1978: 22–25; см. также Шелов-Коведяев 1985: 57, примеч. 2). А.И. Болтунова и В.А. Анохин (Анохин 1999: 46–48) относили надпись к 400–390 гг. до н. э., что было справедливо подвергнуто сомнению В.Ф. Гайдукевичем (КБН. Add. 4, с. 938), а затем убедительно отвергнуто Ю.Г. Виноградовым, В.П. Яйленко и Ф.В. Шеловым-Коведяевым. В.П. Яйленко отвел предлагаемое Ю.Г. Виноградовым и Ф.В. Шеловым-Коведяевым возможное восстанавление в надписи права гражданства (Шелов-Коведяев, 1985: 59, примеч. 18; 70, примеч. 43 со ссылкой на КБН, Add. 4 и Виноградов 1978: 23; Яйленко 1985: 154–159; Яйленко 2001: 480–483).

[23] Яйленко 1984: 220–222; Яйленко 2001: 479–483 с убедительными аргументами против методологически неверного чтения Ю.Г. Виноградова, поддержанного Ф.В. Шеловым-Коведяевым (Шелов-Коведяев 1985: 59, 60, примеч. 18). В.П. Яйленко отверг предлагаемое Ю.Г. Виноградовым и Ф.В. Шеловым-Коведяевым дополнение [... πολίτ]ας в стк. 3 этой проксении. Ср. несколько видоизмененный текст проксении в реконструкции Ю.Г. Виноградова и Ф.В. Шелова-Коведяева (Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 70–71): они читали сткк. 2–3 как ...ἐν πα]ντι Βοσπόρωι /[καὶ Θευδοσί]ηι... и настаивали на реконструкции [...πολίτ]ας в стк. 3. Упоминание Феодосии в этом декрете невозможно, ни в одной из боспорских проксений не оговаривается право беспошлинности в каком-то отдельно взятом городе, а говорится об ателии на все имущество исключительно на всем Боспоре, поэтому специально выделять один из полисов не имело смысла.

[24] Яйленко 2001: 474–479.

вычитывается ..ΣΕΔΟ.ΑΝΟΝΟ..Ρ.., а в стк. 3...ΛΛΩΝΙΑΤΗΙ.... Это коренным образом меняет смысл и реконструкцию ее первых трех строк, поэтому в общих чертах надпись выглядит следующим образом:

1 [Λεύκω]ν̣ καὶ Παι[ρισάδης καὶ Σπάρ-]
2 τοκο]ς ἔδο[σ]αν Ὀνο[μά]ρ[χωι .....]
3 [Ἀπο]λ̣λωνι̣ά̣τη̣ι [προξενίαν αὐτῶι]
4 [καὶ παισὶν τοῖς αὐτοῦ καὶ γῆς καὶ]
5 [οἰκίας ἔγκτησιν ἔδ]ο[σαν αὐτοῖς]
6 [κα]ὶ ἐκγόνοι[ς] κᾳ[ὶ ἀτέλειαν πάντων]
7 [χρ]ημάτων ἐν̣ π̣ᾳ̣[ντὶ Βοσπόρωι καὶ]
8 ε̣[ἴ]σ̣πλουν καὶ [ἔκπ]λ̣ο[υν καὶ πολέμου]
9 [καὶ εἰρήνης ἀσυλεὶ καὶ ἀσπονδεί].

Перевод: «(Левко)н и Пе(рисад и Спарто)к даровали Оно(ма)р(ху, сыну …), аполлониату, (проксению ему самому и сыновьям его и дали право владения землей и домом им самим) и потомкам, и (беспошлинность всех) товаров на всем (Боспоре и) право входить и выходить из гавани (в военное и мирное время без конфискации и заключения договора)».

Имя проксена Ὀνό[μα]ρ[χος] в Аполлонии Понтийской не засвидетельствовано, не встречается оно и в причерноморском регионе. Зато известно в

Рис. 5.
Проксения аполлониата Ономарха. Фанагория

Афинах (LGPN II. 354), Сицилии (LGPN III.A. 344), Киренаике, Андросе, Мелосе (LGPN I. 353), ряде фессалийских городов (LGPN III.D. 327). Значение надписи трудно переоценить – это второй документ с Боспора, который убедительно свидетельствует о его взаимоотношениях с Аполлонией Понтийской при Левконе I (первый – пантикапейская проксения № 10 нашего списка). Остатки преамбулы декрета дают сведения об административно-территориальном делении Боспорского государства в соответствии с соправительством сыновей правящего тирана. Они же позволяют определить и относительно точное время принятия проксенического декрета. При упоминании сыновей Левкона первым назван Перисад (будущий архонт Перисад I – 344–311 гг. до н. э.), который по возрасту был младше старшего сына тирана – Спартока, будущего архонта Спартока II, прямого наследника Левкона и правителя Боспора с 349 по 344 гг. до н. э.[25] Такой порядок перечисления соправителей крайне необычен для официальных документов, но он может свидетельствовать о соответствующем распределении полномочий между сыновьями Левкона I при его жизни. При упоминании соправителей или наследников боспорского тирана, как правило, учитывался их возраст: в афинском декрете в честь сыновей Левкона I от 346 г. до н. э., т. е. уже после его смерти, его наследники названы по старшинству и согласно иерархии наследования – первым, как и положено, стоит старший сын и наследник Спарток II, затем средний брат Перисад, а третьим – младший брат – Аполлоний (IG II^2=III. 212). При Левконе, согласно спартокидовской традиции, старший из его сыновей-соправителей Спарток осуществлял наместничество над европейским Боспором и его столицей, а Перисад обладал наместническими функциями на азиатском Боспоре и в Феодосии (IosPE II. 8 = КБН, 9). Однако первоначально после присоединения Синдики и умиротворения местных племен наместником боспорского правителя на азиатской стороне Боспора являлся один из братьев Левкона I Горгипп (Steph. Byz.: SC I. 258, 266). После его отстранения, возможно, в результате заговора, Левкон стал править там единолично сначала как архонт Синдики, а впоследствии как царь синдо-меотских племен. Еще позднее наместником в этой части Боспорского государства стал его сын Перисад, тесно связанный с этим регионом[26], а его резиденцией, скорее всего, была выбрана вторая столица Боспора – Фанагория, крупнейший полис на восточной стороне пролива[27].

[25] Упоминание сыновей Левкона поименно, а не под общим значением παῖδες, не должно смущать. В горгиппийской проксении также по именам упомянуты правившие в тот момент сыновья Эвмела Селевк и Спарток (КБН. Add. 4 = Яйленко 1985: 154; Яйленко 2001: 476).

[26] Латышев 1909: 80, 81; Gajdukevič 1971: 77; Яйленко 1990: 287–290.

[27] Яйленко 2001: 479.

«Вторая фанагорийская проксения» имеет прямое отношение к этому полису, поэтому упоминание в ней Перисада в качестве соправителя отца, имя которого поставлено перед именем старшего брата Спартока, согласуется с политическими и административными реалиями Боспора начала второй половины IV в. до н. э.[28] Порядок перечисления сыновей свидетельствует о том, что данная проксения относится к последнему периоду почти 40-летнего правления Левкона I, скорее всего, к концу 50-х годов IV в. до н. э.

Приведенные выше декреты показывают, что боспорские правители второй половины IV в. до н. э. предоставляли проксении гражданам Калхедона, Хиоса? (м. б., Херсонеса, Калхедона?), южнопонтийских городов Кромны, Гераклеи Понтийской, Амиса (Пирея); при Левконе I дважды засвидетельствованы привилегии выходцам из западнопонтийского города Аполлонии Понтийской, а при Перисаде I предположительно представителю Истрии. В своей проксенической деятельности боспорские власти руководствовались исключительно прагматическими, коммерческими интересами, их партнерами становились города, издавна торговавшие с северным побережьем Эвксинского Понта или лежавшие на пути плавания к Боспору. Это относится в первую очередь к южнопонтийским полисам Гераклее, Амису, Кромнам, отчасти к Халкедону (Калхедону), который вместе с соседним Византием контролировал проливы. Полисы, граждане которых получили проксении от боспорских правителей, располагались вдоль основных морских торговых коммуникаций в Понте. Через южнопонтийские города пролегали два постоянных маршрута плавания к северным его берегам: один, кратчайший, наиболее интенсивно стал использоваться во второй половине IV в. до н. э., он доходил до мыса Карамбис и далее шел напрямую к южным берегам Тавриды с последующим курсом на восток к Боспору Киммерийскому [29]; другой проходил вдоль юж-

[28] При Перисаде I старший из его сыновей-соправителей Сатир II, если следовать Диодору (*Diod.* XX. 22), являлся наместником отца на европейском Боспоре и имел резиденцию в Пантикапее, а средний сын Эвмел осуществлял наместничество на азиатском Боспоре. Поэтому, вступив в борьбу за престол, он поднял против старшего брата племена Синдики, прежде всего, фатеев. Его резиденция могла находиться в Горгиппии, на что указывает ряд косвенных признаков: предоставление им земли для поселения каллатийцам в Синдике, тщательное внимание к делам этой части государства – столь пристальное, что, возвращаясь оттуда в столицу Боспора, он умер, а также борьба за свободу судоходства вдоль южно- и восточнопричерноморского берегов, включая Синдику (*Diod.* XX. 25). В этой связи неудивительно, что единственная пока проксения сыновей Эвмела – Селевка, очевидно, старшего сына и прямого наследника отца, его соправителя в Синдике, и Спартока, младшего сына Эвмела, была обнаружена именно в Горгиппии, где первоначально и находилась резиденция Эвмела.

[29] Максимова 1954: 45, 46; Максимова 1956: 145 сл.; Гайдукевич 1969: 11–19; Золотарев 1977: 78, 79; Золотарев 1979: 94–101; Сапрыкин 1999: 217–227.

нопонтийского и восточнопричерноморского берегов и был известен еще с VI в. до н. э. По нему древнегреческие мореходы доплывали до Синдики и Боспорского государства, однако он был небезопасен из-за частых нападений пиратов – ахейцев, зигов, гениохов. Поэтому им можно было беспрепятственно добираться до цели только после периодически проводившихся боспорскими правителями антипиратских акций[30]. Третий путь плавания к берегам Боспора, самый долгий, но наиболее безопасный, проходил вдоль западнопонтийского побережья и Фракии. В связи с этим отношения с городами Левобережного Понта, прежде всего, Аполлонией Понтийской, Каллатисом и Истрией, приобретали для боспорских тиранов приоритетное значение, не менее важное, чем их контакты с полисами Южного Причерноморья. Неслучайно Эвмел, сын Перисада I, в конце IV в. до н. э. начал укреплять положение Боспора на Черном море с того, что очистил от пиратов его южнопонтийский сектор, а затем пришел на помощь Каллатису, колонии гераклеотов в Западном Причерноморье, приняв у себя 1000 его граждан во время осады города Лисимахом в 311 г. до н. э. (*Diod.* XX. 24–25; см. выше примеч. 25). Список проксенов Левкона I и его преемников на Боспоре отражал, таким образом, основные направления торговых путей и маршруты плавания по Понту в условиях развития торговли хлебом с Афинами и другими средиземноморскими государствами.

В V–IV вв. до н. э. институт проксении имел не только экономическое значение. Это был своеобразный рычаг политического воздействия, с его помощью можно было устанавливать отношения с влиятельными людьми в тех государствах, которые рассматривались в качестве объекта возможного союза или дипломатического партнерства[31]. С этой точки зрения пристальное внимание Левкона I к западнопонтийскому городу Аполлонии Понтийской, двум представителям которой он дал привилегии, неслучайно. Между 355–347 гг. до н. э. македонский царь Филипп II укреплял свои позиции во Фракии, вмешался в Священную войну в Греции, совершил ряд походов в южнофракийские земли, где соперничал с Афинами за влияние в Халкидике и на эгейском побережье Фракии. Одновременно он готовился к столкновению со скифским царем Атеем, распространившим господство в Подунавье и на юг в некоторые районы Фракии [32]. В этот период времени, как следует из стратегемы Полиена о Мемноне, который был изгнан из Персии по подозрению в заговоре против царя и временно в 353–349 гг. до н. э. находился при македонском дворе, этот родосский полководец, очевидно, при участии Филиппа II готовился к войне с Левконом I (*Polyaen.* V. 44). Последний имел

[30] Гайдукевич 1969: 11–13; Gajdukevič 1971: 88; Агбунов 1987: 65–89.
[31] Perlman 1958: 185–191; Walbank 1978: 3–8; Marek 1984: 335–355.
[32] Irimia 2005: 76, 77.

тесные связи с Афинами и их союзниками в Причерноморье и Эгеиде, а также установил дружественные отношения со скифами (*Polyaen.* VI. 9. 4)[33]. Движимые желанием обеспечить нейтралитет Боспора в соперничестве Македонии и Афин, как и в предстоящей войне со скифским царем, Филипп II и Мемнон отправили в Пантикапей посольство с предложением о дружбе и гостеприимстве и одновременно возложили на него обязанности собрать сведения о военном потенциале вероятного противника [34]. Распространение македонского господства во Фракии и угроза скифского вторжения заставила Аполлонию Понтийскую и Месембрию, издревле связанных тесными узами с афинянами, установить дружественные отношения с Атеем и Филиппом II. В этих условиях, не имея никакого намерения вступать в конфликт с Македонией и не желая нанести ущерб торговле с Афинами, Левкон решил развивать контакты с Аполлонией, выступавшей посредником между Филиппом II и скифским царем Атеем (*Justin.* IX. 2. 1). Боспорский правитель исходил также из прагматических соображений – ведь гавань этого полиса активно использовалась греческими купцами и навклерами, совершавшими плавания к северному побережью Черного моря.

Анализ и классификация привилегий в боспорских проксенических декретах уже становились объектом пристального исследования[35]. Самые ранние декреты Левкона I дают инстранцам соответственно ателию, проксению и право энктесиса (Пантикапей), а также проксению, энктесис и ателию (Фанагория). В них нет упоминания о гражданстве, поскольку энктесис с правом владеть землей и домом такой привилегии не предусматривал. При этом беспошлинность (ателия) в Пантикапее поставлена на первое место [36], проксения на второе, а владение землей и домом на третье. В Фанагории проксен получал проксению, энктесис и только после этого ателию. Это было связано с тем, что во времена Левкона основной упор делался на развитие торговли и вывоз большей части товаров осуществлялся из гавани столицы Боспора и порта Феодосии. Иноземец, получавший гостеприимство (проксению) в Фанагории, мог владеть там землей и домом и имел право беспошлинно вывозить товары через гавани Пан-

[33] Яковенко 1981: 257; Шелов-Коведяев 1984: 135; Алексеев 2003: 235; Сапрыкин 2004: 320; Виноградов 2005: 275.

[34] О взаимоотношениях Левкона I с Филиппом II, Мемноном и Атеем в середине-начале второй половины IV в. до н. э. см.: Сапрыкин 2004: 319, где выдвигаются аргументы против попыток отнести стратегему Полиена к боспоро-гераклейской войне в первой половине IV в. до н. э.

[35] Шелов-Коведяев 1985: 69–72; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002: 71, 72; Яйленко 2001: 481; Cojocaru 2009: 365–367.

[36] До середины IV в. до н. э. главной привилегией проксенов в греческом мире являлась ателия (Gschnitzer 1974: 712–714; Chelov-Kovedyayev 1987: 328).

тикапея, Фанагории и других полисов («по всему Боспору»), поэтому ателия в фанагорийском полисе по сравнению с другими привилегиями занимала третье место. Возможно, порядок привилегий в боспорских проксенических декретах отражал их последовательность в декретах о проксениях, принятых в честь Левкона и его сыновей в других полисах, контрагентах Боспора. Неслучайно в афинском декрете в честь сыновей Левкона I говорится, что «так как они дают афинянам те же привилегии, какие дали Сатир и Левкон, пользоваться Спартоку и Перисаду теми же привилегиями, какие народ дал Сатиру и Левкону» (IG III. 212, сткк. 20–25). Левкон, как говорилось, освободил афинян и других торговцев, вовлеченных в товарооборот с Афинами, от пошлин на вывоз хлеба, он же сократил пошлины для торговцев из Митилены на Лесбосе (см. выше), так как чем ниже был размер пошлин, тем больше хлеба можно было вывезти из Феодосии, Пантикапея, Фанагории и других городов. Тиран и его сыновья, соправительствовавшие отцу, получали доход не с количества вывозимого зерна, а с суммы оплаты или с процента от продажи его на рынках, в частности, в Афинах (ср. IG III. 212, сткк. 52–54). Поэтому боспорским властям было выгодно вывозить как можно больше зерна, и ателия являлась для этого наиболее приемлемой из привилегий, даваемых иноземным купцам. Если же проксен получал право вести коммерческие дела и проживать вне столицы Боспора, то доход с продажи хлеба все равно поступал правящему тирану, т. е. Левкону, а его сыновья-соправители получали лишь долю от этой прибыли. Вот почему в провинциальных городах ателия не имела такого значения, как в Пантикапее, столице государства и резиденции тирана, и в Феодосии, лучшей в Таврике гавани по вывозу хлеба. К тому же именно в этих крупнейших боспорских портах специальные представители таможенных служб – сборщики пятидесятичной пошлины (ἀπογράφη ἐμπορίῳ) взимали с торговцев до 2% налога с ввозимых и вывозимых товаров (*Demosth.* Adv. Phorm., 7; 34). В этом заключается причина, почему в Фанагории при Левконе I ателия среди привилегий стоит только на третьей позиции. Но в целом ателия, право владения землей и домом и полития в проксениях боспорских правителей являлись их ответом на беспошлинность и афинское гражданство, которыми их наделял афинский народ.

Большая часть проксений была принята в правление Перисада I, причем львиная их доля приходится на Пантикапей. Из десяти его декретов девять пантикапейские и один фанагорийский (так наз. «первая фанагорийская проксения»). В столице Боспора проксения – право гостеприимства – семь раз поставлена на первое место (в крайне фрагментированной надписи № 6 нашего списка проксения также могла предшествовать ателии), а право беспошлинности стоит на второй позиции шесть раз (только в тех случаях, когда в декретах отсутствует упоминание о политии). В Фанагории на первой позиции фигурирует ателия, за-

тем асилия, а проксения поставлена на третью ступеньку непосредственно перед правом энктесис. Это было вызвано тем, что получавшие благоволение властей эмпоры прибывали сначала в столицу Боспора, где оформляли соответствующие права гостеприимства как проксены (вот почему в пантикапейских декретах проксении чаще всего на первом месте среди привилегий), и только после этого могли беспошлинно ввозить и вывозить товары в любой гавани государства. Торговец и его сыновья, получившие проксению, обнаруженную в Фанагории, заручились поддержкой и гостеприимством со стороны Перисада I и его сыновей в столице, но собирались вести дела в Фанагории или на Азиатском Боспоре. Поэтому привилегиями первостепенной важности для них становились право беспошлинного вывоза груза и право защиты их имущества и товаров (асилия) по всему Боспору (согласно официально установившийся формулировке), так как эти привилегии в Фанагории и близлежащих портах зависели от местных полисных магистратов. В этом отношении проксения, распространявшаяся на всю территорию Боспора, становилась как бы условно-вторичной, ибо она подтверждалась в Пантикапее. Право владения землей и домом предоставлялось торговцам, их сыновьям и потомкам, очевидно, только в тех местах, где у них были долгосрочные коммерческие интересы и где располагались их посредники и контрагенты (энктесис зафиксирован перисадовой «первой фанагорийской проксенией», ранее Левкон I дал это право аполлониатам – одному в Пантикапее, а другому в Фанагории, позднее при преемниках Эвмела его получил торговец в Горгиппии).

Новым в отношении привилегий иностранцам при Перисаде I стало предоставление гражданства. Это засвидетельствовано в трех пантикапейских проксениях. Гражданство, которым награждали иностранцев, было общебоспорским независимо от того, где проксен получал право владения землей и домом и где концентрировались его деловые интересы. Однако предоставление гражданства зафиксировано пока только в трех пантикапейских декретах, поэтому можно предположить, что права гражданина со всеми вытекающими из этого преимуществами проксен получал исключительно в столице Боспорского государства. Но это позволяло иностранцу пользоваться правами боспорского гражданина по всей территории Боспора, беспошлинно вывозить и ввозить товары в любом порту этого государства. Поэтому в пантикапейских проксениях, где фиксируется полития, как правило, упоминаются проксения (она дважды предшествует политии) и ателия (всегда стоит на третьем месте – дважды после политии и единожды после проксении). Это показывает, что гражданство предоставлялось после дарования проксении – права гостеприимства. Но почему право гражданства один раз поставлено перед правом гостеприимства (декрет № 12 нашего списка), сказать сложно. Возможно, это вызвано не устоявшимся порядком принятия подобных привилегий или же тем, что первоначально иноземец получил права гражданства, а затем проксению и

ателию, ибо, став боспорским гражданином, занялся активной коммерческой деятельностью. Ведь боспорские проксении всегда предусматривали беспошлинность, и обе эти привилегии никогда не фигурировали друг без друга.

В чем же причина, что одни декреты Перисада I предусматривали дарование боспорского гражданства, а другие такую важную привилегию не предоставляли? Ответ, думается, можно обосновать тем, что в 328 г. до н. э. на Боспоре случилась война Перисада I со скифами, вследствие которой торговые дела там велись плохо, наступил «застой в сбыте товаров», торговцы оказались в безвыходном положении, не имея возможности ни реализовать привезенное, ни отгрузить купленное (*Demosth.* Adv. Phorm., 8). С трудностями в торговле в это или в чуть более позднее время связаны и выражения в комедии Менандра «Самиянка», вложенные в уста ее героев афинян Димея и Никерата. Прибыв на Боспор для закупки хлеба и прожив там безрезультатно целый год по причине «невыносимости» положения и «безрадостности в делах», они восхваляют свой родной город, противопоставляя его Боспорскому государству. Их неудачный вояж и бесцельное пребывание там были результатом застоя в торговых делах[37], который продолжался, по всей видимости, после войны со скифами. Раскопки поселения Генеральское-Западное на крымском побережье Меотиды, крупнейшего перевалочного пункта по доставке зерна с равнины Керченского полуострова в столицу Боспора, показали, что в конце первого строительного периода (последняя четверть IV в. до н. э.) там произошли разрушения, повлекшие спад в торговой деятельности, вероятно, как следствие войны со скифами при Перисаде I[38]. Стремясь укрепить экономическое положение и доходы казны вместе с собственными прибылями, Перисад I и его сыновья решили наладить нарушенный ритм торговли хлебом. Им было важно привлечь на Боспор иноземных торговцев, обеспечить им благоприятные условия, а добиться этого можно было в первую очередь предоставлением гостеприимства, ателии и гражданства, которые расширяли возможности торговой деятельности по всей территории государства. В 327 г. до н. э., как следует из речи Демосфена против Формиона, Перисад I объявил всенародно (κήρυγμα) об ателии на вывози-

[37] Маринович, Кошеленко 1998: 86–98.

[38] Масленников 1998: 58 сл. Есть предположение, что война со скифами велась на азиатской стороне Боспора (Молев 2009: 162–164), однако имеются убедительные данные в пользу опустошения европейской хоры Боспора именно в это время (Масленников 1999: 184; Зинько 2008: 106–109). Нельзя, впрочем, исключать, что война затронула и Азиатский Боспор. С ее последствиями связан обмен посольствами скифов и Александра Македонского, который находился в Бактрии. Александр отправил в Скифию своего представителя Панду, который должен был выяснить ситуацию на берегах Боспора Киммерийского и убедить скифов не переходить Танаис (Дон) (см.: Arr. Anab. IV. 1. 1–2; 15.1–6; Curt. VII. 6.12; Сапрыкин 2004: 320).

мый хлеб всем тем, кто везет его в Афины и Пирей (*Demosth.* Adv. Phorm., 36)[39]. Поэтому в декретах этого царя ателия чаще всего поставлена на второе место после проксении. Тогда же в число привилегий могли включить политию, которая в соответствующих декретах непременно соседствовала с проксенией и ателией (ср. №№ 7, 12, 13 нашего списка).

Боспорские декреты, в которых не говорится о политии, разительно отличаются от проксений иностранцам в полисных государствах. В Ольвии и Месембрии, например, гражданство предоставлялось от имени всей гражданской общины (HO, 5–9; IGB II. 309–309ter), очевидно, по решению совета и народного собрания, что в ряде случаев оговаривалось особо (см.: ISM III. 2–4: Каллатис; ISinope, 2–6: Синопа; то же в Херсонесе, но в римское время). Мы не исключаем, что при Левконе I и позднее предоставление гражданства иностранцам передавалось на рассмотрение полисных властей, поскольку в Пантикапее при Спартокидах народное собрание – экклесия – нерегулярно, но все же созывалось. Сохранилось свидетельство о том, что, как только Эвмел пришел к власти, то созвал граждан Пантикапея на собрание, где объявил о восстановлении «прежнего образа правления» (πάτριον πολιτείαν) и согласился сохранить право беспошлинности (ἀτέλειαν), которым пользовались жители боспорской столицы при его предках (см.: *Diod.* XX. 24). Из этого сообщения следует, что при предках Эвмела граждане Пантикапея имели полисную конституцию, буле и народное собрание, действие которых было приостановлено. Эвмел же, новый архонт Боспора, демонстративно восстановил пантикапейцам их полисные права и обещал им сохранить ателию. Как тут не вспомнить, что при Левконе I и в первой половине долгого правления Перисада I боспорские архонты не давали ксенам политию, но подтверждали право беспошлинной торговли, а во второй половине правления Перисад I с сыновьями уже самолично предоставляли политию, сохранив при этом беспошлинность. Эвмел, по всей вероятности, вернул пантикапейцам привилегию давать права полисного гражданства. Ведь если верить горгиппийской проксении, то его сыновья Селевк II и Спарток III предоставили проксению (без гражданства), ателию и энктесис (в восстановлении В.П. Яйленко), так как это соответствовало обещаниям Эвмела пантикапейцам на экклесии в 310 г. до н. э.

Боспорские проксении засвидетельствованы по находкам в Пантикапее, Фанагории, Горгиппии. Очевидно, это связано с тем, что привилегии давались иностранцам исключительно в этих крупнейших греческих городах, в разные

[39] Существует предположение, что это последовало после временного перерыва в тесных экономических связях Боспора и Афин (Burstein 1978: 430), однако некоторые исследователи сомневаются в возможности такой лакуны (Braund 2003: 203–205).

периоды обладавших полисными правами, в том числе правом чеканить монету со своим названием (Пантикапей делал это постоянно)[40]. Формулировку «на всем Боспоре», повсеместно встречающуюся в проксенических декретах, следует сопоставить с титулатурой Спартокидов IV – начала III в. до н. э., в которой они названы «архонтами Боспора и Феодосии» и царями синдо-меотских племен. Это показывает, что иностранцы-проксены имели право вести дела, входить и выходить из гавани в любом крупном городе Боспора, поскольку получали эти привилегии в Пантикапее, в том числе как пантикапейские граждане (при Перисаде I и сыновьях, при Эвмеле и сыновьях). Поскольку ателия предоставлялась тиранами гражданам Пантикапея (или гражданами Пантикапея с согласия тирана, на что указывают обещания Эвмела), то применительно к иностранцам она действовала во всех крупных и малых боспорских городах и на хоре, архонтами которых считались Спартокиды. Проксения, ателия и энктесис предоставлялись и контролировались архонтами Боспора и Феодосии, действуя исключительно в полисах, на их хоре и в «малых городах», которые объединялись в государственно-территориальную единицу «Боспор». Это подтверждает Демосфен, который утверждал, что Левкон и сыновья даровали торговцам беспошлинность на Боспоре и в Феодосии (*Demosth.* Adv. Lept., 33)[41]. Многочисленные надгробия иностранцев, умерших в городах Боспора, доказывают справедливость этого вывода. По всей вероятности, права проксена не распространялись на Прикубанье, где Спартокиды считались царями местных племен. Косвенно это подтверждают надгробие хиосца IV в. до н. э. в Западном Прикубанье (КБН, 1233), а также эпитафия I в. н. э. эмпора Хрестиона, сына Асиатика, который умер в «стране сираков», т. е. в Прикубанье, где был воздвигнут памятник умершему (КБН, 142). Известно, что торговцы, в том числе проксены, пользовались правом защиты или неприкосновенности – асилией и асфалией, гарантированными властями. Смерть этих купцов в отдаленных районах Боспорского государства, населенных местными варварскими племенами, может свидетельствовать о том, что они не обладали правом защиты и прибыли туда на свой страх и риск.

Д.П. Каллистов обратил внимание, что проксении Боспора изданы не от имени совета и народного собрания, а от имени правителя, и сделал на этом основании вывод о сохранении на Боспоре полисной структуры при наличии

[40] Шелов 1956: 80–89; Анохин 1986: 136–148; Анохин 1999: 43–46, 57.

[41] Нельзя, впрочем, исключать, что под термином «Боспор» в данном случае понимался Пантикапей и его хора. Но, исходя из проксенических декретов, вероятнее, что в этом контексте под Боспором понимались греческие города Боспорского государства, за исключением тех районов, которые населяли синды и меоты, признававшие Спартокидов царями.

единоличной власти[42]. Можно согласиться с мнением о том, что предоставление Спартокидами прав боспорского гражданства было следствием тиранического полисного характера их режима[43]. Поэтому практика наделения ксенов проксениями демонстрирует живучесть полисных традиций на Боспоре на протяжении второй половины IV – первой четверти III в. до н. э.

Прекращение проксенической деятельности в начале III в. до н. э. было вызвано рядом обстоятельств – общим кризисом и спадом торговли зерном в первой четверти III в. до н.э, вызванными последствиями междоусобной войны сыновей Перисада I, а также изменением этнополитической ситуации в Северном Причерноморье[44] и переменами во внутренней политике. Проксении предоставлялись Спартокидами в те годы, когда они официально называли себя «архонтами Боспора и Феодосии», что отражало полисный характер их власти (ἀρχή). Однако уже Спарток III, сын Эвмела (304–283 гг. до н. э.), который сначала по устоявшейся традиции называл себя архонтом, вскоре стал величаться архонтом и царем, а позднее просто царем (КБН, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 974, 1036, 1043; ср.: IG III. 653). Это последовало после принятия диадохами в 308 г. до н. э. царского титула, когда многие тираны и династы повелели почитать себя царями. Сущность режима Спартокидов как полисной тирании при этом не изменилась, но самодержавные функции власти усилились, права династии расширились, что повлекло за собой перемены в положении полисов – их политические привилегии и свободы могли быть ограничены. Последнее вызвало отмену института проксении или его серьезное видоизменение. В афинском декрете 285/284 г. до н. э. в честь Спартока III в традиционной для боспоро-афинских отношений форме говорится о расположении его к афинянам, об услугах народу и прибывавшим к нему афинянам, о даре в 15 000 медимнов хлеба и об обещании впредь оказывать услуги Афинам, сохраняя к ним благорасположение, как было при его предках. Афинское народное собрание вынесло постановление восхвалить за это царя Спартока, увенчать его золотым венком, поставить его статуи возле предков и на акрополе и послать к нему посольство с напоминанием о дружбе (IG III. 653)[45]. Тон декрета, его лексика коренным образом отличаются от афинских декретов в честь предков Спартока. В нем ничего не говорится о предоставлении привилегий, афинском гражданстве, беспошлинности, т. е. о том, о чем мы читаем в аналогичных афинских постановлениях в честь боспорских правителей IV в. до н. э. Это было связано с упадком торгово-экономических связей Боспора с Афинами,

[42] Каллистов 1963: 317–338.
[43] Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2004: 59.
[44] Яйленко 2001: 478.
[45] Heinen 2005: 109–122.

но в то же время было вызвано ослаблением института проксении в Боспорском государстве, повлекшим сокращение объема привилегий, которыми по обыкновению афинские власти награждали боспорских владык, а те, в свою очередь, предоставляли их Афинам и эмпорам, вывозившим зерно в Пирей и другие гавани союзников афинян.

Таким образом, институт проксении на Боспоре возник в результате тесных отношений с Афинами в IV – начале III в. до н. э. Его появление стало следствием полисного характера государственного устройства Боспора, и действовал он в условиях полисной тирании Спартокидов. Проксеническая деятельность боспорцев была связана с сохранением полисных привилегий Пантикапея, Фанагории, Горгиппии, особенно столицы Боспора, поскольку пантикапейцы пользовались ателией и сохранили дееспособность своего народного собрания. Иностранцы, в основном торговые контрагенты Боспора, получали беспошлинность, прежде всего, в Пантикапее, что давало право использовать любую другую гавань для ввоза и вывоза товаров. Некоторые иноземные эмпоры получали на Боспоре и гражданство, но оно действовало по всей территории государства на основе юридически оформленной политии в Пантикапее. Тем не менее все проксенические привилегии зависели от воли тиранов, которые по своему усмотрению сохраняли или урезали свободы или восстанавливали «отеческий» образ правления гражданской общины Пантикапея (и других полисов). При этом тираны присвоили себе право давать проксении, гражданство, беспошлинность, асилию, наделяли проксенов участком земли и домом по всему Боспору, но лишь в пределах эллинских полисов, их хоры и так называемых «малых городов». Прекращение дарования проксений на Боспоре было обусловлено внутриполитическими переменами после принятия Спартокидами царского титула, а также резким сокращением торговли зерном с Эгеидой, в которой активную роль играли афинские и прочие эмпоры из союзных и дружественных Афинам государств.

Резюме

Статья посвящена публикации нового фрагмента боспорской проксении из случайных находок на акрополе Пантикапея, сделанных Ю.Ю. Марти. В связи с этим рассматриваются все известные на сегодняшний день боспорские проксении второй половины IV – начала III в. до н. э., при этом дается новое прочтение уже ранее изданных проксенических декретов из Пантикапея и Фанагории. Подробно анализируются причины принятия декретов в честь граждан Аполлонии Понтийской, разбираются привилегии проксенам с точки зрения характера полисной тирании Спартокидов и сохранения полисных традиций в Боспорском государстве. Разбираются возможные обстоятельства, повлиявшие на прекращение существования института проксении на Боспоре.

Ключевые слова: проксения, ателия, полития, Боспор, Пантикапей, Левкон, Перисад, Спарток, Эвмел, тирания, полис, Афины, Демосфен

To the proxenic activity of Bosporos

S.Yu. Saprykin, N.F. Fedoseev

The article is devoted to the analysis of Bosporan proxenies, dated to the period of Spartocid ruling. Along with their detailed study the authors publish a newly discovered fragment of a Greek inscription, attributed as proxeny which was not included into the CIRB. It was found accidently by Ju. Ju. Marti on the acropolis of ancient Panticapaeum. In accordance with this find the authors study all the proxenic decrees, adopted by the Bosporan rulers in the second half of the 4th-early 3rd century BC. They suggest a new reading and interpretation of several earlier published documents from Panticapaeum and Phanagoria. Saprykin and Fedoseev detailly examin the causes of adopting the proxenies at Bosporos, particularly those which were given to the citizens of Apollonia Pontica (one decree comes from Panticapaeum and another one from Phanagoria). They take the proxenic privileges to foreign *politai* in the Bosporan cities as instrument of polis tyranny of the Spartocids and as an evidence of polis traditions in the Kingdom of Bosporos. Another aspect of proxenic policy of local rulers is connected with actual circumstances which impact upon the ending of proxenic activity at Bosporos in the beginning of the 3rd century BC.

Keywords: proxeny, ateleia, politia, Bosporan Kingdom, Athens, Panticapaeum, Leucon I, Pairisades I, Spartokos II, Spartokos III, Eumelos, tyranny, polis, Demosthenes

Литература

Агбунов М.В 1987: Античная лоция Черного моря. М.

Алексеев А.Ю. 2003: Хронография Европейской Скифии. Спб.

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин В.А. 1999: История Боспора Киммерийского. Киев.

Блаватская Т.В. 1959: Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М.

Блаватская Т.В. 1993: Посвящение Левкона I // РА. № 2. С. 34–47.

Болтунова А.И. 1964: Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. № 3. С. 136–149.

Болтунова А.И,, Книпович Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. Т. III. С. 3–31.

Брашинский И.Б. 1963: Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.

Виноградов Ю.А. 2005: Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. С. 211–296.

Виноградов Ю.Г. 1971: Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. № 4.

С. 74–100.

Виноградов Ю.Г. 1978: Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. М. С. 22–25.

Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. 1995: Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь. С. 69–77.

Виноградов Ю.Г., Толстиков В.П., Шелов-Коведяев Ф.В. 2002: Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. № 4. С. 58–75.

Виноградов Ю.Г. 2002: Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII. 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) // ВДИ. № 3. С. 3–22.

Гайдукевич В.Ф. 1969: О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. Вып. 46. С. 11–19.

Граков Б.Н. 1939: Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. № 3. С. 231–315.

*Жебелев С.А.*1953: Северное Причерноморье. М., Л.

*Зинько В.Н. 2*008: Боспоро-скифская война в последней трети IV в. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. С. 106–109.

Золотарев М.И. 1977: Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 78–79.

Золотарев М.И. 1979: Новые факты о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. С. 94–101.

Каллистов Д.П. 1963: Боспорский декрет Перисада о даровании проксении пирейцу // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л. С. 317–338.

Кузнецов В.Д. 2000: Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. № 1. С. 107–120.

Латышев В.В. 1909: ПОNTIKA. СПб.

Максимова М.И. 1954: Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. Вып. 33. С. 45–57.

Максимова М.И. 1956: Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.

Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. 1998: Куда и зачем плавал Демея? // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М. С. 80–98.

Масленников А.А. 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. М.

Масленников А.А. 1999: Греки и варвары на «границах» Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения. М. С. 170–192.

Молев Е.А. 2009: Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н. э. // ВДИ. № 3. С. 155–165.

Сапрыкин С.Ю. 1999: Херсонесские проксении и пути плавания по Понту // ПИФК. Т. 7. С. 217–229.

Сапрыкин С.Ю. 2004: Заметки по истории Боспорского царства // ДБ. Т. 7. С. 317–331.

Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. 1999: Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М. С. 282–304.

Толстиков В.П. 2000: Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея (К проблеме локализации, интерпретации и графической реконструкции) // ДБ. Т. 3. С. 302–339.

Толстиков В.П. 2007: Акрополь Пантикапея – столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М., Киев, Запорожье. С. 244–257.

Шелов Д.Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1984: История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. М. С. 5–187.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1985: Новые боспорские декреты // ВДИ. № 1. С. 57–72.

Шелов-Коведяев Ф.В. 1988: Декрет из раскопок 1985 г. в Пантикапее // ВДИ. № 4. С. 81–83.

Яковенко Э.В. 1981: Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора Европейского // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси. С. 248–259.

Яйленко В.П. 1984: К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М. С. 210–223.

Яйленко В.П. 1985: Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного Причерноморья как исторический источник. М. С. 148–160.

Яйленко В.П. 1990: Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Т. 1. М. С. 249–309.

Яйленко В.П. 2001: Вторая фанагорийская проксения // ДБ. Т. 4. С. 474–486.

Braund D. 2003: The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3. 171–172; [Dem.] 34. 36) // The Cauldron of Arianthas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday / Pia Guldager Bilde, Jakob Munk Højte, Vladimir Stolba (eds.). Aarhus. P. 197–208.

Bresson A. 2007: La construction d'un espace d'approvisionnement: les cites égéennes et le grain de mer Noir // Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigenes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noir (VIIe s. a. C. – IIIe s. p. C.) / A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.). Bordeaux. P. 49–68.

Burstein S.M. 1978: IG II² 653, Demosthenes and Athenian Relations with Bosporus in the Fourth Century BC // Historia.Vol. 27. P. 428–436.

Chelov-Kovedyayev Th.V. 1987: Les décrets bosphorans et l'histoire du Bosphore Cimmérien au IV siècle av. J.-C. // Actes du VIII Congrès International de l'épigraphie grecque et latine. Athènes. P. 326–329.

Cojocaru V. 2009: Zur Proxenie in den griechischen Städten des pontischen Raumes // Pontica. T. XLII. P. 349–374.

Gajdukevič V.F. 1971: Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam.

Gschnitzer F. 1974: Proxenos // RE. Suppl. XIII. Sp. 712 sgg.

Heinen H. 1996: Statues de Pairisadès I et de ses fils érigées sur preposition de Démosthène (Dinarque, Contre Démosthène 43) // Le IVe siècle av. J.-C. Approches historiographiques. Études reunites par Pierre Carlier. Nancy. P. 357–368.

Heinen H. 2005: Athenische Ehren für Spartokos III (IG II² 653) // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest / Victor Cojocaru (ed.). Iaşi. P. 109–125.

Irimia M. 2005: Cu privire la raporturile dintre sciţi, geţi şi coloniile greceşti de la Dunărea de Jos în secolele VI–IV a. Chr. // Revista română de Studii Eurasiatice. Anul 1. Nr. 1. P. 51–93.

Marek Ch. 1984: Die Proxenie. Frankfurt / Main; Bern; New York.

Perlman S. 1958: Note on the Political Implications of Proxenia in the IVth Century BC // CQ. Vol. 8. P. 185–191.

Tuplin C. 1982: Satyros and Athens: IG II². 212 and Isokrates 17. 5 // ZPE. Bd 49. P. 121–128.

Vélissaropoulos J. 1980: Les nauclères grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève; Paris.

Vinogradov Ju.G. 1997: Pontische Studien. Mainz.

Walbank M. 1978: Athenians' Proxenies of the Fifth Century BC. Toronto.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 115–135

СТАТЬИ

А.В. Короленков

СУЛЛА И ЦЕЗАРЬ*

Памяти Эрнста Бэдиана
(1925–2011)

Казалось бы, история отношений двух знаменитейших римлян изучена до последних мелочей, выяснено всё, что можно было выяснить, а по остальным вопросам высказано множество предположений, и желающие могут выбрать любое на свой вкус. Однако, как представляется, данные источников позволяют внести серьёзные поправки в картину происшедшего.

Прежде чем перейти к рассмотрению темы, для удобства читателя приведём рассказы тех античных авторов (в хронологическом порядке), в которых изложен интересующий нас сюжет и на которых, соответственно, строятся суждения историков:

Цезарь «находился в близком кровном родстве с Г. Марием и одновременно был зятем Цинны, никакой страх не вынудил его разойтись с его дочерью, тогда как консуляр М. Пизон, чтобы угодить Сулле, развёлся с Аннией, которая прежде была женою Цинны. Цезарю едва исполнилось восемнадцать лет, когда Сулла захватил власть. Переменив одежду и приняв облик, не соответствовавший его положению, Цезарь ночью бежал из Города скорее от соучастников и прислужников Суллы, разыскивавших его, чтобы убить, чем от него самого» (*Vell. Pat.* II. 41. 2. Пер. А.И. Немировского).

«Когда Сулла захватил власть, он не смог ни угрозами, ни обещаниями побудить Цезаря к разводу с Корнелией, дочерью Цинны, бывшего одно время

* Автор выражает признательность к.и.н. Р.В. Лапырёнку и к.и.н. Ю.Н. Кузьмину за помощь в получении историографических материалов в процессе работы над статьёй.

единоличным властителем Рима; поэтому Сулла конфисковал приданое Корнелии. Причиной же ненависти Суллы к Цезарю было родство последнего с Марием, ибо Марий Старший был женат на Юлии, тётке Цезаря; от этого брака родился Марий Младший, который был, следовательно, двоюродным братом Цезаря. Занятый вначале многочисленными убийствами и неотложными делами, Сулла не обращал на Цезаря внимания, но тот, не довольствуясь этим, выступил публично, добиваясь жреческой должности, хотя сам едва достиг юношеского возраста. Сулла воспротивился этому и сделал так, что Цезарь потерпел неудачу. Он намеревался даже уничтожить Цезаря и, когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: "Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке – много Мариев". Когда Цезарь узнал об этих словах Суллы, он долгое время скрывался, скитаясь в земле сабинян. Но однажды, когда он занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся. Дав начальнику отряда Корнелию два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомеду» (*Plut.* Caes. 1. 1–7. Пер. Г.А. Стратановского и К.П. Лампсакова).

«На шестнадцатом году [Цезарь] потерял отца. Год спустя, уже назначенный фламином Юпитера, он расторг помолвку с Коссуцией, девушкой из всаднического, но очень богатого семейства, с которой его обручили ещё подростком, и женился на Корнелии, дочери того Цинны, который четыре раза был консулом. Вскоре она родила ему дочь Юлию. Диктатор Сулла никакими средствами не мог добиться, чтобы он развёлся с нею. Поэтому, лишённый и жреческого сана, и жениного приданого, и родового наследства, он был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться. Несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от сыщиков, пока, наконец, не добился себе помилования с помощью девственных весталок и своих родственников и свойственников – Мамерка Эмилия и Аврелия Котты. Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец, как известно, Сулла сдался, но воскликнул, повинуясь то ли божественному внушению, то ли собственному чутью: "Ваша победа, получайте его! Но знайте: тот, о чьём спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!"» (*Suet.* Div. Iul. 1. Пер. М. Л. Гаспарова).

Прежде чем проанализировать содержащиеся в этих рассказах сведения, рассмотрим место Цезаря и его фамилии в политике тех лет. Последняя отличалась знатностью, возводя себя к самой Венере, матери прародителя Энея, однако до середины II в. (здесь и далее – до н. э.) среди её представителей не было консулов. Первым из них

эту должность занял в 157 г. Секст Юлий Цезарь[1]. Но в последующие годы этот успех повторить не удалось, и к концу II в., по-видимому, Цезари вновь «захудали» и не возражали против того, чтобы на представительнице их семьи ок. 110 г. женился Марий, который вскоре станет на несколько лет первым человеком в Риме. Двое Цезарей приняли участие в работе аграрных комиссий, созданных в соответствии с аграрными проектами Мария – Сатурнина, а единоутробный брат Гая Юлия Цезаря Страбона Квинт Лутаций Катул стал консулом 102 г. – его успех был тем более показателен, что перед этим он трижды потерпел поражение на выборах, – в других условиях это означало бы крах политической карьеры, но поддержка Мария сделала своё дело[2]. Лишь в 91 г. консулата добился дядя будущего диктатора Секст Юлий Цезарь, а в 90 г. – представитель другой ветви фамилии, Луций[3], который в 89 г. занял и должность цензора[4], что, несомненно, оказалось крупнейшим успехом Юлиев. В том же 89 г. в ходе боевых действий против италийцев во время Союзнической войны скончался Секст Цезарь (*App.* BC. I. 48. 210), а Гай Цезарь Страбон безуспешно пытался стать консулом, хотя не занимал необходимой для этого должности претора. Произошли беспорядки, которые Асконий назвал *causa belli civilis* (*Scaur.* 25C).

Не успела закончиться война с восставшими италийцами, как разгорелась смута в самом Риме. В 88 г. Город взяли войска мятежного консула Суллы, а в 87 г. – его врагов Мария и Цинны. Началась расправа над неугодными победителям людьми, в результате которой погибли Луций Цезарь, Цезарь Страбон и Лутаций Катул[5]. В то же время отец будущего диктатора, брат покойного консула 91 г., не пострадал и, судя по всему, сотрудничал с новым режимом[6], пока не скончался в 85 г. в Пизе (*Plin.* NH. VII. 181)[7].

Его сын, родившийся в 100 г., с самого начала оказался в гуще политической борьбы. Первоначально он был обручён с Коссуцией[8] – как уже говорилось, девушкой из

[1] См.: Münzer 1919: 476.

[2] См.: Badian 1957: 322–323.

[3] Он был внуком консула 157 г., а Секст, консул 91 г., и его брат Гай, отец будущего диктатора, – внуками претория Луция Цезаря, брата консула 157 г. (см. стемму: Münzer 1919: 183–184).

[4] См.: Broughton 1952: 20, 25, 32.

[5] По мнению Э. Бэдиана, это стало наказанием со стороны Мария по отношению к предавшим его сторонникам, которые поддерживали его лишь в то время, пока он пребывал на вершине могущества, в конце 100-х гг. (Badian 1957: 331–332).

[6] По-видимому, именно из этого исходила Л.Р. Тейлор, считая марианцем и Секста Цезаря (см. также: Ridley 2000: 212), который добился консулата «несомненно, при поддержке Мария» (Taylor 1957: 11). Однако основание для такого вывода слишком зыбкое.

[7] С.Ф. Боннер ошибочно пишет, будто Цезарь-старший погиб во время марианской чистки (Bonner 1977: 15).

[8] По мнению Р. Этьена, Цезарь обручился с Коссуцией по собственному желанию (Этьен 2003: 44), но для этого он был слишком юн. См. обзор мнений по поводу этой помолвки: Ridley 2000: 216.

богатого всаднического семейства. В этом отношении Цезарь продолжил семейную традицию – и отец, и дед его состояли в браке с женщинами из плебейских фамилий[9]. Затем, как мы узнаём, он был назначен на чрезвычайно почётную должность фламина Юпитера[10], а помолвку с Коссуцией расторг. Веллей Патеркул сообщает, что соответствующее назначение произвели Марий и Цинна[11], и в таком случае это произошло между концом 87 г., когда погиб прежний фламин, Мерула, и серединой января 86 г., когда умер Марий, а если верить Светонию, то речь должна идти о 84 г. Но, как замечает Л.Р. Тейлор, если мысль о назначении Цезаря на место фламина Юпитера и восходит ко времени, когда Марий ещё был жив, то в действительности никаких шагов по её практическому осуществлению до 84 г. не предпринималось, и датировку Светония можно предпочесть менее точному Веллею Патеркулу[12]. (Думается, Веллей указал Мария по небрежности или по догадке[13], исходя из его родства с Цезарем.) Предполагается, что это и обусловило расторжение помолвки с Коссуцией, происходившей из плебейской семьи[14], тогда как фламину надлежало состоять в браке с представительницей патрицианской фамилии, которой и стала дочь Цинны[15]. Однако вряд ли это имело принципиальное значение – мать Цезаря была плебейского рода, что не подобало фламину Юпитера, и тем не менее Цинну это не смутило (см. ниже). На первом месте, очевидно, стояло его желание обеспечить поддержку знатного и богатого связями семейства[16], фламинат же мог стать чем-то вроде приданого[17].

---

[9] Münzer 1920: 326. Следует, однако, отметить, что Коссуции ни в какое сравнение не шли с Аврелиями Коттами, из семьи которых происходила мать Цезаря. Правда, даже в таком случае называть вслед за Ж. Каркопино намечавшийся брак с Коссуцией «мезальянсом» (Carcopino 1968: 5) вряд ли корректно.

[10] См также: *Cic.* Phil. II. 110; *Vell. Pat.* II. 43. 1; *Dio Cass.* XLIV. 6. 4.

[11] Loc. cit.: paene puer a Mario Cinnaque flamen dialis creatus.

[12] Taylor 1941: 114–115. Другие варианты датировки (87, 86, 83 гг.) неудовлетворительны, см. Ridley 2000: 214, n. 7.

[13] В старой литературе назначение Цезаря фламином иногда приписывали воле именно Мария (Gelzer 1943: 31–33; Duggan 1961: 34).

[14] ...dimissa Cossutia, quae familia equestri... praetextato desponsata fuerat (*Suet.* Div. Iul. 1.1).

[15] Впервые это мнение высказано Г. Де Санктисом и нашло поддержку в историографии, см. лит.: Ridley 2000: 215, n. 12.

[16] М. Грант считает главной целью укрепление отношений с Аврелиями, к которым принадлежала мать Цезаря и чьи кузены, Гай, Марк и Луций Котты, были 'liberal nobles of unusual calibre' (Grant 1969: 23–24). Однако при правильности самого тезиса нельзя не отметить странности последней его части – все трое Котт были сулланцами (Ridley 2000: 218), а Гай к тому же находился тогда в изгнании и вернулся только с Суллой (Canfora 1999: 4, n. 3; Ridley 2000: 223).

[17] См.: Jehne 1997: 12. Ж. Вальтер считает решение Цинны сделать юного Цезаря flamen Dialis «неожиданным (la brusque décision)» (Walter 1947: 19), хотя мы даже не знаем, от кого, собственно, исходила инициатива – от Цинны или от родни Гая Юлия, что весьма вероятно (см.: Грант 2003: 16; Gelzer 1943: 33; Walter 1947: 17; Tatum 2008: 31).

Обычно предполагается, что брак с Корнелией состоялся до смерти Цинны[18], который погиб во время солдатского мятежа, судя по всему, в конце зимы 84 г.[19] Однако текст Светония позволяет предполагать, что Гаю Юлию уже исполнилось 16 лет, когда он женился на Корнелии[20], а случилось это лишь в июле. Иными словами, гибель Цинны не расстроила брак. Это может свидетельствовать как об устойчивости политических позиций Цезаря и его близких (прежде всего матери Аврелии, всегда активно участвовавшей в делах сына), так и о чувствах молодого человека к невесте. Впрочем, следует учесть и ещё одно обстоятельство – благодаря браку с Корнелией будущий диктатор становился свояком женившегося на другой дочери Цинны Гнея Домиция Агенобарба – представителя одной из знатнейших римских фамилий, сына консула 96 г. и цензора 92 г. (*Oros.* V. 24. 16).

Теперь оставалось ждать принятия сана фламина. Неоднократно указывалось, что положение жреца Юпитера было сопряжено со многими ограничениями – в частности, с запретом видеть войско, садиться на коня, проводить вне дома более двух ночей, приносить клятву, разводиться и т. д.[21], что могло поставить под удар карьеру будущего диктатора[22]. С. Вейнсток объясняет всё очень просто – Марий и Цинна исходили из своих интересов, а не Цезаря, учитывая важность фламината[23]. Но более логично предположить, что им было предпочтительнее иметь в качестве жреца фламина своего или, по крайней мере, лояльного им человека[24]. Пренебрежение же его интересами легко могло настроить его против них, что в тех условиях представлялось особенно нежелательным.

Э. Бэдиан объясняет пожалование последнему столь обременительной жреческой должности так: «Учитывая относительную неизвестность этой ветви Цезарей, Цинна, несомненно, не видел для молодого человека шансов на большую карьеру и пытался компенсировать это предоставлением ему высочайшей почести неполитического характера»[25]. Согласиться с этим трудно, учитывая, что дядя Цезаря Секст всего несколько лет назад добился консулата (см. выше). Ещё более странное объяснение

---

[18] Грант 2003: 18; Carcopino 1968: 5; Jehne 1997: 10–12; Billows 2009: 46–47.

[19] См.: Lovano 2002: 109 (со ссылками на источники). Ж. Каркопино явно ошибочно пишет о конце 84 г. (Carcopino 1968: 5).

[20] annum agens sextum decimum patrem amisit; sequientibusque consulibus etc. (*Suet.* Div. Iul. 1.1). Т. е. Цезарю шёл уже семнадцатый год.

[21] См.: Samter 1909: 2486–2489; Latte 1960: 203. По-видимому, именно по причине отправления должности фламина Юпитера не смог сделать карьеру один из предков Суллы в III в. (Keaveney 2005: 6).

[22] Грант 2003: 16; Taylor 1957: 11; Jehne 1997: 12; Tatum 2008: 30; Badian 2009: 16. Р. Этьен даже считает, что в этом отношении брак с Коссуцией мог бы быть выгоден Цезарю, ибо избавлял его от обременительного фламината (Этьен 2003: 44).

[23] Weinstock 1971: 30.

[24] См.: Meier 1982: 113.

[25] Badian 2009: 16.

предлагает У. Дж. Тэйтам: уже в это время у Цезаря, возможно, появились признаки эпилепсии, которая ставила под вопрос его будущую карьеру, а потому мать и тётка Цезаря (вдова Мария) решили хотя бы таким образом позаботиться о положении юноши. Однако всерьёз воспринимать это предположение не приходится, поскольку сведения о «царской болезни», от которой якобы страдал последний, появляются в достаточно поздних источниках и очень напоминают сплетню – словоохотливый Цицерон об эпилепсии Цезаря ничего не знает, что заставляет серьёзно усомниться в достоверности слухов о ней. Более осторожен К. Смит, который пишет о том, что причиной назначения могли стать молодость и слабое здоровье Цезаря[26]. Это несколько более вероятно – хотя впоследствии завоеватель Галлии демонстрировал завидную выносливость, отсюда не следует, что в детстве он не был подвержен частым болезням, а потому родственники могли считать его не слишком здоровым. Но настолько ли, чтобы он не мог сделать политическую карьеру?

Главное, видимо, в другом. Упомянутые табу несколько сковывали активность фламина, но в те времена не так уж мешали ему делать карьеру – существовало немало лазеек, позволявших обойти ограничения. Когда в 183 г. Л. Валерию Флакку потребовалось принести клятву при вступлении в должность эдила, что ему запрещалось как фламину Юпитера, это по общему согласию сделал за него брат – претор-десигнат (*Liv.* XXXI. 50. 7–9). Оставаясь *flamen Dialis*, Флакк занимал в 183 г. должность претора, и сенат попросил провести жеребьёвку таким образом, чтобы он председательствовал в суде по делам перегринов и тем самым не имел нужды покидать Город (*Liv.* XXXIX. 45. 4). Предшественник Цезаря Мерула не только стал консулом (правда, суффектом), но и участвовал в обороне Рима, объезжая укрепления Города (*App.* BC. I. 66). Сам Цезарь, будучи великим понтификом, которому не разрешалось покидать Италию, большую часть времени (63–44 гг.), провёл вне её[27]. Можно вспомнить и гораздо более ранний случай с П. Лицинием Крассом, который вопреки обычаю покинул Италию для войны с Аристоником (*Cic.* Phil. XI. 18). Возможно, будущий завоеватель Галлии не придавал большого значения тем ограничениям, которые налагал на него фламинат – против его принятия он, судя по всему, не возражал[28], видимо, не без оснований надеясь, что связанные с многочисленными табу ограничения удастся обойти или значительно ослабить[29]. Поэтому Р.Т. Ридли не без оснований возражает против рассуждений Л.Р. Тейлор о том, что «если бы Сулла проник в будущее Цезаря так, как то ему

[26] Tatum 2008: 30–31; Smith 2010: 253.

[27] См.: Ridley 2000: 214; Meier 1982: 113. См. также: Samter 1909: 2489; Latte 1960: 276.

[28] Walter 1947: 19; Jehne 1997: 13; Ridley 2000: 214.

[29] М. Гельцер (цит. по: Tatum 2008: 30); Jehne 1997: 13.

приписывается, он оказал бы немалую услугу нобилитету, сохранив за Цезарем назначение на пост жреца, которое устранило бы его от участия в активной политической жизни»[30].

Однако, судя по всему, Цезарь так и не был инавгурирован – Светоний пишет о Цезаре как о *destinatus* (Div. Iul. 1.1), Веллей Патеркул – как о *creatus* (II. 43. 1), т. е. что Цезарь прошёл процедуру инавгурации. Большинство историков, однако, предпочитает данные более обстоятельного Светония и полагает, что инавгурация Гая Юлия так и не состоялась[31]. К тому же Тацит определённо пишет, что после смерти Мерулы в течение 75 лет фламин Юпитера не назначался (Ann. III. 58. 2)[32]. Вряд ли Сулла решился бы лишить Цезаря сана фламина, что явилось бы беспрецедентным нарушением обычая, в отношении же десигната это было куда проще.

То, что Гай Юлий так и не дождался инавгурации, Л. Р. Тейлор связывает с жёсткой позицией великого понтифика Кв. Муция Сцеволы – ведь родители фламина должны были принадлежать к числу патрициев, заключивших брак по обряду *confarreatio*[33], который предписывался и ему самому, однако мать Цезаря, Аврелия, происходила хотя и из знатного, но плебейского рода[34]. Но, возражает Р.Т. Ридли, претор 61 г. Лентул Нигр состоял в браке с женщиной из плебейского рода, что не мешало ему состоять фламином Марса[35]. Заметим, однако, что между положением фламинов Юпитера и Марса существовала заметная разница (см.: *Tac.* Ann. III. 58), и пример нельзя считать показательным. (Заметим, что ни Цинну, ни родню Цезаря нисколько не смущало неподходящее для фламина происхождение матери последнего – любопытное свидетельство очень «либерального» отношения к связанным с фламинатом запретам.) Э. Камм считает, что после самоубийства Мерулы, вскрывшего вены на алтаре Юпитера, требовалось заново освятить храм Юпитера Капитолийского и прилегающую к нему территорию, но дело затянулось до 83 г., когда храм и вовсе сгорел[36]. Однако данными источников эта гипотеза не подтверждается и являет собой сугубое умозрение. Думается, отсрочка с инавгурацией Цезаря была

[30] Taylor 1941: 116; 1957: 11; Ridley 2000: 214.

[31] Taylor 1941: 115–116; 1957: 11–12; Kamm 2006: 25; Ridley 2000: 215; Billows 2009: 47, 50; Giardina 2010: 36; менее уверенно – Утченко 1984: 40; Meier 1982: 112.

[32] Ridley 2000: 215. Р.Т. Ридли упускает прямое указание Диона Кассия на то, что после гибели Мерулы фламин Юпитера до 11 г. не выбирался (LIV. 36. 1; у Э. Замтера ошибочно указано LIV. 46: Samter 1909: 2490).

[33] С.Л. Утченко ошибочно именует его *confarreo* (Утченко 1984: 39, 40).

[34] Taylor 1941: 115–116; Голдсуорси 2007: 68. М. Леоне полагает, что Цезарь был десигнирован именно Сцеволой, но инавгурацию так и не прошёл (излагается по Ridley 2000: 215, n. 12).

[35] Ridley 2000: 215.

[36] Kamm 2006: 25.

вызвана его молодостью (см.: *Plut.* Caes. 1. 3)[37], а после гибели Цинны вопрос отпал и вовсе.

В 83 г. в Италии высадились войска Суллы, в апреле 82 г. они вступили в Рим, а 1 ноября 82 г. они нанесли решающее поражение марианцам и их италийским союзникам в битве при Коллинских воротах. Сведений об участии Цезаря в этих событиях нет – по-видимому, он благоразумно остался в стороне от борьбы[38]. Однако «неудобные» родственные связи весьма затрудняли положение молодого человека и вскоре дали знать о себе – Сулла предложил ему развестись с Корнелией. В литературе неоднократно отмечалось вмешательство диктатора в брачные отношения нобилей – по его желанию развёлся с первой женой, Антистией, Помпей, чтобы жениться на падчерице Суллы Эмилии, а от самой Эмилии предварительно отказался Ацилий Глабрион; чтобы угодить Сулле, развёлся с вдовой Цинны Аннией Пупий Пизон; по той же причине, видимо, Марк Лепид расторг брак с Аппулеей – родственницей Сатурнина[39]. Так что случай с Цезарем выглядит достаточно заурядным[40]. Как предполагается, Сулла «потребовал от Цезаря наглядного доказательства (ostentative Signal) того, что он дистанцируется от своих прежних связей и тем самым проявляет готовность интегрироваться в новую систему»[41]. Такой шаг имел бы не просто символический характер – сторонники разгромленного режима (а многие из них продолжали борьбу в провинциях) должны были знать, что та ветвь Цезарей, по отношению к которой Гай Юлий стал после смерти отца *paterfamilias*[42], более их не поддерживает. Высказывалось также мнение, что Сулла предлагал ему не просто доказать свою лояльность, а пытался заполучить его

[37] Но вряд ли незначительностью (?!) вопроса, как думает А. Голдсуорси (2007: 68).

[38] Taylor: 1957: 12; Ridley 2000: 218; Cabrero Piquero 2004: 84; Billows 2009: 54. Л.Р. Тейлор связывает это с невоенным характером должности фламина Юпитера, к которой Цезарь готовился. Однако дело, думается, скорее в его политической осмотрительности. Как уже говорилось, впоследствии он не поколебался на много лет оставить Италию, хотя это и не подобало ему как великому понтифику.

[39] Keaveney 2005: 129; Ridley 2000: 219; Kamm 2006: 27, 30. Случай с Глабрионом (*Plut.* Sulla. 33. 3) в этих работах не учтён. О Помпее см.: *Plut.* Pomp. 9; Sulla. 33. 3; о Пупии Пизоне: *Vell. Pat.* II. 41. 2; о Лепиде: *Plin.* NH. VII. 122.

[40] К. Майер считает, что Сулла выдвинул требование развода с Корнелией после того, как за Цезаря, вызывавшего подозрение своими родственными связями, заступились двоюродные братья его матери (Meier 1982: 122). Однако подразумеваемые здесь Мамерк Лепид и Аврелий Котта (*Suet.* Div. Iul. 1. 2) стали просить за Гая Юлия лишь после того, как тот отказался оставить Корнелию.

[41] Jehne 1997: 13. См. также: Billows 2009: 54; Giardina 2010: 35. К. Майер указывает также, что Цезарь мог стать центром притяжения сторонников Мария и Цинны (Meier 1982: 122), чему и должен был помешать развод с Юлией. Однако скорее Сулла решал ближайшие задачи и не заглядывал столь далеко – Цезарь был пока слишком молод.

[42] Walter 1947: 47; Duggan 1961: 36; Ridley 2000: 218; Kamm 2006: 25.

для собственной «партии»[43]. Намёк на это как будто можно усмотреть в словах Плутарха (Caes. 1.1) о каких-то посулах диктатора Цезарю (ἐλπίσιν). Однако рассказ Плутарха, как мы увидим ниже, слишком ненадёжный источник, да и что мог пообещать диктатор? Об ординарных магистратурах вести речь ещё было слишком рано. Что же до жреческих должностей, то предполагаемый развод с Корнелией ставил под вопрос инавгурацию Цезаря как фламина[44], поскольку жрец Юпитера не имел права разводиться (*Gell.* X. 15. 23)[45]. Правда, плебейское происхождение его матери показывает, что весьма важными формальностями можно было пренебречь, но до какого предела? Если же говорить о других жреческих должностях, то их Цезарь мог достигнуть и сам – уже в 74 или 73 г. его кооптировали (заочно!) в коллегию понтификов, что было невозможно без согласия входивших в неё виднейших сулланцев, прежде всего великого понтифика Метелла Пия[46]. Наконец, предложение более выгодного брака, как в случае с Помпеем, можно исключить[47]. Предложения такого рода немедленно становятся достоянием молвы, и здесь молчание источников можно рассматривать как нечто большее, нежели *argumentum e silentio.* Отметим и некорректность идущего от Плутарха (или, вероятнее, от самого Цезаря) сравнения поведения Цезаря и Помпея в указанной ситуации[48] – им предлагали далеко не одинаковые вещи[49].

Многое в позиции Цезаря могло определять стремление отстоять свою *dignitas*, которая в дальнейшем будет играть важную роль в его политической деятельности[50] –

---

[43] Обзор мнений такого рода см.: Ridley 2000: 219.

[44] Х. Штрасбургер даже осторожно допускает, что Сулла именно такую цель и ставил (Strasburger 1938: 81).

[45] Как пишет А. Джардина, Цезарь, «высоко ставя свой патрицианский статус, [...] намеревался своим отказом подтвердить особый характер знаменитого патрицианского брака, заключавшегося по обряду *confarreatio*» (Giardina 2010: 36 + n. 16). По мнению У. Дж. Тэйтама, Цезарь прямо выдвинул нерасторжимость своего брака в качестве причины отказа (Tatum 2008: 31). Однако нет полной уверенности, что имел место обряд *confarreatio*.

[46] Broughton 1952: 113–114; Taylor 1941: 117; 1957: 13–14. Возможно, в обмен на это Цезарю пришлось окончательно отказаться от претензий на фламинат.

[47] Иногда предполагается, что Цезарь должен был также заключить приемлемый для Суллы брак (Грант 2003: 18; Duggan 1961: 37–38) или даже взять себе жену по его выбору (Billows 2009: 54), однако в источниках таких сведений нет.

[48] В своё время такое сравнение позволил себе и автор этих строк (Короленков, Смыков 2007: 327).

[49] Приведём один курьёзный пример. Р. Биллоуз пишет о том, что Помпей согласился с предложением Суллы, «несмотря на относительную прочность его положения командующего независимыми военными силами» (Billows 2009: 54). «Несмотря» здесь явно неуместно – ведь он не шёл на уступки, а получал возможность укрепить своё положение.

[50] Giardina 2010: 36. Как известно, именно борьба за dignitas станет для Цезаря одним

перед нами первый случай такого рода; «развод с женщиной, отец которой совсем недавно погиб ужасной смертью, мог быть воспринят как проявление малодушия и жестокости»[51]. Нельзя исключать и такую «мелочь», как чувства к Корнелии[52], особенно если учесть юный возраст Гая Юлия, хотя, конечно, это могло быть лишь одним из мотивов, поскольку, как указывает М. Грант, мы не знаем в дальнейшем ни одного случая, чтобы Цезарь пошёл на политические жертвы из любви к женщине. Впрочем, он мог предполагать, что диктатор долго не продержится и в будущем сохранение союза с его противниками принесёт выгоду. «Переход на сторону беспощадного диктатора представлял собой значительный риск, а выигрыш оказался бы небольшим». Этот фактор учитывает и К. Майер: «Совсем ещё недавно циннанцы пользовались сильной поддержкой во всей Италии. Суллу не любили, в сенате он неоднократно наталкивался на сопротивление. Почему бы ситуации было не измениться вновь?» Правда, продолжает он, Цезарь скорее исходил не столько из подобных расчётов, сколько из собственных желаний, не считая возможным оставить однажды избранный им путь[53]. Однако этот вывод носит чисто умозрительный характер – в источниках ничего на сей счёт не говорится, да и вообще такое противопоставление вряд ли верно, поскольку расчёты и желания в данном случае не противоречили друг другу. Так или иначе, оппозиционные настроения римской знати создавали подходящую почву для подобного поведения Цезаря. Укажем ещё на одно обстоятельство, исследователями, кажется, не учтённое, – позицию его родственников. Вряд ли он решился бы отказать Сулле без их поддержки. А ведь они едва ли не более его самого знали обстановку в римских верхах и могли рассчитывать не столько на смену власти, сколько на благоприятное отношение многих аристократических фамилий к такому акту неповиновения диктатору.

Тем не менее можно согласиться, что в условиях всевластия Суллы и разгула проскрипций отказ Цезаря стал неожиданностью – это единственный известный нам случай такого рода[54]. Поступок его не остался безнаказанным – диктатор распорядился конфисковать фамильную долю имущества строптивца и приданое его жены (uxoris dote et gentilicis hereditatibus multatus. Suet. Div. Iul. 1.2). О фламинате теперь не могло идти речи и вовсе. Здесь, однако, необходимо сделать оговорку – по закону Сулла не мог ни лишить Цезаря статуса фламина-десигната, ни помешать его инавгурации. Другое дело, что такие возможности имелись у великого понтифика, которым

из важнейших поводов к гражданской войне в 49 г.: *Caes.* BC. I. 7. 8; 8. 3; 9. 2.

[51] Giardina 2010: 36. Однако рассуждения о том, что на поведение Цезаря повлияло его осознание ответственности патрона перед клиентами (Jehne 1997: 15; Giardina 2010: 36), принять трудно – клиентские отношения в данном случае не затрагивались.

[52] Грант 2003: 18–19; Walter 1947: 20; Duggan 1961: 36–38; Giardina 2010: 36.

[53] Грант 2003: 19; Meier 1982: 123.

[54] Walter 1947: 20; Meier 1982: 122; Голдсуорси 2007: 76.

стал после гибели Муция Сцеволы виднейший сулланец Метелл Пий[55]. Он, конечно, пошёл бы навстречу пожеланию Суллы[56].

Правда, Веллей Патеркул (II. 43. 1) пишет о том, что диктатор отменил *acta* Мария и Цинны, в том числе и о назначении Цезаря фламином (qui omnia ab iis (Mario et Cinna. – *А.К.*) acta fecerat irrita, amisisset id sacerdotium)[57], но это явное недоразумение: ни Марий, ни Цинна также не имели полномочий назначать жреца Юпитера, речь шла явно лишь об их инициативе. И уж совсем нелепо звучит рассказ Плутарха (Caes. 1. 3) о том, будто Цезарь стал добиваться у народа жреческой должности (μετιὼν ἱερωσύνην εἰς τὸν δῆμον προῆλθεν), но Сулла этому воспрепятствовал, – фламин Юпитера не избирался комициями, а потому ничего подобного произойти не могло[58]. Тем не менее М. Леоне доверяет рассказу Плутарха, считая обращение Цезаря к комициям реакцией на противодействие со стороны Метелла Пия[59]. Думается, однако, что всё объясняется проще – греческий писатель просто не знал, какая жреческая должность имеется в виду, а по lex Domitia 104 г. понтифики, авгуры, децемвиры и эпулоны избирались комициями[60], и могла подразумеваться любая из этих должностей. Заметим, что этот закон был отменён Суллой и восстановлен в 63 г. (*Dio Cass.* XXXVII. 37. 1), чем Цезарь немедленно и воспользовался, добившись своего избрания великим понтификом[61], – несмотря на то, как отмечает Дион Кассий (loc. cit.), что был ещё слишком молод и даже не занимал ещё должности претора (καίτοι καὶ νέος μηδέπω ἐστρατηγικώς). Параллель с рассказом Плутарха о «выборах» почти двадцатилетней давности налицо – трудно отделаться от мысли, что именно тогда и родилась эта история. Враги Цезаря, видя его популярность, могли трактовать её в том смысле, что уже один раз он пытался добиться обхаживанием толпы не полагавшегося ему по возрасту и потерпел неудачу только из-за своевременного вмешательства Суллы, вообще отменившего столь неразумный порядок назначения жрецов, а теперь пытается взять реванш. Конечно, Цезарь и его сторонники могли истолковывать этот сюжет по-своему, доказывая необходимость восстановления законных прав народа, который в своё время лишился возможности проявить свои симпатии к Гаю Юлию из-за отмены Суллой выборов жрецов. Но здесь

[55] Broughton 1952: 78.

[56] На такую роль Метелла Пия указывает М. Леоне (см.: Ridley 215, n. 12).

[57] Принимается рядом исследователей: Weinstock 1971: 30; Tatum 2008: 31; Badian 2009: 16–17; Smith 2010: 253.

[58] См.: Taylor 1941: 116. Инавгурация фламинов происходила на калатных комициях в присутствии коллегии понтификов (Gell. I. 12. 15). У Плутарха об этом речи явно не идёт.

[59] Излагается по: Ridley 2000: 215, n. 12.

[60] См.: Latte 1960: 277, 395–396.

[61] Broughton 1952: 171.

слишком явно чувствовалась личная заинтересованность Цезаря, и такая трактовка звучала менее убедительно. Поэтому вероятнее, что если этот слух возник именно в то время, исходил он из враждебных будущему диктатору кругов.

Затем Цезарь почёл за благо удалиться из Рима в Сабинскую область[62]. Плутарх уверяет, будто Сулла решил предать его смерти. Дальнейшее похоже на приключенческий роман: несмотря на лихорадку, Гай Юлий вынужден менять каждый день место ночлега, его настигают сыщики диктатора, и только за два таланта (=12 тысяч денариев=48 тысяч сестерциев) ему удаётся откупиться от них, а затем он получает помилование и уезжает служить в Азию (*Plut.* Caes. 1. 4–7; *Suet.* Div. Iul. 1. 2–3).

Всё это привело многих историков к заключению, что имя Цезаря внесли в проскрипции[63]. Р.Т. Ридли приводит следующий аргумент: будущий диктатор откупился от командира настигнувшего его сулланского отряда, Корнелия Фагиты[64], как раз за сумму, равную награде за голову проскрипта[65]. Однако даже если он располагал такими средствами[66], стоит задаться вопросом, откуда стало известно, сколько именно денег дал Цезарь Фагите? Ответ очевиден – от него самого, причём спустя достаточно долгое время – например, в 64 г., когда при его активном участии начались процессы над участниками проскрипций[67]. По-видимому, Гай Юлий неслучайно назвал именно такую сумму, чтобы создать впечатление, будто речь шла о преследовании его как проскрипта. Намёк на это содержится и у Светония (Div. Iul. 1. 2), который пишет, что Цезаря сочли приверженцем враждебной группировки (diversarum partium habebatur)[68], после чего ему пришлось скрываться, каждый день меняя убежище, несмотря на лихорадку (ut etiam discedere e medio et quamquam morbo quartanae adgravante prope per singulas noctes commutare latebras cogeretur). Но о внесении его в проскрипции всё-таки не сказано, хотя впечатление создаётся именно такое. Что же помешало обойтись без экивоков? Думается, то простое обстоятельство, что в 60-х гг.

---

[62] Х. Кабреро Пикеро почему-то считает, что Цезарь не смог бежать из Рима и скрывался в самом Городе (Cabrero Piquero 2004: 84).

[63] Strasburger 1938: 81; Ridley 2000: 222; Cabrero Piquera 2004: 84; Keaveney 2005: 129; Badian 2009: 17. Из путаных рассуждений А. Голдсуорси (2007: 76–77) так и остаётся неясным, считает он Цезаря проскриптом или нет.

[64] Его имя сообщает Светоний (Div. Iul. 74. 1).

[65] Ridley 2000: 221.

[66] Э. Бэдиан считает, что такой суммы у Цезаря не могло быть по причине конфискации имущества, при проскрипциях происходившей немедленно (Badian 2009: 17). Однако теоретически его могли ссудить родственники.

[67] См.: Hinard 1985: 204–207 (с указанием источников и литературы).

[68] В переводе М.Л. Гаспарова сказано ещё жёстче – «был причислен к противникам диктатора», что создаёт впечатление некоей бюрократической процедуры, которой и являлось занесение в проскрипции. Уточним также, что слово «диктатор» в подлиннике отсутствует.

списки проскриптов ещё сохранялись, и если бы Цезарь объявил себя (сам или через кого-то) внесённым в *tabulae*, то ложь была бы наверняка вскрыта. Пришлось ограничиться выразительными намёками. Светоний же добросовестно воспроизвёл их, но о том, что Гая Юлия внесли в проскрипции, писать не стал, ибо этого не говорилось и в его источнике[69]. Кроме того, мы не знаем ни одного случая, чтобы диктатор кого-то вычеркнул из *tabulae*, а представить себе, что Цезарь отправился служить в Азию, оставаясь проскриптом, невозможно. Решение же Суллы убить Цезаря, о чём, кстати, прямо сообщает только Плутарх (Caes. 1. 4: ἀναιρέσεως βουλευόμενος), вообще без какого бы то ни было юридического оформления[70] в отношении столь знатного человека вряд ли могло быть принято. Да и достоверность слухов о таком решении подтвердить или опровергнуть никто не мог – сам диктатор уже умер, а кому он поведал о своих кровавых планах, наш автор умалчивает. Легко, конечно, предположить, что это были заступники Цезаря Мамерк Лепид и Аврелий Котта, а также весталки, о которых пишет Светоний, но сей последний, в свою очередь, не упоминает о желании Суллы расправиться с упрямцем, тогда как Плутарх ничего не знает о Лепиде и Котте, – обстоятельство, как представляется, отнюдь не случайное и обусловленное неконкретностью его источника.

То же касается и *inquisitores* во главе с Фагитой. Строго говоря, нет уверенности, что это были именно сыщики, а спустя два десятилетия Цезарь мог распространять любые слухи. Конечно, могли спросить самого Фагиту, который, как следует из Светония (Div. Iul. 74. 1), ещё здравствовал, но ничто не мешало будущему диктатору договориться с ним, чтобы он не сболтнул лишнего. Вообще к его персоне стоит присмотреться внимательнее. В нём видят то центуриона[71], то вольноотпущенника Суллы[72], что несовместимо[73]. В пользу того,

[69] В историографии уже указывалось, что Цезарь, вопреки приведённым выше мнениям, не был проскрибирован, см. лит.: Ridley 2000; 221, n. 32. Ф. Инар не включил его в составленный им список проскриптов сулланского времени (Hinard 1985: 329–411). М. Йене считает, что это особого значения не имеет, поскольку расправу могли оформить задним числом (Jehne 1997: 15). По отношению к столь знатным людям, как Цезарь, такие случаи, правда, неизвестны, но это стало ясно лишь по окончании проскрипций, а до того, конечно, он вряд ли мог чувствовать себя в полной безопасности.

[70] Л. Канфора, следуя Плутарху, пишет о намерении Суллы убить Цезаря, но не относит последнего к числу проскриптов (Canfora 1999: 3).

[71] Baker 1927: 270 (без упоминания имени); Голдсуорси 2007: 77.

[72] Hinard 1985: 64; Ridley 2000: 221, n. 31.

[73] Ф. Инар, хотя и считает Фагиту вольноотпущенником, в то же время пишет о нём как о командире отряда, посланного для взятия под стражу «врагов победителя», т. е. Суллы (Hinard 1985: 64). Но вряд ли руководство солдатами поручили бы либертину. И уж тем более невозможно воспринимать всерьёз характеристику Фагиты как chef de la bande (Walter 1947: 21).

что речь идёт о либертине, говорит и то, что Плутарх называет его просто Корнелием. А ведь он не знает даже имён родовитых заступников Цезаря, Лепида и Котты. Вряд ли в данном случае он был осведомлён лучше, а потому, скорее всего, имеется в виду не конкретное, а общее для всех вольноотпущенников Суллы имя. Между тем у нас нет данных об их прямом участии в проскрипциях (иное дело – скупка имущества проскриптов). Куда более вероятным представляется следующее: Фагита прибыл сообщить Цезарю о благоприятном для того решении диктатора – своего патрона. Поэтому-то у будущего покорителя Галлии и не было впоследствии оснований мстить Фагите (*Suet.* Loc. cit.), тем более если тот обещал не рассказывать об истинной цели своего визита к Цезарю[74].

Почему же тогда Цезарь вообще уехал из Рима? И действительно ли он скрывался, меняя каждую ночь пристанище? Последнее опять-таки проверить через столько лет никто не мог (неизвестно даже, где именно встретился Цезарь с Фагитой), зато напрашивается параллель с Югуртой, который после раскрытия заговора Бомилькара также нигде не ночевал более одного раза (*Sall.* Iug. 72. 2), – и также маловероятно, что Саллюстий мог знать, действительно ли так поступил нумидийский царь, важно было создать соответствующий образ. Что же касается отъезда Цезаря из Рима, то здесь представляются возможными два варианта: либо он действительно решил до поры до времени не гневить диктатора присутствием в Риме, либо (что более вероятно) тот сам дал ему негласное указание покинуть Город, пока вопрос с ним не будет решён – что-то вроде неоформленной *relegatio*.

О чём же тогда вели переговоры с Суллой Мамерк Лепид, Аврелий Котта и весталки, когда просили «помиловать» юного строптивца? Плутарх, говоря о намерении диктатора убить Цезаря, даёт понять, что речь шла прежде всего о жизни последнего. Однако никаких мер для умерщвления Цезаря Сулла не предпринимал[75], и можно только догадываться, настолько ли опасались за судьбу Гая Юлия его заступники, чтобы просить не убивать его, – при переговорах это сильно ослабляло их позиции по другим вопросам. Вообще убийство столь знатного[76] и совсем ещё молодого человека, к тому же отнюдь не активного про-

[74] По мнению Р.Т. Ридли, Цезарь не стал мстить Фагите потому, что сумма была невелика – пиратам пришлось заплатить 50 талантов (Ridley 2000: 221). Умозрительность этой логики представляется очевидной.

[75] Характерна позиция Р.Т. Ридли: считая Цезаря проскриптом, он всё же полагает, что Сулла позволил ему избежать немедленного наказания (Ridley 2000: 221). Ж. Вальтер, напротив, пишет, что Сулла отдал приказ о немедленном аресте Цезаря (Walter 1947: 20), однако то, что Цезарь счёл нужным покинуть Рим, этого не удостоверяет.

[76] Как известно, патрициев Сулла не казнил, примером чему – Сципион, внесённый в проскрипции, но спокойно доживавший свой век в Массалии (Ridley: 2000: 224; Badian 2009: 17). Правда, был ещё сын Цинны, бежавший к Серторию (*Suet.* Div. Iul.

тивника режима, всего лишь отказавшегося расторгнуть «неполиткорректный» брак[77], даже в тех чрезвычайных условиях могло вызвать сильное возмущение знати. Обсуждались же, по-видимому, следующие вопросы: о сохранении брака с Корнелией; о дальнейшем местопребывании Цезаря; о правах Цезаря на имущество, которое диктатор конфисковал или, возможно, только собирался конфисковать. Последнее представляется более вероятным, поскольку нет никаких сведений о тех, кто купил его имущество. Молчание источников вряд ли объясняется простой случайностью. Сохранилось упоминание о том, что он не стал мстить совершенно незначительному Фагите, который, если верить Плутарху и Светонию, взял с него только 12 тысяч денариев, но ничего не слышно о тех, кто оставил его без имущества вообще, а ведь отношения с такими людьми как-то должны были проявиться – Цезарь наверняка разрекламировал бы своё милосердие по отношению к ним, если бы проявил его, а если нет, то вражда с ними вряд ли прошла бы незамеченной. Таким образом, диктатор скорее всего не конфисковал фамильную долю имущества юного патриция и приданое его жены, а только временно лишил Гая Юлия прав на них.

На причинах, по которым Сулла согласился сменить гнев на милость, подробно останавливаться нет смысла – их можно считать выясненными: за Цезаря просили верные сторонники диктатора Мамерк Эмилий Лепид Ливиан[78] и Аврелий Котта[79], а также весталки[80]. К тому же не вызывает сомнений, что они представляли не только себя, и ссориться со столькими уважаемыми людьми, в том числе и своими сподвижниками, из-за такого случая было вряд ли разумно. По-видимому, Сулла позволил Цезарю не только остаться в браке с Корнелией, но и сохранить права на имущество[81].

---

5), однако его, видимо, тоже не трогали, коль скоро он остался жив до начала Серторианской войны.

[77] Поэтому нельзя всерьёз воспринимать рассуждения Р.Т. Ридли о том, будто Сулла мог убить за простое неповиновение, подкрепляемое ссылкой на Аппиана (BC. I. 101) (Ridley 2000: 220). В соответствующем месте у александрийского историка речь идёт о попытке Лукреция Афеллы стать консулом в обход претуры, совершённой вопреки воле Суллы, который в итоге предал его смерти. Несопоставимость этого случая с нашим налицо.

[78] Дальний родственник Цезаря по материнской линии (Münzer 1920: 312–313).

[79] Обычно считается. что речь идёт о Гае Аврелии Котте как о старшем из братьев и наиболее близком к Сулле из кузенов матери Цезаря (Gelzer 1943: 32; Canfora 1999: 4, n. 3; Ridley 2000: 223; Kamm 2006: 31; Billows 2009: 54 etc.). Лишь иногда предполагают, что имелся в виду Луций Котта (Walter 1947: 22–23; Duggan 1961: 38), но это куда менее вероятно.

[80] Возможно, одной из причин заступничества со стороны весталок был цезарев статус фламина-десигната (Ridley 2000: 223; Billows 2009: 54). По мнению Ж. Вальтера, вмешаться их побудил, по просьбе Аврелии, фламин Квирина Секст Цезарь (Walter 1947: 22).

[81] Об этом важном обстоятельстве пишет, насколько нам известно, только Э. Бэдиан (Badian 2009: 17). Правда, он пишет о возвращении самого имущества, а не прав на него, что представляется менее вероятным.

Однако ему пришлось расстаться с надеждой на фламинат[82], а также покинуть Италию и отправиться служить в Азию под начало пропретора М. Минуция Терма[83] – верного сулланца, который мог бы держать его под контролем. Это давало Цезарю определённые выгоды, поскольку он оказывался подальше от диктатора, причём в провинции, где был когда-то наместником его отец, и мог усовершенствовать своё образование, а также, что куда важнее, обрести славу на полях сражений[84], в чём отчасти и преуспел, заслужив *corona civica* за отличие при взятии Митилены (Suet. Div. Iul. 2)[85]. Но это уже выходит за рамки рассматриваемого сюжета.

В заключение несколько слов об особенностях источников. Начнём с приписываемой Сулле фразы о множестве Мариев, заключённых в Цезаре, который поэтому опасен для оптиматов[86] , и о плохо подпоясанном юнце. В центре внимания обычно находится первая из этих фраз, и как в старой[87], так и в современной литературе[88] её зачастую принимают как достоверную, хотя нет недостатка и в скептиках[89]. В дошедшем до нас виде это, конечно, позднейший конструкт. Но нельзя исключить, что в ее основе лежат подлинные слова диктатора, о контексте которых можно только догадываться. Предположим, что отказ Цезаря развестись с Корнелией последовал вскоре после смерти его двоюродного брата – Мария-младшего, погибшего при взятии Пренесте, и Сулла в шутку мог заметить, что в Цезаре, наверное, несколько Мариев (коль скоро он так «заносчиво» себя ведёт). Когда Цезарь стал активным противником сулланской системы (ослабевшей, но не сокрушённой полностью мероприятиями 70–69 гг.), эти слова могли вспомниться и приобрести новый смысл. Тогда-то

[82] Несмотря на высказывавшиеся в историографии соображения (см. выше), некоторые авторы по-прежнему пишут о больших выгодах, которые давал Цезарю отказ от фламината (см.: Badian 2009: 17; Billows 2009: 54).

[83] Дж. Бэйкер с артистической небрежностью пишет о том, что Цезарь всего лишь «решил отправиться в путешествие на Восток» (Baker 1927: 271).

[84] См. обзор мнений по этому вопросу: Ridley 2000: 226–227.

[85] В каком качестве служил Цезарь у Минуция Терма, неизвестно. Одни, опираясь на Светония (Div. Iul. 2. 1: stipendia prima in Asia fecit Marci Thermi praetoris contubernio) считают, что он входил в число его контуберналов (Walter 1947: 23; Голдсуорси 2007: 84–85; Badian 2009: 17), другие – легатов (Canfora 1999: 4; Cabrero Piquero 2004: 85; Giardina 2010: 37), третьи просто пишут, что служил офицером при штабе пропретора (Gelzer 1943: 33; Taylor 1957: 12; Утченко 1984: 41; Tatum 2008: 31). Только как курьёз можно воспринимать определение Э. Камма, который назвал Цезаря «военным атташе при штабе Минуция Терма» (Kamm 2006: 31).

[86] *Plut.* Caes. 1. 4 (πολλοὺς ἐν τῷ παιδὶ τούτῳ Μαρίους ἑνορῶσι); *Suet.* Div. Iul. 1. 3 (Caesari multos Marios inesse).

[87] Baker 1927: 270; Gelzer 1943: 32; Duggan 1961: 38–39.

[88] Meier 1982: 122; Этьен 2003: 44; Canfora 1999: 4; Cabrero Piquera 2004: 84; Kamm 2006: 31.

[89] Walter 1947: 22; Утченко 1984: 41; Ridley 2000: 229; Badian 2009: 17; Giardina 2010: 38.

и появилось упоминание об оптиматах, которым угрожал Цезарь, – слово, для сулланской эпохи не характерное[90]. Кстати сказать, не исключена подобная метаморфоза и с известным предупреждением, что оптиматам следует опасаться плохо подпоясанного юнца (male praecinctum puerum)[91], – Сулла мог отпустить такую шутку (без упоминания оптиматов, конечно) по адресу, например, подававшего на него в суд в конце 90-х гг. Марция Цензорина или трибуна Публия Сульпиция, если те носили столь же слабо затянутый пояс. Впоследствии эти слова стали относить исключительно к Гаю Юлию. Конечно, могло быть и по-другому, но в любом случае апокрифичность этих высказываний Суллы не очевидна.

Но важно в данной связи указать и ещё на одно обстоятельство, мало обращающее на себя внимания учёных. Не раз уже указывалось на то, что цезарианская традиция стремилась по возможности драматизировать его противостояние с всесильным диктатором[92]. Отсюда и упорное нежелание Суллы «помиловать» строптивца, и намёки на внесение последнего в проскрипции, и его скитания по Сабинской земле с ежедневной сменой ночлега, и сравнение с более покладистыми Помпеем и Пизоном. Но реплика диктатора о множестве Мариев показывает, что существовала и антицезарианская версия этого эпизода, в соответствии с которой Сулла верно предвидел ту опасность, которую представлял для государства Цезарь, но вынужден был поддаться на уговоры неразумных ходатаев. Однако если присмотреться внимательнее, то мы увидим, что не только эта реплика, но и бóльшая часть рассказа Плутарха принадлежит антицезарианской традиции. Начинается он, правда, с упоминания об отказе юного патриция развестись с дочерью Цинны и конфискации у него его имущества и приданого жены, но затем речь заходит о его родстве с Мариями, старшим и младшим. Упоминание последнего может носить и сугубо информационный, и пейоративный характер – Цезарь оказывается поставлен в один ряд с дерзким юнцом, который не по возрасту рано достиг консулата и считался виновником гибели четырёх сенаторов, в том числе самого Сцеволы Понтифика. И дальше сообщается, что Цезарь, несмотря на слишком юный возраст (οὔπω πάνυ μειράκιον ὤν), стал домогаться жречества и потерпел поражение из-за противодействия Суллы – параллель с Марием-младшим налицо. Решение Суллы убить Цезаря выглядит в этих условиях не проявлением жестокости, а разумной превентивной мерой, тем более что впоследствии он окажется губителем Республики[93], а болезнь, настигшая Гая Юлия во время бегства, может оз-

[90] В политическом словаре Республики это слово распространяется, судя по всему, не ранее 60-х гг. (см.: Лапырёнок 2007: 29–50).

[91] *Suet.* Div. Iul. 45. 3; *Dio Cass.* XLIII. 43. 4; *Macr.* Sat. II. 3. 9.

[92] Hinard 1985: 116, n. 55; Giardina 2010: 38.

[93] Когда в январе 45 г. Кассий напишет Цицерону (Fam. XV. 19. 3), что следует одобрить мнение Суллы (Sulla, cuius iudicium probare debemus), то, хотя речь в эпистоле идет о Публии Сулле, это может быть намёком на желание Суллы-диктатора убить в

начать волю богов, выдающих его на справедливую расправу, от которой он спасается лишь низким подкупом, после чего поспешно уезжает в Азию, – перед нами нелестный образ *fugax*, спасшегося лишь благодаря *calliditas* и *largitio*. Плутарх не смог придать этому рассказу какую-то определённую направленность и должным образом скомпоновать и «примирить» материал, сделать его более логичным, что обычно делал и чем отличался от Корнелия Непота, Светония или Диогена Лаэртского[94], – он сообщает о наказании Цезаря за отказ развестись с Корнелией, но никак не связывает его с дальнейшим конфликтом молодого патриция и диктатора; пишет, что Сулла не обращал внимания на Цезаря только потому, что был занят «многочисленными убийствами (πλήθους φόνου)» и «неотложными делами (ἀσχολίας)», смешивая тем самым разноплановые понятия; описывает притязания Гая Юлия на жречество, не вполне законное из-за его возраста, и преследования его со стороны диктатора, ничего не говоря о том, как оценивает действия обоих, которые дают основания для самых разноречивых оценок: молодой нобиль терпит поначалу только за своё родство с Марием и Цинной, но его притязания на жречество трудно признать законными; Сулла – убийца сограждан, но его гнев на Цезаря обоснован, ибо последний домогается того, на что не имеет права, – напрашивается параллель с Лукрецием Афеллой, убитым за попытку стать консулом раньше положенного времени.

Что же касается Веллея Патеркула, то он излагает в обычной для него манере «на ходу», однако, в отличие от Плутарха, он формулирует свою позицию куда более чётко, и его симпатия к Цезарю в данном случае очевидно вытекает из всей характеристики, содержащейся в II. 41. Если же говорить о нашем случае, то Веллей подчёркивает, что никакой страх не мог заставить Цезаря развестись с Корнелией (ut repudiaret nullo metu compelli potuit), тогда как консуляр Пизон развёлся с вдовой Цинны. Между тем Пизон занял высшую магистратуру лишь в 61 г.[95] Смысл этого анахронизма очевиден – Цезарь позволил себе то, на что не решился даже консуляр. В то же время Веллей пытается выгородить Суллу, утверждая, будто Гай Юлий бежал, скорее, от намеревавшихся его убить прислужников и соучастников Суллы (ministris Sullae adiutoribusque), нежели от него самого. Не задевает он и Помпея, сравнение с которым напрашивается, предпочитая говорить о менее стойком, чем Цезарь, Пизоне[96]. В отношении победителя Митридата причина очевидна – нескрываемая симпатия к полководцу[97], которому он посвятил два панегирика (II. 29; 53. 3)[98]. Суллу он

своё время Цезаря (Giardina 2010: 41).

[94] См.: Аверинцев 1973: 134–135.

[95] Broughton 1952: 178.

[96] Strasburger 1938: 81.

[97] Поэтому Х. Штрасбургер напрасно считает умолчание о Помпее в этой ситуации загадкой (Strasburger 1938: 81).

[98] Более сдержанно, хотя также в риторическом духе – II. 33. 3.

оценивает куда более противоречиво[99], но охотнее рассказывает о его добрых делах, чем о дурных, и даже приводит явно неправдоподобную историю о том, как тот отпустил Сертория после захвата его в плен вместе с Луцием Сципионом (II. 25. 3)[100], – сюжет, в какой-то мере перекликающийся с нашим случаем, где диктатор объявляется непричастным к действиям своих кровожадных *ministri adiutoresque*.

И, наконец, Светоний. Его рассказ наиболее связен и логичен, в нём больше всего подробностей – именно он называет тех, кто заступился за Цезаря перед Суллой. Правда, он (или, скорее, его источник) не упоминает имя Корнелия Фагиты и называет его лишь в 74-й главе, говоря о милосердии Цезаря, но всё же называет. Он не пишет о намерении диктатора убить Гая Юлия, а рассказ о скитаниях последнего с частой переменой ночлега и встрече с *inquisitores* – лишь результат пересказа источника, – впрочем, тоже имеющий свою ценность как отражение цезарианской пропаганды. Правда, Светоний допускает анахронизм, утверждая, будто Корнелия вскоре (mox) родила дочь, тогда как на деле это произошло лишь в 70-х гг.[101], но это мелочь, хотя она не лишена значения, – тем самым писатель подчёркивает прочность уз, связывавших супругов, и даёт понять хотя бы одну из причин отказа Цезаря развестись с женой, пусть прямо об этом и не говорит.

Подведём итоги. Можно констатировать, что излагаемая в источниках, а вслед за ними и во множестве исторических трудов история о том, как Цезарь едва не погиб от рук сулланских палачей, по-видимому, не соответствует действительности. Он не скрывался от сыщиков диктатора, а только ждал его решения, удалившись из Рима. Но впоследствии он постарался сполна извлечь выгоды из этого инцидента, преподнеся его как смертельное противостояние[102]. Нет спору – Цезарь всё-таки рисковал, но не жизнью, а имуществом или его значительной частью, которое Сулла мог конфисковать, что уменьшило бы возможности его политической карьеры. Однако это производило куда меньший эффект, и он сам, а затем, по-видимому, симпатизировавшие ему писатели создали эту драматическую историю, а враги Цезаря, подхватив её, истолковали на свой лад.

[99] Наиболее показательный в этом отношении пассаж – II. 25. 3.

[100] Просулланский настрой Веллея здесь очевиден (Schulten 1926: 39. Anm. 206).

[101] Предлагаются разные датировки: 78 г. (Billows 2009: 119), не ранее 76 г. (Kamm 2006: 30), ок. 73 г. (Gelzer 1943: 33) и др.

[102] По-видимому, и Помпей сделал немало для того, чтобы подчеркнуть сложности в своих отношениях с Суллой (см.: Короленков, Смыков 2007: 325–326).

Резюме

В статье анализируется конфликт Цезаря с Суллой в 82 г. до н. э. Автор подкрепляет дополнительными аргументами позицию тех ученых, которые придерживаются той точки зрения, что имени Цезаря не было в проскрипционных списках. Собственность Цезаря, очевидно, не была конфискована, и он не прятался от inquisitores Суллы. Он лишь покинул Рим, дожидаясь решения диктатора, раздраженного отказом Цезаря развестись со своей женой, дочерью Цинны Корнелией. Корнелий Фагита, который, как полагают, догнал Цезаря в Сабинии, был послан туда, согласно точке зрения автора статьи, не для того, чтобы взять Цезаря под арест, а чтобы сообщить тому решение Суллы. Вероятно, диктатор позволил Цезарю не разводиться с женой, но велел оставить Италию и отправиться в Азию, дабы служить там под началом Минуция Терма. Драматическая история об этом событии возникла, по мнению автора, только в 60-х гг. до н. э., когда по Риму пошла волна антисулланских настроений, и в интересах Цезаря было подчеркнуть свое сопротивление покойному диктатору.

Ключевые слова: Сулла, Цезарь, проскрипции, политическая борьба в 80–60-е гг. до н. э., Светоний, Плутарх, Веллей Патеркул

Sulla and Caesar

Anton V. Korolenkov

The article deals with the conflict between Sulla and Caesar in 82 BC. Author strengthens argumentation of those scholars who believe that Caesar was not proscribed. It is obvious that Caesar's property was not confiscated, and he did not hide from Sulla's inquisitores. He only left Rome waiting for decision of dictator who was irritated with Caesar's refusal to divorce his wife Cornelia, Cinna's daughter. Cornelius Fagita who is supposed to overtake Caesar in Sabina, was sent there according to author no to arrest Caesar but to tell him Sulla's decision. Dictator probably allowed Caesar not to make divorce but ordered to leave Italy and to depart for Asia and serve under Minucius Thermus. Dramatic story which came to us on this subject emerged to the author's mind only in 60es BC, when anti-sullan wave was arising in Roman public opinion and Caesar's interest was to emphasize his antagonism to deceased dictator.

Keywords: Sulla, Caesar, proscriptions, politics 80–60s BC, Suetonius, Plutarch, Velleius Paterculus

Литература

Аверинцев С.С. 1973: Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.

Голдсуорси А. 2007: Юлий Цезарь: Полководец. Император. Легенда. М.

Грант М. 2003: Юлий Цезарь: Жрец Юпитера. М.

Короленков А.В., Смыков Е.В. 2007: Сулла. М.

Лапырёнок Р.В. 2007: Consensus bonorum omnium: Общественные противоречия в позднереспубликанском Риме в зеркале политической терминологии. Иркутск.
Утченко С.Л. 1984: Юлий Цезарь. М.
Этьен Р. 2003: Цезарь. М.
Badian E. 1957: Caepio and Norbanus. Notes on the Decade 100–90 B.C. // Historia. Bd. 6. P. 318–346.
Badian E. 2009: From the Iulii to Caesar // A Companion to Julius Caesar / Ed. by M. Griffin. Malden (Mass.); Oxford. P. 11–22.
Baker G.P. 1927: Sulla the Fortunate. Roman General and Dictator. London.
Billows R.A. 2009: Caesar: the Colossus of Rome. London; New York.
Bonner S.F. 1977: Education in the Ancient Rome. Berkeley; Los Angeles.
Broughton T.R.S. 1952: The Magistrates of the Roman Republic. New York.
Cabrero Piquero J. 2004: Julio César. El hombre y su época. Madrid.
Canfora L. 1999: Giulio Cesare. Il dittatore democratico. Roma; Bari.
Carcopino J. 1968: Jules César. Paris.
Duggan A. 1961: Julius Caesar. London.
Gelzer M. 1943: Julius Caesar. München.
Giardina A. 2010: Cesare vs Silla // Cesare: precursore o visionario? Cividale del Friuli, 17–19 settembre 2009 / A cura di G. Urso. Pisa. P. 31–46.
Grant M. 1969: Julius Caesar. London; New York.
Hinard F. 1985: Les proscriptions de la Rome republicaine. Roma.
Jehne M. 1997: Caesar. München.
Kamm A. 2006: Julius Caesar. A Life. London; New York.
Keaveney A. 2005: Sulla: The Last Republican. London; New York.
Latte K. 1960: Römische Religionsgeschichte. München.
Lovano M. 2002: The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart.
Meier Ch. 1982: Caesar. Bari.
Münzer F. 1920: Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart.
Münzer F. 1919: Iulii Caesares; Iulius (148/149) // RE. Bd. X. Sp. 182–183, 475–476.
Ridley R.T. 2000: The Dictator's Mistake: Caesar's Escape from Sulla // Historia. 49.2. P. 211–229.
Samter E. 1909: Flamines // RE. Bd VI. Sp. 2484–2492.
Schulten A. 1926: Sertorius. Leipzig.
Smith Ch. 2010: Caesar and The History of Early Rome Cesare: precursore o visionario? P. 249–264.
Strasburger H. 1938: Caesars Eintritt in die Geschichte. München.
Tatum W.J. 2008: Always I Am Caesar. Malden (Mass.).
Taylor L.R. 1941: Caesar's Early Career // CPh. Vol. 36. P. 112–132.
Taylor L.R. 1957: The Rise of Julius Caesar // G&R. 2nd Ser. Vol. 4. P. 10–18.
Walter J. 1947: César. Paris.
Weinstock S. 1971: Divus Julius. Oxford.

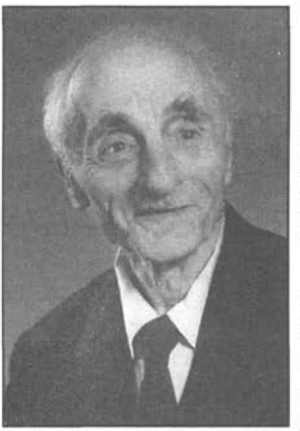
АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 136–173

НАУЧНЫЙ АРХИВ

Пауль Маас

КРИТИКА ТЕКСТА

(перевод с 4-го немецкого издания под редакцией Д.О. Торшилова)*

Пауль Маас 1880-1964

Предисловие к русскому переводу Textkritik

Пауль Лазарус Маас (Paul Lazarus Maas)[1] родился 18 ноября 1880 года в семье франкфурсткого банкира, не чуждого и академическим интересам, Максимилиана Мааса (1852–1928) и Генриетты Маас (урожд. Оппенгеймер-Принс) (1856–1940). Пауль был старшим из пяти сыновей.

Начальное образование он получает в родном Франкфурте, а затем учится в гимназиях Фрайбурга в Брайзгау и Баден-Бадена. Отличаясь выдающимися успехами в математике, он некоторое время раздумывает, не избрать ли ему эту науку, но все-таки останавливает свой выбор на классической филологии и в 1898 г. поступает в университет Фри-

* *Maas P.* Textkritik. 4. Aufl. Leipzig: B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1960. – *(Примеч. ред.).*

[1] При написании данного очерка жизни Пауля Мааса мы пользовались, главным образом: *Bär K.* Paul Maas // Robert B. Todd (ed.). Dictionary of British Classicists. Vancouver, 2004; *Brink Ch. O.* Paul Maas (1880–1964) // Eikasmós. 4. 1993. P. 253–254; *Lloyd-Jones H.* Paul Maas † // Gnomon. 37. 1965. P. 219–221; *Lloyd-Jones H.* Paul Maas (1880–1964) // Eikasmós. 4. 1993. P. 255–262; *Mensching E.* Über einen verfolgten deutschen Altphilologen: Paul Maas 1880–1964. Berlin, 1987; *Wilson N.G.* Paul Lazarus Maas (1880–1964) // Oxford Dictionary of National Biography (2005), http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/76917; *Wirth P.* Maas, Paul // Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 15.Berlin: Duncker & Humblot, 1987. S. 597.

Перевод «Критики текста» был осуществлен в 2000 году студентами отделения классической филологии ПСТБИ в рамках просеминария по курсу «Введение в классическую филологию» под руководством Р.А. Гимадеева. Для настоящего издания перевод был восстановлен по черновикам А.С. Егоровым (переведены заново недостающие части текста, составлен новый указатель). Переводчики благодарят Д.О. Торшилова за советы по передаче терминологии и А.Е. Кузнецова за помощь с материалами.

дриха Вильгельма в Берлине, где учится у великого Ульриха фон Виламовица-Меллендорфа. На знаменитых семинарах Виламовица Маас отличался тем, что не стеснялся вступать в жаркие споры с учителем. Затем Маас продолжает свое образование у Карла Крумбахера в мюнхенском университете Людвига-Максимилиана. Уже в 1899 г. в возрасте 19 лет он пишет свою известную работу о законе Порсона в применении к дактилоэпитритам Вакхилида[2], а в 1902 г. защищает в Мюнхене диссертацию *Studien zum poetischen Plural bei den Römern*, заслужившую университетскую награду.

В 1909 г. Пауль Маас женится на Карен Реднер (†1960), сестре датского филолога-классика Ганса Реднера, с которой его сблизила любовь к музыке. Маас и сам хорошо играл на фортепиано, скрипке и флейте. С 1910 по 1921 гг. у них рождаются четверо детей.

В 1910 г. Маас становится приват-доцентом греческой и византийской литературы университета в Берлине. Византинистика – молодая отрасль классической филологии – тогда еще только завоевывала свое место в немецких университетах, поэтому стать доцентом обеих (и древней, и средневековой греческой) литератур Маасу удается благодаря горячей поддержке Виламовица. Здесь, в Берлине, Маас сотрудничает с Вильгельмом Крёнертом и участвует, между прочим, в новой переработке словаря Пассова.

Во время Первой мировой войны Маас, вдохновленный патриотическими настроениями[3], служит санитаром в Стамбуле. Обратный путь в Берлин после заключения мира занимает у ученого несколько месяцев и проходит через Одессу. В 1920 г. он уже служит в должности экстраординарного профессора в берлинском университете. Именно в этот период выходят в свет самые знаменитые его сочинения: *Griechische Metrik* (1923) и *Textkritik* (1927) в издании *Einleitung in die Altertumswissenschaft* Альфреда Герке и Эдуарда Нордена.

В 1930 г. по совету все того же Виламовица Маас принимает приглашение занять должность ординарного профессора в университете Кенигсберга, где и служит до 1934 г., когда его, несмотря на его германский патриотизм и письмо с протестом от коллег, из-за еврейского происхождения отправляют в отставку. Во время «хрустальной ночи» в 1938 г. Маас ненадолго попадает в тюрьму. В конце концов он принимает приглашение из Оксфорда и с помощью Бруно Снелля покидает Германию.

С 1939 г. и вплоть до конца жизни Пауль Маас живет в Оксфорде[4]. Здесь, впрочем, он никогда не преподавал в университете, а работал советником в университетском издательстве Кларендон, где, в частности, участвовал в подготовке нового издания словаря Лиддел-Скотта. Тем не менее, он много общается с коллегами, ведет обширную переписку (главным образом, на открытках). Современникам он запомнился еще и тем, что в любую погоду носил одежду с открытым воротом и ездил по городу на велосипеде[5].

---

[2] *Maas P.* Kolometrie in den Daktyloepitriten des Bakchylides // Philologus. 63. 1904. S. 297–301 = *Maas P.* Kleine Schriften. München, 1973. S. 8–18.

[3] Маас был одним из тех трех тысяч представителей германских академических кругов, кто подписался под инициированным Виламовицем *Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches.*

[4] В 1940 г. его вместе с другими беженцами из Германии на короткое время интернируют на острове Мэн. Когда его впоследствии сочувственно спрашивали, тяжело ли ему там было, он отвечал, что это не имеет значения, зато он там смог сделать две хорошие эмендации к тексту Медеи Еврипида. См.: *Wilson N.G.* Op. cit.

[5] См., например: *Lloyd-Jones H.* Op. cit. P. 256.

С концом Второй мировой войны связи Мааса с Германией возобновились. Несмотря на то, что ученый какое-то время подумывал о переезде в Израиль, он все же сохранил германское гражданство до конца жизни, а, кроме того, время от времени принимал приглашения от немецких университетов прочитать лекции. В 1953 г. он получает компенсацию от германского правительства, что дает ему возможность перевезти к себе в Оксфорд жену, вынужденную провести тяжелые военные времена в Дании и Швеции. 10 ноября 1955 года Маас становится членом-корреспондентом Германской академии наук[6], а в 1959 г. – doctor honoris causa оксфордского университета. В 1963 г. германское правительство награждает Мааса орденом pour le mérite. К тому времени он уже был слишком слаб, чтобы предпринять путешествие в германское консульство в Лондоне. Тогда германский министр Рудольф Тирфельдер (брат известного филолога-классика и прямой потомок великого Готтфрида Германна) сам приезжает в Оксфорд, чтобы провести церемонию награждения.

Вскоре после этого, 15 июля 1964 года, Пауль Маас в возрасте восьмидесяти трех лет умирает в частном доме престарелых.

Пауль Маас, кажется, написал не так уж и много, если сравнивать, например, с тем же Виламовицем. Ему принадлежит лишь одно издание автора: *Sancti Romani Melodi Cantica*[7]. Однако практически все, что написал этот филолог, до сих пор сохраняет свою значимость. Маас знаменит своим кратким, точным и ёмким стилем, который современники, намекая на стиль Саллюстия, метко назвали illa Maasiana brevitas. Часто статьи Мааса занимают всего полстраницы, но при этом мысли, высказанные им на столь малом пространстве, имеют фундаментальное значение. Найджел Уилсон полагает, что и в таком способе выражения своих мыслей, и в метрических исследованиях Мааса проглядывает ранняя увлеченность филолога математикой[8]. «Греческая метрика» Мааса в первом издании занимает всего 32 страницы, но с момента ее выхода в свет в науке наступает «эра Мааса»[9]. «Критика текста» вышла в первом издании объемом в 18 страниц, а рецензия на нее Дж. Пасквали в Gnomon'е более чем в два раза превышает объем рецензируемого сочинения[10]. Четкое изложение фундаментальных методических принципов процедуры критики текста, данное Паулем Маасом в этом сочинении, с одной стороны, подводит итог достижений этой дисциплины со времен Карла Лахманна, а с другой – дает определенное измерение таким исследованиям в будущем.

А.В. Белоусов

---

[6] Членом-корреспондентом Британской академии он стал еще в 1941 г.

[7] *Sancti Romani Melodi Cantica* / Herausgegeben von Paul Maas und Constantine A. Trypanis. Band 1: *Cantica Genuina*. Oxford: Clarendon Press, 1963. Band 2: *Cantica Dubia*. Berlin: De Gruyter, 1970.

[8] См.: *Wilson N.G.* Op. cit.

[9] О заслугах Мааса перед греческой метрикой см.: *Kannicht R.* Griechische Metrik. // Heinz-Günther Nesselrath (Hrsg.). Einleitung in die griechische Philologie. Stuttgart; Leipzig: B.G. Teubner, 1997. S. 343–362.

[10] Комментарий на «Критику текста», изданный Элио Монтанари, занимает больше пятисот страниц: *Montanari E.* La critica del testo secondo Paul Maas: testo e commento. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2003.

ПАУЛЬ МААС
КРИТИКА ТЕКСТА

Предисловие ко второму изданию

Первое издание этого очерка (1927) получило очень подробный и дружелюбный отзыв Дж. Пасквали (Gnomon 5, 417. sqq). Последовавшие за тем собственные исследования Пасквали (Gnomon 5, 498. sqq и Storia della tradizione y critica del testo (1934)[1]) имеют дело преимущественно с близкими, но исключенными из моего очерка сферами, а именно специально с историей рукописного предания и контаминированной, методически не позволяющей себя распутать, традицией. Я сам опубликовал в 1937 г. краткое изложение основных принципов «стемматики» (Leitfehler und stemmatische Typen, BZ. 37, 289. sqq), а в 1936–1938 гг. содействовал В. Квандту в подготовке критического издания Hymni Orphici (1941[2]). Небольшой очерк я также дал в Oxford Classical Dictionary (1949) s.v. Textual Criticism; там же и указание на пободные же проблемы в тексте Шекспира.

В данном втором издании повторяется с некоторыми изменениями текст первого издания. Несколько дополнений известны уже по OCD (1949). Вышеупомянутая статья о руководящих ошибках, которая заслужила столь мало внимания, присоединена в качестве приложения. Содержательно она находит много точек соприкосновения с главой "Recensio", однако способ рассмотрения столь различен, что объединить вместе оба очерка оказалось невозможным[3].

Оксфорд, июль 1949

Предисловие к третьему изданию

На страницах 1–31 этой книжки повторяется, с незначительными изменениями, текст второго издания. Добавлен также «Взгляд из 1956 г.» и «Указатель»[4].

Оксфорд, апрель 1956

---

[1] [Во втором издании этой работы (1952) расширено предисловие и прибавлены 23 страницы "Appendices".]

[2] [Второе издание – 1955.]

[3] [Итальянский перевод (Н. Мартинелли) этого второго издания с Введением Дж. Пасквали вышел в издательстве Ф. Ле Монье во Флоренции в 1952 г.]

[4] Редакции «Аристея» показалось нецелесообразным публиковать в журнале «Указатель», который, конечно, будет напечатан в отдельном издании «Критики текста» П. Мааса. – *Примеч. редакции.*

Предисловие к четвертому изданию

Большинство упреков к третьему изданию этой книги ограничиваются Библиографией и Указателем[5]. Упомянутое в Приложении II 1 только «стеммматически» обоснованное указание Г.Р. Мэнтона (CQ. 43, 1949, 47. sqq) было подтверждено открытием Р. Фласельера (REG. 65, 1952, 360. sqq).

Оксфорд, ноябрь 1959

[5] Английский перевод (Барбара Флоу) этого третьего издания вышел в свет в издательстве Clarendon Press, в Оксфорде в 1959 г.

A. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 1. Написанного собственноручно греческими и латинскими классиками (их *автографов*) у нас нет, нет и списков, сверенных с оригиналом, есть лишь списки, восходящие к оригиналу через посредство неизвестного числа промежуточных списков, и, следовательно, сомнительно достоверные.

Задача критики текста – установление как можно более близкого к автографу (оригиналу) текста *(constitutio* textus).

Просмотренную сочинителем запись со слуха следует приравнивать к собственноручно написанному.

§ 2. Оригинал в каждом отдельном случае либо передан, либо не передан. Следовательно, сначала нужно установить, что может или должно считаться переданным *(recensio),* затем – проверить, может ли это *переданное,* эта *рукописная традиция* считаться восходящей к оригиналу *(examinatio);* если окажется, что это не так, нужно попытаться установить соответствующее оригиналу путем предположений *(divinatio)* или, по меньшей мере, определить место порчи (*corruptela*).

При обычном делении критики текста на *recensio* и *emendatio* остаются без внимания случаи, когда после *испытания* рукописная традиция оказывается исправной или неисправимой, а также и случаи, когда только выбором между разными стемматически равноценными свидетельствами *(selectio)* можно установить, что восходит к оригиналу.

B. RECENSIO

§ 3. Рукописная традиция основывается либо на *одном* свидетельстве (codex unicus), либо на нескольких.

В первом случае recensio состоит в возможно более точном описании и прочтении единственного свидетельства; в последнем случае recensio нередко оказывается весьма сложным делом.

§ 4. Каждое свидетельство зависит от *образца*[1], – либо сохранившегося, либо утраченного, и в последнем случае этот образец либо восстановим, либо невосстановим; если восстановим, то либо без помощи этого свидетельства, либо только с его помощью.

Ясно, что свидетельство не обладает ценностью (именно как *свидетельство),* если зависит лишь от сохранившегося или восстановимого без его помощи образца. Если относительно некоторого свидетельства это удается дока-

[1] Нем. *Vorlage.* Имеется в виду рукопись (в отдельных случаях другой источник текста – см. § 8), служившая образцом для других источников текста и поэтому ставшая звеном традиции. – *(Примеч. ред.).*

зать (ср. § 8), такое свидетельство должно быть *отброшено (eliminatio codicum descriptorum).*

§ 5. Если по отбрасывании eliminandi (§ 4) остается еще несколько свидетельств, налицо *разветвление* традиции. Оно может произойти, только если с *одного* образца было сделано два или более списков; возникшие таким образом *«ветви»* традиции прослеживаются в сохранившихся свидетельствах независимо от того, были или нет дальнейшие разветвления *(промежуточные разветвления).*

Образец, от которого началось первое разветвление, мы называем *архетипом.* Текст архетипа свободен от всех ошибок, появившихся после разветвления и, следовательно, ближе к оригиналу, чем текст любого из свидетельств. Следовательно, constitutio значительно продвигается вперед, если удается надежно установить текст архетипа.

Особое значение образца, обозначенного нами как архетип, неоспоримо, и другого названия для него нет. Поэтому как бы ни были порой важны *другие* промежуточные звенья между оригиналом и сохранившимися свидетельствами, их не следовало бы называть архетипами [Сейчас это предостережение опять очень современно. – *1956, 1959].*

§ 6. Предпосылки дальнейшего таковы:

– каждый сделанный после главного разветвления список всегда воспроизводит только один образец (т. е. ни один переписчик не сводит вместе, не «контаминирует», несколько образцов);

– однако каждый переписчик либо сознательно, либо бессознательно отступает от образца (допускает особенные ошибки).

О следствиях изменения предпосылок см. §§ 9, 10, 11.

§ 7. Соблюдая эти предпосылки, обычно можно:

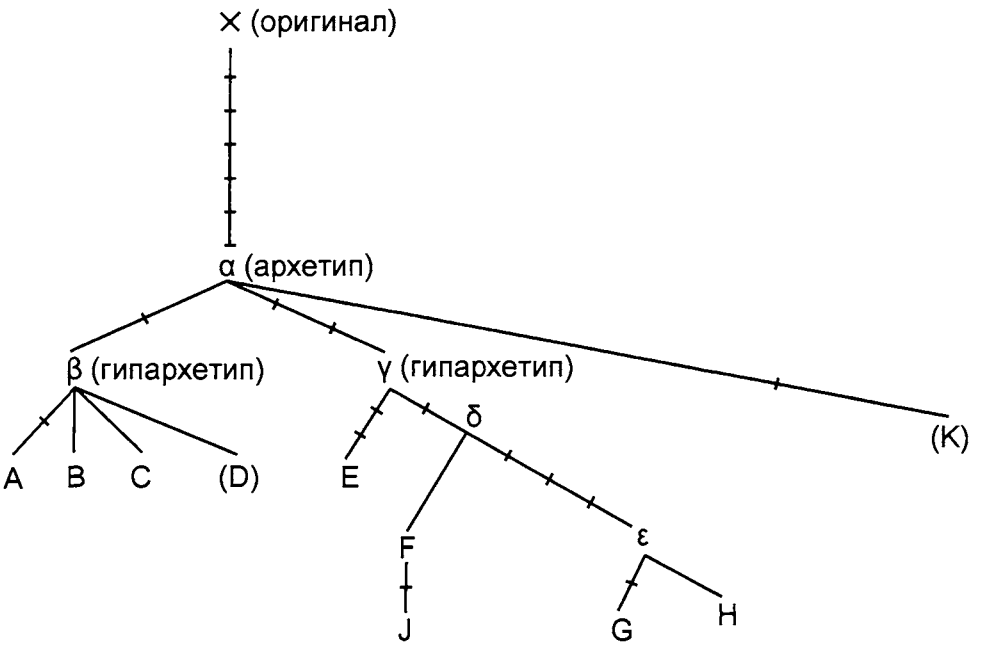
a) безупречно показать отношения зависимости между всеми сохранившимися свидетельствами, число и место всех промежуточных разветвлений;

b) в случае, если главное разветвление по меньшей мере троично, – надежно восстановить текст архетипа для всех мест текста (с некоторыми изъятиями, которые нужно особо обосновывать);

c) в случае, если главное разветвление *двоично,* – установить текст архетипа настолько, что останется на выбор не более двух разночтений для любого места (опять же с изъятиями, которые нужно особо обосновывать).

§ 8. Обыкновенный случай (см. чертеж; о поперечных черточках см. § 8i):

Даны свидетельства от A до J (но не K). Все они – разного времени и рода (рукописи, печатные издания, извлечения, пересказы, выдержки, подражания, переводы и т. д.). Ни одно свидетельство не дает прямых сведений о своем образце.

a) Если одно из свидетельств, J, содержит все ошибки другого сохранившегося свидетельства, F, и, сверх того, по меньшей мере одну собственную, то J должно происходить от F.

Иногда зависимость одного свидетельства от другого, сохранившегося, доказуема на основании даже единственного места в тексте, именно же, когда внешнее состояние текста в сохранившемся образце явно стало причиной особенной ошибки в происходящей от него рукописи; например: если в образце из-за внешнего повреждения выпала буква или сочетание букв, и в происходящей от него рукописи их тоже нет без видимой внешней причины; или если писец образца сам говорит, что сделал добавления, а в происходящую от него рукопись эти добавления внесены без каких-либо оговорок; или если в списке прозаика пропущена строка образца, не образующая логического единства и т. д.

Поскольку все списки должны быть младше образца, часто, определив возраст письма, мы получаем указание, какую рукопись считать образцом, а какую нет.

b) Если в двух свидетельствах, G и H, есть общие особенные ошибки в отличие от всех остальных свидетельств и если каждое из этих двух содержит сверх того по крайней мере одну собственную особенную ошибку, то оба должны происходить от общего образца ε, от которого не происходят остальные. Надежность текста ε обеспечена:

1) согласием G и H,

2) согласием G или H, с одним из прочих свидетельств (следовательно, особенные ошибки G и особенные ошибки H в обычном случае не могут сделать установление текста ε сомнительным).

Только если G и H не согласны ни между собой, ни с одним из прочих свидетельств, или если оба эти свидетельства независимо одно от другого могут содержать одинаковые ошибки, текст ε сомнителен.

Тем же способом и с тою же надежностью на основании F и ε устанавливается текст δ, на основании E и δ – текст γ.

c) Если три (или более) свидетельства: A, B, C, (D) – содержат общие особенные ошибки в отличие от всех остальных, и если, кроме того, каждое из этих трех (или более) свидетельств содержит и собственные особенные ошибки, но из них два никогда не содержат особенных ошибок в отличие от третьего (или всех остальных), тогда A, B, C, (D) должны независимо друг от друга восходить к общему источнику β. Надежность текста β обеспечена:

1) согласием любых двух из свидетельств A, B, C, (D);

2) согласием любого из этих свидетельств с γ.

Только если A, B, C, (D) все различны друг с другом и с γ, текст β сомнителен. Следовательно, в общем случае все особенные чтения A, B, C, (D), E, δ (и, естественно, F, G, H) для установления текста β и γ ценности не имеют; они должны быть *отброшены (eliminatio lectionum singularium).*

d) Ясно, что даже при произвольном числе дальнейших разветвлений после β и γ отношения зависимости между свидетельствами и текст β и γ можно было бы установить столь же надежно.

e) Иначе обстоит дело с установлением текста α. Если его традиция разветвилась только на β и γ, причем β и γ согласны, то это – текст α. Если же β и γ не согласны, то чтением α может быть любое из обоих чтений: появляются *разночтения,* сделать выбор между которыми ранее применявшимся способом невозможно. Восстановленные носители разночтений можно было бы назвать *гипархетипами.*

f) С тою же надежностью можно было бы установить текст α, если бы в ветвях β и γ сохранилось только по одному свидетельству: скажем, A и J; тогда A и J были бы носителями разночтений. Однако произошло бы существенное ухудшение в том случае, если на позднейшей ступени традиции в месте, испорченном уже в β и γ, возникли бы и дальнейшие повреждения, или если бы позднейшая порча обнаружилась в J в каком-нибудь месте, испорченном в β, но еще исправном в γ.

g) То же действительно для случая, когда сохранились бы, например, только A, E и J. При согласии E и J, в отличие от A, носителями разночтений были бы A и γ (=E J). Если A и J согласны в отличие от E, или A и E согласны в отличие от J, то одиночные чтения не имеют ценности (см. выше). Только если A, J и E все различны, нельзя установить ни текст α, ни текст γ ранее применявшимся способом. Тогда должно попытаться вывести чтение γ из *«подразночтений»* E и J (см. ниже) с тем, чтобы потом оно выступало как равноценное – с точки зрения recensio – разночтение наряду с A.

h) Если бы, наоборот, сохранились, например, только A и B, или E и G, или G и H, то установи́м был бы только текст образцов β или γ или ε; и для каждого из образцов каждое из пары сохранившихся свидетельств было бы носителем разночтений.

i) До сих пор не было случая выяснять, сколько звеньев традиции разделяет разные разветвления и сколько – последние разветвления и сохранившиеся свидетельства; в сущности, это было даже и безразлично (см., впрочем, выше f).

§ 9. Если α разделяется, кроме β и γ, еще и на K (или еще и другие ветви), то текст α обеспечивается согласием двух из этих ветвей. Только если все три (или более) ветви различны, или если две из них могут быть согласны вследствие независимых одна от другой одинаковых ошибок, текст α сомнителен. То же относится к тексту β, если ни γ, ни K не сохранились.

§ 10. Если первая из предпосылок, названных в § 6, неверна, то есть если некоторые переписчики все-таки свели, контаминировали несколько образцов, то eliminatio сильно затруднена, если вообще возможна, в области контаминации.

Контаминация выдает себя тем, что в контаминированном свидетельстве, с одной стороны, нет особенных ошибок его собственного образца, потому что из другого заимствованы правильные чтения, а с другой стороны, есть особенные ошибки образцов, от которых оно, в основном, не зависит. Например, если у трех свидетельств β, γ, K общая ошибка есть то в β и γ в отличие от K, то в K и β в отличие от γ, то в K и γ в отличие от β, – тогда β, γ и K контаминированы друг с другом, и все их отдельные чтения, при обычных обстоятельствах не обладающие ценностью (см. выше), для установления текста α становятся *«предположительными разночтениями»*.

Не нужно думать, что контаминация – это когда перед переписчиком лежат два образца, а он списывает то с одного, то с другого: такой способ очень утомителен. Куда вероятнее, что обычно бывало так: на полях или между строк одной рукописи (скажем, F) отмечаются отличающиеся чтения другой рукописи (скажем, A), которая не есть образец для F; тогда рукопись J следует то первичным чтениям F, то вторичным. Если A и F будут потом утрачены, отношения зависимости J станут неясны, потому что в этом случае в J будут встречаться особенные ошибки то из δ (но не все), то из β (но не все).

Некоторое ручательство в отсутствии контаминации дает случай, когда некое сочинение в некоторых ветвях традиции сохраняется под измененным названием, так что ветви первичного вида уже недоступны влиянию этих, вторичного вида, ветвей. Далее, явные порчи, особенно пропуски, хотя и передаются по прямой, но вряд ли сохраняются после контаминации; по таким особенным ошибкам часто можно сделать правдоподобный вывод о первичной взаимосвязи свидетельств.

§ 11. Если не соблюдена вторая предпосылка, названная в § 6, т. е. если свидетельство *не* отступает от образца, то отношение его к образцу и к прочим рукописям, произошедшим от того же образца, часто нельзя установить. Например, если в F при списывании с δ не появилось особенных ошибок, нам не решить, через F или же минуя F восходит J к δ. Затем, если сохранились только F и J, носителем предположительных разночтений становится J, хотя, глядя на картину в целом, мы должны были бы полностью отбросить это свидетельство; следовательно, все особенные чтения J должны быть подвергнуты examinatio: нужно проверить, могут ли они действительно бытъ настоящими особенными ошибками. Отсюда следует, сколь важно бывает иногда найти положительные доказательства зависимости одного свидетельства от другого, сохранившегося (см. § 8а, прим.).

Другие необычные случаи: если писец верно исправил ошибку образца путем divinatio, прямо не указав на это, может показаться, что его текст зависит от другого образца или контаминирован с ним. Следовательно, правильные чтения, которые могли быть найдены через divinatio, нельзя использовать как довод против eliminatio, требуемого другими соображениями. Установить, что в свидетельстве могло быть найдено через divinatio, а что нет, позволит examinatio предположительных разночтений (§ 19 в конце).

§ 12. Отношения зависимости между рукописями классиков по большей части окончательно еще не исследованы, даже если не учитывать обычных случаев, когда контаминация не позволяет надеяться на менее спорные выводы.

C. EXAMINATIO

§ 13. Таким образом, recensio обычно приводит либо к сохранившемуся codex unicus, либо к архетипу, который надежно поддается восстановлению во всех местах, либо к двум носителям разночтений, сохранившимся или поддающимся восстановлению, которыми текст архетипа засвидетельствован только там, где они согласны, но не там, где различны. Не говоря пока о последнем случае (см. § 19), следует испытать, восходит ли к оригиналу единая в остальных случаях традиция.

§ 14. После испытания оказывается, что традиция либо лучше всех мыслимых, либо равноценна другим мыслимым, либо хуже других мыслимых, но еще приемлема, либо вовсе неприемлема. В первом из этих четырех случаев следует считать традицию восходящей к оригиналу, в последнем – испорченной, в промежуточных случаях можно или должно испытывать сомнения.

Общей меры хорошего и плохого для этого испытания, естественно, нет. Мерою будет, если судить о внешнем, – стиль произведения, если о содержательном, – предполагаемое в писателе знание или представление о предмете.

Когда речь идет о содержании, филолог очень часто обращается к другим отраслям знания (частным наукам и др.), но за то, что касается стиля, отвечает только он, и ему нужно всю жизнь сильнее всего стремиться улучшить чувство стиля, даже видя, что человеческой жизни не хватает, чтобы достичь в этом настоящего мастерства (cf. U. von Wilamowitz-Möllendorff, *Geschiechte der Philologie,* S. 49).

> Если архетип целого сочинения оказался совершенно свободным от порч, он может быть *оригиналом*, то есть разветвление могло начаться прямо от оригинала. Я не знаю ни одного большого классического сочинения, относительно которого с такой возможностью можно было бы считаться; она ничего не дает и для меньших вещей.

§ 15. Если традиция оказалась испорченной, ее следует попытаться исправить путем *divinatio.* Эта попытка приведет либо к очевидному исправлению (emendatio), либо к нескольким примерно одинаково удовлетворительным конъектурам, либо к признанию того, что надеяться на исправление путем divinatio нельзя (crux).

Обычная конъектура состоит в устранении *неправильности (аномалии).* Однако неправильности бывают либо намеренно произведенные или допущенные писателем, либо же – возникшие вследствие порчи. Следовательно, предпосылка для конъектуры есть, если установлено, что неправильность не могла быть намеренно произведена или допущена писателем. Так будет, если налицо либо весьма грубая неправильность, либо скопление менее грубых. Но как действовать, если есть малозначительные отклонения? Естественно, многое в таких случаях останется сомнительным; но во многих случаях сомнение будет устранено как раз конъектурой (которая, следовательно, становится тогда предпосылкою самой себя) и притом на основании следующего соображения. Ни один писатель не станет стремиться к неправильности ради нее самой; напротив, неправильность будет следствием того, что он хочет сказать нечто особое, для чего правильного ему недостаточно. И если тут окажется, что писатель мог, ничем не жертвуя, правильно сказать то, что в традиции выражено неправильно, такая неправильность будет, вероятно, обусловлена порчей. По меньшей мере, возникает вопрос: почему писатель пренебрег правильным? – и пока не будет удовлетворительного ответа, текст останется сомнительным. И наоборот, потому и велика ценность многих «излишних» конъектур, что как раз они и позволяют понять, почему писатель пренебрег правильным. Их нужно было бы снова и снова предлагать при examinatio, если бы по большей части они уже не были предложены. Думал ли предложивший конъектуру, что *писатель должен был написать так,* или что *писателю лучше было написать так,* – это значит относительно мало: зато дан толчок исследованию, зачастую оно решительно продвигается вперед, и самым коротким путем.

Следует строго различать неправильное и *единичное.* Единичное само по себе ничуть не подозрительно.

Часто текст неисправим или (что с точки зрения общего подхода почти одно и то же) исправим лишь по счастливой случайности, – не только если он сильно искажен, но и если хотя бы слегка затемнены либо предусмотренная писателем неправильность, либо вообще что-нибудь редкое или необычное. А поскольку неправильное, единственное и т. п. особенно подвержено порче по природе своей, и редко можно быть уверенным, что порча не возникла на месте чего-то в этом роде, ясно, что невозможность очевидной конъектуры не может решительно исключить предположения о порче.

§ 16. Из нескольких наличных конъектур следует выбрать в первую очередь лучшую по стилю и смыслу, а во вторую – такие, которые позволяют легче всего понять происхождение порчи.

В последнем случае, решаясь на выбор, нужно иметь в виду:

каких ошибок следует прежде всего ожидать по общим психологическим соображениям (например, *опрощение;* поэтому обычно *lectio difficilior* по праву предпочитается);

какого рода порчи чаще всего прослеживаются именно в этой традиции;

какие порчи за время от оригинала до архетипа можно предполагать самыми вероятными по иным соображениям (история традиции данного писателя, общая история традиции, история языка, письма, орфографии, филологии, издательской техники, образованности и т. д.).

Обоснование ошибок, предположенных при divinatio (или selectio: см. § 19), в критике текста существенно, но всегда *вторично.* А именно: случай к такому обоснованию представляется, только когда либо нужно предпочесть одну из нескольких примерно равноценных в отношении стиля и смысла конъектур (или разночтений), либо речь идет о выборе между конъектурой и крестом. Решающему определению допустимого или требуемого стилем и смыслом исследование вероятности ошибок не способствует настолько, чтобы об этом стоило говорить. Далее, чтение далеко еще не ошибочно лишь потому, что нельзя найти удовлетворительного объяснения предполагаемой им ошибке в традиции. Ведь ошибки, по природе их, можно вычислить только в среднем, а не для каждого случая; следует помнить об их склонности оставаться возможными. Нет ошибки невозможной настолько, насколько необходимым может быть текст, даже найденный путем divinatio.

Впрочем, из опыта известно, что ошибки различного вида встречаются с различной частотой и, следовательно, в сомнительных случаях различна их вероятность. А чтобы определять, какие ошибки вероятнее всего в каждом отдельном случае, – для этого у нас еще нет средств, ибо прежние собрания об-

разцов (см. список литературы) удовлетворяются примерами ошибок отдельных видов, в возможности которых никто и не сомневался, и не дают картины неравномерной распространенности ошибок, а об одном молчат прежде всего: какого вида ошибки *не* встречаются.

Чтобы обрести более надежное основание для суждения обо всем этом, следовало бы для каждого века, каждого рода словесности, каждой местной школы письма наглядно представить, распределив по видам, *все* особенные ошибки свидетельств, образцы которых сохранились (и особенные чтения которых, следовательно, обычно не приводятся в критических изданиях); затем перейти к особенным ошибкам свидетельств, образцы которых надежно восстановимы путем recensio; только в последнюю очередь привлекались бы свидетельства, образцы которых восстановимы лишь путем selectio или даже лишь путем divinatio.

Особенно желательно так исследовать *вставки (interpolationes),* т. е. изменения в тексте (большей частью добавления), произошедшие не по недосмотру, но вследствие сознательной, хотя и необъявленной, попытки вмешательством в традицию восстановить оригинал, а то и выдать за оригинал подделку. Такие изменения особенно опасны, ибо, с одной стороны, там, где они есть, текст часто лишь с большим трудом позволяет доказать, что он искажен (обычно же недосмотр писца ведет к явной бессмыслице), а с другой стороны, в текстах, где такая вставка доказана, многое уже потому подозрительно, что кажется необязательным. А вычеркивать («атетировать») так удобно (метод страуса)! То же, что необязательно (или, по крайней мере, то, обязательность чего недоказуема), без сомнения, есть и в каждом оригинале. Так возникают самые острые вопросы. История вставок тесно связана с историей *подделки целых произведений,* которую тоже еще нужно написать.

Если появлением свидетельств, восходящих к более раннему разветвлению, архетип (или codex unicus) для некоторых частей текста низведен до носителя разночтений или даже до codex descriptus, то какого рода ошибки прослеживаются в нем в этих частях, такие нужно предполагать и в тех частях, где мы не можем его проверить. В этом большая ценность цитат, если они восходят к более раннему разветвлению.

С другой стороны, может оказаться необходимым собрать, распределив по разрядам, все особенные ошибки codex descriptus, чтобы в случаях, когда это свидетельство повышается до носителя разночтений или codex unicus, заранее составить представление об ожидаемых в нем особенных ошибках. Впрочем, так распознается лишь самый поздний слой ошибок.

§ 17. При некоторых обстоятельствах важно бывает, следовательно, определить возраст восстановленного архетипа, чтобы не принимать в расчет порч,

по свойствам их вероятных только для времени после архетипа. Архетип должен быть старше самых ранних разночтений определимого времени (а не только старше самого раннего носителя разночтений), младше самой поздней порчи определимого времени.

§ 18. На какую степень надежности можно рассчитывать в examinatio, а особенно в divinatio?

Конъектуру можно *доказать* или хотя бы подтвердить либо согласием всех способных к суждению (это понятие, впрочем, трудно определить), либо новыми доводами, упущенными предложившим конъектуру, либо новым свидетельством, восходящим к более раннему, чем архетип, разветвлению (если и его чтение не может быть конъектурой).

Конъектуру можно *опровергнуть* либо если будет доказано, что традиция исправна, либо если найдется лучшее чтение, которое, в свою очередь, тоже может быть получено или путем divinatio, или из новых свидетельств более ранней традиции.

Таких доказательств и опровержений в последние десятилетия было в избытке, но общих методических достижений никто еще не описал. Такое описание было бы очень полезно, ибо сколь бы блестяще ни утверждало себя в исследованиях остроумие многих издателей, неожиданности, приносимые почти каждой папирусной находкой, а еще более – глубокие расхождения между образцовыми изданиями текста, при том, что традиция остается одним и тем же, не свидетельствуют о высокой степени надежности divinatio в целом. Слишком часто даже самые способные к суждению даже у самых читаемых классиков не замечали порч, подвергали несправедливому сомнению исправную традицию, принимали ложную конъектуру за надежно установленный оригинал, отвергали верное исправление. Вопрос в том, только ли в недостаточном сосредоточении на каждом отдельном случае причина этих ошибок (это было бы простительно при необъятности исследуемого) или налицо ошибки метода.

Вообще нужно, я думаю, признать, что, с одной стороны, слишком часто принимаются конъектуры, предполагающие сильное (и, следовательно, по сути дела неисправимое) искажение текста, а с другой стороны, стали слишком легко склоняться к тому, чтобы не замечать повреждений традиции или *vulgata* только потому, что пока их невозможно устранить наверное. То и другое происходит из предосудительной боязни признать, что вполне удовлетворительного решения не достигнуто. Тот, кто выдает сомнительное за верное, дальше от цели, чем признающийся в сомнении. Правда, первому нужно меньше слов, но эта краткость обманчива; она легко приводит к тому, что в столь же немногих словах утверждают обратное, и тогда лишь с третьего раза будет высказано то, что соответствует положению дел, – сомнение. Конечно, так обстоит дело везде, где идет исследование, и, слишком щепетильно взвешивая вероятности,

продвижение вперед можно наконец погубить в самом корне. Но тексты, основа любого филологического исследования, должны так обрабатываться, чтобы было ясно, насколько это лишь возможно, в какой степени они надежны.

Что с конъектурной критикой некоторое время боролись как с таковой, пусть будет лишь вскользь упомянуто как преходящее заблуждение на пути исследований. Естественно, порча, оставшаяся нераспознанной, много вреднее, чем неправомерное нападение на исправный текст. Конъектура такого рода побуждает опровергнуть ее, и это во всяком случае способствует продвижению в понимании данного места, из конъектур же приживутся только лучшие; напротив того, неотмеченная порча вредит общему впечатлению от стиля, а тот, кто пренебрег верной конъектурой, подвергает себя, помимо прочего, упреку в неблагодарности, если не в ревности. Тот, кто боится предложить ненадежный текст, сделает лучше, занявшись одними автографами.

§ 19. При *разветвлении традиции надвое* recensio часто приводит к двум разночтениям (см. § 13). Цель examinatio, следовательно, – установить, восходит ли к оригиналу одно из них или ни одно.

Обыкновенный случай. *Одно из двух разночтений может быть понято как ошибка; это предполагает, что второе разночтение есть чтение архетипа.* Тогда это найденное через *selectio* чтение архетипа будет основою дальнейшей examinatio.

Решать, какого рода ошибки в первую очередь предполагаются в носителе разночтений, нужно согласно положениям § 16, с тем отличием, что вместо времени от оригинала до архетипа берется время от архетипа до носителя разночтений.

Необыкновенные случаи.

a) Оба разночтения могут быть поняты как ошибки, вызванные одним и тем же чтением архетипа. Тогда это чтение архетипа, которое нужно найти через divinatio (combinatio), будет основою дальнейшего examinatio.

Этот случай необыкновенен, ибо встречается, только когда место текста, исправное вплоть до архетипа (иначе чтение архетипа нельзя было бы найти через divinatio), в каждой из двух ветвей было искажено по-разному.

b) Нельзя найти чтение, объясняющее оба разночтения. В этом случае установление чтения оригинала остается сомнительным, даже если полученный путем selectio или divinatio текст по смыслу и стилю вполне удовлетворителен и объясняет происхождение одного из разночтений. Дело в том, что второе разночтение, происхождение которого остается неясным, может восходить к лучшему чтению оригинала, еще не найденному путем divinatio. Следует считаться и с тем, что могли существовать два извода текста в оригинале; в таком случае в архетипе скорее всего произошла их контаминация.

c) Наряду с разночтением выступают два подразночтения (§ 8g). В этом случае на выбор есть не три разночтения, но, наряду с чтением сохранившегося носителя разночтений, – только чтение второго носителя разночтений, подлежащего (в этом месте) восстановлению по обоим подразночтениям. С чтени-

ем оригинала, которое нужно найти путем selectio или divinatio, дело должно обстоять так, чтобы, установив путем recensio его отношения зависимости, можно было понять, как возникли три засвидетельствованных чтения.

Сколь бы разными по ценности ни были оба носителя разночтений, selectio следует производить из раза в раз, ни одно разночтение не должно отбрасываться неиспытанным. Предпосылкой для признания свидетельства носителем разночтений будет, конечно, то, что оно не разделяет по меньшей мере одну особенную ошибку с другим носителем разночтений; если же хотя бы в одном месте это свидетельство одно сохранило текст оригинала, то с той же возможностью следует считаться и относительно всех его особенных чтений.

Таким же образом нужно испытывать особенные чтения, появляющиеся, если отношения внутри традиции не выяснены (§§ 10, 11), и *разночтения, разделяющегося на три* (или более) *ветви традиции,* когда все свидетельства различны (§ 9).

§ 20. Эти приемы испытания разночтений признаны теперь, хоть и с недавнего времени, всеми. Раньше следовали или тексту *vulgata* (textus receptus), не думая, хорошо ли он засвидетельствован, или большинству свидетельств, не глядя на то, что сто рукописей, восходящих к *одной,* значат меньше, чем та, и не больше, чем одна рукопись, к той *не* восходящая; или следовали самой древней, либо самой полной, либо самой хорошей рукописи, как будто не всякий писец может ошибаться. Все это было вполне произвольно, и никогда не делалось попыток обосновать применяемые приемы. Ошибка, состоящая в том, чтобы к codex optimus относиться как к codex unicus, не преодолена полностью и сейчас; часто она поправляется тем, что в конце концов codex optimus оказывается codex unicus.

§ 21. Чертеж, изображающий отношения зависимости между свидетельствами, мы называем *стеммой.* Образ взят из генеалогии: свидетельства относятся к оригиналу примерно как потомки к родоначальнику. Так можно было бы пояснить и наследование ошибок – рассматривая как их источник всех женщин. Но что существенно: цель, состоящая в восстановлении текста оригинала, этому сравнению не поддается. Задачи recensio и сущность архетипа скорее могло бы изобразить ветвление по-разному в разных местах привитого дерева. На более точное соответствие притязает следующее сравнение.

> На недоступной горной вершине берет под землею начало ручей, под землею же он образует рукава, те тоже разветвляются; по склонам горы вода местами выходит на поверхность родниками, тотчас уходит назад в глубину и может еще много раз выходить на поверхность ниже по склону, пока, наконец, не потечет дальше открыто.
>
> У воды от природы изменчивый, но благородный и чистый цвет; под землею она то и дело протекает места, где окрашивается; так бывает и всякий раз, как происходит разветвление или вода выходит на поверхность. Каждая примесь изменяет цвет воды на некотором протяжении, и это изменение сохраняется надолго; лишь совсем слабая окраска устраняется

самоочищением. На глаз окрашенная примесями вода всегда отлична от изначальной, но обычно не настолько, чтобы глаз сразу распознал, что цвет искажен примесями; чаще лишь настолько, чтобы заметить, что вода из разных родников окрашена по-разному. Напротив того, химический анализ обычно может установить неизначальные элементы, а часто и восстановить изначальный цвет, но иногда этого не может и он. Задача исследования – черпая воду из родников, испытывать подлинность красок.

§ 22. Ближе всего к приемам критики текста приемы *критики исторических источников.* Но если в словесности традиция восходит к началу, суть которого та же, что у каждого из свидетельств, ибо это тоже рукопись, то начало исторической традиции – событие; оно по природе своей противится письменному отображению и окрашено, а то и искажено, уже в первом свидетельстве, причем по большей части как раз в нем – сознательно. В то время как организм произведения словесности, замкнутый и во всех частях своих ощущаемый необходимым, может без тяжелых повреждений существовать тысячелетия, особенно в культуре, на которую воздействует это произведение, в историческом событии остаются несомненными только самые грубые очертания, а часто и того не остается.

Плодотворно и сравнение с приемами археологов, восстанавливающих утраченное произведение искусства по копиям, или с приемами исследователей изящной или народной словесности, отыскивающими первоначальный вид мотива. Но нигде путь так не ясен, а цель не достижима так точно, как в критике текста классиков.

D. ВЫВОДЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КРИТИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

§ 23. В предисловии нужно: 1) *описать* все *свидетельства,* даже отбрасываемые, даже принимаемые во внимание лишь для отдельных мест; наиболее подробно описать, естественно, основные свидетельства (codices unici и носители разночтений); 2) отношения между свидетельствами наглядно изобразить в *стемме,* насколько это возможно; обосновать каждую связь, приведя несколько показательных особенных ошибок; *3) оценить качество* архетипа и носителей разночтений на основании сопоставления порч по видам; 4) дать исчерпывающие указания касательно орфографии и диалекта.

В *тексте* нужно отметить: конъектурные добавления – знаком < >; конъектурные исключения (*атетезы*) – знаком [[ ]] или { }; восполнения внешних повреждений – знаком [ ]; неисправимые порчи, место которых определимо – знаком †.

В латинских текстах слово или часть слова, добавленные путем конъектуры, можно обозначать *курсивом.*

Различие между < > и [ ] существенно. Знак < > указывает на то, что само

установление пропуска предположительно, знак [ ] – на то, что пропуск засвидетельствован и заполнен соответственно размеру. Знак [ ] следует применять и в случаях, когда традиция ясно свидетельствует о пропуске в образце.

Когда речь не идет о рукописи с внешними повреждениями, знак [ ] может быть использован и для атетез.

Под текстом в порядке его следования отмечают:

1. *Отклонения от архетипа* – полностью, если они уже не обозначены в тексте.

2. *Все отвергнутые разночтения* – полностью (в том числе ошибки; не затем, чтобы принять их во внимание при выработке текста, но чтобы указать читателю, что текст в этом месте основан не на архетипе, а на более поздней ступени традиции).

3. *Подразночтения,* если они неустранимы.

4. *Совпадающие чтения нескольких носителей разночтений,* если они отвергнуты ради чтения другого носителя разночтений. Если принятое чтение представляется конъектурой, появившейся в носителе разночтений, оно так и должно быть помечено.

5. *Сомнения в правильности текста.*

Расположение критических примечаний *(apparatus criticus) под* текстом обусловлено условиями печатания, особенно – форматом наших книг. Много нагляднее привычное для древних и средневековых рукописей использование для этого внешнего поля. Видимо, можно было бы в особо подходящих случаях, например, в изданиях греческой трагедии, попробовать это и в печати, естественно, только для более важных примечаний.

§ 24. При *меняющемся составе свидетельств* (временном прибавлении или отпадении важных ветвей традиции) между текстом и аппаратом нужно давать сведения о каждой перемене. Если вследствие такой перемены архетип перемещается вверх по стемме, то для соответствующей части текста бывший архетип становится носителем разночтений или свидетельством еще более низкого разряда и учитывается в аппарате соответственно (отбрасывание подразночтений и т. д.) Если архетип перемещается вниз по стемме (вследствие отпадения какого-либо носителя разночтений), то, по обстоятельствам, нужно приводить чтения ранее отбрасывавшихся свидетельств.

Надежно отбрасываемым чтениям не место под текстом. Предположительные разночтения лучше всего собирать в *Приложении.*

Если отвергнутые разночтения, комбинации, конъектуры примерно равноценны принятым, нужно их выделить (разрядкой, *'fortasse recte').*

Есть обычай указывать, приводя конъектуру, чья она. Но справедливость и последовательность требуют, чтобы таким же образом поминали и впервые объяснивших традицию или указавших на порчу. То и другое следовало бы делать выборочно, но, с другой стороны, при случае присоединять краткое обоснование: например, обозначать изменения, сделанные только ради размера, как таковые. В наших критических аппаратах слишком мало жизни.

Разметка выработанного на основе recensio и examinatio текста словоразделами, отступами, счетом строк, знаками, облегчающими чтение, заглавными буквами и т. п. тоже относится к задачам критического издания, но составляет часть interpretatio, цели которого, меняющиеся со временем, во всяком случае не могут быть подчинены правилам в такой степени, как цели критики текста.

Е. ПРИМЕРЫ

§ 25. *Об источниках*. Обычно codices unici классиков (и важнейшие носители разночтений; см. § 19) удовлетворительно описаны и сверены (*collati*). Многие из них доступны теперь и в фотографических *facsimile*, разобрать которые порой легче, чем подлинники. Но чтобы судить о сшивке, подчистках, различии чернил, бумаги и т. п., и сейчас необходимо обращаться к самим рукописям.

Новые мелочи все еще находят то тут, то там даже в самых читаемых текстах; например: Aesch. Sept., 915: в схолии cod. Mediceus προπομποί вместо προπομπά, что небезразлично и для текста самого писателя.

Plat. Meno 99e: знак перемены говорящего лица, стоящий, причем во всех рукописях, после слов οὐδὲν μέλει ἔμοιγε и не отмеченный в изданиях, подтверждает предположение Виламовица о том, что эти слова произносит не Сократ.

В codd. Medicei Тацита многое впервые прочитал только Г. Андерсен.

Для Theocr. XV, 72 Х. Циглер в своем издании (1879 г., с. 190) дал *facsimile* чтения носителя разночтений К: там не ἄθρ(ε)ως, а ἀθέως; наличие порчи подтвердил *POxy* 1618, давший верное ἀλαθέως.

Eur. Iph. Taur. 494: εἴ τι в cod. Laurentianus писано первой, а не второй рукой (сообщено Дж. Пасквали и Э. Ростаньо).

[Многие папирусы, testes unici для важных произведений классиков, все еще недоступны в фотографических снимках. – *1949.*]

Основанные на трудночитаемом codex unicus первые издания редко дают окончательное прочтение. Часто можно пойти дальше них, исходя даже из приводимых издателем образцов почерка; а часто – и не зная начертания знаков, путем divinatio (Cairensis Менандра). С другой стороны, неосознанной divinatio легко нарушить непредвзятость сверки (*collatio*). Удовлетворительнее всего проделает сверку тот, кто, как нельзя лучше понимая текст, способен отрешиться от своих знаний ради чисто зрительной работы. Обугленные остатки papyri Herculanenses ждут филолога, который был бы умелым рисовальщиком. [Вообще, в первых изданиях сильно испорченных текстов рисунок используется слишком редко. – *1949.]* О работе с палимпсестами ср. мою *Gr. Paläographie,* § 9. Необходимость выявлять современные подделки палеографически – исключение (cf. Ed. Norden, *Die röm. Literatur,* S. 100; *SB. d. Preuß. AdW.,* 1924, S. 163).

§ 26. *Промежуточные разветвления с переменою заглавия* (§ 10): традиция Codicex Theodosianus; оно и вообще образцовое, поскольку в нем определимо время многих разветвлений (стемма в *Gott. Gelehrte Anzeigen,* CLVIII, 1906, S. 643); – традиция некоторых писем Григория Нисского (ed. Pasquali 1925. Ad p. 82,15 cf. p. LXIII; как отдельная рукопись подложных писем Либания может сохранять извод традиции Григория, если в архетипе писем Либания его не было?).

§ 27. *Предположительные разночтения* (§ 11). Девять драм Еврипида, к которым нет схолий («Елена», «Электра», «Гераклиды», «Геракл», «Умоляющие», «Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде», «Ион», «Киклоп»), сохранились лишь в двух рукописях: L (XIII–XIV в.) и P (XIV–XV в.), из которых в первой очень мало особенных ошибок, а вторая изобилует ими. Отсюда предположение, что P происходит от L. Если это так, чтения P, когда они лучше, должны основываться на конъектурах XIV в. Важнее всего следующие три места из «Ифигении в Тавриде»:

1005 ... οὐ γὰρ ἀλλ' ἀνὴρ μὲν ἐκ δόμων
θανὼν ποθεινός, τὰ δὲ γυναικὸς ἀσθενῆ.

Так в P; в L – γυναικῶν, с невозможным для Еврипида нарушением закона Порсона. От Сенеки до Порсона нет и следа знания этого закона, но ничто не мешает предположить, что некий византиец верно восстановил единственное число ради единообразия; сознательное изменение в P есть, например, в ст. 839.

1441a ἄγαλμά θ' ἱερὸν εἰς ἐμὴν ἄξων χθόνα,
1441b τῶν νῦν παρόντων πημάτων ἀναψυχάς.

Второго стиха нет в P; но он, на первый взгляд, так мешает и настолько лишний, что его, пожалуй, мог вычеркнуть любой думающий читатель. Во всяком случае, атетеза больше подходит к особенным ошибкам P, чем интерполяция – к особенным ошибкам L. Впрочем, стих, может быть, подлинный (cf. ibid. 92 et Ion, 1604: оба случая – речь Афины ex machina, обе драмы примерно одного времени; Hipp. 600; [Soph.] fr. 1025, 5 πημάτων παραψυχάς λέγων ἀγάλματα).

692 ... λήγειν βίον.

Так в L (λήγειν исправлено из λήσειν); в P – λύσειν. Чтением оригинала считалось λύειν или λῦσαι, причем упускали из виду, что λήγειν в переходном значении еще раз встречается в Ion, 1404 и предпочтительно как lectio difficilior.

Итак, в P до сих пор не указано ни одного чтения, которое не могло бы восходить к L. Этим, впрочем, еще не доказано, что P действительно происходит

от L. Ведь и при общем образце в L могли быть допущены лишь упомянутые выше немногие ошибки. Но, во-первых, это очень маловероятно для столь пространного текста и, во-вторых, в P много ошибок, объяснимых лишь неверным прочтением непонятных мест L (N. Wecklein, *Gnomon,* II, 1926, S. 156). Итак, P действительно можно отбросить, как и сделано в собрании Budé.

§ 28. *Неполнота знаний о рукописях* (§ 12). Должно бы стать правилом не отбрасывать ни одного свидетельства, пока не установлено, что оно зависит исключительно от сохранившегося или восстановимого без его помощи образца, т. е. до испытания всех его особенных чтений. Но если текст обширен и традиция его разветвлена, следование этому правилу требовало бы непомерной работы, пользы для текста от которой, по обстоятельствам, могло бы быть крайне мало, и для напечатания которой вряд ли нашлись бы средства. Зачастую придется удовольствоваться приблизительным установлением отношений зависимости, производством eliminatio по пробам (по особенным ошибкам, общим с сохранившимися или восстановимыми свидетельствами) и полной обработкой одних носителей разночтений. Но и тут многого еще не хватает до требуемой полноты. Из двух ветвей традиции «Библиотеки» Фотия удовлетворительно изучена только одна. Отношения зависимости окончательно еще не прояснены в традиции Феогнида (о нем см. теперь D.C.C. Young, *Scriptorium,* VII, 1953, p. 3 ff.), Софокла, Аристофана, Платона, Аполлония Родосского, Катулла, Лукреция, Лукана. На Афоне (в Ватопеде) лежит до сих пор не изученная рукопись Страбона XIII в. Цитаты, восходящие к более ранним, чем архетип, разветвлениям, обычно исследованы постольку, поскольку в них старались найти возможные исправления, но сплошь как носители разночтений, для восстановления достижимого с их помощью более раннего архетипа они не обработаны, как того заслуживают.

§ 29. *Устранение грубой неправильности* (§ 15). У Сапфо, fr. 98,8 Diehl, где размер требует ∪ – –, передано μήνα. Решает дело то, что размеру соответствует синонимическое σελάννα. Считающий возможным, что Сапфо все же написала μήνα, должен был бы позволить современному поэту рифмовать со словом «кровь» не «любовь», а «склонность».

§ 30. *Устранение скопления меньших несообразностей* (§ 15). У Каллимаха, hymn. IV, 226 sq., Ирида должна была доложить Гере, что не смогла помешать Астерии (= Делосу) приютить Латону. Конец ее речи (в строке – текст традиции, которому следуют все издатели, над строкою конъектуры):

ἀλλά φίλη (δύνασαι γάρ) ἀμύνεο πότνια δούλους
ἀλλά φίλη (δύνασαι γάρ) ἀμύνειν πότνια δούλοις
ὑμετέρους, οἳ σεῖο πέδον πατέουσιν ἐφετμήν
ὑμετέροις, οἳ σεῖο πέδον πατέουσιν ἐφετμῇ.

Несообразности в традиции	Исправленный текст
1. Просьба Ириды о помощи несообразна; помогать поздно, да она уже и садится, ибо служба ею закончена. О воспрепятствовании родам речи нет и далее.	1. Ирида пытается избежать гнева Геры (cf. 217 φόβῳ) и просит покарать Астерию; Гера великодушно отказывается карать (244). Всё превосходно.
2. Infinitivus imperativus ἀμύνειν после парентетического δύνασαι – едва терпимая шероховатость.	2. Подражания Agath., AP VI, 76: ἀλλά θεά (δύνασαι γάρ) ... τεῦχε, Paul. Sil. Ecphr. 224 ἀλλά μάκαρ (δύνασαι γάρ ... πάσσειν) ... προτίταινε, Hor. Ep. 17, 45: *et tu (potes nam) solue* говорят в пользу повелительного наклонения.
3. Ἀμύνειν разрушает буколический мост (см. § 31); то, что в «Илиаде» среди сотен стихов с такой же погрешностью есть и несколько с ἀμύνειν, ничего не доказывает для Каллимаха.	3. Ἀμύνεο безупречно по метру. Порчу облегчило предшествующее δύνασαι.
4. «Попирать землю» – плохое обозначение для служения крылатой вестницы богов.	4. «Которые попрали твой приказ» (не принимать Латону, ср. 203) – прекрасное обозначение вины Астерии.
5. Πέδον πατεῖν в смысле γαῖαν πατεῖν (Theocr. XVШ, 20) в древности больше нигде не засвидетельствовано.	5. Πέδον πατεῖν в смысле λακπατεῖν: Aesch. Agam. 1357, Choeph. 643 (где уже неизменно). Πατεῖν в сходном смысле есть и у самого Каллимаха чуть ниже (248).

Надежность этого четырехкратного вмешательства в текст основана на том, что при попытке восстановить сообразный смысл метрическая, синтаксическая и лексическая несообразности отпадают сами собой и появляется древнее выражение (πέδον πατεῖν τι). Очень естественно, что его не понимали, а это с некоторой необходимостью должно было привести к порче: понявший πέδον как прямое дополнение к πατέουσιν должен был изменить ἐφετμήν (написанное, вероятно, εφετμῆ , ср. 195, 298 и т. д.) в ἐφετμῇ, потом отнести *δοῦλοι* к Ириде и затем преобразовать 'кару' в 'помощь', чему случайно очень помогла многозначность корня *ἀμυν-*. [Преобразование могло произойти в кругу Михаила Хониата (XII в.); ср. Pfeiffer в изд. Каллимаха: vol. 1,1949, ad frr. 251 sq., 264

et p. 499 ad frr. 1,1; 7,30. О конъектурной критике у византийцев ср. *BZ,* XXXVI, 1936, S. 27 ff. – *1949.]*

Поучительно будет оглянуться на ход исследований. Из пяти несообразностей традиции Анна Дасье (около 1700 г.) заметила вторую, Вордсворт (1844) – третью, в чем и состоит ценность их конъектур (приведенных у О. Шнейдера), о сути которых говорить теперь незачем. Ἀμύνεο (прочее как в традиции) обнародовал я в 1921 г. (Neue Responsionsfreiheiten. II, S. 18, Anm. 2), но Виламовиц справедливо указал мне, что этот средний залог не значит «помогать». Тогда я испробовал значение «наказывать», но на сей раз не смог построить относительное предложение. В. Крёнерт, когда мы обсуждали с ним этот вопрос, предложил решающее исправление ἐφετμήν (1922 г.; обнародовано в 1923 г. в моей *Gr. Metrik),* и тогда я впервые понял, что в традиции было еще три несообразности (1, 4 и 5), которые мы устранили, сами того не заметив. На красивое параллельное место, Diphil. ap. Plaut. Rud. 697: *illos scelestos qui tuum fecerunt sanum parui fac ut ulciscare,* указал мне в 1925 г. Э. Френкель.

§ 31. *Устранение повторяющейся неправильности.* В связи с предыдущим примером следует привести еще несколько случаев, когда учет буколического моста ведет к исправлению текста.

Callim. hymn. VI, 129: ποτὶ τὰν θεῦν ἄχρις ἁμαρτεῖν.

Каллимах употребляет слово θεῦς единожды (VI, 57), в конце стиха, где с односложными словами дело обстоит по-особому (см. мою *Gr. Metrik,* «Nachtrag» к § 96), в остальных случаях постоянно употребляются неслитные формы. Следовательно, то же самое требуется и здесь, и поэтому чтение θεὸν (предложенное уже в одном списке эпохи Возрождения) было принято, начиная с А. Мейнеке, в текст. Порча основана на воспоминании о ст. 57, как и в hymn. V, 138 τῶργον из-за ст. 54 было искажено в τῶργος. Здесь, как часто бывает с традицией, сохраненной учеными, мы должны отказаться от lectio difficilior (вообще-то чаще всего предпочтительного).

Callim. fr. 106, 3 Sch. *(*=fr. 43,14 Pf.*)* Об этом месте (где к усугубленной расстановкой знаков препинания неправильности в размере присоединяется неправильность в стиле) см. мою *Gr. Metrik,* § 139. Παραχρῆμ(α) – древнее пояснение *(«глоссема»)* к правильному чтению παρὰ χρέος (Naeke [теперь подтверждено *POxy* 2080. – *1949]).*

Callim. fr. 202 *Sch.* (=618 Pf*):* Ῥήγιον ἄστυ λιπὼν Ἰοκάστου Αἰολιδάο.

Будь таким действительно чтение всех рукописей, как думал О. Шнейдер, мы были бы беспомощны перед этим исключением, хотя к нему присоединяется еще и неправильное зияние. На самом деле это чтение есть только у Иоанна Цеца и в одном зависящем от него схолии к «Одиссее». Схолии к Дионисию

Периэгету (461, 476), от которых зависит Цец, предлагают чтение Ἰοκάστεω (так в cod. Laur. 28, 25, по любезному сообщению Дж. Пасквали) или Ἰοκάστεως, -τέος (по Бернгарди). Следовательно, Цец явно упростил окончание; так и в месте Callim. hymn. III, 234 у него написано Ἀχαιῶν вместо Ἀχαιΐδες с тою же метрической ошибкою. Ἰοκάστεω, как предполагал уже А. Наук *(Philologus,* v, 1850, S. 590, Anm.), находит соответствие в формах род. п. Δασκύλεω и Σιμύλεω у александрийцев того же времени *(*AP, VII, 709; VI, 34); правда, по историческим причинам это Δασκύλεω вызывает сомнение, хотя и не тяжкое, но неплохая традиция (Плутарх + Мелеагр, то есть, видимо, Александрийская библиотека II в. до Р. Х.) не допускает далеко заходящего вмешательства без настоятельной необходимости.

Итак, оказывается, что Каллимах соблюдал буколический мост без исключений, что установлено и для большинства требовательных к отделке стиха поэтов, начиная с Архилоха (ср. мою *Gr. Metrik,* Nachträge). И это отсутствие исключений до некоторой степени оправдывает вмешательство в текст ради соблюдения правила, если не было насилия над традицией. Особенно удачно, что ни одно из вмешательств не понадобилось *только* ради соблюдения правила, достаточно, впрочем, важного, чтобы оправдать вмешательства, пусть даже отсутствия исключений тем и не достигалось бы. Вообще, переоценивать такое отсутствие исключений нельзя уже затем, что данные, по которым мы его предполагаем, – лишь обломки изначальных. Поэтому некое тихое сомнение часто будет оставаться, а в этом, в конце концов, тоже есть свое очарование. (Основное о работе с метрическими неправильностями: P. Maas, Neue Responsionsfreiheiten. I, §§ 2-5; A. E. Housman, CQ, XXI, 1927, p. 1 ff.)

Для критики текста так же ценно, как стремление к постоянству в размере, и стремление к постоянству в языке, особенно когда языковое правило, засвидетельствованное большими однородными объемами текста, подтверждено, с одной стороны, размером, а с другой, – современными надписями, как в случае с диалогами аттической драмы V в. Важно было бы определить, применяясь к собраниям О. Лаутензаха (*Die Aoriste b. d. att. Tragikern u. Komikern.* Göttingen, 1911), объем и границы этого постоянства, переоценка которого привела, например, к попытке заподозрить подлинность imperat. на -τωσαν и opt. на -ημεν (Eur. Ion, 1130, Iph. Taur. 1480; Ion, 943, Hel. 1010, Cycl. 132, Soph. Eurup. fr. 94, cf. trag. anon. in *Pap. Fiorent.* 136,4).

§ 32. *Уникальные чтения, затемненные порчей* (§ 15): Callim. fr. 86 Schn. *(*= fr. 191,10 Pf.): передано χάλκε(ι)ον вместо Παγχαῖον (corr. Bentley на основании известного об Эвгемере; подтверждено папирусом).

Cercid. fr. 1 Diehl: текст папируса καιαγαθαμεταιδως (со схолием ἐπεὶ δὼς ἀγαθή, Hes. Op. 356) вместо καὶ Μετάδως (corr. Wilamowitz in ed. princ.; αγαθα проникло из схолия, уже бывшего в образце).

Plaut. Most. 1149: передано *dephilo aut philomontes* вместо *Diphilo aut Philemoni es* (corr. Fr. Leo et Fr. Bücheler, *Hermes,* XVIII, 1883, S. 560.

Varr. Atac. fr. 7 Morel: передано *expedita* вместо *experdita* (corr. Fr. Bücheler, *Jahrbb. für Philol.,* XCIV, 1866, S. 610; лишнее *ex* засвидетельствовано как солецизм цитирующим грамматиком).

Cic. in Pison. 85: в традиции *Iouis uelsuri* вместо *Suelsurdi* (corr. J. H. Mordtmann по фракийским надписям: *Revue archéologique,* XXXIV, 1878, II).

[Πατρίδα τὴν αἱρετὴν (ἀρετὴν codd.: corr. K. Hude, 1912) ἡγησάμενοι, – говорит ставший афинянином по собственному выбору Лисий (Epitaph. 66) о метэках, павших в бою за свободу Афин. – *1949.*]

Возможность исправления всегда зависит от счастливого случая; но лишь тот, кто вооружен, не упустит его в своих разысканиях. Прочитайте первый из трудов Р. Бентли, Epistula ad Millium (1691), из которой вышла критика per divinationem. Поучительного с точки зрения *подхода* там, право же, нет ничего.

§ 33. *Интерполяции* (§ 16). Достаточно вспомнить текст Гомера, текст правоведов в Дигестах Юстинианана и Hor. Carm. IV, 8, 14–17 и III, 11, 17–20.

Напротив, удивительной кажется атетеза географических экскурсов в Caes. Bell. Gall. (например, уже I, 1, 5–7), не учитывающая, что многие несообразности замечены примечательно поздно (в 1910 г. H. Meusel и A. Klotz; cf. Ed. Norden, *Röm. Lit.* S. 107).

Особенно нелепую вставку Lucan. VII, 388 с помощью предположительного разночтения *explicat* и исправления *non<a> aetas,* возможного на основании Iuv. XIII, 28 (cf. Tac. Ann. XI, 11), в высшей степени остроумно выявил А.Э. Хаусман.

[Поиск вставок – главное дело Г. Яхманна с 1935 г.; cf. H. Fuchs, – Mus. Helv., IV, 1948, S. 190 ff., S. 164 ff. Для текста Геродота см. у Дж.Э. Пауэлла в приложении к его английскому переводу. – *1949.*]

[*Подделка целых сочинений* (§ 16). Открытие Бентли подложности писем Фаларида открыло новую эпоху. Но за последние 50 лет давно отброшенная рукописная традиция во многих случаях была восстановлена в правах: многие письма Платона, надгробные речи Лисия и Демосфена, письмо Спевсиппа Филиппу постепенно признаны подлинными. О «Ресе» Еврипида и «Октавии» Сенеки еще спорят. Г. Фукс (§ 33 op. cit., S. 188 ff.), по-моему, свыше меры сомневается в традиции. – *1949.*]

§ 34. *Определение времени архетипа* (§ 17). Надежный terminus post для архетипа – это, например, порчи, которые можно объяснить только как ошибки чтения минускульного образца, т. е. смешение β η κ μ; такой архетип должен быть моложе VIII в. (например, καρύδικος вместо βαρύδικος: Aesch. Choeph. 936; νεκρόν вместо νεβρόν: Eum. 246). Terminus ante – это, например, разночтения, которые могли возникнуть лишь вследствие ошибок чтения маюскуль-

ного письма (*Α Δ Λ, Ε Ο Θ Σ*): так, в рукописи F Платона, Gorg. 467b 10, написано ἔψεται ἅ вместо σχέτλια; архетип B, T, F, следовательно, старше IX в. И наоборот, *маюскульные* порчи в архетипе и *минускульные* в носителях разночтений ничего не говорят о возрасте архетипа.

§ 35. *Древние порчи.* Само собою разумеется, что *an und für sich* возраст подозрительного чтения не говорит против предположения о порче:

Plat. Symp., 208b: византийские рукописи и папирус ἀθάνατον, Крейцером предложено очевидное ἀδύνατον.

Timoth. Pers. 234: ποικιλομουσοσοριυσιν в папирусе (IV в. до Р. Х.); Виламовиц в первом издании: ποικιλομουσον Ορφευς χελυν.

Bacchyl. XVII, 63: стиха нет в одном папирусе (O), а в другом (A) он не на месте. Следовательно, в архетипе он был добавлен на поле и к определенному месту четко не отнесен. F. Blass распознал это по A, еще до появления O, и тогда же установил и исправил в A пропуск слога (ст. 62), позже тоже подтвержденный; Джебб принял доказательства Бласса, прочие нет. Архетип писан, вероятно, в Александрии около 100 г. по Р. Х.

§ 36. *Порча исключена качеством свидетельства.* Verg. Ecl. IV, 62. Рукописи предлагают

cui non risere parentes,
nec deus hunc mensa, dea nec dignata cubili est

там, где Квинтилиан (IX, 3, 8) читал *qui non risere* и удивлялся стоящему затем ед. ч. *hunc,* чего бы не делал, будь тогда известно разночтение *cui non risere.* Следовательно, оно и не идет в счет при recensio. Но после *qui* бессмысленно *parentes;* ясность внесла конъектура Й. Шрадера *parenti (= parentei* L. Havet). Соседство в рукописях Квинтилиана *qui* и *parentes,* основано, видимо, на контаминации с испорченной ветвью традиции. Почему Вергилий не написал затем *hos,* можно почувствовать, вспомнив о «ложе богини»; выражение, полатыни неправильное, построено по-гречески (cf. Eur. Herc. 195: ὅσοι ἔχουσι ... ῥύηται), да и весь конец эклоги должен напоминать о Феокрите (Idyll. IX: кто не зачарован Киркою, делит с ней стол и ложе). – Последним и очень решительно за это чтение выступил Э. Норден (*Die Geburt des Kindes.* Lpz. u. Berlin, 1924 [^{5}1931 = Stuttgart ^{4}1969], S. 61 ff.).

Наоборот, из искажения Диодором, XII, 40, 6, и Аристодемом, FGrHist 104 F16, стихов Аристофана Pax, 603 sqq., должно заключить, что ни тот, ни другой не брали их у Эфора (FGrHist 70 F196); контаминация с Архилохом (ст. 603) предполагает источником ученый комментарий. Порчу в ст. 605 повторяют наши рукописи, следовательно, она произошла до Р. Х.; она еще ждет убедительного исправления (последнее – ἦρξε λύπης, Th. Reinach).

§ 37. *Ложное подтверждение.* Plat. Phaedr. 245c: в рукописях ἀεικίνητον, подтверждаемое Cic. de rep. VI, 27 *(quod semper mouetur),* Hermog. 251, 16 R., Herm. Simplic. Comm. in Aristot. XI, 32,10, Stob. [1 ,49, 7]. *POxy* 1017 II в. по Р. Х., изданный в 1910 г., дал (с разночтением ἀεικίνητον) многими предполагавшееся чтение αὐτοκίνητον, после чего оно было многими принято. Необходимость чтения ἀεικίνητον будет понятна, если, вопреки изданиям, поставить после ἀθάνατον (245 C 5) точку, а после ζωῆς (245 C 7) – семиколон; впрочем, если не слово, то само понятие, кажется, появилось, уже в пифагорейском источнике Платона (14 A 12 DK; cf. 32 B 21 DK, Occel. fr. 1 Harder*)*. Из-за того, что Платон употребил вялое соединение τὸ δ' ἄλλο κινοῦν (вместо чего-нибудь вроде τὸ μὲν οὖν), строение предложения не было понято, и это вызвало порчу ἀεικίνητον в αὐτοκίνητον. Впрочем, новое чтение значительно моложе ранее доступного архетипа; и поскольку нет оснований производить его от более раннего разветвления, оно, как предположительная lectio singularis, должно быть отброшено (§ 8c). Конъектура, однако, не перестает быть ценной, ибо указывает на погрешность в examinatio.

§ 38. *Подтверждение несообразности, но не ее исправления.* Plat. Symp. 204b. Непонятное ἂν изменяли в αὖ или δὴ. Папирус дает ἂν εἴη, выпадение же слова есть, собственно, вероятнейшая из ошибок. – 209d. Строение предложения нашли несообразным Аст и Бэдхем, папирус упорядочивает его, вставляя εἰς перед Ἡσίοδον (после Ἡσ. нужно ставить вслед за Рюккертом запятую, что могло бы привести ко второму εἰς. –213b). Чтение ὡς ἐκεῖνον καθίζειν нашел несообразным Бэдхем, папирус дал верное καθιδεῖν; в византийском архетипе стояло, вероятно, частое написание καθιδεῖν. Исключение трех слов было методической ошибкою, ибо такие вставки в повествовательных частях чужды традиции Платона. – 219c. Чтение καίπερ ἐκεῖνο γε ᾤμην τι εἶναι Хуг (Hug) признал грамматически невозможным. Через divinatio нельзя было, наверное, придти к единичному чтению папируса καὶ περὶ ἐκεῖνο, однако крест в этом месте должен был бы стоять.

Xenoph. Symp. 8, 8. В традиции ἐρωμένου вместо слова со значением «любовник», отсюда конъектура ἐραστοῦ Mosche. Папирус *(Aegyptus,* IV, 1923, p. 41) дал ἐρῶ(ν)τος, что можно принять во внимание как равноценную конъектуру.

Catull. LXIV, 324 (Парки говорят Пелею на его свадьбе): *Emathiae tutamen opus, c<l>arissime nato* (конъектура эпохи Возрождения). Это должно было намекать на еще не рожденного Ахилла! Если бы вместо того стоял крест, то, несомненно, еще до А.Э. Хаумана *(CQ,* IX, 1915, p. 229) обнаружилась бы истина, которая, впрочем, не лежала на поверхности, хотя и содержалась в традиции: *Opis carissme nato* = Διίφιλε.

§ 39. *Незамеченная порча.* Plat. Symp. 201d: ὦ φιλούμενε Ἀγάθων. *POxy* 843 II в. по Р. Х. (издан в 1907 г.) дал чтение φίλε. Никто не заметил, что φιλούμενος

= φίλος – единичный случай. Впрочем, эта порча еще нуждается в объяснении. – 203b: εἰσελθών. В папирусе верное чтение ἐξελθών. – 219d: καρτερίαν = «самообладание»; в папирусе подходящее слово, ἐγκράτειαν (cf. Aristot. Eth. Nic. 1150a 37). – 223b: εἰς τὸ ἄντικρυς. Насколько это было непонятно, впервые показал папирус чтением εἴσω ἄντικρυς. – Папирус исправляет текст и во многих других местах, которые раньше не могли, однако, дать и повода для вмешательства; так, 204c εἶναι перед (а не после) ἔρωτα, 210a καὶ σὺ перед ἔπεσθαι.

§ 40. *Подтверждение мнимо безнадежных конъектур.* Menander (Epitrep. 388 [Koerte = 565 Sandbach]) ap. Stob. 73, 40 = fr. 564 Kock:

> ... ὁ κακοδαίμων προσδοκῶν
> χάριν παρὰ γυναικός κομιεῖσθαι· μὴ μόνον
> κακόν τι προσλάβοιμι.

Боте и Кобет независимо друг от друга переставили слова: κομιεῖσθαι παρὰ γυναικός, отчего метр стал несколько более гладким (более правильная цезура, более правильное разрешение παρὰ, вместо –ρὰ γυ-). Им никто не последовал, и, я боюсь, никто и сейчас бы не последовал, не подтверди их конъектуру папирус. И все-таки в традиции следовало сомневаться до тех пор, пока не выяснилось бы, почему Менандр без необходимости выбрал более жесткие ритмы.

Nonni Dionys. XV, 112 в рукописи XII в.:

> ἀκροκόμου φοίνικος ἢ εὐώδινος Ἀθήνης
> ῥιπίζων ἀνέμοισιν ἔλιξ ἐπεσύρισεν ὄρπηξ·

Читать ἐλαίης вместо Ἀθήνης предложил Кёхли, сам не будучи в том убежден; это чтение и дал папирус. Традиция Нонна богата такими заменами слов (здесь порча происходит из воспоминания об εὐώδινες Ἀθῆναι XLVII, 4 и 372).

[Столь же поразительное, сколь и убедительное исправление в Матф. 6:28: πῶς οὐ ξαίνουσιν οὐδὲ νήθουσιν, происходит из открытого в 1938 г. чтения первой руки cod. Sinaitki. См. T.C. Skeat, *Zeitschrift f. Neutest. Wiss.*, XXXVII, 1938, S. 211, и E. Lobel, *The Oxyrh. Pap.*, XIX, 1948, p. 60, n. 1. – *1949*].

Я заканчиваю, вполне сознавая произвольность в выборе и порядке примеров. Сущность почти каждого преткновения в критике текста – *стилистическая,* а в стилистике понятия все еще разъяснены много меньше, чем даже в критике текста. Кроме того, есть опасность, что известная рутина в recensio вытесняет ответственность филолога за то, что касается стиля. Поэтому пусть будет мне позволено вспомнить напоследок слова Ричарда Бентли, правду которых не затмить злоупотреблениям, жертвою которых они стали, едва быв сказаны (ad Hor. Carm. III, 27, 15), много раз становились потом и еще будут становиться: *nobis et ratio et res ipsa centum codicibus potiores sunt.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. РУКОВОДЯЩИЕ ОШИБКИ И ВИДЫ СТЕММ (1937)

В учении об отношениях зависимости между рукописями – да будет позволено говорить о «стемматике» – ошибки переписывания имеют решающее значение. Прежние исследования этих ошибок касались в основном того, как они возникли, и того, как их устранить. Здесь будет ставиться лишь вопрос о том, как должно обстоять дело с ошибкой, чтобы она была применима в стемме, и сколько нужно таких ошибок для прослеживания основных видов стемм.

[§ 41.][2] Как геологи ремесленным выражением «руководящие ископаемые» определяют окаменелости, составляющие примету земных слоев определенного возраста, так и я назвал *(Gnomon,* VI, 1930, S. 561) применимые для стеммати́ческих выводов ошибки «руководящими ошибками» *(errores significativi).*

[§ 42.] Зависимость одного свидетельства от другого обычно нельзя доказать непосредственно, но лишь через исключение независимости. Непосредственно доказуемы, как правило, лишь 1) независимость одного свидетельства от другого и 2) связь двух свидетельств в отличие от третьего с общим образцом.

[§ 43.] Независимость одного свидетельства (B) от другого (A) доказывается наличием в A ошибки, отсутствующей в B, причем такой, что за время между A и B она, насколько нам известно состояние конъектурной критики в то время, не могла быть удалена через конъектуру. Такие ошибки можно назвать «разделительными ошибками» *(errores separativi).*

О конъектурной критике у византийцев ср. *BZ,* XXXVI, 1936, S. 27 ff.; соответствующих исследований о латинском средневековье все еще нет.

Знаменитейшая разделительная ошибка в рукописной традиции греческих классиков – это, пожалуй, пропуск стиха Soph. Oed. Tyr., 800, в Laurentianus 32, 9 X/XI в. (L) и в его близнеце (A) в отличие от рукописей XIII в. (A, *Γ*). Сейчас все по праву сходятся в том, что ни один византиец в те три столетия, и даже вообще ни один филолог какого-либо времени сочинить этот стих не мог. Впрочем, независимость многих византийских рукописей Софокла от L между тем подтвердили и другие разделительные ошибки L, правда, почти исключительно в тексте схолий: ср. *BZ,* XXXVI, 1936, S. 455 о B. де Марко [Studi ital. di filol. cl., N.S., XIII, 1936]. Сам текст поэта в L явно списан с общего образца необычайно тщательно.

[§ 44.] Связь двух свидетельств (B и C), в отличие от третьего, с общим образцом доказывается наличием общей для B и C ошибки, причем такой, что, вероятнее всего, она не могла появиться в B и C независимо. Такие ошибки можно было бы назвать «связующими ошибками» *(errores coniunctivi).*

---

[2] В немецком издании раздел *Приложения* не имеет разбивки на параграфы. Номера параграфов в квадратных скобках добавлены для удобства пользования указателем. – *(Примеч. ред.).*

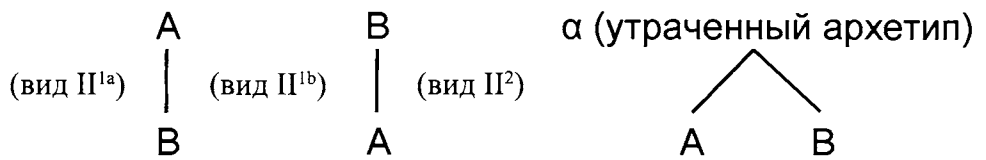
«Вероятнее всего», ибо часто остается умозрительно возможным, что в нескольких свидетельствах независимо произошли одинаковые ошибки. Связь с общим образцом тем вероятнее, чем реже встречается такая же или сходная ошибка в остальном тексте B, или C, или обоих. Например, если в обоих свидетельствах много итацистических ошибок, то у единичного совпадения в них такой ошибки нет доказательной силы; если же, напротив, в обоих свидетельствах правописание последовательно соблюдается, общая итацистическая ошибка говорит в пользу их связи с общим образцом.

Оба вида руководящих ошибок обычно многократно встречаются в более пространных текстах; поэтому и оба названных выше отношения, как правило, безупречно доказуемы.

[§ 45.] Есть и руководящие ошибки такого рода, что зависимость одного свидетельства от другого следует из них непосредственно. Однако они так редки или, по крайней мере, так редко бывают доказуемы, что нельзя надеяться найти их всякий раз, когда нужно установить зависимость. Поэтому далее мы их не рассматриваем.

[§ 46.] Исследуем теперь применимость разделительных и связующих ошибок при установлении основных видов стемм.

Если имеется *два* свидетельства, A и B, то стемма должна быть одного из трех видов:

Если в A есть разделительная ошибка в отличие от B, то вид II^{1a} тем исключается. Если в B есть разделительная ошибка в отличие от A, то вид II^{1b} тем исключается.

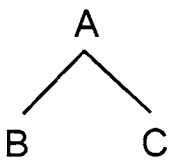
Если есть как разделительная ошибка A в отличие от B, так и разделительная ошибка B в отличие от A, то оба вида II^{1} тем исключаются, а вид II^{2} доказан. Если B явно младше A, то, естественно, не нужно разделительной ошибки B в отличие от A, чтобы исключить вид II^{1b}.

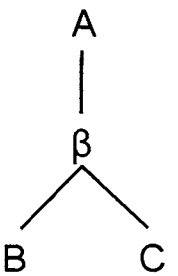
Если, впрочем, в B есть разделительная ошибка в отличие от A, в A же, напротив, нет разделительной ошибки в отличие от B, то для более пространных текстов это скорее говорит о наличии вида II^{1b}.

На этом выводе основано господствующее мнение, что древнейшая рукопись многих классических текстов – архетип прочих (напр.: «Синтаксис» Аполлония Дискола: *Wochenschr. f. kl. Phil.*, XXVIII, 1911, S. 25 ff.; драмы Еврипида без схолий: см. § 27; III–XV книги Афинея: *BZ*, XXXV, 1935, S. 299 ff.). Мнимые руководящие ошибки более ранней традиции в отличие от позднейшей – плод конъектурной критики византийцев, которая и сама предстала в новом свете благодаря наблюдениям над отношениями между рукописями.

Для более кратких текстов при этом есть и вероятность (несколько меньшая) вида II^2, – если между α и A случайно не обнаружится разделительная ошибка в отличие от B.

Если имеется *три* свидетельства, число возможных видов стеммы достигает 22-х. В этом случае прежде всего необходимо только что описанным способом исследовать, не является ли одно из свидетельств образцом одного или обоих из остальных. В последнем случае должен получиться один из следующих двух видов:

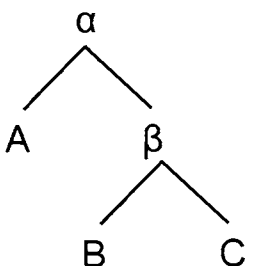

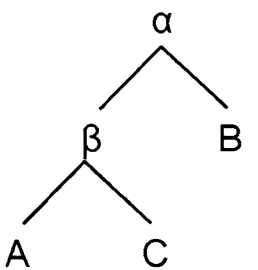
Выбор между ними зависит от того, найдется связующая ошибка B + C (β) в отличие от A или нет.

Если ни одно из трех свидетельств не есть образец другого, то 18 из 22 видов отпадают, именно же: 6, когда одно из свидетельств – образец одного из других, и 12, когда одно из свидетельств – образец обоих других. Остается 4 возможности:

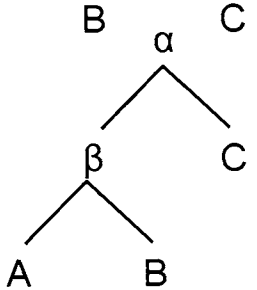
(вид III^{2a})

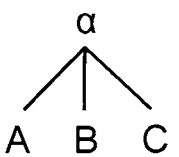
(вид III^{2b})

(вид III^{2c})

(вид III^{3})

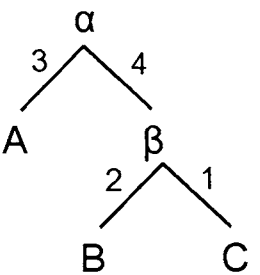

Выбор между ними зависит от того, найдется связующая ошибка в двух из свидетельств в отличие от третьего (виды III^{2a-c}) или нет (вид III^{3}).

Но эта связующая ошибка должна одновременно быть и разделительной; ведь если бы ее можно было устранить конъектурою, вид III[3] не был бы исключен.

У большинства связующих ошибок нет разделительной силы, а большинство разделительных ошибок одновременно и связующие. Разделительные ошибки без связующей силы – многие т. н. ὁμοιοτέλευτα, ибо часто они, с одной стороны, так естественны, что многие писцы почти неизбежно должны были допустить их; с другой же стороны, устранить их конъектурою было не по силам средневековым критикам текста.

[§ 47.] Желательно ввести в стемму места текста, в которых находятся руководящие ошибки («руководящие места»). Если, например, перед нами вид III[2a], то появится следующая картина:

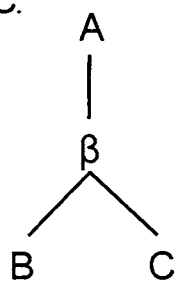
1 = Разделительная ошибка C в отличие от B, чтобы исключить

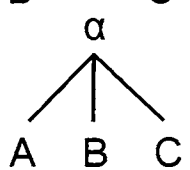
2 = Разделительная ошибка B в отличие от C, чтобы исключить

3 = Разделительная ошибка A в отличие от *β* (B+C), чтобы исключить

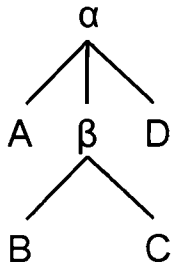
4 = Связующая и одновременно разделительная ошибка *β* (B+C) в отличие от A, чтобы исключить

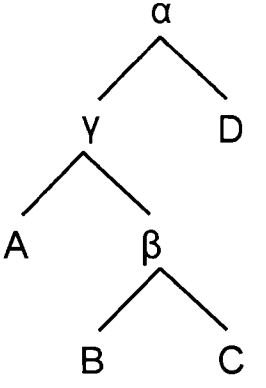
Этот вид сохраняет, например, византийская традиция Геродота, как она выглядит с того времени, как Карл Худе (ed. Oxon. 1926) привлек cod. Vat. 2369 (D). Согласование приведенной примерной стеммы и обозначений Худе: α = L, A = α (ABC), β = d, B = D, C = RSV. Носители разночтений, таким образом, – только утерянные, но надежно восстановимые рукописи a и d.

[§ 48.] Если к трем свидетельствам прибавляется четвертое, D, его положение в стемме будет зависеть от того, есть ли в нем одна из четырех названных выше руководящих ошибок. Например, если D имеет общую с A разделительную ошибку в отличие от β, то остается лишь уточнить вышеописанным способом и отношение D к A. Если в D нет ни одной из четырех руководящих ошибок, необходимо исследовать отношение D к α. В этом случае D может: 1) быть образцом α, 2) равным α, 3) происходить независимо от A и β одним из следующих способов:

либо

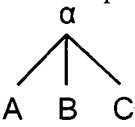

либо

Если D явно моложе, чем A, B и C, исключаются обе первые возможности (1 и 2). Выбор между обеими последними зависит от того, есть ли связующая ошибка (с разделяющею силою) в A + β в отличие от D, или нет.

[Если имеется *четыре* свидетельства, число возможных видов стеммы достигает 250; при *пяти* свидетельствах оно достигает примерно 4000, и так далее в геометрической прогрессии. – *1949*].

[§ 49.] Романист J. Bédier («La tradition manuscripte du *Lai de l'Ombre*», – *Romania,* LIV, 1928, pp. 161 suiv., 321 suiv.) сделал на первый взгляд обескураживающее наблюдение, что стеммы современных критических изданий почти не бывают с тремя (или многими) ветвями:

, причем как при архетипе, так и при гипархетипах, так что во всей стемме господствует разветвление надвое (греческой рукописной традиции Бедье не привлекает, но наблюдение верно и там). Однако именно стемма с троичным разветвлением должна нагляднее всего свидетельствовать о пользе стеммматики: поскольку в ней каж-

дое особенное чтение свидетельства исключается согласием остальных двух. именно при такой стемме в аппарате не было бы вообще ни одного разночтения. Поскольку таких аппаратов нет, возникает подозрение, что критики текста либо отсекают третью (и прочие) ветви стеммы, либо вопреки истинному положению вещей строят две ветви, чтобы не отказываться от свободного выбора между переданными чтениями.

[§ 50.] Это явление объясняется вполне недвусмысленно. Прежде всего нужно вспомнить, что из 22-х видов стемм, возможных при наличии трех свидетельств, только в *одном* три ветви (см. выше). Далее, сущность средневековой рукописной традиции такова, что у малочитаемых текстов редко делалось три списка с одного архетипа, и еще реже все три списка или производные от них доходили до нашего времени; у много читаемых текстов, напротив, начинались контаминации, а в области контаминации строгая стемматика перестает действовать. При позднейших разветвлениях предпосылки для создания и сохранения трех списков одного гипархетипа возникали, конечно, легче; но в этих случаях издатели часто и без вреда для дела пренебрегали привлечением более чем двух таких списков для восстановления стемматически малозначительного гипархетипа.

[§ 51.] Здесь нужно сказать еще несколько слов о понятии «класс» («семья») рукописей. Для этого понятия нет места в строгой стемматике; для нее есть только отдельные представители, как-то: архетип и отдельные производные от него, причем безразлично, сохранились они или только сделан вывод об их существовании. При неконтаминированной традиции о *нескольких* свидетельствах вообще не может быть сказано *одно и то же:* они либо происходят от общего образца, и тогда нужно говорить только о ней, либо одно зависит от другого и тогда должно быть сброшено со счета. Напротив того, при неясности в отношениях зависимости понятие класса (семьи) может быть полезным. Под классом подразумевается совокупность свидетельств, соединенных друг с другом в отличие от прочих связующими ошибками, причем такая, что строение ее сначала маловажно и может оставаться нераскрытым. В этом случае «представителем» класса можно избрать самое раннее свидетельство в нем, а более поздние, соединенные с ним связующими ошибками, без колебаний отбросить.

[§ 52.] Вспомним, наконец, и красивое сравнение, которым Отто Иммиш *(Wie studiert man die klassische Philologie?* 2. Aufl. Stuttgart, 1920, S. 106) пояснял понятие «стеммы», говоря о «формуле рецензии». Как в химической формуле однозначно и неизменно определен порядок атомов в каждой молекуле вещества, так в стемме – взаимосвязь свидетельств для каждого места текста, – если традиция чиста. Лекарство от контаминации неизвестно.

II. ВЗГЛЯД ИЗ 1956 ГОДА

Книжка эта имела у книготорговцев успех, значительно превосходящий ее видимое влияние на издания и на разыскания по критике текста, появившиеся с 1927 г. Это связано, пожалуй, с тем, что, с одной стороны, за последние тридцать лет не выходило другого введения в эту область знания, а с другой стороны, с тем, что отвлеченность предмета действует отпугивающе. Конечно, к этому присоединяются и недостатки в моем изложении, которые я охотно постарался бы устранить, если бы только публичная или частная критика почтила меня указанием на них. Следующие три экскурса, вероятно, послужат к разъяснению некоторых не чуждых предмету понятий, которые до сих пор редко бывали истолковываемы.

1. Скрытые данные

[§ 53.] Чтобы решить одну из простейших задач стеммати́ки, а именно: доказать зависимость одного свидетельства (B) от другого (A) с тем, чтобы отбросить B как свидетельство, – обычно нужно сначала доказать, что A не содержит разделительной ошибки в отличие от B, т. е. использовать «скрытые данные».

Об определении разделительных ошибок см. выше, § 43. Особенно надежны как разделительные такие ошибки A (в отличие от B), которые в их окружении вообще не опознаются как ошибки и, следовательно, не могли дать повода к устранению их конъектурою. Пример: ни один переписчик не мог заметить пропуска ст. 14 «Вакханок» Еврипида в Laurentianus (L) в отличие от Palatinus (P). Обратный пример: там же, в ст. 635, пропуск в L так бросается в глаза, а восполнение его конъектурою παρεῖται (так в P) так легко (ср. παρειμέναι в ст. 683), что пропуск в L нельзя считать надежной разделительной ошибкою. Как раз во время от L до P цвела византийская конъектурная критика (Плануд, Триклиний).

[§ 54.] Таким образом, если текст A во время от A до B улучшил сколько-нибудь сведущий грамматик, и в B не стало многих явных ошибок A, то, естественно, эти «скрытые данные» могут проявиться только при особых обстоятельствах: нужно было бы привести все «лучшие» чтения B и объяснить, почему каждое из них можно считать конъектурою. Поэтому, если вопрос о зависимости стоит так, целесообразно переложить бремя доказательства на оспаривающего зависимость. Он должен указать в A по меньшей мере *одну* надежную разделительную ошибку в отличие от B.

Одной надежной достаточно (ненадежных недостаточно и ста), чтобы все особенные чтения B в отличие от A сделать возможными разночтениями. Вопрос, сколь многие из них надо все же считать конъектурами, важен для критики текста Софокла; см. выше § 43 и *Gnomon,* XXV, 1953, S. 441 ff.

[§ 55.] Если попытка найти эту *одну* ошибку никак не удается, B предполагается зависящим от A; следовательно, B как свидетельство нужно отбросить.

Так обстоит дело в указанных выше (§ 46) случаях и в бесчисленных подобных. В дополнение к ним Дж.Р. Мэнтон (G.R. Manton) недавно показал, что в традиции многих трактатов Плутарха B зависит от E (*CQ,* XLIII, 1949, pp. 97–100). Относительно Афинея тем временем выяснилось, что схолий, возводимый эпитомой текста p. 515 E к ее источнику, дословно воспроизведен в Marcianus (A), где писан рукою более поздней, чем A, но более ранней, чем Евстафий, самое раннее свидетельство для эпитомы: *BZ,* XLV, 1952, S. 1 f., Taf. Тем самым к «скрытым данным» прибавилось положительное свидетельство о происхождении эпитомы из A. Принадлежность конъектур в эпитоме Евстафию впредь тоже нельзя будет долго оспаривать.

2. «Recentiores, non deteriores»

[§ 56.] Так назвав главу (ук. соч. 3), Дж. Пасквали правомерно подчеркнул, что свидетельство, более позднее, чем другое, не должно потому быть обязательно и «худшим». Нет ни «хороших», ни «плохих» вообще свидетельств, есть только зависимые или независимые, т. е. зависящие или не зависящие от сохранившейся или восстановимой без их помощи образца. Возраст свидетельства учитывается лишь в том смысле, что более раннее не может зависеть от более позднего. Следовательно, самое раннее свидетельство всегда вполне «независимо», тогда как независимость позднейших доказуема, только если в более ранних есть разделительные ошибки в отличие от них. Испытывая свидетельства, желательно начинать, соответственно, со второго по старшинству и последовательно доходить до recentiores, которые – не все, конечно, но большинство – окажутся зависимыми. И тогда важно вовремя остановиться. «Надо сплошь сверять все рукописи и излагать выводы из сверки...; это может оказаться еще хуже, чем почитать единственную рукопись, дарующую блаженство» (U.v. Wilamowitz-Moellendorff, *Aristophans Lysistrate,* Berlin, 1927, S. 62). «Comburendi, non conferendi» (Кобет).

Нынешние английские критики текста, говоря об отношениях зависимости между английскими печатными книгами XVI и XVII вв., понятие «независимость» передают словом *substantive*, положительно утверждающим, что в особенных чтениях свидетельства может содержаться «субстанция» погибшего текста оригинала, отсутствующая в прочих свидетельствах. Это слово куда яснее нашего ‘независимый’, но я не смею ввести его в критику древнеклассических текстов.

3. Диагностические конъектуры

[§ 57.] В общем случае различают только «правильные» и «ложные» конъектуры и склонны просто отбрасывать «неправильные». Согласно сказанному выше (§§ 13 слл.), напротив, конъектура, «правильна» ли она или «ложна», есть существенная часть examinatio, т. е. испытания текста традиции в том, лучший он из мыслимых или нет. Убедительны ли в каждом отдельном случае конъектуры, сделанные с этой целью (и, следовательно, «диагностические»),

или они только меньшее зло в сравнении с традицией, или вполне невозможны, – несущественно, если рассматривать конъектуры как средство для такого испытания. Какие из них заслуживают упоминания в apparatus criticus, издатель должен почувствовать кончиками пальцев. Но прежде чем без обоснования отвергнуть конъектуру, он должен спросить себя: будь это чтением традиции, счел ли бы он себя способным признать его порчею? В сомнительных случаях ему следовало бы чаще, чем бывает сейчас, с помощью креста в тексте или пометки *locus suspectus* в примечаниях предохраняться от неожиданностей, которыми новое свидетельство или удачное исправление могут грозить слишком доверчивому ревнителю традиции.

[§ 58.] Добавим к приведенным выше в гл. E еще один пример, который особенно поучителен. Ovid. Fast. III, 725 sq. (vulg.):

> carminis huius opus causas exponere, quare
> uilis anus populos ad sua liba uocet.

Хотя *uilis* противно смыслу и как *sua,* так и общая связь требуют, чтобы подлежащим оказался Вакх, вульгата оставалась неприкосновенной, пока в 1929 г. не появилось хорошо засвидетельствованное разночтение *uitisator.* Оно явно передает собственные слова поэта *(uitisator* засвидетельствовано Макробием, Sat. VI, 5, 11, со ссылками на Вергилия, Aen. VII, 179 и Акция, Bacch., 241–242 Ribb.) и при правильной examinatio было бы найдено через конъектуру. Нелепую порчу породила, вероятно, описка *uilis-* вместо *uitis-,* которую усугубила затем конъектура, основанная на *anus* в ст. 765. О сходных трудностях в лирике Горация ср. *Studi ital. di fil. class,N.S.,* XIII, 1956, p. 227f. (памяти Дж. Пасквали).

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 174–185

ЦВЕТАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Т.Б. Гвоздева

ПРОЦЕССИЯ ВЕЛИКИХ ПАНАФИНЕЙ НА ФРИЗЕ ПАРФЕНОНА И В КОМЕДИЯХ АРИСТОФАНА

Главным государственным праздником Афин являлись Великие Панафинеи в честь Афины Полиады, кульминацией которого был день рождения Афины (28 гекатомбеона), когда проводилась торжественная процессия, в которой афиняне несли богине в дар праздничный пеплос. Целью процессии был храм Афины на Акрополе (Парфенон), где богине приносили жертвы.

Данные литературных памятников представляют нам многочисленные, но краткие и противоречивые сведения об участниках и ходе панафинейского шествия. Сравнительное изучение источников помогло составить представление о пути процессии. Она формировалась с восходом солнца в Керамике (*Him.* Or. Vas. 12), проходила через Дипилонские ворота, где попадала на рынок и в Леокорий (*Thuc.* I. 20. 2). Там к ней присоединялись остальные участники шествия, сопровождавшие повозку в виде корабля. На ней в качестве паруса развивался парадный пеплос Афины (*Heliod.* Aephiop. I. 10; *Verg.* Scop. 21–35). Пеплос ткали из шерсти (*Aristoph.* Lys. 666) пурпурного цвета (*Eur.* Hec. 469; *Verg.* Scop. 31) специальные работницы-эргастины в течение девяти месяцев (Schol. Aristoph. Av. 827; Schol. Eur. Hec. 466). На пеплосе были вытканы сцены из гигантомахии (*Eur.* Hec. 466–474; *Eur.* Eph. Tavr. 221–226; Schol. Aristoph. Av. 566; *Verg.* Scop. 20–35). Праздничное шествие пересекало агору и подходило к Элевсинию (Schol. Aristoph. Hors. 503). От Элевсиния участники процессии направлялись к Пеласгику, и, обогнув его у храма Афины Ники, снимали пеплос с повозки и торжественно вносили его через Пропилеи на Акрополь по священной дороге (*Paus.* I. 2. 4). Миновав статую Афины Промахос, панафинейская процессия разделялась на две части, которые с двух сторон, с юга и севера, обходили Парфенон, чтобы вновь соединиться перед главной, восточной

стороной этого храма. Там жрице Афины передавали пеплос, священные дары и совершали жертвоприношения.

Панафинейская процессия поражала современников своей роскошью и величием. За проведение праздничного шествия отвечали специальные афинские магистраты – гиеропеи (*Aristot.* Ath. Pol. 47, 1; 60, 1). Представители союзников и афинских колоний присылали на праздник жертвенных животных для гекатомбы. В процессии принимали участие теоры – члены священных посольств (Schol. Aristoph. Nub. 385). По составу участников панафинейскую процессию можно разделить на несколько частей: на военный парад, включающий в себя вереницы колесниц, конницу и колонны эфебов (*Thuc.* VI. 56. 2; VI. 58. 2); на мирное шествие всего населения афинского полиса (*Thuc.* VI. 56. 2) и на древнюю, сакральную процессию, которая была представлена афинскими гражданами и метеками. В последней части праздничного шествия каждой категории населения соответствовало строго закрепленное место и особые функции. Сведения об этом встречаются у Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, а также в словарях Гесихия, Гарпократиона и Суды. Однако единственный автор, у которого мы можем найти не только перечисление, но и, что особенно важно, ту очередность, в которой сакральные фигуры выступали в шествии, – это Аристофан. Порядок фигур панафинейской процессии можно увидеть и на фризе Парфенона.

Торжественная панафинейская процессия стала темой фриза Парфенона. Ионический фриз Парфенона занимает в длину 160 м, а в высоту 1 м и помещен внутри колоннады на стене целлы. Соответственно своему положению на гладкой стене целлы, фриз выполнен в плоском рельефе. Высота рельефа не везде одинаковая, однако в самых выпуклых местах она не поднимается выше 5,5 см. Расположение фриза было таким, что он не освещался прямым солнечным светом, а получал лишь отраженный свет солнечных лучей от мраморного пола[1]. Чтобы зрители могли как можно лучше рассмотреть его, мастерами использовались некоторые специфические приемы. Например, нижние части рельефа обработаны с гораздо большей отчетливостью и скрупулезностью, чем верхние части, иногда только чуть намеченные[2]. С другой стороны, передний план фриза трактован более плоско, чем его задний план, благодаря чему зрителям внушается иллюзия большей пространственной глубины, чем это было в действительности[3]. Тщательный анализ фриза показал, что в его изготовлении принимал участие целый ряд художников. Возможно, что так же, как при изготовлении метоп, фриз делали по эскизам и при участии Фидия[4].

[1] Конькова 1979: 36.
[2] Виппер 1972: 207.
[3] Там же.
[4] Там же.

Панафинейский фриз является уникальным произведением греческого искусства. Авторам удалось создать композицию, расположив на 160 м изображение 350 фигур людей и 250 животных, из которых ни одна не повторяет другую[5]. Большая часть исследователей придерживается той точки зрения, что на фризе Парфенона изображена панафинейская процессия (Великих или Малых Панафиней). Однако и по сей день идут нескончаемые споры по поводу того, какая часть процессии изображена на фризе и в какой ее момент. Интересно отметить точку зрения С. Ротрофф, которая считает, что фриз посвящен не процессии, а эпизоду праздничного панафинейского жертвоприношения[6].

Композиция фриза Парфенона была задумана таким образом, что панафинейская процессия начиналась на юго-западном углу храма и двумя крыльями – более коротким по южной стороне храма и более длинным по западной и северной сторонам – подходит к восточному фасаду храма, где было изображено главное событие панафинейского праздника – передача пеплоса жрецу Афины. Головная часть процессии подходила к Парфенону с западной стороны, поэтому на западной части фриза ее участники могли наблюдать начало своего пути еще на Керамике. Это был момент подготовки к началу шествия, а именно – юноши, частью только готовящиеся к выступлению в процессии, где они должны будут ехать верхом на лошадях, частью уже построившиеся в ряды, чтобы присоединиться к остальным. Между всадниками, обуздывающими своих лошадей или догоняющими процессию, были расположены «статичные» группы: юноши, подвязывающие сандалии, одергивающие плащи или просто беседующие.

Перед тем, как предстать перед восточной стороной Парфенона, процессия разделялась на две части. Она огибала храм с двух сторон, что и было изображено на южной и северной сторонах фриза. Если на западной его части показаны подготовка и начало процессии, то на северной и южной сторонах развертывается само шествие. На западных концах северной и южной сторон фриза были изображены ряды всадников, что связывает эти части композиции фриза воедино. Перед всадниками, в направлении к восточной стороне фриза, следовали вереницей колесницы, запряженные четверкой лошадей, и сопровождающие их пешие воины в длинных одеждах, со шлемами и щитами. Перед воинами расположилась немного беспорядочная группа старцев – возможно, таллофоров – и группа музыкантов (4 кифариста, 4 флейтиста) (n. 20–27; 102–104). Далее следовали группа юношей, одетых в хитоны и несущих на плечах гидрии (возможно, гидрофоры) (n. 16–19), юноши с глубокими блюдами (скафефоры) (n. 106; 13–

[5] Конькова 1979: 35; Колобова 1961: 109; Sparkes 1991: 30.
[6] Rotroff 1977: 379–382.

16), горожане и представители колоний (теоры), сопровождающие жертвенных животных. На восточных углах северной и южной сторон видны распорядители процессии, которые подают знаки участникам шествия.

На панафинейском фризе группу бородатых мужчин, следующих за музыкантами, часто идентифицируют с **таллофорами** – старцами с оливковыми ветвями в руках (n. 84–105; 28–43). Однако, то, что у них в руках нет скульптурного изображения веток оливы, позволяет многим ученым предполагать, что это афинские магистраты – агонотеты, или атлотеты, или пританы, или гиеропеи[7]. К.М. Колобова утверждала, что старцы являются таллофорами, полагая, что ветви оливы на фризе могли быть пририсованы[8]. Кроме того, таллофоры вполне могли быть «ветеранами» конкурса эвандрии. Это состязание «самых красивых мужчин», проводившееся по филам, сопровождалось некими военными движениями или танцами. Эвандрия проводилась 27 гекатомбеона, накануне панафинейской процессии. В этом состязании могли принимать участие только афинские граждане, тогда как многочисленные участники панафинейских игр, съехавшиеся в Афины со всей Эллады, к участию в конкурсе красоты не допускались (Bekker. Anecd. p. 257)[9].

В качестве **гидрофор** обычно называют жен метеков, которые несли гидрии с водой[10]. Интересно, что на панафинейском фризе в ролях гидрофор выступают юноши (n. 16–19). Интересное предположение высказала Э. Саймон, считая этих юношей победителями в факельном беге, который проходил в ночь накануне процессии, а наградой в этих состязаниях служила гидрия[11]. **Скафефоры** – мужчины-метеки, которые несли в процессии золотые и серебряные прямоугольные лотки (скафы), полные пчелиных сот, печенья и лепешек (*Poll.* III. 55; *Aristoph.* Eccl. 738). Судя по фризу, лотки были прямоугольной формы и большие, так что нести их могли только мужчины (n. 106; 13–16). Важность этой ноши заключалась в том, что жертвоприношения предназначались для Эрихтония[12]. В сакральной части панафинейской процессии подчеркивалось его значение как основателя праздника, но в то же время ему отводилась второстепенная роль после Афины, так как дары ему несли метеки. Л. Циен отмечал, что скафефоры были в пурпурных одеждах, Л. Дойбнер же доказывает, что цвет одежд скафефор не имел особого религиозного значения, так как был связан только с торжественностью момента[13].

---

[7] Deubner 1956: 29; Michaelis 1870: 239; Rotroff 1977: 380; Simon 1983: 61.
[8] Колобова 1961: 151.
[9] О состязании эвандрия см.: Гвоздева 2001: 146–150; Гвоздева 2007: 220–240.
[10] Deubner 1956: 28.
[11] Simon 1983: 64.
[12] Deubner 1956: 25; Simon 1983: 60; Гвоздева 2010: 65–67.
[13] Ziehen 1949: 466; Deubner 1956: 50; Гвоздева 2002: 40–49; Гвоздева 2007: 230.

Таким образом, на северной и южной сторонах фриза в основном показана бóльшая часть участников панафинейской процессии, последовательность изображения которых почти одинакова на обеих частях фриза. Но есть и некоторые различия между ними. Как на южной, так и на северной стороне большое место уделено изображению военной части процессии. Но если на юге основной акцент сделан на всадников, то на севере – на колесницы. Воины, сопровождающие колесницы, часто идентифицируются как апобаты (n. 24–32), участники одного из агонов Великих Панафиней[14].

В восточных концах северной и южной частей фриза располагались изображения жертвенных животных. На северной стороне – большое количество крупного рогатого скота, на южной – 4 коровы и 4 овцы. К. М. Колобова объясняет этот обычай тем, что малую жертву приносили «четыре древние родовые филы», каждая фила по одному быку, «от имени всего народа Аттики»[15]. Эти эпизоды панафинейской процессии отразили подготовку к двум жертвоприношениям во время праздника: к двоякой жертве Афине Полиаде в старом храме богине и к гекатомбе Афине Парфенос на большом алтаре богини. Оба жертвоприношения показаны на фризе Парфенона: двоякая жертва Афине Полиаде на северной стороне, гекатомба Афине Парфенос – на южной. Интересно, что изображенные группы животных не отмечены ни в одном литературном источнике[16]. Кроме животных, на южной стороне фриза перед таллофорами расположена группа из 4 человек с прямоугольными предметами в руках. Э. Саймон предполагает, что это секретари, которые распределяют мясо среди народа. На северной стороне они отсутствуют, так как мясо от двоякой жертвы предназначалось только магистратам[17].

Итак, при общности композиции южная и северная части фриза имеют ряд различий. Подготовка к жертвоприношению, изображенная на них, позволяет предположить, что на северной стороне показана процессия, принадлежащая Афине Полиаде с ее двоякой сакральной жертвой, а на южной – Афине Парфенос (гекатомба). Кроме этого, на южной стороне отсутствуют фигуры юношей с гидриями, музыкантов, скафефор, жертвенных овец. Все эти персонажи присутствуют в сакральной процессии Афины Полиады. Если к этому добавить и изображение на северной стороне колесниц, которые несомненно являются более древним видом вооружения, то противоположность северной и южной сторон будет очевидна.

То, что на фризе большое внимание уделено воинам, дало возможность

[14] Parke 1986: 43; Thompson 1962: 227.
[15] Колобова 1961: 152.
[16] Rotroff 1977: 380.
[17] Simon 1983: 61–62.

Г. Парку высказать следующую идею: основной акцент панафинейской процессии был военный, олицетворявший собой отдельные военные эпизоды и свидетельствующий о военной мощи Афин[18]. Но можно предположить и другое объяснение. Колесницы и апобаты, изображенные на фризе, очевидно, должны были символизировать большой и малый агоны, входившие в программу Великих Панафиней. А если принять точку зрения Э. Саймон, что юноши с гидриями могут быть победителями в лампадедромии, и присоединить к ним музыкантов, олицетворяющих мусический агон, и таллофоров, которые могли быть ветеранами эвандрии, то можно предположить, что изображенная на северной и южной части фриза процессия представляла в миниатюре агональную программу состязаний Великих Панафиней, в которую, за исключением вышеперечисленных состязаний, входили еще гимнический агон, пирриха и состязания кораблей.

На восточной стороне фриза, в его центре, был изображен главный момент панафинейской процессии – передача священного пеплоса. Корабль-повозка, на которой пеплос провозили по городу и подвозили к Акрополю, на фризе отсутствует. Отсутствие корабля-повозки или Т-образной схемы с парусом-пеплосом на фризе многие объясняют тем, что его оставляли у подножия Акрополя, или тем, что изображение корабля не помещалось на фризе из-за его высоты[19].

Главная сцена панафинейского фриза располагалась на восточной его стороне. Именно восточная сцена – одна из самых сложных сцен панафинейского фриза. Это давало возможность всем афинянам, еще идущим в процессии, смотреть на ожидающую их сцену. А. Моммзен доказывал, что вручение пеплоса, которое являлось важнейшим сакральным актом Панафиней, происходило за несколько часов до самой процессии или вообще за несколько дней. И только в конце V – начале IV вв. до н. э. удалось соединить эти два мероприятия, что нашло свое отражение в тематике панафинейского фриза[20].

Дж. Бордмен задается интересным вопросом: воспринимали ли современники панафинейский фриз как изображение реального панафинейского шествия[21]? Л. Циен отмечал, что состав участников и ход процессии подтверждаются литературными свидетельствами, и это говорит в пользу ее достоверности[22]. Р. Осборн считает, что для ответа на этот вопрос существовали зрители, и их внимание к фризу являлось подтверждением того, что процессия воспринималась как соответствующая своему времени[23]. Зритель, зная

[18] Parke 1986: 43.
[19] Ziehen 1949: 461.
[20] Mommsen 1898: 114.
[21] Boardman 1985: 210–215.
[22] Ziehen 1949: 463.
[23] Osborne 1987: 100.

состав процессии, сам мог понять и объяснить центральную сцену на фризе. Участник прекрасно знал, как идет процессия и как она должна закончиться. Раз на фризе не было изображено окончание процессии, т. е. не было ее кульминации, то зритель сам ее додумывал. Визуально панафинейский фриз не имел изображения окончания процессии, но, с другой стороны, любой человек мог войти в храм и увидеть статую – это являлось как бы завершением сакральной процессии, т. е. окончанием похода к богине. Центральная сцена восточного фриза не могла быть заключительной, так как передача жрецу/жрице пеплоса – это еще не конец действия. Зритель мысленно помещал себя внутрь процессии и, глядя на фриз, наполнялся чувством сопричастности, собственного достоинства.

Помимо фриза Парфенона, тема панафинейской процессии отражена в творчества Аристофана[24]. В комедиях «Птицы» (414 г. до н. э.) и «Лисистрата» (411 г. до н. э.) он упомянул в комическом контексте две сакральные фигуры: канефору (Lys. 641–643) и скиадефору (Av. 1550–1552). А в комедии «Женщины в Народном Собрании», поставленной в 393/2 г. до н. э., Аристофан представил великолепную пародию на панафинейское шествие, на ту ее часть, которая представляла собой парад «сакральных фигур». В уста одного из персонажей, Хремета, он вкладывает монолог, в котором сравнивает героев панафинейской процессии с предметами домашнего обихода (730–743):

За двери выглянь, мельница-голубушка,
Изо всего именья выйди первая!
В муке, как кошеносица на празднике,
Не мало намолола для меня мешков.
Где ж дева со скамейкой? Сковородка, эй!
Черна ты, Зевс свидетель! Ты чернил черней,
Которыми Лисикрат красит волосы.
Сюда и ты подвинься, подметальщица!
Эй, выноси корчагу, водоносица!
И ты, игрунья на кифаре, стань сюда!
В часы дремучей ночи, на собрание
Меня не раз будил твой звон пронзительный.
И ты, с корытом, подойди. Медовых сот
Пусть принесут! Поставят ветвь масличную!
Треножники придвиньте! Дать кувшин сюда,
А черепки и рухлядь трогать нечего!

(Пер. А.И. Пиотровского)

[24] Гвоздева 2005: 49–56.

На первом месте в списке Аристофана названы **канефоры** – молодые девушки из аристократических семей, самым тщательным образом отбираемые магистратами для участия в панафинейском параде (*Thuc.* VI. 56. 1; *Aristot.* Ath. Pol. 18. 1; *Aristoph.* Lys. 668; *Aristoph.* Achar. 253; *Ael.* VH. II. 8). В процессии они играли роль юных помощниц Афины, связанных с мифом об Эрихтонии, который лег в основу панафинейского праздника[25]. Интересно, что именно Эрихтоний установил процессию в честь Афины и институт канефор (*Eratos.* Catast. 13). Канефоры несли на головах корзины или ценные предметы утвари со священными дарами и бескровными жертвами (*Thuc.* VI, 56, 1; *Aristot.* Ath. Pol. 18, 1; *Aristoph.* Lys. 668). Намек на муку у Аристофана объясняется тем, что в качестве бескровных жертв Афине канефоры могли нести лепешки (Eccl. 728). П. Брулэ добавляет, что все канефоры должны быть необыкновенно красивы и одеты в золотые одежды[26]. Когда Лисистрата в одноименной комедии Аристофана говорит о том, что девушка должна быть красивой, речь идет о канефоре (Lys. 646–647). Кроме службы канефор, которую выполняли знатные молодые афинянки, у Аристофана названы «медведицы» – девушки, посвященные Артемиде Бравронской (Lys. 644–645). Так же, как и канефоры, они должны перед свадьбой приносить жертву богине; они были одеты в шафрановые одежды, в которых проводили некоторое время в храме Артемиды. Они приносили богине бескровные жертвы – игрушки, пояса, гирлянды[27]. Их также тщательно выбирали из афинских знатных родов (Schol. Aristoph. Lys. 644). А. Брелих отметил, что на основе существования службы канефор и «медведиц» установилось понятие «блестящеобразованных афинянок»[28].

Следующие фигуры, упомянутые Аристофаном, – **дифрофоры** и **скиадефоры**, заслужившие от автора прозвища сковородки и метелки. В отличие от канефор, эти сакральные функции выполняли женщины-метеки. Они несли за юными аристократками-канефорами ритуальные скамейки и зонтики (скироны) (*Aristoph.* Av. 1508; 1550). Интересно отметить, что эти фигуры не были зафиксированы на панафинейском фризе Парфенона. Дифрофоры несли за канефорами скамейки (*Aristoph.* Av. 1559, schol.; *Aristoph.* Eccl. 734). Возможно, что эти сиденья были связаны с обрядом теоксении. Скиадефоры несли за канефорами зонты, имеющие сакральное значение (*Aristoph.* Av. 1508; 1550–1552). Л. Дойбнер считал, что дифрофоры и скиадефоры имели подчиненное положение при канефорах[29].

[25] Гвоздева 2005: 100–104.
[26] Brulé 1987: 292.
[27] Лисицына 1999: 63–65.
[28] Brelich 1969: 287.
[29] Deubner 1956: 49.

Обратим внимание на роль зонтов в панафинейской процессии. В литературных источниках наиболее раннее упоминание о зонтиках на Панафинеях встречаем у Аристофана. В «Птицах» Прометей пытается спрятаться под зонтиком, подобно девушке из панафинейского шествия (*Aristoph.* Av. 1549–1551). В этом ему помогает метек, сопровождающий в праздничном шествии канефору, для которой он должен нести скамейку. Схолиаст объясняет, что на Панафинеях дочери метеков несли зонты и скамейки за афинскими канефорами (Schol. Aristoph. Av. 1549–1551).

Скирон также использовался в ритуалах праздника Скирофории. М.С. Миллер считает, что скирон не являлся зонтом, как предполагал Л. Дойбнер, а был или балдахином, или навесом, который мог бы покрыть несколько человек и который бы несли несколько человек[30]. М.С. Миллер полагает, что на Панафинеях ношение зонта в процессии имело не сакральный, а бытовой характер. Он утверждал, что скиадефория была одной из литургий для метеков (*Ael.* VH. VI. 1). Панафинейская скиадефория имела гораздо более важное значение, чем простая демонстрация социального положения участников общественного мероприятия. В панафинейской процессии зонт и скамейка должны были подчеркнуть особое положение местного населения перед метеками, несущими за канефорами эти предметы.

Четвертый персонаж в списке Аристофана – **гидрофора** (см. выше). Следующим Аристофан называет кифариста. Речь, несомненно, идет о музыкантах, которые сопровождали шествие. Однако на фризе Парфенона, кроме кифаристов, изображена целая группа музыкантов (4 кифариста, 4 флейтиста) (n. 20–27; 102–104). Далее в списке Аристофана наблюдается интересный пассаж – Хремил упоминает корыто и немедленно требует принести медовых сот. В этой строфе речь идет о **скафефорах**. Список Аристофана завершается упоминанием ветви оливы в руках **таллофоров** – «красивых старцев» из знатных аристократических родов (ср.: *Xen.* Symp. IV, 17; Schol. Aristoph. Vesp. 544). Маслина, великий дар Афины городу, завершала основную часть панафинейской процессии. Институт таллофор также был установлен Эрихтонием (Schol. Aristoph. Vesp. 544).

Одно из ранних упоминаний о панафинейской процессии у Аристофана – в комедиях «Птицы» (414 г. до н. э.) и «Женщины в Народном Собрании» (392 г. до н. э.). Создание же фриза Парфенона относится приблизительно к 442–438 гг. до н. э.[31]. Это показывает, что комедии Аристофана скорее подтверждают данные фриза, а не наоборот. Интересно сравнить данные Аристофана и фриза:

[30] Miller 1992: 98; Deubner 1956: 49–50; Parke 1986: 157; Simon 1983: 22–24.
[31] Rotroff 1977: 379.

фриз	**Аристофан**
канефоры (?)	канефоры
животные	дифрофоры и скиадефоры
скафефоры	гидрофоры
гидрофоры	музыканты
музыканты	скафефоры
таллофоры (?)	таллофоры

Аристофан полностью исключает военный парад и мирное шествие граждан, которые, в свою очередь, занимают большую часть фриза. Однако и в сакральной части процессии он назвал далеко не всех персонажей. Нет никакого упоминания об аррефорах и эргастинах – афинских гражданках, в обязанности которых входила подготовка пеплоса, хотя его передача жрице Афины являлась центральной сценой панафинейского фриза. Та часть фриза, которая была посвящена сакральным фигурам, подводила зрителей к логичному завершению шествия – жертвоприношению Афине, и включала в себя как магистратов, отвечающих за его проведение, так и ряды жертвенных животных. Аристофан же в своей пародии не рискнул высмеять акт священнодействия главного праздника Афин. Исключив из своего списка персонажей, которые были непосредственно связаны с жертвоприношением и пеплосом, он ввел «маски», исполнявшие служебные функции (дифрофоры и скирофоры), и свел комизм ситуации на бытовой уровень.

Резюме

В статье рассматривается шествие, изображенное на ионическом фризе Парфенона, и описание этой же процессии в текстах Аристофана. Анализ визуального и терминологического материала позволяет установить, в каком порядке происходило Панафинейское шествие, как назывались отдельные группы его участников и в чем заключались их функции. Высказывается предположение, что на северной стороне изображено шествие в честь Афины Полиады, а на южной – процессия в честь Афины Парфенос. Выясняется, что Аристофан исключает из своего комического описания тех персонажей, которые наиболее тесно связаны с сакральной сутью праздника, видимо, во избежание обвинений в нечестии.

Ключевые слова: Панафинеи, Парфенон, Афины, Афина Полиада, Афина Парфенос, Аристофан

Panathenian procession depicted on the frieze of the Parthenon and in Aristophanes' comedies

T.B. Gvozdeva

The paper deals with Panathenian procession as depicted in the Ionic frieze of the Parthenon and in Aristophanes' comedies. Analysis of visual and textual material leads to conclusions about the course of the holiday, names of the groups of participants and their role in the procession. Author conjectures that the procession which is depicted on the northern freeze of the Parthenon is dedicated to Athene Polias, and the southern freeze shows the cortège in the honour of Athene Parthenos. Aristophanes evidently excludes from his playful description names of those participants who were involved in sacral procedures possibly avoiding the accusation of impiety.

Keywords: Panathenaic procession, Parthenon, Athens, Athene Polias, Athene Pallas, Aristophanes

Литература:

Блаватский В.Д. 1939: Греческая скульптура. М.

Виппер Б.Р. 1972: Искусство Древней Греции. М.

Гвоздева Т.Б. 2001: К истории конкурса мужской красоты в Древней Греции // ВИ. № 1. С. 146–150.

Гвоздева Т.Б. 2002: Состязание апобатов на Великих Панафинеях // ДВАМ. Вып. 5. С. 40–49.

Гвоздева Т.Б. 2005: Панафинейский праздник в произведениях греческих драматургов // Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Н. Новгород. С. 49–56.

Гвоздева Т.Б. 2005: Канефоры на Панафинеях: миф и история // В поисках древности: история древности и археология. М. С. 100–104.

Гвоздева Т.Б. 2007: Военные аспекты панафинейского праздника // АА. Вып. 2. С. 220–240.

Гвоздева Т.Б. 2010: Эрихтоний и Панафинеи // Из истории античного общества. Вып. 13. Н. Новгород. С. 61–80.

Колобова К.М. 1961: Древний город Афины и его памятники. Л.

Конькова Г. 1979: Фриз Парфенона // Художник. № 10. С. 334–345.

Лисицына Т.Г. 1999: Культ Артемиды в Бравроне // Древний Восток и Античный Мир. Вып. 2. С. 63–65.

Boardman J. 1985: The Parthenon and Its Sculptures. Austin: Univ. of Texas Press.

Brelich A. 1969: Paides e parthenoi. Roma.

Brulé P. 1987: La fille d'Athènes: La religion des filles à Athènes à l'époque classique. Paris. P. 292.

Deubner L. 1956: Attische Feste. Berlin.

Michaelis A.A. 1870: Der Parthenon. London.

Miller M.C. 1992: The parasol: an oriental status-symbol in late archaic and classical Athens // JHS. 112. P. 91–105.

Mommsen A. 1898: Feste der Stadt Athen, geordnet nach attischen Kalender. Leipzig.

Osborne R. 1987: The viewing and obscuring of the Parthenon frieze // JHS. 107. P. 98–105.

Parke H.W. 1986: Festivals of the Athenians. London.

Pfuhl E. 1900: De Atheniensium pompis sacris. Berlin.

Rotroff S.I. 1977: The Parthenon frieze and the sacrifice to Athena // AJA. 81. 3. P. 379–382.

Simon E. 1983: Festivals of Attica. An archaeological commentary. Madison.

Sparkes B.A. 1991: Greek Art. Oxford.

Thompson H.A. 1962: The Panathenaic Festival // JDAI. 76. P. 224–231.

Ziehen L. 1949: Panathenaia 1 // RE. 18. 2. 2.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 186–194

Рецензия на книгу: **Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 2 / Ed. by Gocha R. Tsetskhladze. Leiden – Boston: Brill, 2008 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193). XVIII, 566 стр., илл.**

Первый том издания, которое планируется опубликовать в трех книгах, был подробно отрецензирован нами в прошлом году в соавторстве с В.И. Козловской[1]. С тех пор вышел второй том, о содержании которого я и хотел бы, в меру своих сил, проинформировать читателя. Напомню, что речь идет об издании, которое стремится силами ведущих археологов и историков мира дать сводку последних достижений и проблем в таком сложном и важном разделе истории античности, как Великая греческая колонизация.

Если в первом томе рассматривались проблемы микенской и финикийской колонизации, а также греческой архаического периода, в масштабах почти всего Средиземноморья, то во втором томе в 7 разделах дается анализ колонизационного движения в Северной Эгеиде, на берегах Адриатического моря, в Ливии, на Кипре, а также рассматриваются проблемы в пределах самой Греции, связанные с началом колонизации, легенды об основании колоний и колонизация в классическую эпоху.

В кратком предисловии издатель и ответственный редактор этого монументального трехтомника Гоча Ревазович Цецхладзе, работающий сейчас в Мельбурнском университете, рассказывает историю возникновения труда, содержание следующего третьего тома, а также благодарит людей и институции, причастные к появлению второго тома.

Первый раздел, который написал греческий исследователь Михалис Тиверios, посвящен греческой колонизации Северной Эгеиды и занимает более полутора ста страниц[2]. Вначале автор рассматривает эвбейскую колонизацию Халкидики, которая в последние десятилетия благодаря интенсивным архео-

[1] *Козловская В.И., Подосинов А.В.* Рец. на кн.: Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. I. / Ed. by Gocha R.Tsetskhladze. Leiden – Boston: Brill, 2006 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193) // ВДИ. 3. 2010. С. 211–219.

[2] *Tiverios M.* Greek Colonisation of the Northern Aegean. P. 1–154.

логическим раскопкам отрылась во всей полноте. Так, автор публикует карту Северной Эгеиды с нанесенными на нее 126 населенными пунктами, которые были основаны греками, по преимуществу эвбейцами. Этот колонизационный процесс отражен также в письменных источниках, анализируемых автором. Тивериос приводит результаты многочисленных археологических раскопок последних лет, которые подтверждают ведущую роль Эвбеи в колонизации этого региона (особенно Халкидики) начиная с протогеометрического периода. Особенно подробно автор рассматривает процесс образования поселений в районе Халкидики, Термейского залива, Паллены, Ситонии, Афонского полуострова, реки Стримон, острова Фасос, окрестностей реки Нест, Самофракии и других местностей Северной Эгеиды. Наряду с эвбейской колонизацией автор отмечает также участие в ней и других ионийских, а также эолийских колонистов. В разделе отмечаются функции, политический статус и экономическое положение колоний. В обширной библиографии (а она занимает 25 страниц мелким шрифтом) значительную часть составляют работы греческих археологов, что представляется весьма полезным. Замечу, что некоторое неудобство читателю доставляет цитирование Тивериосом античных авторов с диакритикой, принятой в новогреческом языке (см. стр. 6, 9–10, 81, 84, 88, 90–92, 94, 106–107).

Второй раздел написан Пьером Кабаном, он посвящен греческой колонизации в Адриатике[3]. Автор рассматривает всю историю колонизации берегов Адриатики от мифологического знания о ней до завоевания римлянами. Мифологическая история Адриатики начинается с мифа о гипербореях, которые, по одной из древних версий, жили где-то около Альп, откуда через Адриатическое море их дары пересылались на Делос. На Адриатике локализовались различные события, связанные с Кадмом и Гармонией, аргонавтами, Гераклом и Одиссеем и другими мифологическими и легендарными персонажами. П. Кабан подробно обсуждает гипотезу об эвбейской колонизации во второй трети VIII в. до н. э., оспариваемой многими историками, а затем переходит к более известной коринфской колонизации, начавшейся в последней трети того же века с поселения Коркира; затем последовало основание коркирцами – при поддержке своей метрополии Коринфа – колоний Эпидамна-Диррахия и Аполлонии Иллирийской, история которых подробно описана в разделе. После рассмотрения греческой колонизации более северной части Адриатики (в ней участвовали фокейцы, греки из Книдоса, фессалийцы, сиракузяне и др.), автор переходит к анализу колонизации побережий Адриатики в IV в. до н. э., которую возглавляли сиракузяне. Это города Фарос, Нумана, Анкона и др. Закан-

[3] *Cabanes P.* Greek Colonisation in the Adriatic. P. 155–185.

чивается раздел колонизационным движением эпохи эллинизма при эпирском царе Пирре и экспансией в Адриатику римлян, начиная с 229 г. до н. э.

В третьем разделе, автором которого является Майкл Остин, рассматриваются проблемы греческого присутствия в Ливии[4]. Под Ливией понималась северо-восточная часть африканского побережья Средиземного моря, получившая позже название Киренаика. Будучи плодородной и хорошо орошаемой, Ливия издавна вызывала у греков интерес и желание освоить ее, тем более что местное население состояло, в основном, из кочевников. В центре внимания автора – основание Кирены в последней трети VII в. до н. э. Подчеркивается, что, несмотря на античную литературную традицию (наиболее полны и подробны данные Геродота), безоговорочно приписывающую жителям острова Феры роль основателей Кирены, также и другие греческие города (например, из Пелопоннеса и из других островов Эгеиды) принимали участие в освоении Ливии. Остин подробно рассматривает роль Аполлона в основании Кирены, а также мотивы, побудившие жителей Феры вывести колонию в Ливию. Помимо археологического описания Кирены, читатель найдет в этом разделе информацию и о других, менее значительных греческих колониях Ливии – Танхире, Барке и Эвесперидах, выведенных уже киренцами. Специальный раздел автор посвятил проблеме взаимоотношений греков с местными ливийцами (гилигамами, асбистами, авсхисами, бакалами и насамонами), которые сначала были мирными, однако позже, при Бате II и Аркесилае II, выливались иногда в военные конфликты. Уже Геродот рассказывает о взаимовлиянии греков и ливийцев, перенимавших обычаи друг друга; практиковались также смешанные браки; часть ливийцев стали позднее подданными Киренаики. При этом роль ливийцев в политической жизни греческих колоний была, по-видимому, минимальна. Во времена завоевания Камбизом Египта (525 г. до н. э.) персы неоднократно вмешивались во внутренние дела Кирены, и Ливия даже входила вместе с Египтом в 6-ю сатрапию при Дарии. При этом ливийские греки, по-видимому, не участвовали на стороне персов во вторжении в Грецию. К сожалению, Остин недостаточно внимания уделил политическому устройству Кирены, в которой демократический способ правления сосуществовал с династической монархией Баттиадов.

Четвертый раздел книги рассматривает проблемы миграции греков на Кипр и эллинизации местного населения (автор – Мария Йакову)[5]. На 90 страницах прослеживается история греческого присутствия на острове, начиная с XII в. до н. э., когда после распада крито-микенского владычества многие греки

[4] *Austin M.* The Greeks in Libya. P. 187–217.

[5] *Jacovou M.* Cyprus: From Migration to Hellenisation. P. 219–288.

поселились на Кипре и еще долго сохраняли наследие своей прародины (даже в письменности). Поскольку классическая схема колонизационного процесса, включающая отношения метрополии и ее колонии, не характерна для Кипра, да еще заселение произошло до возникновения классического полиса – обычно инициатора колонизации, автор во введении пытается в полемике с А. Грэмом, исключающим Кипр из истории греческой колонизации, обосновать правомочность исследования истории греков на Кипре в рамках колонизации. Йакову начинает свое исследование с самых ранних этапов истории Кипра – с неолита – и прослеживает жизнь киприотов от простых сельскохозяйственных поселений до урбанизации в конце III – начале II тысячелетия до н. э. (самый яркий пример урбанизации – Энкоми) и вовлечения в эгейскую торговлю и культуру в конце II тысячелетия. Процесс проникновения греков на территорию Кипра после падения крито-микенской цивилизации описывается автором на основе анализа археологических (особенно погребального обряда) и эпиграфических данных как процесс постепенного врастания новых пришельцев в жизнь аборигенов, адаптации местных особенностей греками и все возрастающей эллинизации местного населения. Параллельно Йакову рассматривает также феномен финикийской колонизации и ассирийского присутствия на острове, а также историю греческих царств здесь. Интересная метаморфоза происходит с местными богами, которые в процессе эллинизации отождествлялись с богами греческого пантеона (например, с Афродитой).

Большой пятый раздел, который написал Жан-Поль Декедр, посвящен Центральной Греции накануне Великой греческой колонизации[6]. Автор последовательно исследует терминологию, связанную с греческой колонизацией, в античности и в наше время, затем современную историографию, посвященную причинам греческой колонизации (торговля, ресурсы, недостаток земли, перенаселенность, политические конфликты или что-то другое). В связи с этим автор анализирует ситуацию в самой Греции в начале VIII в. до н. э. – географическое расположение, климат, флору и фауну, минеральные ресурсы (железо, медь, золото, серебро, свинец, цинк), отметив при этом, что только золото и цинк не добывались в самой Греции. Далее рассматривается ситуация в это время с населением Греции, которое вовсе нельзя назвать многочисленным (особенно по сравнению с классическим и эллинистическим периодами). Исследование экономики Греции перед колонизацией ясно показывает, что основу хозяйственной жизни составляло сельское хозяйство. Ремесла и торговля этого времени также тщательно описываются автором – в постоянном сравнении с предыдущей эпохой и последующими временами. После рассмотрения вопро-

[6] *Descoeudres J.-P.* Central Greece on the Eve of the Colonisation Movement. P. 289–382.

са о вновь обретенной письменности и социально-политической ситуации в Греции этого времени (на материале как гомеровских поэм, так и археологического изучения памятников) автор подводит итоги своего исследования. Он не видит причины колонизационного движения ни в нехватке металлов, ни в дефиците продуктов сельского хозяйства, ни в необходимости торговать, отрицая тем самым экономическую причину колонизации. Не кажутся ему серьезными и климатические причины, такие как засуха, которая иногда выдвигается как веское основание для основания колонии в другом, более благоприятном климатически, регионе. Часто указываемая причина колонизации – перенаселение – также отвергается автором, который не видит в VIII в. критического демографического взрыва, требующего отселения части граждан. Что же касается социально-политического аспекта проблемы, то, как известно, начало колонизационного движения совпадает с возникновением такого греческого феномена как полис, и здесь автор склонен связывать эти два явления. Граждане полиса, владеющие полисной территорией, имели все права на землю и политические права; их были лишены те, чье происхождение от граждан этого города не было доказано, и эти люди, часто из ведущих семей (например, дети от наложниц), должны были или остаться бесправными горожанами, или основать «свой» полис.

Джонатан М. Холл – автор следующего раздела, в котором рассматриваются проблемы, связанные с легендами об основании городов[7]. Время возникновения легенд, их источники (часто устные), их временна́я удаленность от описываемых событий (2–3 века), наконец, их достоверность составляют важную часть исследования любой части ойкумены, колонизованной греками. Каждый автор рецензируемого труда так или иначе сталкивается с этими проблемами и пытается их решить. Задачу рассмотреть эти вопросы как единую проблему взял на себя Холл. На материале легенд об основании колоний на Западе (на Сицилии и в Италии) он вычленяет три подхода к оценке достоверности такого рода легенд – «историко-позитивистский», который видит в легендах реальную историческую информацию, хотя и смешанную с легендарным элементом; «поэтистский», который, будучи в большой мере свойственным филологам, отказывается видеть в легендах отражение реальности и исследует их как литературный жанр без желания узнать из них, «как это было на самом деле», вычленяя в них повествовательные топосы и общие места или же показывая, как трансформировались в соответствии с актуальными политическими потребностями нюансы этих легенд. Третий подход, разделяя скептицизм «поэтистов», стремится видеть археологические свидетельства сами по себе,

[7] *Hall J.M.* Foundation Stories. P. 383–426.

без привязки их к литературным свидетельствам, которые могли искажать первоначальную картину основания колонии. Но, в отличие от «поэтистов», этот подход (Холл называет его «историко-конструктивистским») определяет легенды как некие структурные элементы, с помощью которых колония находит свое собственное прошлое в определенных политических, социальных и культурных условиях. Анализ 247 литературных свидетельств об основании 27 колоний на Сицилии и в Великой Греции составляет бóльшую часть раздела. Сначала автор исследует информацию в четырех аспектах: 1) дата основания колонии, 2) личность ойкиста, 3) происхождение первопоселенцев и 4) особенности основания. Цитируя мнение И. Малкина о том, что «большинство греческих колоний сохранило для потомства имена своих основателей, имена их метрополий и даты основания», Холл отмечает, что только в 17 из 27 случаев есть информация обо всех четырех пунктах, им выделяемых. Мне все же представляется, что этот подсчет нисколько не умаляет точку зрения Малкина (а также его предшественников Т. Дунбабина и М. Миллера), так как не следует считать полными те античные свидетельства, которые сохранились до наших дней. В несохранившихся вполне могла быть представлена более полная информация об основании колоний. Холл приходит далее к выводу, что легенды об основании колоний не являются построенным на одних и тех же топосах жанром, как утверждают «поэтисты». В то же время расхождения во многих деталях в различных версиях подрывают уверенность сторонников «историко-позитивистского» подхода в достоверности легенд. В следующей главке Холл рассматривает достоверность этой информации, а именно, как и где находили источники для своих рассказов Фукидид (оставивший наиболее полные сведения об основании городов на Западе) и его современники о событиях, происходивших задолго до них и не освещенных письменными источниками того времени. Автор показывает, как события, связанные с основанием колонии, оставшиеся в исторической памяти и отраженные в устной традиции, на протяжении веков могли забываться, восстанавливаться, получать различные варианты освещения, подменяться другими в угоду актуальным политическим интересам и т. д. Одним из объяснений длительного хранения в памяти даты основания, имени основателя и метрополии является предположение о праздноуемом ежегодно культе героизированного основателя города; автор относится к этому предположению скептически, считая данные о таком культе поздними, а археологические данные – недостаточными. По его мнению, почти все даты вычислялись уже в V в. до н. э. по числу поколений, живших после основания колонии (протяженность жизни одного поколения составляла у разных авторов от 23 до 36 лет). В последней главе Холл испытывает свои методы анализа литературных и археологических свидетельств в их взаимосвязи и противоречиях на конкретном случае – основании Таранта, о котором письменные источники

сообщают как о колонии спартанцев, а археология показывает более позднее проникновение сюда лаконцев. Подводя итоги, Холл отмечает отсутствие в трех подходах к оценке достоверности легенд об основании колоний непреодолимых противоречий, они дополняют друг друга и используют результаты иных подходов. Чтобы признать литературную традицию достоверной, следует иметь в виду механизм передачи информации в течение столетий; легенды об основании колоний могут служить источником информации о ранней жизни колонии, но, возможно, не о ее началах.

Последний, седьмой, раздел посвящен проблемам греческой колонизации классического периода (в основном, афинской). Его автор – Томас Фигуэйра[8]. Он видит процесс колонизации и ее причины несколько иначе, чем это принято в большинстве исследований. Для него колонизация – это непрерывный процесс размножения полисной организации, которая сама в себе содержит для этого все условия. Повысить свой социальный статус, стать аристократической элитой вне родного полиса, получить политические привилегии и ресурсы – это живая потребность того социального строя, который называется полисом. В свете этой концепции автор рассматривает сначала афинскую колонизацию периода архаики, которую он называет «патрональной», поскольку инициатива ее исходила, как правило, от индивидуума или семьи. Имело место также инкорпорирование соседних территорий, как, например, Элевсина, Саламина или марафонского Тетраполиса. Следующая главка раздела посвящена колонизации в Афинах периода ее гегемонии. Речь идет о двух видах колонизационного процесса этой эпохи – апойкиях (Скирос, Эйон, Гистиея, Брея, Эгина, Потидея и Мелос) и клерухиях, практиковавшихся, в частности, на Лесбосе и других островах Эгеиды. Разница между колонистами и клерухами состояла в том, что, во-первых, только колонисты в апойкиях (их называли еще эпойками) были организованы в самоуправляющиеся сообщества, во-вторых, клерухи не должны были нести военную службу, как колонисты, создававшие военные контингенты, и их клеры не могли передаваться по наследству. Далее Фигуэйра рассматривает проблему избрания граждан для участия в основании колонии, а именно, какие слои афинского полиса имели на это право, какие нет, кто руководил этим избранием и затем организацией нового поселения и какие права имели поселенцы. Автор, вопреки расхожему мнению, что клерухи сохраняли свое гражданство, а колонисты теряли, утверждает, что все колонисты сохраняли принадлежность к афинскому полису. Они должны были платить налоги и нести военную службу в пользу афинского полиса. Рассуждая о природе колонизационного движения Афин, Фигуэйра называет его «имперской

[8] *Figueira Th.* Colonisation in the Classical Period. P. 427–523.

аттической колонизацией», связанной, как правило, с наказанием за политическое неповиновение того или иного города, с подавлением или изгнанием или лишением прав местного населения (иногда с уничтожением мужского населения и обращением в рабство женщин и детей). Подводя итоги анализа колонизации V в. до н. э., автор подчеркивает, что в результате колонизации Афины расширили свою территорию, создали дополнительные военные контингенты, сражающиеся на их стороне, добились увеличения объема податей и товаров, особенно сельскохозяйственного характера, обезопасили некоторые морские торговые пути. Следующая часть раздела посвящена афинской колонизации IV века. В это время, после потери части своих колоний в результате Пелопоннесской войны, Афины активно занялись восстановлением своей власти над этими территориями (Фигуэйра называет это «реваншизмом»). Эгина, Лемнос, Имброс и Скирос были возвращены под юрисдикцию Афин. Исчезает различие между клерухией и колонией, первая исчезает, уступая место обычным, централизованно организованным сообществам. Аттическая колонизация в IV в. чаще выступала как реколонизация – осваивались территории, уже заселенные другими греческими городами или возвращаемые обратно. Существовали также планы колонизации побережья Малой Азии, южного и восточного берега Черного моря и других регионов. Автор уделяет внимание колонизационным процессам и других греческих городов – Локр, Коринфа, Аргоса, Спарты. Далее рассматривается колонизация классической эпохи в Северной Эгеиде и Фракии (при Филиппе II), в Черном море (автор дает его краткий «перипл», пропустив почему-то Ольвию), на Сицилии и в Италии (архаическая колонизация этого района была рассмотрена в I томе издания). Во всех этих регионах автор отмечает сходные черты колонизационного процесса – это, в основном, реколонизация, а также решение политических, демографических и территориальных проблем. Так, например, разрушив Катану и переселив ее жителей в Леонтины, Гиерон Сиракузский в 476 г. до н. э. на этом месте основал город Этну, куда поселил 10000 дорийских колонистов, 5000 сиракузян и 5000 греков из Пелопоннеса. Городом управлял родственник Гиерона Кромий до совершеннолетия сына Гиерона Дейномена. Это событие сопровождалось широкой идеологической кампанией, где пропагандистами выступали такие известные люди, как Пиндар и Эсхил. Сицилийский тиран Дионисий I вел успешную колонизационную деятельность также в Южной Италии и Адриатике.

Таково содержание II тома издания по истории греческой колонизации.

В этом томе находится указатель имен собственных; здесь же для удобства читателя дается репринт такого указателя из первого тома.

В заключение отметим, что второй том издания, как и первый, представляет собой большой вклад в изучение проблем Великой греческой колонизации и тем самым истории Древней Греции в целом. Оценка, данная нами первому

тому, вполне приложима и ко второму: «Историк получает в свое распоряжение серьезное, многоаспектное изложение современного состояния проблемы, которое создано ведущими специалистами в этой сфере знания и охватывает богатый археологический материал, в том числе и такой, который впервые вводится в научный оборот, но уже известен авторам, как его первооткрывателям. Археологические данные рассматриваются в тесной связи со свидетельствами из нарративных источников, при этом не только греческих, но и местных. Том сопровожден обстоятельным научно-техническим и справочным материалом – системой сносок, таблицами, диаграммами, схемами, фотографиями и т. д., и в этом видятся дополнительные возможности для продолжения исследовательской работы по изучению греческой деятельности в Средиземноморье».

Будем с нетерпением ждать выхода в свет третьего тома, в котором, в частности, будет изложена история греческой колонизации берегов Черного моря.

А.В. Подосинов

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 195–212

Рецензия на книгу: **Проблемы античной демократии / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2010 (ПРОВΛНМАТА: Вопросы античной истории и культуры. Вып. 1)**

Санкт-Петербургский центр антиковедения, один из самых крупных и известных в стране, приступил к изданию новой серии научных трудов «ПРОВΛНМАТА», в книгах которой предполагается «рассмотрение наиболее характерных для древнего мира культурных явлений в тесной связи с историей самого античного общества», как отмечает в предисловии к рецензируемой работе (с. 9) ее ответственный редактор Э.Д. Фролов – многолетний руководитель школы историков античности в городе на Неве. Подобное начинание, разумеется, следует только приветствовать.

Открывает серию подготовленная группой авторов весьма объемная (508 страниц) книга, посвященная, как видно уже из названия, античной демократии. Тема выбрана в высшей степени актуальная и нужная, особенно для отечественной историографии. Ведь если на Западе (особенно в англоязычной науке) изучение этой проблематики в последние десятилетия переживает настоящий «бум»[1], которому конца-края не видно, то в российском антиковедении ситуация принципиально иная и, прямо скажем, близкая к плачевной. Справедливо говорит Э.Д. Фролов о «все еще недостаточной изученности темы античной демократии в новейшей отечественной литературе, в частности, как это ни парадоксально, советского и пост-советского периодов» (с. 7).

При этом, отметим, наиболее болезненный дефицит ощущается у нас именно в общих описаниях феномена античной демократии. Положение не

[1] Представляется совершенно невозможным сколько-нибудь исчерпывающим образом перечислить исследования об античной (особенно афинской) демократии, выходившие за последнее время на Западе (даже если ограничиться только монографиями, индивидуальными и коллективными, и не принимать в расчет статьи). Укажем – скорее в иллюстративных целях – лишь несколько наиболее важных работ, опубликованных совсем недавно, уже в 2000-х гг.: Hesk 2000; Wohl 2002; Rhodes 2003; Thorley 2004; Robinson (ed.) 2004; Forsdyke 2005; Ste. Croix 2005; Saxonhouse 2005; Barringer, Hurwit (ed.) 2005; Harris 2006; Samons (ed.) 2007; Raaflaub, Ober, Wallace 2007; Moreno 2007; Liddel 2007; Ober 2008; Lape 2010; Evans 2010.

улучшают в полной мере ни переиздание старой, еще дореволюционной, монографии В.П. Бузескула[2], ни перевод на русский язык работы Дж. Дэвиса[3], ни наша недавняя книга[4] (поскольку она является в большей мере популярной, нежели собственно исследовательской, хотя мы в ней высказываем и ряд своих оригинальных идей), ни работы (подчас весьма серьезные и интересные), в которых предметом анализа становятся те или иные конкретные аспекты истории и функционирования демократий в античности[5]. Думается, всё сказанное объясняет, почему рецензируемое здесь издание вызывает самое пристальное к себе внимание.

Историю создания книги Э.Д. Фролов в предисловии обрисовывает так (с. 9, курсив наш. – *И.С.*): «Результаты исследований, проводимых по этой теме на петербургской кафедре античной истории, частично уже публиковались в виде отдельных статей как в "Вестнике СПбГУ" в рамках особого раздела "Проблемы античной демократии", так и в других изданиях. Теперь *собрание этих статей*, с необходимыми дополнениями, предлагается к изданию в виде большой *коллективной монографии*...».

Представляется необходимым сделать некоторые разъяснения, поскольку автор этих строк – последовательный сторонник максимальной четкости формулировок, а в последнее время, к сожалению, часто имеет место терминологическая неточность применительно к жанру коллективной монографии, само это понятие становится расплывчатым до nec plus ultra, смешивается с понятием тематического сборника статей. Отметим, что этот нежелательный процесс наблюдается отнюдь не только в отечественной научной литературе, но и в западной. Так, совсем недавно нам довелось писать рецензию[6] на книгу о Солоне, которая тоже позиционируется ответственными редакторами как коллективная монография, в то время как в действительности являет собой всего лишь сборник, опубликованный по итогам конференции.

Поскольку, кажется, в случае с рассматриваемой ныне книгой дело обстоит в чем-то схожим образом, считаем не лишним подчеркнуть определенные принципиальные нюансы (пусть кому-то и покажется, что мы говорим банальности, «азы»). Тематический сборник отличается от обычного (например, от какого-нибудь кафедрального ежегодника или Festschrift'а), понятное дело, тем, что он посвящен некой единой тематике. Что же касается коллективной

[2] Бузескул 2003.
[3] Дэвис 2004.
[4] Суриков 2008а.
[5] Например: Маринович 2001; 2007; Туманс 2002; Карпюк 2003; Строгецкий 2008; Кудрявцева 2008; Суриков 2008б; 2009.
[6] Суриков 2010.

монографии, то она должна обладать, помимо тематического единства, также единством замысла, а также хотя бы минимальным концептуальным единством. Кроме того, предполагается, что она освещает исследуемый предмет в его целостности и полноте, без существенных пробелов. Иными словами, к коллективной монографии предъявляются ровно те же требования, что и к индивидуальной, – не считая того (не слишком значительного) обстоятельства, что она написана не одним человеком, а несколькими.

Коллективная монография обычно готовится так. Руководитель авторского коллектива совместно с другими его участниками вначале разрабатывает концептуальные и структурные основы исследования; затем каждому из авторов дается для изучения тот или иной сюжет в рамках общей намеченной тематики работы, и автор пишет по данному сюжету главу, представляющую собой некий *новый* текст (а не пытается предложить коллегам какую-то свою старую, ранее публиковавшуюся статью – в неизменном или несколько модифицированном виде).

Еще раз просим прощения у читателей за то, что пришлось остановиться на вещах вроде бы очевидных. Но, как выясняется, не столь уж они и очевидны. Ведь, как легко было заметить (см. выше) в самом предисловии к рецензируемой книге оговаривается, что эта «коллективная монография» в основе своей является «собранием статей» (то есть, если прибегнуть к более употребительному выражению, сборником статей), причем уже издававшихся прежде (справедливости ради подчеркнем, что последнее относится не ко всем работам, вошедшим в книгу). Так все-таки монография или сборник? Налицо некое внутреннее противоречие.

Для его разрешения применим обозначенные выше критерии. О единстве замысла говорить не приходится, ибо явным образом многие вошедшие в книгу тексты написаны раньше, чем возник сам замысел этой книги. Концептуальное единство если и проявляется, то разве только в признании всеми авторами некоторых самых элементарных вещей (например, самого факта существования демократии в античности), в остальном же у исследователей достаточно разнообразные подходы и точки зрения. Целостности и полноты охвата темы не наблюдается, пробелы налицо (это мы увидим далее, при анализе конкретных сюжетов, освещенных в издании). Итак, перед нами – тематический сборник статей, что, разумеется, ни в коей мере не умаляет достоинств и значимости рецензируемой работы.

Хотелось бы, впрочем, прежде, чем переходить к конкретике, сказать еще вот о чем. Когда переиздаются ранее публиковавшиеся работы, более чем естественно ожидать, что теперь они появятся в неком обновленном варианте, то есть прежде всего будет учтена новая литература, вышедшая со времени первых

изданий данных работ[7]. Жаль, что в рецензируемой книге в ряде случаев это не было сделано (примеры увидим ниже). Публикация без каких-либо изменений исследований, созданных подчас 15–20 лет назад, может обозначать – одно из двух – либо нежелание работать на самом современном уровне (но не обрекает ли это написанное на довольно быстрое устаревание?), либо уверенность в том, что последнее (и тем самым единственно верное) слово по изучаемому сюжету уже сказано и потому незачем отслеживать дальнейший ход обсуждения проблемы. Мы не уверены, что это самая конструктивная позиция.

Книга состоит из восьми частей, и, конечно, далеко не все из них будут разбираться с одинаковой степенью детальности. Нас заинтересовало в наибольшей степени то, что ближе соотносится с кругом наших занятий, – а это полисная, доэллинистическая Греция, – и, очевидно, на соответствующих разделах сборника придется остановиться особенно подробно.

Первая часть «Становление полисного строя и демократических порядков в Греции в архаический и раннеклассический периоды» открывается статьей Э.Д. Фролова «Архаическая революция в античной Греции (принципиальный обзор инноваций и перемен в социально-политической и культурной жизни древней Греции в VIII–VI вв. до н. э.» (с. 11–24). Она – по самому своему положению – обречена на то, чтобы служить введением ко всей книге; однако в действительности ее назначение не вполне понятно. Дело даже не в том, что в качестве введения к книге, озаглавленной «Проблемы античной демократии» хотелось бы видеть текст, имеющий более прямое отношение именно к этой проблеме, то есть такой, в котором освещались бы, например, генезис демократии в античности, ее определение, основополагающие черты и т. п. В конце концов, прерогатива главы авторского коллектива – решать, что именно будет сказано в начале, и мы не смеем тут что-либо оспаривать.

Сложность, однако, в другом. То, что мы здесь читаем, значительно больше похоже не на исследовательскую статью, а скорее на главу для учебника. Перед нами – краткий, предельно общий очерк процессов, происходивших в греческом мире архаической эпохи, по сути дела, некая «выжимка» из известной книги Э.Д. Фролова[8].

Архаическая Греция ныне является предметом повышенного интереса антиковедов, объем наших знаний о ней практически ежегодно возрастает, эпоха

[7] Разумеется, ничего подобного никто не ждет от издания так называемых kleine Schriften, когда суть как раз в том, чтобы довести до читателя в неизменном виде давние статьи авторитетного ученого, ранее разрозненные и часто труднодоступные. Но сейчас речь идет о совершенно ином жанре. Мы рассматриваем коллективный труд, в котором не может не ставиться задача исследовать проблему, исходя из ее *современного* состояния.

[8] Фролов 1988.

начинает, так сказать, играть всё более и более яркими красками[9]. В связи с этим хотелось бы сказать следующее. Рассматриваемая работа Э.Д. Фролова, как указано в примечании (с. 11), впервые была опубликована в 2008 г. – совсем недавно. Именно поэтому выглядит несколько необычным, что автором не учитываются зарубежные работы по этой тематике не только 2000-х гг.[10], но также 1990-х и даже (за редкими исключениями[11]) 1980-х гг.

Создается впечатление, что статья была написана довольно давно. Она вполне адекватно отражает представления об архаической Греции, существовавшие, скажем, в 1970-х гг., до «момента прорыва». С тех пор по всем без исключения вопросам, рассматриваемым Э.Д. Фроловым (формирование греческого города и полиса, развитие архаической экономики, введение монеты, складывание гоплитской фаланги, Великая колонизация, раннее законодательство, старшая тирания, появление алфавитной письменности, становление оппозиции «эллины – варвары» и др.), появилось громадное количество новой литературы, указать которую даже в виде самой скромной и сжатой выборки нет никакой возможности – иначе список литературы к рецензии в несколько раз превзойдет по размеру саму эту рецензию.

В результате пришло понимание того, что в каждой сфере жизни архаической Эллады имевшие место процессы были более сложными и неоднозначными, чем казалось еще несколько десятилетий назад. Мы, конечно, понимаем, что отсутствие упоминаний обо всём этом – не недосмотр, а сознательная, принципиальная позиция исследователя, вытекающая из неприятия им «новейшего скептического направления»[12]. Во многом его пафос нам понятен – особенно там, где Э.Д. Фролов критикует гиперкритицизм. В то же время не можем не отметить, что, во-первых, не может быть такого, чтобы вся новая

[9] О чем нам уже приходилось писать: Суриков 2007: 40 слл.

[10] В том числе капитальные коллективные труды: Deger-Jalkotzy, Lemos (ed.) 2006; Shapiro (ed.) 2007; Raaflaub, Wees (ed.) 2009.

[11] К счастью, в число этих упомянутых исключений все-таки попала эпохальная, «взорвавшая» мировое научное сообщество и направившая изучение греческой архаики во многом на новые пути монография Энтони Снодграсса «Архаическая Греция: век эксперимента» (Snodgrass 1980). Впрочем, у Э.Д. Фролова она фигурирует, насколько можно судить, как некая рядовая, «проходная» работа. На этом фоне уже не столь удивительно, что в статье не упоминаются также весьма важные работы: Murray 1993; Osborne 1996. Да и сам Снодграсс недавно выпустил новую книгу по той же проблематике: Snodgrass 2006.

[12] Выражение, насколько знаем, введено именно Э.Д. Фроловым (см., например: Фролов 1988: 18 слл. – применительно к работам Г. Берве, А. Хейса, М. Финли, Ч. Старра) и широко употребляется учеными его школы (см., в частности: Строгецкий 2010: 92), причем по адресу тех же самых перечисленных авторов, хотя теперь уж их труды вряд ли можно назвать «новейшими», скорее это вчерашний и позавчерашний день развития антиковедения.

литература содержала не «зерна», а исключительно одни лишь «плевелы», во-вторых же, с положениями, вызывающими несогласие, лучше полемизировать, а не умалчивать о них.

Как бы то ни было, ключевые выводы разбираемой статьи представляются совершенно бесспорными: «...Мы имеем все основания подчеркнуть решающую роль архаического периода (VIII–VI вв. до н. э.), а более всего радикального сдвига, свершившегося в это время, который получил название архаической революции... Будет вполне справедливо вслед за немецким историком А. Хейсом определить время греческой архаики как особую историческую эпоху, ключевую в становлении античной классической цивилизации» (с. 24).

Следующая статья сборника, «Ранняя тирания и становление демократии в древней Греции» (с. 25–50), написана С.М. Жестокановым, который известен в первую очередь как специалист по истории архаического Коринфа (в последнем, заметим кстати, тирания – одна из известнейших в греческом мире – отнюдь не повела к последующему установлению демократического правления). Но данная его работа написана не только на коринфских данных, но и с привлечением источникового материала, относящегося к целому ряду различных полисов. Автором, к сожалению, тоже не упоминаются зарубежные исследования 1990-х – 2000-х гг. А среди них (даже если оставить в стороне обобщающий труд Л. де Либеро[13], который при изучении событийной стороны вопроса должен теперь использоваться преимущественно по сравнению с соответствующей частью книги Г. Берве) есть столь важные работы, имеющие прямое отношение к тематике статьи С.М. Жестоканова, как интереснейшая концептуальная монография Дж. Макглю[14], коллективный труд «Народная тирания»[15], применительно к Афинам – новая книга Б. Лэйвелла, давно уже занимающегося историей Писистратидов[16], и др.

Автор приходит к следующим выводам: «...Несмотря на переходный характер и относительную краткость существования, тирания сыграла значительную роль в истории греческого общества, способствуя его дальнейшей демократизации... Таким образом можно сказать, что тирания как бы расчистила путь для последующей демократизации греческого общества, что без нее этот процесс был бы, по-видимому, более длительным и сложным» (с. 49–50). Всё здесь сказанное вполне верно – разве что, может быть, необходима оговорка, смягчающая категоричность тезиса: из всякого правила есть свои исключения (так, выше упоминалось об ином характере развития событий в Коринфе). Во

[13] Libero 1996.
[14] McGlew 1996.
[15] Morgan (ed.) 2003.
[16] Lavelle 2005.

всяком случае, позиция С.М. Жестоканова импонирует тем, что в ней нет акцентированной «демонизации» архаической тирании, столь часто встречающейся как в зарубежном, так и в отечественном антиковедении.

Л.А. Пальцева поместила в рецензируемом сборнике большую статью «Раннегреческое законодательство и формирование полисного строя» (с. 51–94). Работа основывается на предыдущих, довольно многочисленных исследованиях автора, опубликованных в последние годы.

В этой статье первой части книги, в отличие от предыдущих, присутствует некоторое количество ссылок на новую зарубежную литературу. Нам, однако, осталось непонятным, почему Л.А. Пальцева игнорирует исследования К.-Й. Хёлькескампа[17], который в настоящее время является, без преувеличения, крупнейшим в мире специалистом по архаическому законодательству в Элладе, а кроме того, выдвигает в своих работах ряд глубоко оригинальных идей, заставляющих во многом по-иному, чем прежде, посмотреть на феномен, о котором идет речь.

Мы в свое время указали исследовательнице на это упущение[18] и в целом высказали ряд полемических суждений по поводу той трактовки законодательства Драконта, которой она придерживается. Как нам известно, Л.А. Пальцева ознакомилась с нашей указанной статьей, однако в новой своей работе предпочла оставить свою точку зрения без каких-либо изменений. Конечно, значительно легче «не заметить» возражения, выдвинутые коллегой, чем попытаться как-то на них отреагировать (например, привести контраргументы).

Впрочем, отметим, что рассматриваемая статья написана с достаточно взвешенных позиций. В ней, к счастью, не высказывается в явной форме популярный некогда тезис, согласно которому главной и чуть ли не единственной причиной раннегреческого законодательства стала борьба демоса против аристократии за демократизацию полисов (в VII – начале VI в. до н. э. о демократии никто и ведать не ведал, до появления самого это слова было еще очень и очень далеко, а демос – в значении простого народа[19] – не представлял собой некой единой силы, имеющей осознанные общие цели и за них борющейся).

Формулировка Л.А. Пальцевой осторожнее и корректнее: «Не будет преувеличением сказать, что кодификация права создала необходимый фундамент для формирования в будущем основ античной демократии». (с. 63). С подобной формулировкой, пожалуй, можно было бы и солидаризироваться, если бы не то «но», что она тоже не имеет общеобязательной силы. Как известно, родиной самых древних эллинских законов был Крит; там и в дальнейшем

[17] Прежде всего монографию: Hölkeskamp 1999. Ср. также: Hölkeskamp 2005.
[18] Суриков 2008в: 24 (статья написана в связи с: Пальцева 2006).
[19] Полезнейшую сводку значений термина «демос» см. в работе: Hansen 2010.

правотворчество развивалось особенно бурными темпами; не случайно самый крупный юридический памятник эллинского мира – «Гортинская правда» – происходит именно с этого острова. Если следовать логике, подразумеваемой тезисом Л.А. Пальцевой, можно было бы ожидать, что критские полисы со временем стали «светочами демократии». В реальности же, напротив, они всегда в античной традиции фигурируют в качестве ярких образцов аристократического устройства. Далее, Залевк, который «является самым ранним историческим греческим законодателем, чья датировка заслуживает доверия»[20], жил и действовал в Локрах Эпизефирских. И опять же, Локры впоследствии являлись полисом менее всего демократическим. Можно было бы привести и другие примеры. Таким образом, кодификация права в архаическую эпоху отнюдь не всегда становилась предпосылкой движения именно в сторону демократии.

Вторая часть рецензируемого сборника называется «Расцвет афинской демократии». В ней на первом месте закономерно находится статья Э.Д. Фролова «Афинская демократия (к оценке исторического феномена)» (с. 95–106). Это очень известная работа (впервые опубликована в 1993 г.), выдержавшая проверку временем и относящаяся к числу классических в отечественной историографии. А поскольку далеко не всем она доступна в первоиздании, решение поместить ее в данную книгу выглядит совершенно правильным.

Автор подчеркивает: «...формирование и утверждение в Афинах в классический период демократического строя есть бесспорный исторический факт» (с. 98). Такого рода констатация не выглядит излишней в свете тех высказываний, которые подчас можно встретить в современной исследовательской литературе. Один из самых недавних примеров: Т.В. Кудрявцева вообще отказывает античной полисной демократии, в том числе и афинской, в праве называться демократией[21]. Согласиться с этим хоть в малейшей мере нет решительно никакой возможности.

Справедливо отмечает Э.Д. Фролов и такой нюанс, как некоторая «форсированность» афинской демократии, ее обусловленность в значительной мере внешними факторами (Греко-персидские войны, формирование Афинской архэ), а не только логикой внутреннего развития системы. Это придавало демократии, по мнению ученого, в известной степени искусственный, противоречивый характер. Мы солидарны с этим важным положением, но хотели бы всё же сделать к нему две оговорки.

Во-первых, сказанное в большей мере можно отнести к V в. до н. э., а в следующем столетии афинская демократия, продолжая развиваться (см. ниже),

[20] Грэхэм 2007: 228.

[21] Кудрявцева 2008: 425 слл. Нашу критику см.: Суриков 2008г: 8.

опиралась уже большей частью на внутренние ресурсы. Во-вторых, в оба века своего существования эта политическая система отличалась редкостной стабильностью. Заслуживает всяческого внимания тот факт, что на длительных хронологических отрезках 508–411 и 403–322 гг. до н. э. в Афинах вообще (!) не зафиксировано попыток насильственного изменения существующего демократического строя, не было стасиса. На фоне остальных эллинских полисов, буквально разъедаемых внутренними смутами, это просто-таки какая-то чудокартина. Да и в тех редких случаях, когда перевороты свершались (411, 404, 322 гг. до н. э.), они в основном обусловливались перипетиями внешнеполитической обстановки[22], а в условиях спокойных межполисных отношений афинская демократия не проявляла внутренней непрочности.

Следующая статья сборника, «Перикл и его окружение» (с. 107–118), также принадлежит перу Э.Д. Фролова и посвящена преимущественно знаменитому «кружку Перикла». При определении состава этого объединения интеллектуалов автор стоит на «расширительных» позициях, включая в его ряды едва ли не всех крупных деятелей культуры рассматриваемой эпохи, имевших какое-либо отношение к Афинам. В принципе, эта точка зрения достаточно популярна и поныне, хотя в последние десятилетия она всё чаще подвергается критике[23], причем, насколько можно судить, небезосновательной.

Несколько примеров. Э.Д. Фролов называет учителями Перикла философов Зенона Элейского и Анаксагора. Относительно последнего никаких вопросов не возникает: все знают, что он многие годы жил в «городе Паллады». Ситуация с Зеноном – совсем иная: известно только об одном его визите в Афины, который к тому же имел место около 450 г. до н. э.[24], когда Перикл, зрелый сорокапятилетний муж, давно вышел из периода ученичества. Постулировать отношения учителя и ученика, да и принадлежность к одному кружку для лиц, видевших друг друга единожды в жизни, – это явное преувеличение, либо тогда уж само понятие «кружка» становится настолько расплывчатым, что утрачивает эвристическую ценность.

Далее, нам неоднократно приходилось писать[25], что Софокл, которого Э.Д. Фролов также помещает в окружение Перикла, никоим образом к оному не принадлежал. А совсем недавно[26] мы показали то же самое и применительно к Геродоту, который, вопреки распространенному мнению, был близок не к Периклу и Алкмеонидам, а к их противникам Филаидам.

---

[22] Ср.: Lehmann 1997.
[23] Например: Stadter 1991; Will 1995: 59 ff.; 2003: 309 ff.
[24] Nails 2002: 305.
[25] Например: Суриков 2008б: 230 слл.
[26] Суриков 2011.

Что же касается характеристики положения Перикла в Афинах, которое Э.Д. Фролов определяет как «квази-монархическую власть», – данный тезис, хоть он и восходит к такому авторитетному источнику, как Фукидид, представляется не вполне отражающим действительность. Чего на самом деле стоила эта мнимая «тирания» Перикла – прекрасно видно из того факта, что, как только демос захотел отстранить от власти своего многолетнего лидера и подвергнуть его опале, это было сделано без малейшего усилия. Перикл держал рычаги управления полисом в своих руках лишь до тех пор, пока (и постольку, поскольку) этого хотели афинские граждане, и у него не было решительно никаких механизмов, которые позволяли бы удержаться у власти вопреки воле народа.

В статье Е.В. Никитюк «Критики афинской демократии в конце V в. до н. э. (Псевдо-Ксенофонт, Фукидид, Аристофан)» (с. 119–158) анализируются политические взгляды авторов, перечисленных в подзаголовке. Псевдо-Ксенофонта автор, солидаризируясь здесь с традиционной точкой зрения, считает противником демократии и полемизирует с утверждением Х. Туманса, согласно которому этот политический публицист был на деле «демократом аристократического или, если угодно, олигархического происхождения»[27]. Мы согласны, что процитированная формулировка неудачна. Но, с другой стороны, Х. Туманс (да и не он один), в общем-то, справедливо подчеркивает, что псевдонимная «Афинская полития» – текст сложной, диалогической структуры, в котором встречаются как антидемократические, так и продемократические высказывания.

Что же касается Фукидида, Е.В. Никитюк считает, что при Перикле он был сторонником афинской демократии, но потом, в ходе Пелопоннесской войны, изменил позицию и стал относиться к ней более критично. Строго говоря, мы не можем в точности знать, что́ думал Фукидид при Перикле, поскольку дошедшая до нас его «История» относится к более позднему времени. Того же Перикла он восхваляет явно «задним числом», причем восхваляет главным образом за то, что тот умел держать демос «в узде»[28]; а оптимальным государственным устройством для историка выступает умеренная демократия Пяти тысяч, установившаяся в 411 г. до н. э. Одним словом, нет серьезных оснований считать Фукидида идеологом демократии, вопреки мнению, отстаиваемому, скажем, в такой влиятельной книге, как «Происхождение демократического мышления» С. Фаррар[29].

Наконец, вопрос о политическом мировоззрении Аристофана наиболее сложен по вполне понятной причине (жанровая специфика его сочинений). С

[27] Туманс 2004: 27.
[28] Вопрос наиболее подробно разобран в: Will 2003.
[29] Farrar 1989: 126 ff.

точки зрения Е.В. Никитюк, великий комедиограф – критик, но не противник афинской демократии: «он хотел ее исправить и вернуть времена былого расцвета афинского государства времен Фемистокла и Перикла» (с. 158). Скорее уж времен Мильтиада и Кимона – поправили бы мы. Иными словами, если уж Аристофану и мила какая-нибудь демократия, то это весьма умеренная «гоплитская демократия». Удивляться не приходится, если помнить о том, что главный положительный герой аристофановских пьес – крестьянин.

Статья О.В. Кулишовой «Античный театр и афинская драматургия, их место в жизни демократического полиса» (с. 159–186) посвящена тематике, которая исключительно популярна в современном западном антиковедении. В частности, идет дискуссия о том, был ли афинский театр классической эпохи феноменом, тесно и однозначно связанным с демократией[30]. О.В. Кулишова стремится занять взвешенную позицию по этому вопросу: в театральных зрелищах наличествовали наряду с демократическими элементами также аристократические, унаследованные от более ранней эпохи. «Как представляется, в Афинах середины V в. до н. э., в эпоху расцвета демократии, традиционные драматические жанры и формы организации драматических представлений, находящиеся в фокусе универсальной полисной жизни, с удивительной энергией и творчеством были приспособлены к демократическому варианту полисного устройства» (с. 185–186). Мы бы со своей стороны, пожалуй, только добавили, что сам массовый характер театра как рода искусства уже делал его имманентно демократичным по сравнению, например, с эпосом и архаической лирикой, которые были связаны преимущественно с элитарными симпосиями.

Третья часть сборника, «Спартанская полития», включает в себя только одну статью – «Элементы демократии в политической структуре Спарты» Л.Г. Печатновой (с. 187–208). Но эту работу мы бы специально отметили как одну из самых сильных в рецензируемой книге. Аргументированно, на основе прекрасного знания материала исследовательница, уже много лет занимающаяся историей спартанского полиса, демонстрирует: во-первых, Спарта может и должна быть рассматриваема в контексте истории античной демократии. Во-вторых – этот вывод представляется особенно принципиальным и важным, – эволюция политического устройства в этом государстве шла в направлении, фактически противоположном по сравнению с тем путем, которым двигалась Эллада в целом: не в сторону увеличения демократической составляющей, а наоборот, в сторону ее уменьшения. «Спарта, начав с принятия весьма либеральной и даже демократичной по своему внутреннему потенциалу конституции, в дальнейшем отказалась от движения в сторону демократии» (с. 207).

[30] Подведение некоторых итогов дискуссии см., например, в статье: Родс 2004.

Этот парадоксальный феномен, на наш взгляд, требует самого пристального к себе внимания.

Четвертая часть – «Кризис полиса и упадок демократии в позднеклассический период (конец V – IV в. до н. э.)» – состоит из двух работ Э.Д. Фролова: «Симптомы грядущего упадка» (с. 209–234) и «Кризис классического полиса» (с. 235–264). Оба текста взяты из книги автора, посвященной Греции в эпоху поздней классики и вышедшей в 2001 г.[31], а по существу – восходят (с некоторыми изменениями) к соответствующим главам его еще более ранней монографии[32].

Хронологические рамки первой работы – в основном, конец V в. до н. э. (годы Пелопоннесской войны), а второй – IV в. до н. э. Таким образом, исследователь начинает отсчет кризиса классического греческого полиса именно от крупнейшего междоусобного вооруженного конфликта в истории Эллады. Такая постановка вопроса совершенно справедлива: нам также представляется, что ту совокупность процессов, которую в литературе часто называют «кризисом IV века», корректнее было бы обозначать как «кризис конца V – IV в.».

Сам факт этого кризиса классического полиса никоим образом не может ставиться под сомнение, хотя регулярно предпринимались и предпринимаются попытки скептически отрицать его историчность. Кризис был, и в данном отношении мы тоже полностью солидарны с Э.Д. Фроловым – равно как и в том, что он особенно подчеркивает возрастание в рассматриваемый период роли монархической идеологии и соответствующих политических практик.

В то же время уже название этой части рецензируемой книги исходит из постулата, согласно которому кризис полиса неизбежно сочетался с упадком демократии, эти два процесса шли «рука об руку», а на деле всё было несколько сложнее. Действительно, до определенного момента именно таково было преобладавшее в науке мнение: афинская демократия в IV в. до н. э. переживала не лучшие времена, находилась в упадке по сравнению с предшествующим столетием – эпохой ее расцвета. Однако на сегодняшний день эти взгляды уже мало кем разделяются, поскольку было достаточно убедительно продемонстрировано, что, во всяком случае, с институциональной стороны политическая система демократических Афин достигла своего наивысшего развития, усовершенствовалась, а не деградировала; многие ошибки, допускавшиеся в V в. до н. э., были теперь учтены и исправлены. Пожалуй, ключевую роль в этом пересмотре традиционной точки зрения сыграл изданный в 1995 г. коллективный труд «Афинская демократия в IV в. до н. э.»[33]; большое значение имели также работы М. Хансена[34].

[31] Фролов 2001: 9–64.
[32] Фролов 1984: 11–59.
[33] Eder (Hg.) 1995.
[34] Прежде всего: Hansen 1995.

Пятая часть сборника озаглавлена «Судьбы античной демократии в эпоху эллинизма». Ее открывает статья М.М. Холода «Утверждение демократических режимов в греческих полисах Малой Азии при Александре Великом» (с. 265–282). Выводы, к которым приходит автор, следующие: «Если до периода эллинизма единственно приемлемыми формами государственного устройства для полиса признавались демократия и олигархия[35], то с наступлением новой эпохи ситуация меняется. Отныне лишь демократия узурпирует право считаться полисной конституционной формой… Подобная перемена была в значительной степени обусловлена именно той мощной поддержкой, которую демократия получила со стороны Александра в греческих городах Малой Азии… Стало возможным особое историческое качество – сосуществование монархии и демократического полиса в рамках одного политического целого» (с. 281–282).

Сказанное в основном верно. Тем не менее всё же нужно учитывать то обстоятельство, что само слово «демократия» в эллинистическую эпоху несколько изменило свой смысл по сравнению с тем, какой оно имело в классических Афинах, так что можно говорить о семантической девальвации понятия. По сути дела, демократическим называл себя тот полис, который являлся (или считал, что является) независимым, а какова система его внутреннего управления – это уже имело не столь большое значение. Так, эллинистические Афины по большей части продолжали гордо именовать себя «демократией», а фактически были самой обычной олигархией, и все рычаги власти держал в своих руках довольно узкий круг политической элиты. Словоупотребление не должно вводить нас, ученых, в заблуждение. Очень нетрудно и в современном мире найти случаи, когда в качестве демократии декларирует себя режим, весьма и весьма далекий от подлинного народовластия. Послушать самого жестокого диктатора – и окажется, что нет более преданного сторонника демократических ценностей, чем он, что все конституционные нормы в его стране неукоснительно выполняются.

Обозначенный сдвиг как раз очень четко понимает и отмечает О.Ю. Климов, автор следующих двух статей: «Развитие демократических институтов в федеративных государствах Балканской Греции в эпоху эллинизма» (с. 283–310) и «Полисная демократия в городах Малой Азии эпохи эллинизма» (с. 311–340), также относящихся к числу самых важных в книге. Он совершен-

[35] Что касается «единственно приемлемых форм», то это преувеличение. Почти ни одна предлагавшихся в классическую эпоху классификация форм государственного устройства (будь то выкладки Геродота, Сократа, Платона, Аристотеля) не включала в себя только две формы – демократию и олигархию. Количество допустимых форм признавалось бóльшим.

но справедливо пишет, что объективные процессы «приводили к известной формализации полисного строя городов Малой Азии эпохи эллинизма, к его постепенному внутреннему перерождению, в значительной степени к превращению полисной демократии в некую внешнюю стабильную форму, внутри которой в реальности произошли заметные внутренние изменения» (с. 340). Именно так: речь следует вести о некой «внешней форме» или, как мы выразились в другом месте, о «пустой оболочке»[36]. Пожалуй, так было даже не только в Малой Азии, которую имеет в виду О.Ю. Климов. Достаточно вспомнить хотя бы своеобразное бытие «демократических» Афин при Деметрии Полиоркете – «живом боге» и «восстановителе народовластия».

Правда, исследователь считает, что в эллинистических федерациях (Ахейском союзе, Этолийском союзе) принципы реальной демократии оказались все-таки более жизненными. Это так, но только если говорить о межполисном, а не внутриполисном уровне. Да, тот же Ахейский союз представлял собой демократическое (в смысле – равноправное) объединение полисов. Но имелась ли в самих этих полисах демократия в классическом ее понимании? Вопрос представляется риторическим. Даже на уровне теоретической мысли для Полибия (а он, напомним, был видным функционером Ахейского союза) демократия – далеко не то, что для Аристотеля. То, что Аристотель называет демократией, Полибий называет охлократией.

Да и вообще, если исходить из логики, согласно которой любая федерация тем самым уже демократична (безусловно, в этой логике есть свой резон), можно, доводя до абсурда, сказать, что, например, современные ОАЭ – демократическое государство. Ведь оно являет собой равноправную федерацию семи эмиратов. Но ведь в каждом из них, отдельно взятом, власть эмира (точнее, шейха) неограниченна!

Остальные материалы рецензируемой книги мы рассмотрим гораздо более кратко. Шестая часть «Демократия в древнем Риме» включает в себя две статьи. «Подъем и упадок демократического движения в Риме в эпоху гражданских войн» А.Б. Егорова (с. 341–396), – как нам показалось, фрагмент какой-то более крупной работы по римской истории в целом (как по ее внутриполитическим, так и по внешнеполитическим аспектам). Статья и заканчивается несколько неожиданно: «В 56 г. в Луку прибыло около половины сенаторов (около 200). Установилась “двухпартийная” система» (с. 396). Впрочем, достаточно видное место в изложении автора занимает «демократическое движение или движение популяров (тождество этих понятий далеко не безусловно)» (с. 344). С последним суждением можно только согласиться.

[36] Суриков 2008а: 304, 308.

Тематика статьи К.В. Вержбицкого «Перерождение республиканского строя и подавление демократических традиций в эпоху принципата» (с. 397–420) ясна из ее заголовка. На наш взгляд, впрочем, предпочтительнее было бы говорить о подавлении республиканских, а не демократических традиций. Последние, если и были в Риме, то коренились где угодно, но только не в сенате (утверждая противное, мы рисковали бы смешать демократию с ее противоположностью – олигархией), а именно сенат преимущественно и подвергался пресловутому подавлению (отчасти – самоподавлению) в рассматриваемую эпоху.

В седьмой части «Мир кельтов» опубликована статья Н.С. Широковой «Особенности социально-политического строя кельтов доримского времени» (с. 421–452). В ней отмечается, что в Галлии «накануне римского завоевания… никакого народовластия не существовало, хотя бы даже и в остаточном виде» (с. 450). Интересный и заставляющий задуматься вывод.

Последняя, восьмая часть «Черты демократизма в религиозных объединениях поздней античности» посвящена, впрочем, только одному из таких объединений – христианству, как ортодоксальному, так и гностическому (статьи А.С. Волчкова «Элементы демократии в раннехристианских общинах», с. 453–476, и А.Д. Пантелеева «Демократия в неортодоксальном христианстве: опыт гностиков», с. 477–498). В обеих работах имеются ценные наблюдения; обе, по существу, подводят к мысли о том, что в рассмотренных социально-религиозных группах демократические начала сосуществовали с иерархическими.

Подведем некоторые итоги. Повторим и подчеркнем, что выход в свет подготовленного видными, известными в стране специалистами коллективного труда, посвященного античной демократии, следует всячески приветствовать. Особенно в условиях острого дефицита литературы такого рода в отечественной историографии работа будет нужной, полезной, востребованной. В то же время мы глубоко убеждены, что хорошая книга могла бы быть еще лучше, если бы «бочку меда» не портили несколько «ложек дегтя».

Во-первых, хотя тематический, хронологический, географический спектр статей, вошедших в сборник, весьма широк (от греческой архаики до кельтов и ранних христиан), всё же нельзя было не заметить наличие некоторых лакун, заполнение которых позволило бы дать читателю более полное и многогранное представление о проблематике книги. Так, не лишними были бы очерки о генезисе древнегреческой демократии (в социальном, институциональном, терминологическом аспектах); об идеологии сторонников этой политической системы (парадоксальным образом в книге есть статья о критиках афинской демократии, но нет статьи о тех мыслителях, которые ее, напротив, поддерживали); об иных, помимо Афин, важных демократических государствах эллин-

ского мира классической эпохи (тут прежде всего стоило бы обратить внимание на Сиракузы[37]) и т. п.

Впрочем, разумеется, выбор того, какие сюжеты, относящиеся к выбранной теме, осветить, а какие оставить «за бортом», – это всецело прерогатива авторского коллектива, тем более что в названии книги эксплицитно заявлено о рассмотрении *проблем* античной демократии. Пожалуй, более серьезным недостатком является имевший место в ряде случаев недостаточный учет новых исследований, о чем также не раз говорилось выше. Все-таки верится в то, что российское антиковедение – органичная часть мирового, а не заповедник архаичных идей; соответственно от любой работы, выходящей в данной области, хочется ожидать, что она в полной мере отразит современное состояние науки.

И.Е. Суриков

Литература

Бузескул В.П. 2003: История афинской демократии. СПб.

Грэхэм А.-Дж. 2007: Западные греки // Кембриджская история древнего мира. Т. 3. Ч. 3: Расширение греческого мира. VIII–VI века до н. э. / Под ред. Дж. Бордмэна и Н.-Дж.-Л. Хэммонда. Пер. с англ. А.В. Зайкова. М. С. 196–233.

Дэвис Дж.К. 2004: Демократия и классическая Греция. М.

Карпюк С.Г. 2003: Общество, политика и идеология классических Афин. М.

Кудрявцева Т.В. 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.

Маринович Л.П. 2001: Античная и современная демократия: новые подходы. М.

Маринович Л.П. 2007: Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. М.

Пальцева Л.А. 2006: К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон. Вып. 6. СПб. С. 195–210.

Родс П.Дж. 2004: Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2. С. 33–56.

Строгецкий В.М. 2008: Афины и Спарта: Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг.). СПб.

Строгецкий В.М. 2010: Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1: Геродот. Нижний Новгород.

Суриков И.Е. 2007: Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М.

Суриков И.Е. 2008а: Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб.

[37] См., в частности: Rutter 2000.

Суриков И.Е. 2008б: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М.

Суриков И.Е. 2008в: Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Часть I // Из истории античного общества. Вып. 11. Нижний Новгород. С. 5–25.

Суриков И.Е. 2008г: Еще раз об афинской гелиее // Древнее право. 2 (22). С. 8–24.

Суриков И.Е. 2009: Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин. М.

Суриков И.Е. 2010: [Рецензия]: Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden – Boston, 2006 // ВДИ. 1. С. 207–214.

Суриков И.Е. 2011: Геродот и Филаиды // Аристей. 3. С. 30–64.

Туманс Х. 2002: Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–VI вв. до н. э.). СПб.

Туманс Х. 2004: Псевдо-Ксенофонт – «старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 3. С. 14–27.

Фролов Э.Д. 1984: Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л.

Фролов Э.Д. 1988: Рождение греческого полиса. Л.

Фролов Э.Д. 2001: Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб.

Barringer J.M., Hurwit J.M. (ed.) 2005: Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives. Austin.

Deger-Jalkotzy S., Lemos I. (ed.) 2006: Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer. Edinburgh, 2006.

Eder W. (Hg.) 1995: Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Stuttgart.

Evans N. 2010: Civic Rites: Democracy and Religion in Ancient Athens. Berkeley.

Farrar C. 1989: The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge.

Forsdyke S. 2005: Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece. Princeton.

Hansen M.H. 1995: Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. Berlin.

Hansen M.H. 2010: The Concepts of Demos, Ekklesia, and Dikasterion in Classical Athens // Greek, Roman and Byzantine Studies. 50. P. 499–536.

Harris E.M. 2006: Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics. Cambridge.

Hesk J. 2000: Deception and Democracy in Classical Athens. Cambridge.

Hölkeskamp K.-J. 1999: Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart.

Hölkeskamp K.-J. 2005: What's in a Code? Solon's Laws between Complexity, Compilation and Contingency // Hermes. 133. 2. S. 280–293.

Lape S. 2010: Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy. Cambridge.

Lavelle B.M. 2005: Fame, Money, and Power: The Rise of Peisistratos and "Democratic" Tyranny at Athens. Ann Arbor.

Lehmann G.A. 1997: Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen.

Libero L. de. 1996: Die archaische Tyrannis. Stuttgart.

Liddel P. 2007: Civic Obligation and Individual Liberty in Ancient Athens. Oxford.

McGlew J.F. 1996: Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca.

Moreno A. 2007: Feeding the Democracy: The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC. Oxford.

Morgan K.A. (ed.) 2003: Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece. Austin.

Murray O. 1993. Early Greece. 2 ed. London.

Nails D. 2002: The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis.

Ober J. 2008: Democracy and Knowledge: Innovation and Learning in Classical Athens. Princeton.

Osborne R. 1996: Greece in the Making, 1200–479 B.C. London; New York.

Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W. 2007: Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley.

Raaflaub K.A., Wees H. van. (ed.) 2009: A Companion to Archaic Greece. Oxford.

Rhodes P.J. 2003: Ancient Democracy and Modern Ideology. London.

Robinson E.W. (ed.) 2004: Ancient Greek Democracy: Readings and Sources. Oxford.

Rutter N.K. 2000: Syracusan Democracy: 'Most Like the Athenian?' // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford. P. 137–151.

Samons L.J. (ed.) 2007: The Cambridge Companion to the Age of Pericles. Cambridge.

Saxonhouse A.W. 2005: Free Speech and Democracy in Ancient Athens. Cambridge.

Shapiro H.A. (ed.) 2007: The Cambridge Companion to Archaic Greece. Cambridge.

Snodgrass A.M. 1980: Archaic Greece: The Age of Experiment. London.

Snodgrass A.M. 2006: Archaeology and the Emergence of Greece. Edinburgh.

Stadter P. 1991: Pericles among the Intellectuals // Illinois Classical Studies. 16. 1/2. P. 111–124.

Ste. Croix G.E.M. de. 2005: Athenian Democratic Origins and Other Essays. Oxford.

Thorley J. 2004: Athenian Democracy. 2 ed. London; New York.

Will W. 1995: Perikles. Reinbek.

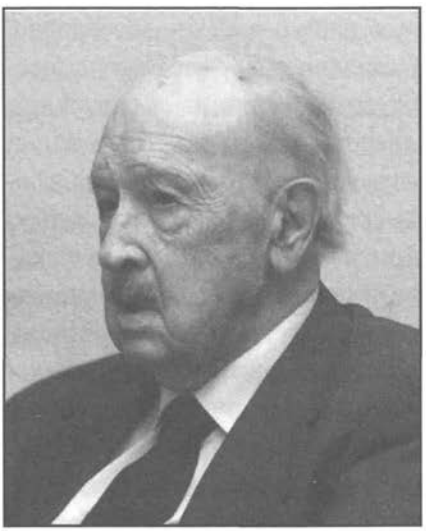
Will W. 2003: Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn.

Wohl V. 2002: Love among the Ruins: The Erotics of Democracy in Classical Athens. Princeton.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 213–217

Письмо Георгия Степановича Кнабе Михаэлю фон Альбрехту[1]

Москва, 24 июля 2011 г.

Георгий Степанович Кнабе
(20.08.1920 – 30.11.2011)

Дорогой и многоуважаемый Михаил Георгиевич, спасибо за письмо и рецензию[2] – очень важную своей связью с некоторыми наблюдениями над окружающим и раздумьями над ним, которые в последние годы занимают меня всё больше. Они сосредоточены на нескольких темах. Вот три из них.

Если я правильно воспринял Вашу «Rom – Spiegel Europas»[3], главная ее мысль, даже скорее не мысль, а разлитое в ней переживание культуры, состоит в готовности читать рецепции не только и просто как документированные заимствования, а как доказательство непрестанных откликов прошлого в настоящем. Отклики эти живут не только в цитатной памяти эпохи, но также в разлитом в ней гуле и воздухе времени вплоть до их повседневно человеческого переживания слоями, на то способными. Гуссерль когда-то назвал это интенциональной направленностью сознания.

Когда Робеспьер, обвиненный в стремлении к личной власти, построил свое оправдание на речи Цицерона Pro Sulla, он не слишком заботился о точно-

[1] В тексте письма сделано небольшое сокращение, касающееся технических вопросов переписки двух ученых, а также добавлены некоторые примечания, поясняющие упомянутые в письме реалии (*Ред.*).

[2] Имеется в виду рецензия Михаэля фон Альбрехта на издание: *Голосовкер Я.Э.* Антология античной лирики в русских переводах. 1–3 тт. М., 2004–2006. Рецензия была помещена в предыдущем (III) номере «Аристея» (с. 138–148).

[3] Речь идет о книге: *Michael von Albrecht.* Rom – Spiegel Europas. 2. Ausgabe. Stuttgart, 1998.

сти передачи ее содержания. Он и его коллеги нередко допускали в подобных ситуациях неточности и ошибки. Не то, что их подводила память, а рецепции культуры и истории Рима жили в атмосфере революции как растворенные в ней. Еще более разительный пример, на мой взгляд, – английский дендизм. Будущих денди хорошо учили древним языкам с особым вниманием к рецептам организации власти над складывавшейся империей. Но в поле их зрения вряд ли мог не попасть и Алкивиад, вполне дендистски отрубивший хвост любимой собаке ради подчеркивания своей особости, и уж тем более – всё, что Цицерон назвал cultus. Это не рецепции в прямом смысле слова. Это обертонально живущие в подсознании культуры Европы напоминания о некогда вошедших в нее и в ней задержавшихся впечатлениях.

Обо всём этом я говорю в связи с Вашим мнением о том, что «бесспорно, антология носит печать своего времени и относительно выбора текстов и переводчиков. Среди последних было много преследуемых талантливых поэтов, которым не разрешалось публиковать свои собственные тексты и которые стали писать переводы! Таким образом, личное несчастье подчас способствовало возрождению античной поэзии на русском языке XX века». Это «личное несчастье» было слагаемым бытия русской интеллигенции в советскую эпоху. Советская интеллигенция была очень отлична от интеллигенции дореволюционной. Последнюю составляли значительные деятели культуры от, скажем, Милюкова до, скажем, Мережковского. Первая же возникала из анкетной классификации советских граждан. В обязательных анкетах всегда был пункт «социальное происхождение» и если выяснялось, что он свидетельствовал о гимназическом образовании самого заполняющего, его детей или даже иногда и внуков, то они и зачислялись в интеллигенцию. Такое зачисление и такая принадлежность не были вплоть до 1980-х годов внешними и формальными. Они предполагали трудно уловимый и еще труднее эксплицируемый habitus общественного поведения и содержания памяти и сознания. То, что ими не исчерпывалось, в ретроспекции истории, культуры и слова предстает как бытие русской интеллигенции на завершающем этапе ее существования и, прежде всего, как ее повседневность. Ее проявления в творчестве, которые Вы и имели в виду, в частности, в уходе в перевод как тихую гавань и в античность, как казалось, в гавань еще более тихую, не было главным. Он, этот уход, был одним из слагаемых такой повседневности. Пастернак сказал о ней – «насколько скромней нас самих [по]вседневное наше бессмертье», Бердяев назвал ее «катакомбами духа».

За последние 20 лет люди еще раз вспомнили о пережитом – тюрьмах, лагерном бытии и экономике, геноциде, разрухе, принудительном конформизме и др., но стали ощущать еще полнее, чем раньше, что эпоха и жизнь ими не исчерпывались. За последние полвека общественно-историческое познание

переориентировалось в своем объекте и в своих методах от науки как таковой к жизни как таковой в ее непосредственности – к повседневности, привычкам, быту, системе привычных (или непривычных) ценностей, времяпрепровождению, развлечениям и моде.

Из этого содержания культурной памяти при сохранении его общего характера просвечивало, иногда до академической ясности, воспоминание о греческих и римских реминисценциях. Из этой среды, не теряя с ней внутренней связи, выходили и переводчики, Вами упоминаемые (в том числе и сам Голосовкер), – М.Е. Грабарь-Пассек, А.И. Доватур, Ф.А. Петровский, С.И. Радциг. Ваш покорный слуга, сорок лет пропреподававший английский и французский языки, ощутил и обертональную связь, в частности Тацита, с окружающей реальностью и увлекся переводами из Ливия, Цицерона и Тацита. Весь этот массив культуры в ее человеческом движении Вы ощутили и высказали. Это важно и заслуживает искренней благодарности.

Вторая тема связана с первой. Революция в общественно-историческом познании, которую нам довелось пережить в последней трети прошлого века, состояла в перенесении предмета познания из сферы науки в собственном смысле слова в сферу исторической жизни в самом широком смысле слова. См. Annales de l' Histoire économique et sociale во Франции. Там же семиотика истории и культуры, прочитанная через быт и повседневность: L' univers humain est un univers des signes у Кристевой. В России целый поток книг о быте и повседневности прошлых эпох, в том числе и написанная мной и изданная в 1986 году книжица «Древний Рим. История и повседневность». Всё это было связано не столько «вертикально» – с предшествующими состояниями науки, сколько «горизонтально» – с характером окружившей нас цивилизации от крайней подвижности населения и неустроенности ее на новом месте до Биттлз. Движение культурно-исторического познания от проверяемого и доказуемого обнаружения объективных фактов, т. е. от науки в прямом смысле к перемещению его в тенденции в сферу субъективно переживаемых восприятий, означало снижение роли собственно научной работы при постоянном ощущении, что это недопустимо.

Снять это противоречие было вроде бы и необходимо, но ведь и, в сущности, недопустимо. «Rom – Spiegel Europas» было примером соединения обоих полюсов – эрудиции и доказательности при сохранении импульса, идущего от современной цивилизации. В рецензии впечатляет то же соединение эрудиции и императивов времени, как у рецензента, так и у переводчиков. «Сильвы» Стация упоминаются, в частности, и в связи с тем, как точно и досконально в них отразился быт римских мастеров cultus'a со всеми деталями домашних купален. Прежним специалистам, как мне представляется, это в голову вроде бы

и не приходило, но Вам-то пришло. На полускрытые греческие реминисценции и интонации в трагедийных хорах в драмах Сенеки прежние переводчики, как мне кажется, внимания не обращали, но Вы-то обратили.

И, наконец, третья тема. «Греческая и латинская лирика, – пишете Вы, – нашли в России самое богатое эхо. Хотелось бы, чтобы этот труд привлек самый обширный круг читателей, побуждая и другие нации к составлению подобных сборников, а молодых писателей всех стран – к живому состязанию с древними лириками. Каждый народ и каждое поколение имеет право, идя по стопам отечественных поэтов, питаться вечно свежими античными источниками и, в поисках точного слова, открывать дремлющие сокровища родного языка». Ваше «хотелось бы» продиктовано надеждой, что в «катакомбах духа» и в «повседневном нашем бессмертии», вопреки постоянному воздействию меняющейся и наступающей обновляющейся цивилизации сохраняется некоторая память. Та самая, в которой мы прожили самое малое полторы тысячи лет. Она может нести в себе переживание всего, в ней накопленного, от хоров в трагедиях Сенеки до поисков мерцающих в них откликов на сегодняшние вопросы.

Вы уверены, что может? Нельзя жить против своего времени, пусть и в катакомбах. А время это и его содержание возникают не из таких откликов.

Его содержание возникает из глобализации, из смешения национально-культурных традиций вплоть до исчерпания каждой из них в ее отдельности при одобрении такого исчерпания политкорректностью. Возникает из замены памяти, укорененной внутри нас, без труда извлекаемыми безграничными ресурсами Интернета, а тем самым и упраздняющими отрадное научное и художественно-творческое напряжение в обмен на отрадную легкость добываемых результатов. Возникает из деидеологизации и прагматизма, как нормы отношений, международных и межличностных, неизбежно ведущей к дисперсии. Последняя предполагает упразднение ценностей и замену их в качестве единственных деньгами и комфортом, предполагает взаимную свободу как взаимное безразличие.

Цивилизация расслоена. Под только что описанным глобальным ее содержанием худо ли хорошо ли, длится катакомбное умонастроение. В нем рождаются чудаки, которым всё еще хочется там и сям ввести в безрифменный латинский стих рифму, дабы подчеркнуть полувысказанную эмоцию древнего поэта. Но они не могут долго сопротивляться глобальному движению глобальной цивилизации, а она... – см. выше только что сказанное. Тут нет никакого пассеизма, никакой ностальгии по минувшему, или восторга перед грядущим, или наоборот. Есть императив: видеть то, на что смотришь.

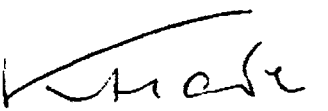
Простите за пространность изложения и докторальность тона. Мне хотелось с Вами поделиться переживаемыми мыслями. Наблюдения же Ваши над

поэтическими удачами и неполными удачами переводчиков, старых и новых, вызывают почти на всем протяжении полное согласие.

Я очень Вам благодарен за память о Ревеке Борисовне[4]. Она была человеком интеллигентского склада советской эпохи. От нее, как сказал поэт, «остались броски сочинений», документирующие эту эпоху и бытие интеллигенции в ней. Если нам суждено еще когда-нибудь увидеться, могу показать и обсудить. Ибо, как говорили у нас в Отделе кадров, «это вам касается».

Еще раз спасибо и еще раз, если позволите, буду ожидать Ваших ответов.

Ваш comme toujours Г. Кнабе

[4] Ревека Борисовна Сашина – супруга Г.С. Кнабе, скончавшаяся в 2009 г., переводчик художественной прозы с испанского, опубликовала около 100 переводов.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 218–225

«СОВА МИНЕРВЫ»: РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО БУДУЩЕГО

«Сова Минервы» — это проект, посвященный видеовоспоминаниям старейшин отечественной науки об античности. Он уже стал настолько значимым явлением для нашего сообщества, что пришло время подведения первых итогов.

Название «Сова Минервы» восходит к известной фразе Гегеля из предисловия к «Основаниям философии права»: “Die Eule der Minerva beginnt erst mit der einbrechenden Dämmerung ihren Flug”. Автор и проекта, и его названия – профессор РГГУ Нина Владимировна Брагинская, и многими своими особенностями «Сова», несомненно, обязана своей создательнице.

Во-первых, интерес к прошлому органично вытекает из деятельности Нины Владимировны в обществе «Мемориал», одним из основателей которого она является. Она работала со свидетельствами репрессированных, то есть с материалами устной истории и эгоисторическими документами. Этот опыт важен и для «Совы»; история науки здесь оказывается неотделимой от истории страны. Как выясняется, и студенты, и даже молодые преподаватели через жизнь старших коллег открывают для себя в нашем общем прошлом весьма важные страницы, о которых им почему-то не рассказали ни учебники, ни родители. Авторы воспоминаний рассказывают о своих бедах в 1930–1950-е годы, и из этих личных свидетельств складывается портрет эпохи.

Иногда авторы мемуаров описывают только свой случай, не зная о других, а мы видим, что это был не случай, а закономерность. Так, М.Н. Чернявский, С.А. Ошеров и Н.С. Гринбаум рассказывали, что они получили распределение, но по прибытии на место обнаружили, что их ставка почему-то занята. Тогда был период борьбы с «космополитами», и, без сомнения, эти три истории не были случайностью. Каждый справился с этой ситуацией, как мог: Ошеров, не имя денег на обратную дорогу, добирался в Москву из Алма-Аты в товарном составе, Гринбаум согласился на другую работу, а Чернявский, разведчик и фронтовик, добился, чтобы его взяли по распределению, но скоро понял, что работать все равно не дадут...

Публика на вечере «Сова Минервы» 12.01.2008 г. Фото А.В. Агафонова

Во-вторых, «Сова Минервы» с самого начала была задумана как общее дело. Научные семинары Н.В. Брагинской устроены подобным же образом: на них приходят и студенты-младшекурсники, и известные ученые разных специальностей; каждый рассказывает что-то свое, и получается очень интересно. Что касается «Совы», то, как будет видно ниже, вклад некоторых участников состоит в организации одной-единственной беседы, но без них это интервью не состоялось бы. Неразрывное сочетание науки и учебы тоже характерно для проектов Н.В. Брагинской. Студенты, для которых «Сова Минервы» – составная часть курса истории отечественного антиковедения участвуют в самих интервью, а затем расшифровывают и комментируют их. Трудно представить себе лучший способ вовлечения молодежи в научную работу по такой теме.

Кроме меняющихся год от года студентов, у «Совы» есть и постоянные участники. На Павле Викторовиче Фрейчко держится техническая часть проекта: видеосъемка, монтаж и звук. Преподаватели РГГУ Андрей Сергеевич Ванюков, Мария Сергеевна Касьян и Владимир Владимирович Файер также участвуют в проекте на регулярной основе как интервьюеры. Любовь Игоревна Грацианская традиционно берет на себя угощение гостей на вечерах «Совы».

В интернете этот проект представлен в особом разделе сайта «Либрариус»: http://librarius.narod.ru/sova/

Публикуем каталог видеоинтервью по состоянию на конец 2010 г. Упомянутые выше участники проекта обозначены в каталоге двумя инициалами, звездочкой помечен оператор:

1. **Николай Алексеевич Федоров.** Слушали Александра Александровна Григорьева, Алексей Владимирович Задорожный и В.Ф.* 24 сентября 1997 г.

2. **Александр Иосифович Немировский** (1919–2007). Слушали Михаил Владимирович Шумилин, Мария Михайловна Юровицкая и Алексей Евгеньевич Беликов. 8 апреля 2006 г.

3. **Галина Глебовна Козлова** (1914–2007). Слушали М.К., Елена Сергеевна Криницына и П.Ф.* 8 апреля 2006 г.

4. **Павел Александрович Гринцер** (1928–2009). Слушали Борис Александрович Каячев и П.Ф.* 21 мая 2006 г.

5. **Валентина Дмитриевна Савукова** (1915–2009). Слушали А.В. и П.Ф.* 23 июля 2006 г.

6. **А.И. Немировский.** Беседовали Михаил Владимирович Шумилин и Мария Николаевна Капусткина (Никитина). 28 октября 2006 г.

7. **Ия Леонидовна Маяк.** Беседовали Ярослав Владимирович Мельничук и Мария Вячеславовна Урбанавичуте. 4 мая 2007 г.

8. **В.Д. Савукова.** Слушал А.В.* 17 мая 2007 г.

9. **В.Д. Савукова.** Слушал А.В.* 16 ноября 2007 г.

10. **Нина Лазаревна Кацман.** Слушал А.В.* 30 ноября 2007 г.

11. **Аза Алибековна Тахо-Годи.** Слушали Елизавета Сергеевна Наумова и В. Ф.* 24 января 2008 г.

12. **Вадим Леонидович Цымбурский** (1957–2009). Беседовали Мария Мироновна Сокольская и В.Ф.* 2 марта 2008 г.

13. **Н.А. Федоров**. Слушали Владимир Степанов и В.Ф.* 24 марта 2008 г.

14. **Александр Евгеньевич Кибрик**. Слушали Евгения Александровна Литвин и В.Ф.* 8 апреля 2008 г.

15. **Валентина Федоровна Новодранова**. Слушали Майя Яковлевна Паит, Наталья Нетылева, Ксения Смыковская и П. Ф.* 17 мая 2008 г.

16. **Беатриса Борисовна Ходорковская и Н. А. Федоров**. Слушали А.В. и П.Ф.* 1 ноября 2008 г.

17. **Михаил Вадимович Бибиков об Игоре Сергеевиче Чичурове.** Слушал В.Ф.* 15 января 2009 г.

18. **Максим Наумович Чернявский и Юлия Ивановна Городкова.** Слушали Н.Б. и А.В.* 5 декабря 2009 г.

19. **М.Н. Чернявский и Ю.И. Городкова.** Слушали студенты классического отделения РГГУ и А.В.* 4 апреля 2010 г.

20. **Н.Л. Кацман.** Слушали Н.Б. и А.В.* 23 июня 2010 г.

21. **Натан Соломонович Гринбаум** (1916–2011). Слушали Н.Б. и А.В.* 24 июня 2010 г.

22. **Наталья Васильевна Вулих.** Слушал А.В.* 7 июля 2010 г.

23. **Аида Васильевна Широкова об Олеге Сергеевиче Широкове.** Слушали Марина Николаевна Славятинская, Константин Геннадиевич Красухин и В.Ф.* 9 июня 2010 г.

Кроме того, в архиве проекта хранится несколько важных мемуарных аудиозаписей:

1. **А.И. Немировский**. Слушали Н.Б., Лариса Павловна Немировская, А.П. Скогарев и группа студентов РГГУ. 2 мая 2005 г.

2. **Михаил Леонович Гаспаров** (1935–2005). Слушали Юлия Вольфман и Анна Пастушкова. Май–июнь 2004. Два варианта этой записи — расшифровка и авторский пересказ беседы опубликованы[1].

3. **Наталья Леонидовна Трауберг** (1928–2009). Слушали М.К. и В.Ф. 3 мая 2006 г.

4. **Беатриса Борисовна Ходорковская**. Слушал А.В. 27 декабря 2007 г.

Кроме собственно воспоминаний, в архиве проекта хранятся и другие материалы, связанные с историей классической филологии в нашей стране — как видеохроника совсем недавних событий, так и материалы прошлых лет. Например, в рамках проекта были оцифрованы магнитофонные пленки с лекциями Клары Петровны Полонской по античной литературе и видеозапись выступления Сергея Сергеевича Аверинцева в МГУ 12 января 1998 г.

* * *

Изучая воспоминания, историк нередко сталкивается с тем, что мемуаристы задним числом сводят счеты друг с другом. В воспоминаниях из коллекции «Совы» это, если и происходит, то лишь в самой незначительной степени. Эти беседы меньше всего похожи на скандальное срывание покровов. Наоборот, мемуаристы часто стремятся обходить острые углы и умалчивать о тех поступках коллег, которые кажутся им неблаговидными. Возмущение может быть направлено на «внешних» и лишь изредка – на членов цеха. Я думаю, что эта особенность связана не только с великодушием мемуаристов, не только с безупречным поведением упоминаемых ими лиц, но и с корпоративным характером

[1] Гаспаров 2006.

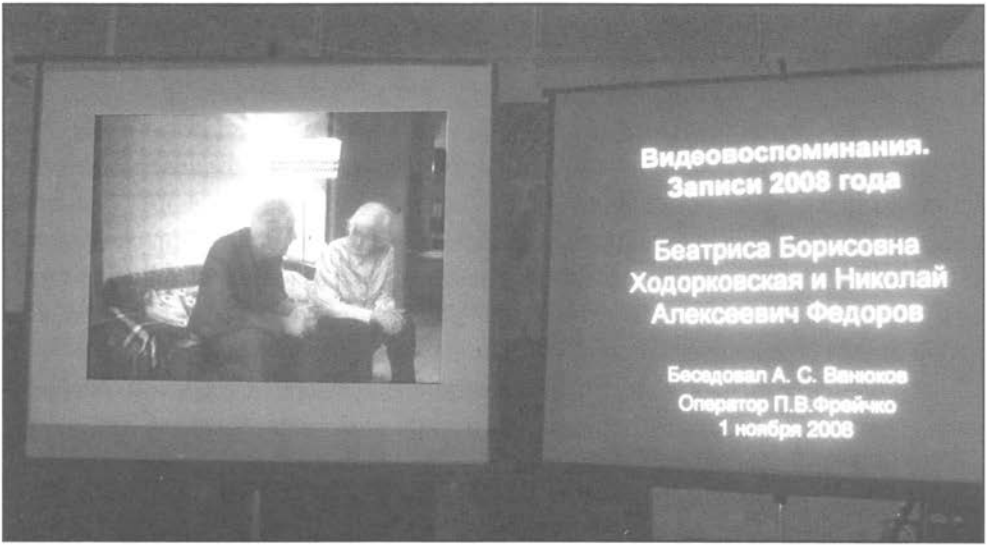
Н.В. Брагинская берет интервью у Н.С. Гринбаума 24.06.2010 г. Кадр А.С. Ванюкова

этих воспоминаний. Действительно, проект «Сова Минервы» существует в интересах сообщества, его материалы будут изучаться и сохраняться постольку, поскольку это будет необходимо филологам-классикам. Наше сообщество невелико и уязвимо, так что авторы воспоминаний стремятся смягчить внутренние противоречия. Такая практика никем не навязывается, а возникает сама собой[2]. Конечно, такую корректировку позиции не следует считать обманом; я бы скорее сравнил ее с учетом мнения большинства исследователей при изложении какой-либо сложной научной проблемы. Кроме того, осторожность здесь может быть вызвана уважением к учителям.

Особенно интересны случаи, когда личное восприятие сталкивается с корпоративным. Так, Натан Соломонович Гринбаум снял с одной из своих книг посвящение И.М. Тронскому, услышав фрагмент из воспоминаний Ольги Михайловны Фрейденберг, в котором Иосиф Моисеевич характеризовался весьма негативно[3]. Сообщая об этом факте, Н.В. Брагинская констатирует: «Конформизм внутри научного сообщества обладает прямо-таки несокрушимой силою». Мне представляется, что в данном случае правильнее говорить не о конформизме, а скорее, о сложном соотношении личной и корпоративной оценки. Заслуги И.М. Тронского перед нашим научным сообществом велики; многие его труды сохраняют актуальность, активно используются в преподавании и в ближайшее время ничем не будут заменены. Поэтому неудивительно, что позиция Н.С. Гринбаума как члена корпорации перевешивала его личные во многом

[2] Мне представляется, что этот же эффект наблюдается и в мемуарах Виктора Ноевича Ярхо, написанных до и помимо «Совы». В его книге (Ярхо 2003) несколько затушевана важная для ученого тема отношений с кафедрой классической филологии МГУ. Видно, что он не забыл о чудовищной несправедливости, когда в силу исторических обстоятельств и по вине отдельных лиц он оказался вне Московского университета, и был всю последующую жизнь вынужден заниматься наукой вопреки своей должности преподавателя элементарной латыни. Мне показалось, что мемуарист становится особенно осторожен, когда повествование может коснуться кого-то из коллег-недоброжелателей.

[3] Брагинская 2006. Негативный отзыв Ольги Михайловны, опубликованный в этой статье, в основном касается научного и преподавательского стиля Иосифа Моисеевича. Лишь в конце звучат обвинения в некомпетентности — яркие, но не уничтожающие.

Видеовоспоминания Б.Б. Ходорковской и Н.А. Федорова. 19.01.2009 г. Фото автора

негативные воспоминания. Позиция О.М. Фрейденберг в какой-то момент качнула чашу весов в противоположную сторону, но затем Натан Соломонович вернулся к прежней оценке и посвятил памяти Иосифа Моисеевича другую свою монографию[4]. Вернулся не потому, что кто-то его к этому подталкивал, а потому, что оценка заслуг Тронского перед сообществом оказалась важнее и личных обид, и научных разногласий. В своем последнем интервью «Сове» Гринбаум не вспомнил об эпизоде со снятым посвящением, хотя и не забыл о непростой истории взаимоотношений со старшим коллегой.

Отдельно необходимо сказать о публичном представлении результатов проекта. Первая серия видеоинтервью была записана в 2006 г., а уже в канун Старого нового года (13.01.2007) состоялся вечер «Совы Минервы», организованный силами преподавателей и студентов-античников ИВКА РГГУ. Идея Нины Владимировны показать фрагменты воспоминаний публике отнюдь не казалась самоочевидной. Назову только некоторые из предполагаемых «но»: слабый интерес сообщества, возможные возражения авторов мемуаров, а также технические, организационные, финансовые трудности. Однако успех этой идеи превзошел все ожидания. Более того, вечер «Совы» с самого начала оказался не столько отчетным мероприятием, сколько событием, объединившим сообщество, местом встречи старых друзей и средой, где создается история корпорации. Например, среди нескольких десятков гостей вечера 2007 года

[4] Гринбаум 2007.

были выдающиеся переводчики Наталья Леонидовна Трауберг, которая прокомментировала свои аудиовоспоминания, и Соломон Константинович Апт, уточнявший небольшими ремарками мемуары сверстников.

Натальи Леонидовны и Соломона Константиновича уже нет с нами, и на вечерах «Совы» мы отдавали дань их памяти. И так на каждом вечере мы вспоминаем ушедших за прошедший год коллег. «Сова Минервы» не похожа на погребальную коллегию, какие были в Древнем Риме, и не стремится к такому сходству, но то, что есть место и время для такого поминовения, свидетельствует о том, что специалисты по античности – это действительно сообщество, а не набор людей со сходными записями в дипломах.

В советское время классическая филология считалась уделом «избранных». Эта отделенность от окружающего мира помогала создавать особую атмосферу, благоприятную для научных занятий, и в какой-то мере защищала от агрессивной идеологической среды. Даже у тех, кто «уходил из специальности», представление об особом характере классического образования обычно сохранялось. Трудно сказать, относится ли это к молодым античникам, но для классико-филологической корпорации в целом такое самосознание довольно-таки характерно. «Сова» не эксплуатирует это свойство, а просто приглашает людей, которые ходили в университете на семинары одних и тех же учителей, раз в год, чтобы послушать воспоминания этих учителей, их однокурсников и соавторов. Гостей «Совы» объединяет прежде всего именно человеческий интерес, свойственный и профессорам, и их студентам, и тем, кто когда-то изучал древние языки, а потом стал заниматься чем-то другим. Иными словами, вечера в РГГУ способны собрать в одном зале таких людей, которые не встретят друг друга на защитах диссертаций, научных семинарах и конференциях – или потому, что ходят на разные конференции, или потому, что вообще редко посещают академические мероприятия. И эти люди собираются на вечера «Совы Минервы» не случайно, а потому, что в той или иной мере ассоциируют себя с цехом антиковедов.

Так январские встречи в РГГУ под флагом обращения к общему прошлому формируют общее настоящее сообщества античников и открывают возможность общего будущего. Оказывается, что вечера «Совы» – удобное время для объявлений о значимых событиях «новейшей истории антиковедения» – о выходе книг, проведении летних школ и т. п. Студенты на этих вечерах имеют возможность увидеть преподавателей различных вузов, представителей всех поколений и людей разных профессий, сохранивших свои связи с цехом. Эти встречи помогут молодым найти свое место в антиковедческом сообществе и, может быть, вписать в его историю новые страницы.

В.В. Файер

Литература

Брагинская Н.В. 2006: Между свидетелями и судьями : реплика по поводу кн. В.М. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (М.: Яз. славян. культуры, 2005) // М.М. Бахтин в Саранске: исследования, документы, материалы : сб. науч. тр. Саранск, С. 39–60 (электронная версия: http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=207419).

Гаспаров М.Л. 2006: Михаил Леонович Гаспаров о классической филологии и о самом себе / М.Л. Гаспаров; подгот. материала Н.В. Брагинской // Кентавр: Studia classica et mediaevalia. [Вып.] № 3. М. С. 378–394.

Гринбаум Н.С. 2007: Пиндар. Проблема языка. СПб.

Ярхо В.Н. 2003: Внутри и вне Садового кольца. М.

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 226–230

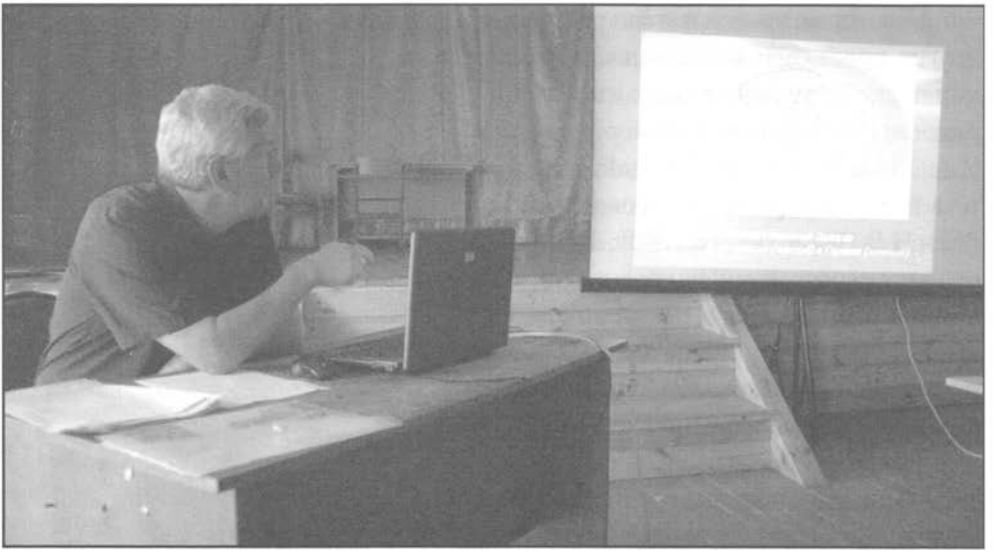
О ТРЕТЬЕЙ ШКОЛЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

С 1 по 10 августа 2011 г. под эгидой Русского Фонда Содействия Образованию и Науке (президент – М.В. Поваляев) прошла III Летняя школа по изучению античности, организованная Всероссийской ассоциацией преподавателей древних языков. В село Рождество Фировского района Тверской области приехали из Вологды, Москвы и Санкт-Петербурга 36 школьников, среди которых были победители олимпиады по латинскому языку и античной культуре 2011 г., прошлых лет, а также школьники, рекомендованные учителями к участию в ЛША за особые успехи в изучении латыни. Около половины участников приехали в ЛША не впервые, были и «ветераны» – участники всех трёх летних школ, среди них – победитель четвёртого, самого сложного, уровня латинской олимпиады 2011 г., Александра Лач (610 гимназия, СПб.), лауреат олимпиад 2009 и 2010 гг. Десятиклассники приехали в качестве учеников в последний раз, поскольку следующим летом их ждут выпускные экзамены и поступление в вузы, но некоторые из них уже планируют возвращение в ЛША в качестве кураторов, а для школьников, приехавших впервые, по их собственным словам, желание принять участие в IV ЛША станет серьёзным стимулом для совершенствования в древних языках в течение учебного года.

По итогам эпиграфического семинара

Как и в прошлом году, вниманию слушателей каждый день предлагались три лекции, а затем два семинара, причём одновременно проходило два или три семинарских занятия, что ставило не только школьников, но и преподавателей, не заня-

Лекция А.В. Подосинова

тых в этот день в проведении семинаров, перед трудным выбором, какое занятие посетить: поскольку представление семинаров проходило утром перед лекциями, каждый имел время определиться, что же всё-таки придётся пропустить.

Традиционно большинство семинаров, посвящённых самым различным аспектам античной культуры, основывались на обсуждении отрывков из греческих и латинских произведений: желающие могли почитать Плиния Младшего с Е.Л. Ермолаевой и Плиния Старшего с Е.В. Шевцовой, Овидия с А.В. Подосиновым, Геродота с М.Н. Казанской, Горация с А.Ю. Енбековой и В.В. Файером, надписи Сципионов с В.А. Леусом, Тацита, Вергилия и греко-латинские разговорники с В.В. Зельченко, а также обсудить переводы Пушкина на латынь с А.Ю. Енбековой. Однако древними языками дело не ограничилось: А.И. Любжин предложил школьникам конкурс по переводу отрывков из «Лузитан» Камоэнса, а В.П. Казанскене – литовскую сказку с индоевропейским комментарием, который был тем более актуален, что в тот же день С.Д. Клейнер прочла лекцию «Из истории индоевропейского языкознания». Лингвистическая тема была продолжена лекцией М.Н. Казанской «Первые софисты и их учение о языке».

Единственное занятие, которое проходило в каждой из состоявшихся летних школ, – это семинар Е.Л. Ермолаевой «Знакомство с древнегреческим языком», который собирает учеников, изучающих в школах только латынь. В этом году семинар состоял из четырёх частей и традиционно пользовался большой популярностью.

Некоторые преподаватели работали в ЛША на протяжении всех десяти дней, другие приезжали на меньший срок. Среди первых – координаторы Ассоциации преподавателей древних языков В.В. Зельченко и Е.Л. Ермолаева, секретарь Ассоциации к.ф.н. В.В. Файер, преподаватели 610 гимназии Санкт-Петербурга Н.А. Кузнецова и Е.В. Шевцова, к.ф.н. А.В. Журбина, преподаватель Университета истории культур (г. Москва) Е.В. Журбина, к.ист.н. В.А. Леус, м.н.с. ИВИ РАН Н.Е. Самохвалова. Е.Л. Ермолаева, помимо упоминавшегося семинара по древнегреческому языку и лекции о Гесиоде, провела комплекс занятий по помпейским надписям, в рамках которого школьникам было предложено самим стать не только авторами надписей, выполненных помпейским курсивом, но и их расшифровщиками. Расшифровка Д.Кондаковой (гимназия 610) была представлена на суд конкурсной комиссии в виде издания псевдо-помпейских надписей. Лекции В.В. Зельченко познакомили участников школы с тайной историей латинских крылатых слов, с путешествиями культурных растений и судьбой изучавшего их Виктора Хена, двухчастный цикл лекций Е.В. Шевцовой был посвящён греческой школе. В.В. Файер и В.В. Зельченко провели текстологические практикумы на материале английских и латинских текстов.

При составлении программы ЛША-III учитывались пожелания школьников, высказанные в прошлом году. Так, «по заявкам слушателей» состоялись лекции о музыке: об античных музыкальных инструментах (к.иск.н. Н.А. Алмазова) и об античных сюжетах в операх Моцарта (к.ф.н. В.В. Файер), а также занятия, посвящённые античной истории: о Сократе Платона, Сократе Ксенофонта и историческом Сократе, об афинянине Антифонте (к.ф.н. С.А. Тахтаджян), о лжецах у Геродота (М.Н. Казанская). К.ист.н. А.Ю. Виноградов провел семинары об архитектуре античных и раннехристианских храмов и о раннехристианских апокрифах.

Некоторые лекции имели продолжение в виде семинаров, и такой формат занятий оказался весьма удачным, поскольку заинтересовавшиеся темой лекции школьники получили дополнительное время, чтобы беспрепятственно обсудить все возникшие у них вопросы. Так, лекция д.ист.н. Е.Ю. Басаргиной «Петр Симон Паллас, естество-

Семинар В.В. Файера

Настольная игра

испытатель» продолжилась семинаром «Петр Симон Паллас и серый волк», а лекция к.ф.н. З.А. Барзах «Реконструкция недошедших греческих трагедий» – семинаром «Как в наши дни ставить античную трагедию?»

Впервые приехал в ЛША д.ист.н. вед.науч.сотр. Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) А.Л. Хосроев, и его двухчастная лекция о папирологии вызвала живой интерес, а у некоторых слушателей (как явствует из анкет, заполненных школьниками по завершении ЛША) и чувство неудовлетворенности тем, что эти лекции прошли слишком быстро и они не успели задать все интересующие их вопросы. Академик РАН, директор Института лингвистических исследований РАН Н.Н. Казанский посвятил две лекции древним письменностям Эгеиды, к.ф.н. В.П. Казанскене прочла лекцию «Защита пилосского царства», д.ист.н. А.В. Подосинов предложил для обсуждения вопрос «Куда плавал Одиссей?».

Традиционно преподаватели совмещали проведение занятий с организацией игр, конкурсов и спортивных занятий. Так, Н.А. Кузнецова не только рассказала об античных мотивах в греческом театре теней («Карагёз в пещере циклопа»), но и руководила постановкой спектакля, была заколдованной принцессой, которую нужно было расколдовать в игре «Принцесса и дракон», обучала желающих греческим танцам и проводила утреннюю зарядку.

Игры, в которых предлагалось поучаствовать школьникам, как всегда сочетали спортивные и интеллектуальные задания. В «Литературном маскараде» (организаторы: В.В. Файер, П. Кривых, Г. Сидорова) и игре «Nomina» соревновались все участники ЛША, включая преподавателей и кураторов. Школьники и сами имели возможность сочинить игру по мотивам произведений античной литературы (были выбраны «Метаморфозы» Овидия, «Записки о Галльской войне» Цезаря и «История» Геродота). Во время перерывов между занятиями проходил чемпионат ЛША по пинг-понгу, в четвертьфинале которого почти всех преподавателей вытеснили из турнирной таблицы. Е.А.Тахтаджян организовала для желающих класс живописи, результатом которого стала выставка рисунков.

В последний вечер были показаны два спектакля, один – «Жизнь и чудеса Публия Вергилия Марона», по средневековым латинским легендам о Вергилии, на латинском языке (реж. Н.А. Кузнецова), другой – «И всё это любовью бессмертной назовут» по мотивам произведений Гомера, Шекспира и Пушкина (реж. Н.Е. Самохвалова).

Спектакль «И все это любовью бессмертной назовут»

Шестое августа было объявлено «Греческим днём». После рассказа А.Ю. Енбековой о том, как проходил греческий симпосий, школьникам было предложено и самим поучаствовать в симпосии, который завершился процессией и конкурсом по игре в коттаб (в роли Диониса – В.В. Файер, гадитанские танцовщицы – Маша и Лиза Фроловы, авлет – Арсений Ермолаев). Пирующие проявили риторическое мастерство в конкурсе «Застольные беседы, или Новый Плутарх». Затем состоялась командная игра «Войны за Грецию», где три племени в жаркой борьбе отвоёвывали друг у друга греческие полисы, пока не настало время ужина.

Впервые в истории ЛША состоялась публичная лекция для жителей села Рождество. Темой лекции, которую прочёл В.В. Файер, стали античные мифы в древнем и новом искусстве. Интерес, вызванный этой лекцией, побудил некоторых её слушателей посетить и другие занятия ЛША. Мы надеемся, что подобные занятия состоятся и в следующем году.

На церемонии закрытия третьей ЛША координатор Ассоциации преподавателей древних языков А.В. Подосинов произнес речь на латинском языке, в которой были подведены итоги работы школы, и вручил дипломы её участникам. Но ждать встречи целый год до следующей ЛША не придётся: в течение учебного года организуются «Античные посиделки»: лекции об античности для участников ЛША и всех желающих.

Н.Е. Самохвалова

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 231–233

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КРАТКОГО КУРСА ВВЕДЕНИЯ В ЛАТЫНЬ В ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ ДЛЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ В Г. КАЛУГЕ

Вот уже шесть лет в Калуге проводится летняя Школа для одаренных детей (ШОД), и, за исключением одного года, учебный план направления «Филология» включает курс «Введение в латинский язык и античную культуру». Все курсы в Летней школе, естественно, очень короткие, и на латынь отводилось от четырех до девяти часов. Что можно сделать за такое время? Конечно, не выучить латынь и не погрузиться в нее, а только, как объявлялось в аннотации курса, «познакомиться и приобщиться»: познакомиться с латинской лексикой, фразеологией и грамматической системой и приобщиться к латинской словесности от античности до средневековья, а когда часов было больше, то и до наших дней. Еще одной – на самом деле, конечно, главной – целью курса было пробудить у старшеклассников интерес как к языку, так и к тем огромным культурным и духовным ценностям, которые стоят за ним.

Основным методом работы было чтение и анализ оригинальных текстов. И словарик, и грамматические таблицы большей частью не давались готовыми, а создавались в процессе анализа текстов. Тексты, разумеется, подбирались самые простые и в то же время отражающие разные жанры и этапы развития латинской словесности.

На первом занятии мы кратко вспоминали, кто и когда пользовался латынью и какую роль она играла в европейской цивилизации, затем знакомились с правилами чтения букв и диграфов и сразу же приступали к чтению афоризмов (ударения в них были расставлены). Эти задания (их было два: первое проще, второе сложнее) были построены по типу лингвистической задачи: переводы давались, но в перепутанном порядке, и дети должны были самостоятельно соотнести их с латинскими выражениями. Первое задание содержало в основном афоризмы-словосочетания (такие как *Alma mater, Alter ego, Homo sapiens* и т. п.) и короткие предложения *(Sapienti sat, In vino veritas, Scientia potentia est* и т. п.). Некоторые выражения были уже знакомы детям, другие содержали слова, давшие дериваты в русском и изучаемых ими европейских языках, третьи поддавались «расшифровке» только путем сопоставления их друг с другом и с уже переведенными; в целом все ученики выполняли задание

легко и с удовольствием. Затем мы читали, переводили, комментировали эти афоризмы и, помимо прочего, извлекали из них информацию о грамматическом строе латинского языка: выяснялось, что в нем есть род и согласование прилагательных с существительными по нему; падежи, изменение основы при склонении. Второй ряд афоризмов содержал предложения, во многих из которых были одни и те же слова в разных формах, что давало больше материала для грамматического анализа. Так, на примере выражений *Lupus non mordet lupum* и *Amat victoria curam* мы узнали, что в латыни есть винительный падеж, который часто кончается на *m*, а перед ней могут быть разные гласные в зависимости от типа склонения; предложение *Si vales, bene est, ego valeo* дало два личных окончания глагола (почти все окончания активного и пассивного залога также находились и выписывались в таблички); *Edimus ut vivamus, non vivimus ut edamus* познакомило нас с конъюнктивным суффиксом *a*; и даже оборот accusativus cum infinitivo был представлен выражением *Scio me nihil scire.* Таким образом, уже к концу второго занятия дети знали некоторое количество слов (буквальные переводы записывались под латинскими афоризмами) и формообразующих аффиксов, что позволяло нам перейти к чтению несложных связных оригинальных текстов.

К текстам прилагались лексические минимумы, в которые не входили ни уже встретившиеся слова, ни такие, о значении которых можно догадаться по русским и английским дериватам. Поэтому слов в этих минимумах было действительно минимальное количество. Римская проза была представлена двумя первыми предложениями из «Записок о Галльской войне», и к ним давался перевод всего трех слов: *hi, ipse* и *incolere.* Кроме того, прилагалась контурная карта Франции-Галлии с нанесенными современными названиями рек, упомянутых Цезарем, и ученики должны были, переведя текст, надписать, где жили какие племена. Вначале мы читали текст вслух, затем детям давалось время попытаться осмыслить его самостоятельно, после чего мы коллективно переводили его, записывая под ним подстрочник (чтобы потом пользоваться им как словарем) и внося дополнения в грамматические таблицы.

Так же мы работали с остальными текстами. Образцами римской поэзии послужили два стихотворения Катулла – «Salve nec minimo puella naso» и «Disertissime Romuli nepotum»; в них также были расставлены ударения, и мы читали их хором, отбивая ритм, а затем рисовали карикатурный портрет подружки формианца. После этого мы переходили к средневековым текстам: молитвам «Pater noster», «Ave Maria» и «Credo» (сопоставляя их с церковнославянскими вариантами), а также «Гаудеамусу», который пели и на последующих занятиях, и на переменах, и на закрытии Школы. Разумеется, чтение текстов сопровождалось подробным разбором стилистики, ритмики, эстетических ценностей и исторических реалий, стоящих за тем или иным словом.

Когда часов было мало, курс на этом и заканчивался; если же оставалось время, мы посвящали одно занятие медицинской латыни: обсуждали латинские названия лекарственных форм и способов применения медикаментов, читали и писали рецепты; и еще одно – современной живой латыни: читали новости из журнала «Vox Latina» и составляли коллекцию латинских надписей на улицах Калуги (последнее, конечно, требовало предварительной самостоятельной работы). Например, наружная реклама одного калужского кафе, как оказалось, содержит латинский девиз «Edere – bibere – saltare – amare».

Возможно, кто-то посчитает такой курс профанацией: не приложив массы усилий по заучиванию множества парадигм и слов, дети сразу «снимают сливки» – читают прекраснейшие тексты, и у них не возникает впечатления, что это безумно сложно. Думается, однако, что свою цель (смотри начало) этот курс выполняет. В двух гимназиях Калуги в последние годы появился элективный курс латыни для 10–11 классов, а одна из них даже ввела пропедевтический курс латыни в учебный план для пятого класса (на что восторженно откликнулось местное телевидение). Ученики этих гимназий третий год ездят на латинские олимпиады в Москву и Санкт-Петербург и занимали там призовые места. И если в следующем учебном году курс латыни появится еще в одной калужской школе, это будет непосредственным результатом последнего ШОДа: ученицы этой школы, посещавшие ШОДовские занятия латынью, намерены изучать ее более глубоко и поставить вопрос об этом перед своим директором.

Е.А.Савина

АРИСТЕЙ IV (2011)
С. 234–251

ПРИЛОЖЕНИЕ:
КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ

И.В. Кувшинская

«САД ИМПЕРАТОРСКИХ МИССИОНЕРОВ». МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ ШКОЛЫ В НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЕ

9 апреля 1698 года в Москву со стороны Воробьевых гор торжественно въезжало посольство Его величества Императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I. В списке участников посольства значились имена трех духовных лиц: итальянского священника из Вероны о. Иоанна Казагранде и двух богемцев, императорских миссионеров из Пражского иезуитского коллегиума – о. Иоанна Франциска Эмилиана (Иоанна Милана) и о. Иоанна Берулы[1].

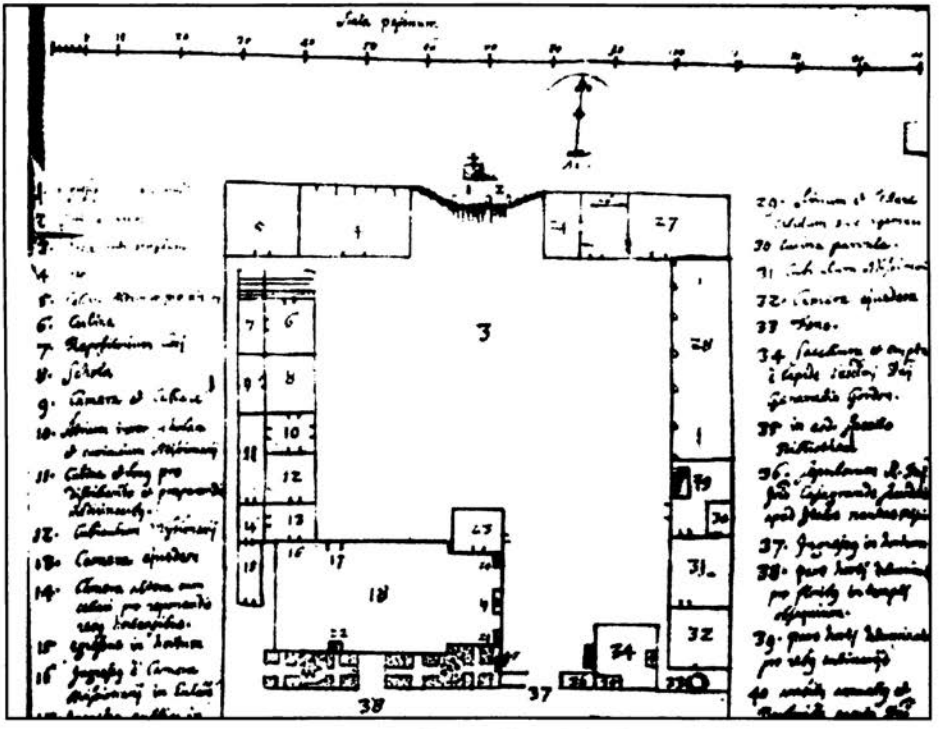
Иоганн Корб в сочинении «Diarum Itineris in Moscoviam…» подробно описал пребывание посольства в Московском государстве[2]. Сравнительно мало изучен другой исторический источник – письма и донесения католических миссионеров, судьбы которых оказались на многие годы связаны с Москвой конца XVII – начала XVIII в. В письмах сохранились упоминания о небольшой грамматической школе, где два священника из Праги преподавали русским детям латинский язык, немецкий язык и начала математики.

Сборник материалов из Пражского архива содержит 60 отдельных документов, которые охватывают период с 1698 по 1720 г. Около трети собрания составляют тексты писем священников о. Франциска Эмилиана (1662–1738) и о. Иоанна Берулы (1661–1744), католических миссионеров в Москве, принадлежавших к Богемской провинции Ордена Иисуса[3]. Больше всего сведений о

[1] Корб 1997: 253.

[2] «Дневник путешествия в Московское государство» И. Корба был издан сразу по возвращении посольства в Вену в начале 1701 г. Критическая оценка автором многих событий, свидетелем которых он был в Москве, вызвала резкий протест со стороны князя Петра Алексеевича Голицына, русского посла в Вене. Нераспроданная часть тиража книги была уничтожена, что сделало ее первое издание библиографической редкостью.

[3] Адрес «Прага, у св. Климента» встречается неоднократно, тем не менее в большинстве писем императорских миссионеров имя адресата не названо. По обращению, с которого начинается текст письма, а также по официальному стилю корреспонденции,

Католическия миссия в Немецкой слободе. Рисунок 1699 г.

деятельности миссии относится к 1698–1701 гг.: за этот период в Прагу было отправлено 12 писем. Основная корреспонденция пересылалась с помощью лиц, пользовавшихся доверием московских миссионеров, минуя официальную почту. Общее повествование складывается из россыпи разрозненных фактов, описаний, намеков и недомолвок, что делает работу с этим интереснейшим источником достаточно непростой и крайне увлекательной[4].

В 1883 г. копии документов, хранившихся в земском архиве Праги, оказались в России и были приобретены Археографической комиссией. Издание латинских текстов писем, редактирование их перевода и составление примечаний к ним должен был осуществить М.О. Коялович. Его работа не была за-

можно выделить письма-отчеты, предназначавшиеся начальникам провинции, о. Фердинанду Вальтгаузеру (до 1703 г.) и о. Иоанну Миллеру (1703–1712 гг.).

[4] Проявляя известную сдержанность и осторожность, авторы писем стремились не упоминать имен тех, с кем они встречались в Москве, и предпочитали писать: «одно известное лицо», «некий близкий к царю боярин» и пр. В письмах есть ряд иносказаний, которые должны были быть понятны лишь адресату. Любопытно упоминание о возможности использования секретных алфавитов или отправки зашифрованных сведений под видом ответа на математический вопрос (Письма 2010: 41, 44, 83, 159).

вершена: в 1891 г. М.О. Коялович скончался, так и не написав исторические комментарии. Тем не менее, при издании документов, в русском тексте решено было сохранить цифры предполагаемых примечаний. Новые комментарии издатели решили не составлять, «так как угадать их содержание, задуманное редактором, оказалось более чем затруднительным»[5]. Сопоставление содержания писем с известиями современников – «Дневником путешествия в Московию» Иоганна Корба, «Дневником» генерала Патрика Гордона, «Дневными записками» Ивана Желябужского – помещает эти документы в определенный исторический контекст и помогает понять, что именно намеревался сообщить читателям М.О. Коялович в комментариях к ним.

История возникновения католической миссии в Москве неотделима от истории дипломатии петровского времени. В конце XVII в. складывался военный союз между Священной Римской империей, Венецией, Польшей и Московским государством, направленный против общего врага – Оттоманской Порты. Император Леопольд I, используя благоприятную политическую ситуацию, оказывал поддержку московской католической общине, долгое время не имевшей своего храма и школы[6]. Начиная с середины XVII в. проживавшие в Немецкой слободе католики постоянно направляли царю челобитные с просьбой разрешить им строительство храма: «Иноземцы лютерской и кальвинской веры имеют и пастырей и молитвенные дома, нам же очищения в вере нет, и от того чинится великое повреждение душам нашим»[7]. Только в 1684 г. царевна Софья разрешила остаться в Москве иезуитскому священнику о. Иоанну Шмидту, как бы «забытому» уехавшим на родину императорским посольством. Одной из важных сторон деятельности о. Иоанна Шмидта стало преподавание в созданной им небольшой школе, причем сохранились косвенные упоминания о том, что его школу посещали также и русские дети[8]. На деньги «цесарской казны» для московской миссии в Немецкой слободе был приобретен участок

[5] Письма 2010: 28. Трудность интерпретации некоторых фактов связана с тем, что в ряде случаев копии писем из Москвы не имеют даты, подписи или имени адресата.

[6] Католическая община в Москве была невелика и значительно уступала по численности протестантским общинам Немецкой слободы. Принято считать, что население Немецкой слободы к концу XVII в. составляло около 2000 человек. В донесениях императорских миссионеров мы находим различные цифры для разных лет: в 1698 г. католический приход составлял 60 человек, в конце века, по возвращении «Великого посольства», привлекшего в Москву многих иностранцев, он увеличился до 400 человек, в первые годы Северной войны число католиков в Москве вновь резко сократилось. Ковригина 1998: 35–37; Письма 2010: 188, 70, 81, 85.

[7] Цветаев 1885: 28.

[8] Флоровский 1962: 318–319.

земли, записанный на имя итальянского купца Франциска Гваскони, одного из видных московских католиков[9].

Деятельность миссии, в том числе и просветительская, определялась сложной дипломатической стратегией венских императоров[10]. О. Франциск Эмилиан и о. Иоанн Берула стремились постепенно изменить враждебное отношение к католическому духовенству как простых жителей Московского государства, так и его светских властей. «Кого пришлет Рим, того никогда не примет Московия», – отмечал австрийский посол Гвариент в одном из донесений[11]. Именно поэтому дела московской миссии в 90–х гг. XVII в. были поручены подданным Империи, славянам по происхождению, достойным и образованным людям.

Весной 1698 г. долгое путешествие императорских миссионеров подходило к концу – позади остались Вена, Варшава, Гданьск, Вильно, Смоленск. Все в Москве было ново и необыкновенно: «Рано утром в праздник св. мученика Петра, около 9 часов, когда мы прибыли к Девичьему монастырю, то в первый раз увидели великую, обширную и давно нам желанную Москву. Она занимала все видимое пространство. Куда не посмотришь, все Москва»[12].

Цели, поставленные перед каждым участником миссии, были четко определены еще перед отъездом императорского посольства из Вены.

Итальянцу о. Иоанну Казагранде предстояло отправиться в Воронеж, где в это время на верфях трудились корабельных дел мастера из Венеции[13]. Заботам о. Иоанна Берулы и о. Франциска Эмилиана была вверена небольшая московская католическая община.

Первые месяцы жизни миссионеров в Немецкой слободе были наполнены разнообразными событиями и повседневными делами – письма могут сви-

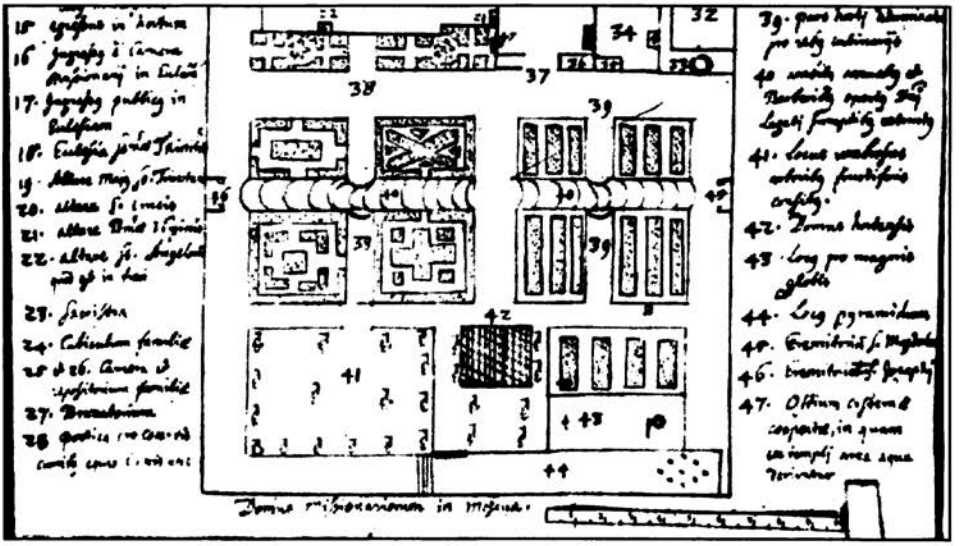
[9] Цветаев 1885: 46. В письме LX подчеркивается, что имущество храма и дом на территории миссии принадлежат австрийскому императору, «как указывает на это императорский орел, прикрепленный на воротах дома» (Письма 2010: 214–215).

[10] В письме императора Иосифа I, направленного Петру I в декабре 1706 г., рядом с упоминанием о деятельности иезуитской школы в Москве стоит благодарность за согласие «открыть земли и страны Московии тем отцам миссионерам, которые пожелают отправиться в Китай» (Письма 2010: 149, 166–167, 207).

[11] Письма 2010: 207.

[12] Письма 2010: 32.

[13] О. Иоанн Казагранде, настоятель храма Св. Мартина в Вероне, отбыл в Воронеж 3 июня 1698 г. Простое сопоставление дат показывает, что в ноябре 1698 г. он присутствовал при торжественной закладке прославленного корабля «Гото Предестинация», который был построен по проекту Петра I. Условия жизни воронежских корабелов были тяжелейшие, на верфях свирепствовали болезни. В конце весны 1699 г. о. Иоанн Казагранде скончался. Ровно год спустя после отъезда миссионера из Москвы, 3 июня 1699 г., его прах по приказу царя был доставлен в Москву и предан погребению неподалеку от католического храма св. Троицы, в саду императорских миссионеров (Корб 1997: 148. Письма 2010: 207).

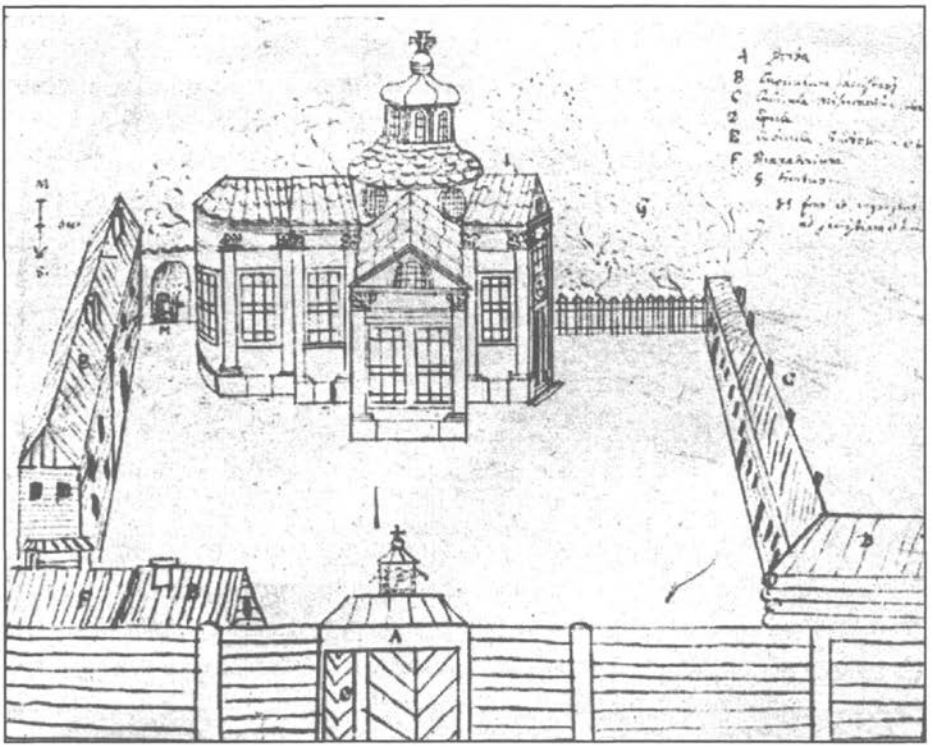
План сада при католическом храме Св. Троицы. Рисунок 1699 г.

детельствовать об энергии, оптимизме и многочисленных планах их авторов. О. Франциск Эмилиан был занят перестройкой и украшением католического храма. Благодаря поддержке императорского посла Гвариента, генерала Гордона и некоторых состоятельных прихожан, прежняя часовенка – sacellum – «получила вид небольшого храма, так что теперь имеет в длину 36 шагов, а в вышину везде поднята на 10 локтей, украшена двойным рядом окон с большими стеклами и сверх того имеет удобные и как бы тройные хоры»[14].

Постепенно благоустраивалась территория миссии: «Наше жилище мы нашли кое-где развалившимся и починили его… Сад наш походил совсем на лес. Мы привели его, к великому удовольствию нашей общины, в прежнее и даже лучшее состояние… В нашем помещении есть место и для школы…»[15].

На территории миссии со времени ее возникновения существовала небольшая католическая школа. Занятия в ней вел светский учитель Иоганн Иосиф Финалис, которого в августе 1692 г. привез в Москву императорский посол Куртц. Известно, что русского языка Финалис не знал – он обучал чтению, письму, музыке и основам латыни детей из Немецкой слободы, как католиков, так и протестантов[16]. О. Иоанн Берула, получивший образование в одном из лучших иезуитских коллегиумов Европы, по приезде в Москву сразу же приступил к преподаванию в школе при католическом храме. Он полностью

[14] Письма 2010: 48 .
[15] Письма 2010: 49.
[16] Флоровский 1962: 319. Письма 2010: 81, 87.

Католический храм Пресвятой Троицы. Рисунок 1706 г.

посвятил себя педагогической деятельности, результатом которой явилось создание новой регулярной школы для детей видных московских вельмож.

Во второй половине XVII столетия в семьях русской знати детей обучали домашние учителя, которых особенно ценили за знание иностранных языков: в середине века – польского и латинского, к концу века – итальянского и немецкого. Свободное владение латинским языком открывало дальнейший путь к дипломатической карьере и началам европейской образованности. По свидетельствам современников, латинский язык прекрасно знал Андрей Артамонович Матвеев, в первом десятилетии XVIII в. бывший послом в Гааге и Лондоне. Андрей Матвеев в детстве жил на Урале, в Верхотурье, куда в 1676 г. царь Федор Алексеевич приказал сослать его отца. Учитель латинского языка, по происхождению поляк, разделил со своим воспитанником тяготы жизни опальной семьи[17]. Впоследствии Андрей Матвеев собрал выдающуюся для своего

[17] Невилль 1996: 131.

времени библиотеку: согласно описи, в ней находились 444 латинские книги, в том числе многочисленные сочинения древних авторов[18].

Учителем старшего друга и воспитателя Петра I, князя Бориса Алексеевича Голицына, также был поляк, иезуит, «которого московитяне привели сюда пленником из Литвы около 1649 года и которого князь удивительно как хвалит за добродетель», – сообщал в письме из Москвы о. Франциск Эмилиан[19]. «Князь знает латинский язык и любит его употреблять», – записал в «Дневнике» секретарь венского посольства Иоганн Корб, любезно принятый в доме Бориса Алексеевича Голицына в мае 1698 г. Корб отметил, что младшие сыновья князя также начали изучать латинский язык под руководством польского гувернера[20].

Француз де ла Невилль, близкий ко двору короля Людовика XIV, был поражен широтой замыслов фаворита царевны Софьи – «великого канцлера» князя Василия Васильевича Голицына.

Де ла Невилль указывал, что князь «приказал построить великолепное каменное здание учебной коллегии, вызвал из Греции около 20 ученых и выписал множество прекрасных книг; он убеждал дворян отдавать своих детей учиться и разрешил им посылать одних в латинские училища в Польшу, а для других советовал приглашать польских гувернеров»[21].

Приезд в Москву чехов из Клементинума не остался незамеченным для ближайшего окружения Петра I. В саду императорских миссионеров постепенно образуется небольшая школа, при которой мальчики могли жить постоянно под присмотром о. Иоанна Берулы. Уже через год по приезде миссионеров в Москву у них появляются первые русские ученики. «Отец Иоанн взял на себя труд обучать латинскому языку, и уже несколько русских детей с хорошими способностями собрано для этого», – рассказывает о. Франциск Эмилиан в письме от 23 июня 1699 года[22]. В кратком известии о деятельности миссии за 1699 г. указывается: «Многие русские вельможи просили обучать их сыновей латинскому языку. Этим положено начало училищу, и с каждым днем более и более возрастает число учеников»[23]. Внимательное отношение к детям и незаурядные знания учителей постепенно создают маленькой школе в Немецкой слободе добрую славу. Чтобы упрочить положение школы и привлечь в нее

[18] Библиотека 1985: 14–15.
[19] Письма 2010: 58.
[20] Корб 1997: 67, 80.
[21] Невилль 1996: 165.
[22] Письма 2010: 58–59.
[23] Письма 2010: 189.

новых учеников, о. Иоанн Берула берется за преподавание немецкого языка, которым не владели русские учителя[24].

«Учение в школе продолжалось по тому же методу, как и в предшествовавшие годы», – читаем мы в одном из кратких донесений о деятельности миссии[25]. В течение XVII столетия преподавание во всех иезуитских школах определялось строгим педагогическим регламентом, который был окончательно утвержден в 1598 г. в документе «Ratio Studiorum»[26].

По принятой в иезуитских школах традиции, учитель делил класс на две половины, во главе которых стояли два лучших ученика – «декуриона». В основе процесса обучения лежал принцип соревнования – группы учеников выбирали себе имена «афинян» или «спартанцев», «римлян» или «карфагенян». Каждому ученику одной «команды» соответствовал соперник, «aemulus», из другой группы, которого он стремился превзойти своими знаниями. Регулярно подсчитывалась общая сумма оценок, заслуженных каждой из групп учеников, и назывались имена победителей, чье усердие поощрялось наградами. В одном из писем о. Иоанн Берула искренне горюет о том, что в свое время не позаботился привести с собой предметы, которые можно было бы использовать как награды для прилежных и старательных детей. В письмах миссионеров постоянно звучат просьбы прислать из Праги какие-нибудь мелочи – картинки, четки, изображения агнца – для их «действительно прекрасных учеников»[27].

В трех начальных классах грамматической школы изучению латинского языка уделялось исключительное внимание. Каждую неделю, изо дня в день, расписание занятий всегда было неизменным: два урока латинского языка проходили до обеда, затем следовал двухчасовой перерыв, после которого занятия возобновлялись. В качестве учебного пособия в иезуитских школах использовалась «Латинская грамматика» Э. Альвареса, выдержавшая бесчисленное количество изданий. В грамматической школе изучали письма Цицерона, главы из «Записок о Галльской войне» Цезаря, стихи Овидия, Катулла, Проперция. Тексты античных авторов учитель подвергал образцовому грамматическому разбору, ученики заучивали их наизусть и письменно пересказывали по–латыни[28].

---

[24] Письма 2010: 83, 84.

[25] Письма 2010: 193.

[26] «Ratio atque Institutio Studiorum Societatis Iesu». Neapoli, 1599.

[27] Письма 2010: 80, 85, 97.

[28] Образовательная программа, утвержденная генералом Ордена К. Аквавивой в 1598 г., анализировалась неоднократно. По мере изменения представлений о том, какой должна быть школа, отмечались достоинства и подвергались критике недостатки педагогической деятельности иезуитов. Непреложным остается факт, что образование, полученное в иезуитских коллегиумах, на протяжении XVII–XVIII вв. считалось

Генерал Патрик Гордон и Франц Лефорт. Фрагмент гравюры О. Шхонебека 1699–1700 гг.

Высоко ценилось умение отстаивать свою точку зрения, строго аргументируя ее и подкрепляя ссылками на авторитетные свидетельства. В письмах есть упоминания о диспутах, проходивших между воспитанниками латинской школы и учениками Стефана Яворского: «Наши ученики приходят к ним, и, в свою очередь, их ученики часто приходят к нашим для диспутов, что той и другой стороне приятно, потому что таким образом возбуждается их соревнование. Таланты их удивительно замечательны, но постоянно приходится внушать им, чтобы они не бросали начатого дела»[29].

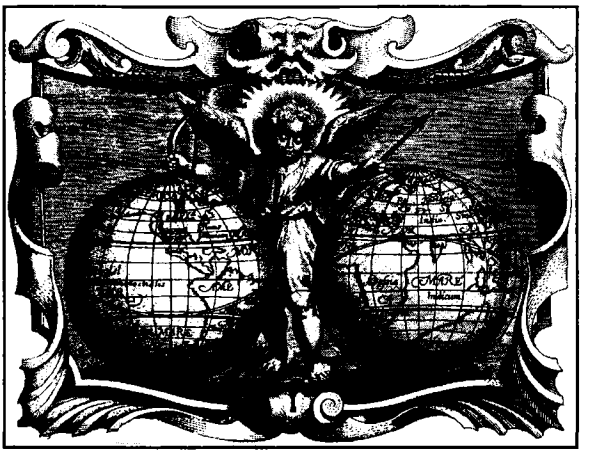
Школьники пробовали свои силы в постановке «комедий» – назидательных драматических действ, которые были благосклонно приняты зрителями. О. Франциск Эмилиан указывал, что в 1702 г. были даны «три небольших представления, правда, коротеньких, но по исполнению юношами оказавшихся весьма изящными, к великой радости здешнего дворянства, которое присутствовало. Мы придумали приспособления к комическому представлению, стоящие внимания уже за один тяжкий труд. Оно многим здешним показалось удивительным, так как они никогда не видали ничего подобного»[30].

О. Франциск Эмилиан преподавал в школе математику, радуясь и удивляясь успехам своих слушателей: «Кроме сына господина генерала Гордона я имею много и других, русских учеников. Сколько нужно было убеждать их, чтобы они начинали учиться по порядку, с самых первых начал; потому что они желают все иметь скоро, да и весь этот народ не терпит медленности. В настоящее время мы дошли до решения треугольников, и теперь они уже сами

одним из лучших. «Если бы мы хотели изобразить гений Ордена, мы должны были бы представить его в виде школьного учителя и, в качестве эмблемы, в руки этой фигуры должны были бы дать не азбуку и не Библию, но латинскую грамматику», – Бемер 2002: 375.

[29] Письма 2010: 93.

[30] Письма 2010: 118, 190, 191,192.

Unus non sufficit orbis. Imago primi saeculi societatis Iesu. Antverpiae 1640, p. 326

собою любуются»[31]. Русские ученики, с которыми занимался о. Франциск Эмилиан, могли быть достаточно взрослыми – изучаемые ими предметы превосходили по сложности программу курса начальной грамматической школы о. Иоанна Берулы. В письмах кардинала Коллонича, примаса Венгрии, есть упоминание о том, что школу в Москве посещали не только дети, но и знатные «мужи» – «complures majoris nobilitatis viri»[32]. В письме от 15 сентября 1701 г. о. Франциск Эмилиан просит узнать, какие новые работы по алгебре изданы за последнее время, поскольку три его ученика «прошли все трудности Эвклида и тригонометрии и по окончании геометрии начинают заниматься алгеброй, как приказал им светлейший царь, который весьма похвалил их»[33].

О. Франциск Эмилиан исполняет некоторые поручения Петра I – шлифует стекла для оптических приборов, приготовляет необычный состав для симпатических чернил. «О, если бы у меня было больше редкостей, особенно вроде симпатических составов, или любопытных новостей по физике. Светлейший царь весь живет в них, – восклицает он в письме от 28 февраля 1703 года. – Вся жизнь светлейшего царя обновляется и сердце его прыгает от радости, когда он увидит что-либо подобное и услышит объяснения физических явлений»[34].

По страницам писем рассеяны многочисленные упоминания о книгах, которые имели в Москве иезуитские священники. Большую библиотеку – «драгоценное и весьма полезное сокровище» – незадолго до своей кончины подарил миссии генерал Патрик Гордон, ее пополнили книги императорского посла Гвариента[35]. К письму II о. Франциск Эмилиан приложил каталог

[31] Письма 2010: 59.

[32] Флоровский 1962: 320.

[33] Письма 2010: 95.

[34] Письма 2010: 130–131.

[35] В одном из писем есть интереснейшее упоминание о «томах рукописи» дневника генерала Патрика Гордона, которые изучает о. Франциск Эмилиан, чтобы описать жизненный путь генерала в надгробном слове (Письма 2010: 73).

тщательно хранимой миссионерами бесценной библиотеки[36]. В распоряжении миссии находились многочисленные словари, в том числе латинско-французский, итальянско-английский, персидско-латинский, а также трехъязычный французско-немецко-латинский и еврейско-сирохалдейско-арабский словарь. Традиционный перечень книг классических авторов включал имена Горация, Овидия, Гомера, Тита Ливия, Цезаря, Цицерона, Сенеки. Сочинения Тацита и Плиния были представлены в книжном собрании во французском переводе, Плутарх – в переводе на французский и латинский языки, Вергилий – в переводе на итальянский язык.

В библиотеку вошел ряд исторических сочинений, в том числе «Historia Italiae» Франческо Гвиччардини и «Iter Moscoviticum» Адама Олеария, в ней находились многочисленные труды Отцов церкви и авторитетные богословские трактаты. Московские миссионеры были знакомы с книгой Томаса Мора «*Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus, de optimo rei publicae statu deque nova insula Utopia*».

В письмах о. Франциска Эмилиана порицались сочинения Декарта и Локка, которые привозили в Москву протестанты из Англии и Голландии, и некоторые тексты, причудливо соединявшие представления механики и религиозной философии[37].

В одном из писем обсуждается гелиоцентрическая модель мира Коперника, которую о. Франциск Эмилиан не был готов принять. Его рассказ дает представление о том, как он выстраивает аргументы для ее опровержения: «Мы разъяснили, какая разница между гипотезой и истиной на деле, в природе, и показали, что и при неподвижности свечи и движении шара, и при неподвижности шара и движении свечи происходят одни и те же явления, следовательно, этим путем не надежно выводить, что это есть истина»[38].

Консервативность взглядов иезуитских миссионеров была обусловлена определенной культурной традицией. В данном случае хотелось бы отметить постоянные упоминания о диспутах и ученых беседах, которые устраивались

[36] Письма 2010: 49. Florovský 1941: 284–287.

[37] Письма 2010: 118–119, 129. «Автор прилагает начала статики по методу алгебраических вычислений и путем сравнения показывает, что, как в некоторых тяжелых предметах постепенно уменьшается движение и, наконец, совсем исчезает, так и в предметах верования – с течением времени происходит уменьшение, и наконец, исчезновение…».

[38] Письма 2010: 119. Отметим, что великий чешский гуманист и педагог Ян Амос Коменский в латинском учебнике для детей «Orbis Sensualium Pictus» также помещает Землю в центре мироздания: «Coelum rotatur et ambit Terram, stantem in medio», – гласит комментарий к иллюстрации. Учебник Коменского использовался в протестантской школе пастора Глюка в Москве, о которой неоднократно упоминают императорские миссионеры (Ковригина 1998: 325).

в домах образованной русской знати, с глубоким интересом относившейся к доходившим до Москвы научным новостям[39].

Иезуитский священник Иржи Давид, рассуждая о характере русских, указывал, что «постигают они все не спокойно, а стремительно, жадно, неистово»[40]. Эти слова как нельзя лучше объясняют отношение русских людей конца XVII в. к достижениям науки и образования европейского мира, которые им предстояло освоить за короткий срок и сделать частью своей культуры.

Прусский резидент Кайзерлинг в 1703 г. отметил, что иезуиты «успешно привлекали к себе детей больших господ посредством усердного обучения»[41]. Следует подчеркнуть, что школа представляла собой род интерната, или, по словам миссионеров, небольшой семинарии, в которой дети жили вместе со своими наставниками[42]. Все, что окружало учеников латинской школы в саду императорских миссионеров, резко отличалось от традиционного уклада жизни, принятого в русских семьях. Изменения внешние не должны были затрагивать религиозных представлений учеников – это было непреложным условием существования московской иезуитской школы. «Мы нисколько не мешаем им держаться их религии, – в определенные дни посылаем в их церкви, в положенное время даем им постную пищу...», – сообщает в одном из донесений в Прагу о. Франциск Эмилиан[43]. Однако, за его осторожной фразой: «Для нас пока достаточно и того, что дети учатся и становятся способными читать наших авторов...», – скрыто многое, о чем нельзя было в то время говорить явно[44].

По словам императорских миссионеров, им удалось собрать в школе «цвет

[39] Письма 2010: 99–103, 127.

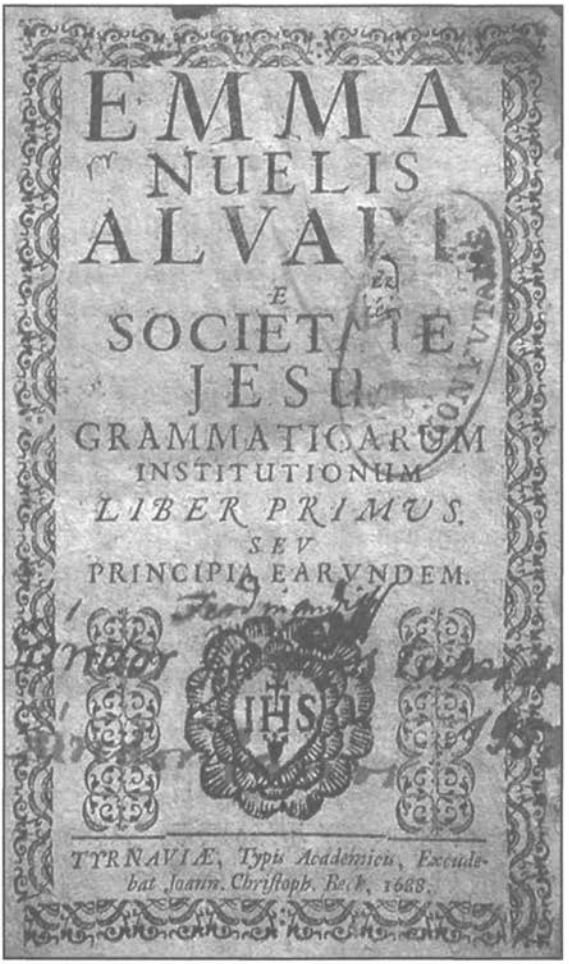
[40] Давид 2010: 262.

[41] Флоровский 1962: 321.

[42] Письма 2010: 114.

[43] Письма 2010: 59. Положение миссии в Москве было крайне непрочным и целиком зависело от благоволения властей. Московские учителя прекрасно понимали, что любое обвинение в пропаганде основ католической веры привело бы к немедленному и окончательному изгнанию иезуитов за пределы государства. Они сообщали о том, что религиозное воспитание ограничивалось еженедельными беседами и наставлениями на темы христианской морали, которые не должны были вступать в противоречие с основами православной веры.

[44] Используя поддержку и расположение вельмож из числа ближайшего окружения Петра, московские миссионеры содействовали планам императора, в которых вопросы религии и политики были неотделимы друг от друга. О. Франциск Эмилиан постоянно собирает сведения о католических миссиях в Китае, о Тибете и путях проникновения на Восток. В его письмах рассматривается вопрос о возможности проповеди католической веры народам, живущим в заволжских степях, на Южном Урале, в Сибири (Письма 2010: 40, 61–65, 121).

EMMA
NUELIS
ALVAR
E
SOCIETATE
JESU
GRAMMATICARUM
INSTITUTIONUM
LIBER PRIMUS.
SEV
PRINCIPIA EARVNDEM.
IHS
TYRNAVIÆ, Typis Academicis, Excudebat Joann. Christoph. Beck, 1688.

Латинская грамматика Э. Альвареса, 1688 г.

здешнего дворянства»[45]. В Немецкой слободе учились дети из семейств Нарышкиных, Апраксиных, Долгоруких. О. Иоанн Берула отмечал успехи мальчика из семьи Голицыных, близкого родственника посла в Вене князя Петра Алексеевича. В одном из писем о. Франциск Эмилиан выражал особую заботу о юных князьях Головкиных, отец которых, канцлер Гавриил Иванович Головкин, был, по образному выражению миссионера, «зрачок в глазу светлейшего царя»[46].

Петр I с похвалой отзывался о педагогической деятельности католических священников. Наряду со школой Славяно-греко-латинской Академии, Математико-Навигацкой школой, Гимназией пастора Глюка, Медицинской школой при Московском госпитале, латинская школа в Немецкой слободе стала еще одним достойным учебным заведением Москвы начала XVIII в. На неоднократные требования православного духовенства закрыть иезуитскую школу царь отвечал: «Что хорошо начато, того не следует так внезапно и скоро прекращать»[47].

Краткие ежегодные отчеты о деятельности миссии в 1701–1704 гг. открываются неизменной фразой: «Учение в школе продолжалось». Пять лет жизни учеников и их наставников складывались из повседневных занятий, бесед, совместных прогулок, праздников и будничных забот. В те же самые годы в Москве жил голландский художник Корнелий де Бруин. Интересуясь всем, что

[45] Письма 2010: 98, 190.
[46] Письма 2010: 84, 118.
[47] Письма 2010: 96, 98.

Ханс Зебальт Бехам. Грамматика

происходило в Немецкой слободе, он упоминал и о школе, где вели преподавание иезуитские миссионеры[48]. Отдельные рассказы Корнелия де Бруина соединяются в замечательную картину жизни Москвы эпохи петровских преобразований. Юные ученики императорских миссионеров были свидетелями многих событий первых лет нового века, о которых рассказал голландский путешественник.

Расположенная на расстоянии полумили от Москвы, Немецкая слобода напоминала маленький европейский город[49]. Старокирочный переулок, где находилась школа, спускался к берегу Яузы, за ней в начале XVIII в. был построен Головинский дворец с обширным регулярным парком. Чудесный рассказ де Бруина относится к осени 1702 г.: «В средине ноября река Яуза замерзла позади нашей слободы, и многие немцы, а также некоторые русские катались по ней на коньках, так как снегу еще не было. Я приказал сделать ручные санки, какие употребляются при этом у нас в Голландии, и воспользовался случаем провезти с ними на коньках одну госпожу, что представляло зрелище, до тех пор здесь невиданное. Но удовольствие это продолжалось недолго, ибо на другой же день стал падать снег»[50].

Неподалеку от сада императорских миссионеров стоял дворец князя А.Д. Меньшикова, в котором проходили первые петровские ассамблеи. В дни праздников по улицам Немецкой слободы двигались торжественные процессии.

[48] Бруин 1989: 109. «Уже несколько лет тому назад проживают здесь также два немецких иезуита, которые обучают по-латыни многих детей знатного происхождения».

[49] Койэтт 1991: 383: «За городом, если перейти речку Кукуй, находится Немецкая слобода, с другой своей стороны примыкающая к речке Яузе. Слобода пересекается многими красивыми улицами и приблизительно так же велика, как город Мейден».

[50] Бруин 1989: 95.

Корнелий де Бруин оставил описание фейерверка, который был устроен в Москве в январе 1702 г. в ознаменование одной из первых побед в Северной войне. Голландский художник отметил необычную изобразительную программу увиденного им праздничного зрелища, полную мифологических образов, девизов и аллегорий. Одна из фигур «изображала Время, вдвое более натурального росту человека; в правой руке оно держало песочные часы, а в левой – пальмовую ветвь, которую также держала и Фортуна, изображенная с другой стороны, с следующей надписью на русском языке: *«Напред поблагодарим Бог!»*... Посреди площади представлен был огромный Нептун, сидящий на дельфине, и около него множество разных родов потешных огней на земле, окруженных колышками с ракетами, которые производили прекрасное зрелище, частию рассыпаясь золотым дождем, частию взлетая вверх яркими искрами»[51].

Благодаря сохранившемуся плану, нарисованному рукой о. Франциска Эмилиана, мы можем достаточно точно представить, как выглядела католическая миссия в Москве в 1699 г.[52] В центре участка стоял небольшой деревянный храм во имя св. Троицы, к храму примыкало длинное одноэтажное строение, ограждавшее территорию миссии с запада. Главный вход вел в залу – atrium, через который можно было пройти в отведенное для занятий помещение, обозначенное на плане как schola. Рядом с ним находились комнаты миссионеров[53]. Примечательно, что одна из комнат носила название «cubiculum pro distillando preparandis medicinalibus» – возможно, именно в ней о. Франциск Эмилиан изготовлял для царя сложные химические составы и демонстрировал ученикам естественнонаучные опыты.

Отдельный вход из комнат миссионеров вел в храм, за которым располагался небольшой сад с традиционной для XVII в. регулярной планировкой. Между цветниками проходила увитая лозами садовая галерея, построенная на средства посла Гвариента. В центре сада был небольшой садовый павильон, за которым находились площадки с излюбленными в ту эпоху «затеями»: на плане они обозначены как «locus pro magnis globis» и «locus pyramidum». Следует отметить, что библиотека хранилась не в доме, но внутри небольшой каменной часовни, построенной над усыпальницей семьи Гордонов – свое главное сокровище миссионеры стремились уберечь от пожаров, часто случавшихся в Немецкой слободе.

[51] Бруин 1989: 56–57.

[52] Письма 2010: 49. Florovský 1941: 261–262, 461. План выполнен с соблюдением определенного масштаба и снабжен подробной экспликацией на латинском языке; он является редчайшим и самым ранним планом частного домовладения и регулярного сада Немецкой слободы.

[53] На плане 1699 г. еще не отмечено помещение для проживавших на территории миссии учеников. О. Франциск сообщает, что он планирует постройку новых отдельных комнат для учеников–интернов, поскольку число их постоянно возрастает (Письма 2010: 118, 192).

Один из них произошел на территории миссии в ноябре 1705 г. Он полностью уничтожил деревянный храм и постройки, от которых чудом сохранилось только несколько комнат[54].

К этому времени латинская школа уже прекратила свое существование. Несчастья первых лет Северной войны не обошли стороной обитателей Немецкой слободы. Католическая община бедствовала, миссионеры собирали деньги на содержание вдов и сирот погибших офицеров и выкуп воинов, попавших в плен. «Учение в школе в этом году прекращено, потому что уже шестой год обучавшиеся у нас дворяне в этом году взяты от нас и частию отправлены на войну, частию в иноземные страны»[55], – сообщается в донесении за 1705 г. Эту лаконичную фразу дополняют строки письма о. Иоанна Берулы: «Причиною того, что и моя и другие школы здесь падают, служит военная служба, для которой выхватывают из школы учеников по приказанию государя, не обращая внимания ни на родных, ни на науки»[56].

Учитель о. Иоанн Берула покинул Москву в 1715 г., о. Иоанн Милан провел в Немецкой слободе более 20 лет. Разрыв дипломатических отношений между Россией и Империей стал причиной прекращения деятельности иезуитской миссии. Вновь выстроенный каменный барочный храм, имущество миссии и собрание книг в 1719 г. были переданы священникам из Ордена капуцинов.

Пожар 1812 г., уничтоживший большую часть Немецкой слободы, нанес католическому храму Святых апостолов Петра и Павла сильный урон, тем не менее, еще в середине XIX в. в нем совершались богослужения. В 1877 г. старый храм был полностью разобран. Прилегавшая к храму территория перешла к новым владельцам, выстроившим на ней многоэтажные фабричные корпуса. История латинской школы в саду императорских миссионеров сохранилась только на страницах писем о. Иоанна Берулы и о. Франциска Эмилиана, «славянских священников, католических миссионеров в Москве»[57].

Резюме

Статья посвящена истории латинской школы, существовавшей в Москве на рубеже XVII–XVIII вв. В Немецкой слободе два католических священника из Праги преподавали детям русской знати латинский язык, немецкий язык и основы математики. Генерал Патрик Гордон подарил московской католической миссии библиотеку, содер-

[54] Письма 2010: 195.
[55] Письма 2010: 194.
[56] Письма 2010: 175.
[57] Письма 2010: 69.

жавшую словари, произведения классических авторов, книги по истории и богословию. Уникальные рисунки позволяют представить, как выглядели в начале XVIII в. католический храм св. Троицы, помещение школы и сад императорских миссионеров.

Ключевые слова: Классическое образование, латинская школа, иезуитские коллегиумы, эпоха Петра I

«A Garden of Imperial Missionaries» On the History of Latin School in Nemetskaya Sloboda

I.V. Kuvshinskaya

The article is devoted to the history of Latin school which existed in Moscow at the turn of 17–18 centuries. In Nemetskaya Sloboda two Catholic priests from Prague taught children of Russian nobility Latin and German languages and fundamentals of mathematics. General Patric Gordon presented Moscow Catholic Mission an excellent library which contained dictionaries, works of classic authors, history and theology books. Unique drawings of 18 century make it possible to picture a Catholic church of St.Trinity, a school building and a garden of Imperial Missionaries.

Keywords: Classical scholarship, Latin school, Jesuit college, age of Peter the Great

Литература

Бемер Г. 2002: История ордена иезуитов. Смоленск.

Библиотека А.А. Матвеева 1985: М.

Бруин, Корнелий де 1989: Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.

Гордон, Патрик 2002: Дневник 1659–1667. М.

Гордон, Патрик 2009: Дневник 1684–1689. М.

Давид, Иржи 2010: Современное состояние России, или Московии // Источники истории. Рязань. С. 217–278.

Ковригина В.А. 1998: Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М.

Койэтт, Балтазар 1991: Исторический рассказ или описание путешествия Конрада ван Кленка // Иностранцы о древней Москве. М. С. 374–385.

Корб, Иоганн 1997: Дневник путешествия в Московское государство // Рождение Империи. М. С. 21–258.

Невилль, де ла 1996: Записки о Московии. М.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. 2010: // Источ-

ники истории. Рязань. С. 28–215.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. 1904: СПб.

Флоровский А.В. 1962: Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Вып. 5. М.; Л. С. 316–335.

Цветаев Дм. 1885: История сооружения перваго костела в Москве. М.

Florovský A. 1941: Češti jesuite na Rusi. Praha.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
ДВАМ	Древний Восток и античный мир. М.
КБН	Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НО	Надписи Ольвии. Л., 1968.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
РА	Российская археология. М.

AA	Antiquitas Aeterna. Саратов.
AJA	American Journal of Archaeology. Boston.
BZ	Byzantinische Zeitschrift. München.
CPh	Classical Philology. Chicago.
CQ	Classical Quarterly. London.
FGrHist	Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin; Leiden.
G&R	Greece and Rome. Oxford.
IG	Inscriptiones Graecae. Berlin.
IGB	Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia.
IosPE	Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. V.V. Latyschev. Petropoli.
ISM	Inscripţiile din Scythia Minor. Bucureşti.
JDAI	Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts. Berlin.
JHS	Journal of Hellenic Studies. London.
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names. I– IV. 1987– 2005. Oxford.
OGIS	Orientis Graeci inscriptiones selectae. I–II / W. Dittenberg. 1903–1905. Leipzig.
Poxy	The Oxyrhynchus Papyri. London.
RA	Revue Archéologique. Paris.
RE	Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von A.F. Pauly, G. Wissowa et al. Stuttgart.
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Köln.

НАШИ АВТОРЫ

Белоусов Алексей Владиславович – к.ф.н., старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; abelv@yandex.ru

Гвоздева Татьяна Борисовна – к.и.н., доцент Литературного института им. А.М. Горького; tbgvozdeva@rambler.ru

Кнабе Георгий Степанович (20.08.1920 – 30.11.2011) – российский историк, филолог, философ, культуролог, переводчик. С 1992 г. – главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ

Короленков Антон Викторович – к.и.н., научный редактор редакции журнала «Новая и новейшая история»; sallust@list.ru

Кувшинская Ирина Владимировна – ассистент кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; irina.kuv@gmail.com

Никулина Наталья Михайловна – д.и.н., к. иск., профессор кафедры Всеобщей истории и теории искусства исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Подосинов Александр Васильевич – д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; podossinov@mail.ru

Савина Елена Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка, культуры речи и культурологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, преподаватель латинского языка 19 и 24 гимназий г. Калуги; elenaasavina@yandex.ru

Самохвалова Наталия Евгеньевна – преподаватель кафедры древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; natalija-kl@rambler.ru

Сапрыкин Сергей Юрьевич – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; mithridates@mail.ru

Суриков Игорь Евгеньевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник ИВИ РАН; isurikov@mail.ru

Туманс Харийс – dr. hist., ассоциированный профессор Латвийского Университета, г. Рига, harijs@lanet.lv

Файер Владимир Владимирович – к.ф.н; доцент факультета филологии НИУ Высшая школа экономики; преподаватель Центра образования «Пятьдесят седьмая школа»; librarius@narod.ru

Федосеев Николай Федорович – к.и.н., главный научный сотрудник Керченского историко-культурного заповедника; bospor@bk.ru

Цецхладзе Гоча Ревазович – PhD, профессор университета Мельбурна, Австралия; директор археологических раскопок в Пессинунте, g.tsetskhladze@unimelb.edu.au

Штро Вильфрид – профессор Института классической филологии Мюнхенского университета, Германия; stroh@klassphil.uni-muenchen.de

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСЫЛАЕМЫХ СТАТЕЙ

Редакция журнала обращается к авторам с просьбой присылать статьи по адресу aristeas.classics@gmail.com, оформленные по следующим правилам:

Объем статей не должен превышать 1.5 а. л., рецензий – 1 а. л.

Гарнитура основного (русского) текста *Times*, греческий шрифт в формате *Unicode*.

К статье необходимо прилагать список ключевых слов и краткое резюме (один абзац) на русском и английском языках, а также краткие сведения об авторе (ФИО, ученая степень, место работы, электронный адрес).

Ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора, год публикации, двоеточие, номер страницы. Ссылки на разные работы разделяются точкой с запятой.

Например: Иванов 1999: 536; Jones 1967: 67–68.

Если подряд идут ссылки на несколько работ одного автора, между ними ставится точка с запятой, а фамилия автора не повторяется.

Например: Иванов 1999: 536; 1972: 56–59.

Если в статье упоминается несколько работ одного автора и одного года, они различаются буквами латинского алфавита.

Например: Иванов 1999a: 536; Jones 1967b: 67–68.

Если необходимо сослаться на сноску или иллюстрацию, их номер приводится после запятой.

Например: Иванов 1999: 536, рис. 2; 1972: 56, примеч. 2; Jones 1967b: 67, n. 13; 1983: 45, fig. 3.

Ссылки на древних авторов даются по образцу:

Hom. Il. II641; *Strab.* XV 1, 7 C 687; *Arist.* Poet. 22, 3, 1458 a 22.

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Жмудь Л.Я. 1994: Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.

Burkert W. 1962: Weisheit und Wissenschaft: Studien zu Pythagoras, Philolaos und Platon. Nürnberg.

Для журнальных статей и сборников статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Сапрыкин С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2. С. 45–81.

Меликова-Толстая С.В. 1937: Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля (антология текстов) / Под ред. И.М. Троцкого. Л., С. 155–177.

Tolstoi J. 1927: Un miracle d'Achille dans l'île Blanche // RA. 26. P. 201–206.

Hershbell J. P. 2005: Philostratus's Heroikos and Early Christianity: Heroes, Saints, and Martyrs // Philostratus's Heroikos: Religion and Cultural Identity in the Third Century C.E. / Ed. by J.B. Maclean and E.B. Aitken. Leiden. P. 245–262.

Сокращения. К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке:

ВДИ – Вестник древней истории. М.

RhM – Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main.

Статьи, оформленные не по правилам, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

Более подробную информацию о наших книгах (аннотации, оглавления, отдельные главы) Вы можете найти на сайте: www.s-and-e.ru

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:

1. Назаренко А.В.: «Древняя Русь и славяне». Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы
2. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том I. Античные источники». Подосинов А.В. (составитель) / Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г. и Подосинова А.В.
3. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том II. Византийские источники». Бибиков М.В. (составитель) / Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г. и Подосинова А.В.
4. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том III. Восточные источники». Коновалова И.Г. (составитель) / Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г. и Подосинова А.В.
5. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том IV. Западноевропейские источники». Назаренко А.В. (составитель) / Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г. и Подосинова А.В.
6. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Том V. Древнескандинавские источники». Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. (составители) / Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г. и Подосинова А.В.
7. Столярова Л.В., Каштанов С.М.: «Книга в Древней Руси (XI –XVI вв.)»
8. «Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах» / Ответственный редактор Глазырина Г.В.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ТЕХНИКИ:

9. Котельников В.Р.: «Отечественные авиационные поршневые моторы 1910–2009»
10. Степанов А.С.: «Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 – первая половина 1941 года)»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА:

11. Люттвак Э.: «Стратегия Византийской империи». Edward N. Luttwak: «The Grand Strategy of the Byzantine Empire» / Перевод с английского Коваль А.Н.
12. Позднев М.М.: «Психология искусства. Учение Аристотеля»
13. Суриков И.Е.: «Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин»

14. Суриков И.Е.: «Античный полис»
15. «Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию Подосинова А.В.» / Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Цецхладзе Г.Р.
16. Ревзин Григорий: «Путешествие в Античность»
17. Смышляев А.Л.: «История Древнего Рима от Ромула до Гракхов», учебное пособие
18. Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики»
19. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал. Тома I и II

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ:

20. Антонец Е.В.: «Введение в римскую палеографию»
21. «Вопросы эпиграфики. Вып. 1» / Под редакцией Авдеева А.Г.
22. «Вопросы эпиграфики. Вып. 2» / Под редакцией Авдеева А.Г.
23. «Вопросы эпиграфики. Вып. 3» / Под редакцией Авдеева А.Г.

БЕЗ СЕРИИ:

24. Евсеева Л.М., Лидов А.М., Чугреева Н.Н.: «Спас Нерукотворный в русской иконе»
25. Рашид Ахмед: «Талибан» / Перевод с английского Поваляева М.В.
26. Бибихин В.В. «Слово и событие. Писатель и литература». Собрание сочинений. Том I
27. Фомин А.М. «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за "Османское наследство", 1918–1923»
28. Нориджская Юлиана. Откровения Божественной Любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Дресвиной Ю. Julian of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ:

29. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том)»
30. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том)»
31. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том)»
32. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)»

Журнал носит имя Аристея, греческого поэта VII или VI века до н. э., происходившего из города Проконнеса, который находился на одноименном острове в Мраморном море. По свидетельствам многих античных авторов, и, прежде всего, Геродота, Аристей первым посетил северо-восточную окраину известного тогда мира, т. е. побывал на территории современной Восточной Европы, и написал поэму под названием «Аримаспея», в которой рассказал о живущих там народах. Именно Аристей заложил историографическую традицию помещать севернее Понта Эвксинского (Черного моря) реальных и легендарных скифов и киммерийцев, затем исседонов, аримаспов, грифов и гипербореев, живущих уже на берегу Северного океана. На протяжении многих веков вплоть до Нового времени эти этногеографические представления о Восточной Европе, происходящие от Аристея, оставались доминирующими.

ISSN 2220-9050